Наум Вайман

Новая эра

Часть вторая

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 82-3
ББК 84-4
В12

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Вайман Наум
В12 Новая эра : Часть вторая / Наум Вайман. — [б. м.] : Издательские решения, 2017. — 550 с. — ISBN 978-5-4485-1387-9

Наум Вайман, известный писатель, поэт, журналист, переводчик и исследователь творчества Мандельштама, автора нашумевших книг «Ханаанские хроники» (ИНА-ПРЕСС, 2000), «Ямка, полная птичьих перьев» (НЛО, 2008), «Черное солнце Мандельштама» (Аграф, 2013), представляет третий том эпопеи «Ханаанские хроники» (второй том — «Щель обетованья» — был издан НЛО в 2013 году), интимный и интеллектуальный дневник за 2000—2001 год.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4485-1387-9 © Наум Вайман, 2017

НОВАЯ ЭРА

Третий том «Ханаанских хроник»

Часть вторая

2.1.2001. «Сибирский цирюльник» — сусально-патриотическая слизь. С трудом досмотрел до середины. И Сам в роли царя на лошади — апохуёз. («Красная попона», флигель-адьютанты, жопы, как арбузы, все они поэты, все они красавцы, потные рейтузы.) Зря царю черные очки не надел, Никитушка.

Матвей, привет!

Вся моя ярость перекипела. Евреи ведут себя настолько позорно, что нет сил даже думать об этом. На все теракты министры и генералы отвечают стереотипно: «нет военного решения, все равно в конце-концов с ними же сядем за стол переговоров». Из чего следует — сопротивление бесполезно. В народе нарастает озлобление, апатия, депрессия. А Барак и «левые» закусили удила… Ко всему еще примешивается глухое, но настойчивое беспокойство и за сына (его армейская «карьера» не складывается), и за всех и за всё…

А ты говоришь — Розанов, антисемитизм… Там, где ты «стоишь», позорно быть антисемитом, но там где я «стою» — позорно быть евреем. Евреи бремени ответственности за свою судьбу не выдерживают.

Наум

3.1. *Наум, привет!*

Новое тысячелетие не сулит, видимо, покоя «многострадальной израильской земле». Меня, конечно, тоже угнетает ситуация (сильнее, чем можно было бы ожидать), и остается только догадываться, каково вам трепыхаться на этой горячей сковородке. Неужели «чаша еврейских страданий» еще не «переполнена»? Если евреи действительно «несут бремя ответственности» не совсем так, как хотелось бы, то

все равно непонятно, почему с них такой повышенный спрос…

Всегда твой
Матвей

4.1. «В пустыне не остается следов. Ветер задувает их, как свечи». (Из «Бальтасара» Даррелла.)

Бараш позвонил. Книжку его в Москве мурыжат. Потому что он вроде «из ближнего круга», но «дальнего зарубежья». Хочет, чтоб я почитал его «Московские записки».

Барашу
Значит так. Проза хорошая, читал с интересом. Если бы еще «подтянуть» (или даже сократить!) менее интересные или бледные места (в основном в начале, ты постепенно «расписался»), то потянет на «конфетку». Зачастую непонятны игры со знаком тире. Последний отрывок дидактический, а вот предпоследний — поэтический, я бы и сделал его последним.

Детальные комментарии — см. в тексте, в скобках. И не обижайся на лапидарность, чего нам, как Винокур любит говорить, «жопу мять».

Какая-то местная дура пела «мело-мело по всей земле…» Мело-мело, как помело.

Кто я, что я…, рыцарь печального органа…

… — Я так соскучилась… Ужасно… А ему хорошо?
— Очень хорошо…
— А ему хорошо, потому что тебе хорошо? … Я тебя не ласкаю, я себя ласкаю тобой (крепко обнимая). … Посмотри… (надув губки и жалуясь, показывает синяки на руках). Он меня побил…
— Кто?!

— Любовник…

— Мики что ль?

Кивнула.

— А что случилось?

— Ничего не случилось. Нет, ну не побил, конечно.., схватил за руки… Недостаточно уделяю… Нет, не ревнует. Просто плохо ему, я его понимаю.

— Понимаешь?! А по-моему давно пора с ним завязывать, еще когда он к тебе в школу примчался. Он не умеет себя вести, права качает, подставляет тебя, ты как эти синяки объясняла? Что, не спросили откуда?

— Спросили. Сказала «не знаю».

— «Не знаю». Опасно с ним дело иметь, он истеричка.

— Чего опасно? Убьет что ль?

— Да не в этом дело…

— Алевай![1] Если бы меня убили из-за любви! Чем помирать, слюни пуская от старческого маразма… А ты разве не хочешь, чтоб я тебя убила из-за любви?

— Нет.

— Хочешь умереть глубоким стариком, вонючий и засранный? В большом памперсе, ха-ха-ха?

— Ага.

— Жадный ты. … Ты мой родной… Я чувствую, что люблю тебя… Ты боишься, что я тебя полюблю?

— Нет.

— Ты же мне говорил, что боишься любви?

— В общем, да.

— А чего бояться?

— Любовь разрушает.

— Что?

— Ну.., обыденную жизнь..

— Это обыденная жизнь разрушает. … Ты такой потный… дай в тебе искупаюсь… … Скажи мне «я тебя люблю».

---

[1] Дай-то Бог (ивр)

Ну скажи. Еще раз скажи. Еще. Правда? … У меня была подруга, у нас в школе работала, красивая была женщина, с мужем развелась, детей у них не было, а она была из очень аристократической семьи, случайно уцелевшей, чуть ли не графиня, их три сестры было, и они в глушь уехали и так выжили, родители, конечно, погибли, а они жили, как три сестры Чехова, все мечтали выбраться, но, повыходили замуж.., и вот она поехала к сестре, дней на десять, а сестра как раз куда-то уехала, и муж сестры ее в первую же ночь изнасиловал. Она мне рассказывала, что это было ужасно, отвратительно. И что самое интересное, и она никак не могла это понять и простить себе, что она сразу не собралась и не уехала, а осталась, и так и прожила с ним все десять дней, и вдобавок еще забеременела, и когда аборт делала, я к ней в больницу ходила…

5.1. Давыдову: *Данила, здравствуйте!*

Мы с Вами познакомились в 97-ом, когда я был в Москве, в клубе Тани Михайловской. Вы мне даже преподнесли свой сборник «Кузнечик», который мне очень понравился, и я рад, что наконец представился случай сказать Вам об этом. Кстати, Вам, наверное, известно, что Николай Кононов написал роман «Похороны кузнечика» (читали?)…

Однако, — к делу. А. Бараш дал мне Ваш адрес и сказал, что Вы интересуетесь поэтессой Анной Горенко, очень талантливой, но, надо полагать, малоизвестной в России. У меня есть замечательная книга моего приятеля Володи Тарасова «Анечка». Если Вам интересно, могу Вам послать, только сообщите адрес.

Кстати, если у Вас нет моей книги «Ханаанские хроники», то я Вам с удовольствием ее пришлю.

Всегда Ваш

Наум

Вера в Бога надмирного — это бегство из реального мира, бегство от невозможности выжить в нем, противо-

стоять ему, а бегство — всегда от слабости. Евреи всегда бросают родину и убегают «за лучшей жизнью». Евреи всегда «в бегах». Иудейский монотеизм — это бегство от мира, глобальное и бесповоротное. Мы народ беженцев, и тема Исхода — основной мотив еврейского бытия и еврейской истории. Потому что в нашей культуре нет героизма. И пока не посмотрим этой правде в глаза, пока не станем народом-воином, пока не возненавидим «передышки» и не возлюбим войну, — так и останемся «вечными жидами».

Но с другой стороны, разве льву мертвому лучше чем псу живому? Ведь бегство от этого мира — начало строительства другого, нового. Это как вытаскивание себя за волосы, из омута небытия…

7.1.2001. От Зуса: *ТЕТЯ ЛИЗА СКОНЧАЛАСЬ*
церемония прощания 8 января понедельник 9 утра
морг больницы 33 (Остроумовская)
Миша Хрюков is a caretaker
z
Тетя Лиза не дожила две недели до 80-летия

Зус, спасибо, что сообщил. Пусть земля будет ей пухом. Ее кремируют? Где похоронят? Ты будешь на похоронах? Дяде Мише привет, если увидишь
Наум

От Л: *Давай записки*
Весело убегать от снежной бури на юг, когда черные строгие деревья в белоснежных цилиндрах и кашне переоблачаются в нахальные пальмы, а чернильную щель заката царапает раскаленная головка солнца чтобы поджечь окна встречных машин и растопить заиндевелое молчанием изнутри.

Сама придумала?

Здравствуйте, Наум!

Спасибо за столь высокую (незаслуженно, полагаю) оценку моих давних текстов (признаться, я давно отошел от той стилистики, в которой написан «Кузнечик», если Вам интересно то, что я делаю сейчас, то многое можно найти на сайте «Вавилон»).

Кононовский роман я читал, он очень хорош, хотя, по-моему, несколько слабее Колиных стихов.

По поводу Горенко и Вашей книги: я был бы чрезвычайно признателен, если бы Вы прислали мне их (тем более, я давно хотел писать большое эссе об Анечке). К сожалению, в данный момент я переезжаю на другую квартиру и опасаюсь давать старый адрес; в самое ближайшее время я перешлю новый (или же какой-либо абонентский ящик, которым я смогу воспользоваться).

Еще раз спасибо. С Новым годом!

Ваш

Данила Давыдов

8.1. Поехали с Р в Иерусалим, на авангардистов, коллекция Артуро Шварца.

— Что в субботу делал?

— В лес ездили, грибы собирали. Полно. Мужики? Как всегда, сексуально озабочены. Г. вдруг распоясался, налакавшись винца, обещал телефончик одного «приличного места», там, говорит, хорошие девочки.

— Не пойму я все-таки, как это к проституткам ходят? Вот я пытаюсь себе представить, «пойти к мальчикам», кажется у меня не встал бы. Нет, ноги-то раздвинуть можно, но почувствовать…

— А так, на улице встретить? Какая разница?

— Ну, тут неожиданность… А запланировать, прийти, выбрать — нет, не пойму.

Равнодушно шлялся мимо всей этой «классики» (Миро, Танги, Дали и др.) На обратном пути торчали в пробках.

Разыгралась:

— А ты можешь машину вести, если я тебя буду трогать? А кончить во время езды можешь?

От Л:

мой любимый писатель когда-то говорил мне, что поэтами рождаются…

Так-то оно так, родиться надо, однако это условие необходимое, но не достаточное…

9.1. В Иерусалиме была огромная демонстрация, несколько сот тысяч протестовало против «уступок». Кто-то назвал ее «похоронами государства».

Поехал к Гробманам отвозить «Записки эмиссара». У них пожилая дама, оказалось — жена директора Тель-Авивского музея. Говорит по-русски с акцентом. Гробман лихо матюкался. Написал воззвание, типа «пробудися народ». «Выходцам из». Встанем грудями на защиту Стены Плача. Арабы обнаглели, Стену Плача хотят отнять. Поливали очередной номер «Солнечного сплетения». Ира:

— Ты видел? Ну это просто смех. Посмотри, что они тут насобирали, литературный мусор. Некода невозможно читать, детский сад. И Лена[1] тоже, крик души, о том как она квартиру покупала, машканты всякие, ужас какой-то.

Гробман:

— Ну давай, расскажи какую-нибудь сплетню. Кто с кем спит, я это люблю. Ты учти, не будешь сплетни рассказывать, больше тебя в дом не пустим (Ира неловко хихикает: хозяин чудит). Ну что значит нигде не бываешь, я тоже нигде не бываю, но все про всех знаю. Да, это верно, мы в центре, мы живем очень интересной жизнью, к нам все

[1] Елена Толстая

стекается. Вот сейчас придет художник Л. Из Кельна. Он приехал воевать с арабами.

Поинтересовались, что пишу. Говорю: про героизм.

Гробман:

— Вот про меня и пиши, я жену свою люблю — это настоящий героизм. И живу с ней уже сколько лет — героизм! (Ира хихикает: хозяин совсем раздухарился.)

Пришел художник Л.

Алла у ахб*а*р![1]

Гробман:

— Алейкум салям.

Художник:

— Алла у ахб*а*р!

11.1. От Л:

я тут решила почистить свой inbox и стало жалко стирать письма А.. Захотелось показать тебе, как когда-то...

Date: Tue, 12 Sep 2000 16:05:17

Никогда не спрашивай «помню ли я?» Я помню потолок в том пансионе. У лепного ангела над моей головой было отломано левое крыло. А над плафоном было три трещины. Как я хотел обнять тебя в ту ночь. Как никого и никогда в жизни.

Date: Thu, 21 Sep 2000 19:21:50

Поверь мне на слово, ничего в мире не стоит любви. (прости за пошлость) Но чем дольше живу, тем больше в этом убеждаюсь. Впрочем, это нужно испытать. И если тебе выпадет это, ты поймешь, что имел в виду этот вечно не взрослеющий идиот.

Date: Wed, 27 Sep 2000 11:29:18

Если ты помнишь, я когда-то говорил тебе, в чем твоя уникальность для меня. Первое это то, что у тебя нет

[1] Аллах — мышь. Тут игра слов: акбар — великий, а ахбар на иврите — мышь.

косточки там, где у всех она есть, второе, и самое главное, это то, что у тебя есть маленький насосик. Так вот, каждый раз я умирал в тебе, так со мной никогда не было. Каждый раз была такая звенящая пустота внутри, как будто меня нет. И только очень постепенно Бог возвращал мою душу. Это была самая настоящая смерть и возрождение. Мне трудно передать это чувство словами.

Date: Mon, 16 Oct 2000 15:24:46 CDT

Мы как всегда говорим про разные вещи. Душа умирает и возрождается, когда попадается ПРАВИЛЬНАЯ женщина. Во всех других случаях она умирает безвозвратно. А потом остается пустота, которая зовется одиночеством. Это как болячка, которая начинает затягиваться, все время хочется сковырнуть, но всегда не знаешь, когда уже можно и всегда делаешь это не вовремя. Образуется ранка и все начинается сначала.

Date: Tue, 17 Oct 2000 18:40:20 CDT

Какая путаница у тебя в голове. Как мне жаль. Какое к черту творчество. Не нужно прятаться за ним. Это только в юности понималось: «И умирать из века в век на голубых руках мольбертов». Мы стары, но не мудры.

Спасибо за письма А. Прочитал с понятным интересом. Судя по первому письму, он любил позу «дама сверху». А где твои ответные? Я бы прочитал с еще большим интересом.

От Зуса

я предложил ей еврейский обряд и связался с Авраамом из синагоги, он звонил, однако она не пожелала видеть у себя датиим[1] *из Марьиной Рощи и вообще резонно сомневалась в значимости для себя*

но вся церемония была хуже чем я думал

кроме того и мама, и (предполагаю со слов мамы) Мила

[1] Религиозных (ивр.)

были против ее захоронения рядом с дедом

я надеюсь что Мила выдаст документы на ее урну рядом с урнами бабушки Белы и тети Сони

Миша Хрюков говорил о тебе

он склоняется к еврейству и даже зарегистрировался в общине, вспомнил, что писал тебе о визите своем в Израиль и добавил, что он хотел увидеть тебя во время своей поездки

Зус, спасибо за подробности. От Миши Х. никаких писем или других известий я не получал

Чем ты занят в Москве?

12.1. От Зуса: *Я писал тебе об Акунине*
сегодня иду слушать поэта Лен
пригласил Ахметьев

Поэта Лен кажется зовут Слава, вроде он живет на Западе?
А если ты с Ваней Ахметьевым, то передай ему привет. А Хрюков был в Израиле или собирается?

В любом случае можешь дать ему мой e-mail и телефон.

Жена холодна. Уже давно. Не проявляет «инициативу» (абсолютно), «реагирует» вяло, «принимает» как вынужденную необходимость. Когда «подает позывные», то все время кажется, что играет. Объяснять это возрастом, заботами — глупо. Казалось бы, вывод однозначный: кто-то есть, там и «интерес», и «сексуальное удовлетворение» и прочее. Я уж так про себя и решил. Но возникают недоумения. Почему не скрывает холодность показной активностью? Уже на все наплевать? Мстит? Глупа? А где рикошет от возбуждения на стороне? Я так иной раз, полностью выложившись с Р, еще прихожу домой и с неожиданной для самого себя «злостью»…

Наша сексуальная жизнь всегда была бледна. По идее

она вообще давно должна была меня бросить. То что этого до сих пор не произошло нельзя объяснить только любовью к «дому», присущей «ракам». Может она вообще сексуально слаборазвита и даже не осознает этого? А значит, не было у нее такого любовника, который разбудил бы в ней женщину? Ведь и я только теперь вижу, что сексуально она не «та женщина», которая мне нужна. Да я никогда и не любил ее, только злился на свою беспомощность. Ведь с Л все гораздо (несравненно) лучше. А с Р так и вовсе сказочно…

14.1. Володя звонил. Вернулся из Европы. Виделся в Париже с Хвостом, в Тюбингене с Волохонским. Цветков на его «призыв» не отреагировал, а в Вене у Бренера он провел шесть дней. За пять часов до отлета Бренер его выгнал, сказал: «Уебывай из этого дома».

— Вот именно так и сказал. Не знаю, они меня так хорошо приняли, но через пару дней я стал чувствовать с его стороны какое-то раздражение, недоброжелательство. А в последний день они сели завтракать, они всегда садились без меня, я вставал поздно и завтракал один, а тут они, видимо, решили меня подождать, а я же не знал, пошел мыться, принял душ, слышу, он мне кричит: «Ты скоро?», ну я подумал, что ему ванна нужна, ну подождет, чего, стал зубы чистить, а он вдруг в дверь заколотил, заорал чего-то, он же псих, а у меня паста во рту застряла, я даже сразу не мог ответить, а он убежал, ну, в общем, когда я вышел, он мне и сказал: «Уебывай из этого дома». Мог и подождать еще пару часов… Они теперь рисуют, какие-то похабные рисунки, но вроде зарабатывают этим.., раньше ее отец их содержал, а он недавно покончил с собой…

Матвей, привет!

У меня возникла мысль послать книгу Дугину («националисту»), но не знаю его адреса. Ты не сталкивался? И еще у меня вопрос: как по латыни «Человек спасающийся» (типа

«Homo ludens», «Homo necans» и т.д.)?

Всегда твой

Наум

От Макарова-Кроткова:

Наум, привет!

У меня тут возникла несколько безумная идея. Я хочу сделать книжечку из одного стихотворения, переведенного на разные языки. Ну а если книгу издать не удастся, то хотя бы устроить акцию с чтением этого стихотворения.

И у меня к тебе огромная просьба. Не мог бы ты перевести на иврит вот такой мой стишок:

СТИХИ ДЛЯ КОШКИ

Кис-кис-кис

Кыш-кыш-кыш

Буду тебе очень признателен. Саша

Дорогой Николай!

Что-то я соскучился по вашим язвительным письмам. Как там погода в Питере?

А у нас «европейское» лето: воздух и вода — 19 градусов, и солнечно. Дожди бастуют.

Наум

Р выглядит устало.

— Как дела? — спрашиваю.

— Да… так. А у тебя?

— Нормально. Ты плохо себя чувствуешь?

— Не очень, я сегодня на работу не пошла, хотя голос уже вернулся. И не спала уже несколько ночей…

— Чего?

— Не знаю…

Когда вошли в номер, упала на кровать:

— Тебе придется потрудиться, чтоб меня расшевелить.

— Эти труды мне по душе…

Так раскочегарились, что когда кончил, она резко спихнула меня с себя. Обычно еще долго любит понежиться, помурлыкать… Лежит отрешенная, с закрытыми глазами, тяжело дышит. Только через минуту пришла в себя. Притулившись к плечу, улыбнулась.

— Ух, какой ты… Со мной еще не было, чтоб я попросила пощады… Почему ты мне не попался тридцать пять лет назад?

— Тридцать пять лет назад? Когда мне было восемнадцать? Я бы тебе не понравился.

— Ты?! … А ты знаешь, я думала о том, что ты мне рассказал о злоключениях своей юности… Мне кажется, что я бы тебя вылечила.

— Да ты бы из меня человека сделала. Я прожил бы совершенно другую жизнь…

— Я всегда любила, когда кончают быстро и много… А ты можешь раз пять-семь?

— Пять… может быть, но… — я покачал головой.

— Что?

— Придется уползать на четвереньках.

— Ерунда. … А сегодня еще будешь с женой?

— Не знаю…

— Не надо, прошу тебя… Я не хочу… Ну хотя бы завтра утром, обещаешь?

16.1

Дорогой Наум, привет!

У меня какая-то фигня все время, то есть я пишу и ни на что толковое не способен. У нас все по нулям — как в сортире 00. Из этого всякие депрессивные токи. Я даже в Египет что-то из-за лени не собрался, хотя цены смехотворные. Ну ладно, поживем, увидим.

Все литературные игры мне остопиздели, одна суета, и все-таки она что-то забирает. Сидим тут в Питере тихо-плотно, тряпки жжем, когда сильно пахнет, то смеемся. Я вот собираю новую книжку стихов для издательства НЛО. В минувшем году меня не наградили еще и премией Андрея Белого, но в короткий список впустили, и вот издательство проявилось, что тоже неплохо. Пусть баражжадина боголюбивый порасстраивается. Правда, его расстройство меня не очень утешает.

Вот затеял я роман. Хуже прежнего. Пишу и пугаюсь своей наглости нетолерантной. Хочу, чтоб герой был без эдипального анамнеза. И что из того получится с бедным человеком. Уже много (для меня) написал, но быт и бизнес не дают распрямиться во весь рост.

Хотел Вас, дорогой Наум, вот о чем расспросить. Вы знали Евг. Харитонова. На него сейчас тут «чистый хош». Говорил ли он Вам что-либо о своей семье — отце, матери. Особенно об отце мне интересно. Помните ли? Вообще вспоминал ли?

Это связано с тем, что я пишу об отношениях мальчика, подростка с отцом. Но сюжет странный. Четырнадцатилетний мальчик видит его один раз в жизни — на осенних каникулах. И мне важны подробности. Но это так, к слову пришлось.

Пишете ли Вы что-либо? Статьи присылайте, мне оч. понравилось. Я Вам писал о Вашей вывернутой розановщине. С этим не стоит расставаться. На фоне общей обесценки, хуеплетства и замены вагины анусом. Жар, жар нужен! За него все простится.

Вот я представляю, как сейчас хорошо в зеленях обедать, коль деньги есть. «Иерусалим неделим». Хороший слоган для рекламы сигарет или кока-колы. Вообще ничего нельзя делить, пока я не побывал в Святых местах! Я этого настоятельно требую. Вообще Клинтон мудила, план его — говно, сколько арабам ни давай, им все мало. Ведь засрут только.

Ну вот и все новости.

Ваш
НК
Пишите

От Л:

а ты мои письма переписал, или только сжег? Если будут еще письма, пошлю, но не предвидятся. С тех пор больше не было. А почему не комментируешь? У мамы есть целый чемодан с письмами А.

Ну что, человек культурный, все цитирует… «Насосики», хм… А ты тоже чувствовала, что он «твой мужчина»? Какая у вас была «степень синхронизации»?

И почему «между вами все кончено»? (Если между вами все кончено, значит между вами все было?) В смысле писем?

Я сжег только те, что переписал, но большинство осталось. А то, что переписал (давно) — на другой, старой программе и надо переводить на новую. Но не соберусь никак, нет времени.

Дорогой Николай!

Короткий список премии Белого и книжка в НЛО — это все «этапы большого пути», поздравляю. И здорово, что пишете, я уже предвкушаю… Если захотите послать кусочки, буду очень рад. С Харитоновым, к сожалению, помочь не смогу: знакомы мы были не коротко, и своими воспоминаниями он со мной не делился.

А я все копаюсь с «философическим» текстом, и надоело уже, но доволен хоть тем, что провоцирует на чтение. Самому иногда страшно, какие «серьезные» книжки приходится открывать, всякую там «социальную антропологию»… Если удастся «закруглить», непременно поделюсь.

Всегда Ваш
Наум

18.1. Собрание в подвале кафе «Осло». Человек трид-

цать. Старая гвардия. Собрание ведет Аарон Амир. Рядом с ним (вроде призидиума) редактор «Геликона», тоже Амир, выглядит разбитным местным жидком. Прочитал его письмо в «Хаарец» насчет иврим — жуткий невежда. Из знаменитостей проф. Бен Порат, но быстро ушел. В углу группа чудиков с Хевронского нагорья призвала к революции, провозглашению в горах государства Иудея и к войне со всем миром (тут Порат и ушел). Но Аарон, похоже, видит в них воплощение идеи «иврим», сильно к ней привязан. Еще одна попытка «отменить евреев», только с другой стороны. Впрочем, может сойти за товарный знак.

Попросил меня выступить, от имени русской алии. Пришлось его разочаровать: надо думать, говорю, не о том, как создать новую нацию, да еще привлекая в свои ряды арабов, а как сохранить старую. Впрочем, говорю, в арабах-то я уверен, они на эту идею никогда не клюнут. Тут посыпались рассказы ветеранов об арабо-еврейской дружбе. Один крепкий старикан вспомнил, как в двадцатые годы играл в футбол с арабскими пацанами на пустыре между Тель-Авивом и Яффой (это была нейтральная полоса), и как они, чтобы создать равные команды, перемешивались и в борьбе за свою команду забывали о национальности и вражде. Ради командной вражды забывали о национальной…

Наум, привет!

Если хочешь выйти на Дугина, загляни на сайт LENIN. Этот антисемитский сайт основала и ведет еврейская (естественно) супружеская пара — Вербицкий и Фрумкина. Дугин там у них идеолог и самый частый и почетный гость: сайт пестрит его публикациями.

Вот что мне пришло на ум
В эти поры:
Не ходил бы ты, Наум,
В жидоморы.
В Черной сотне, дуролом,
Псы найдутся.
Без тебя они с жидом
Разберутся.
То Содом идет на ум,
То Гоморра.
Не ходил бы ты, Наум,
В жидоморы.

Всегда твой
Матвей

19.1. От Л:

Сон: лежу больная в кровати. Ты приходишь меня навестить, а за тобой в комнату входит Р, ты берешь мою руку и целуешь, а я замечаю, как она нетерпеливо скучает. Тогда смотрю тебе в глаза и думаю (говорю?) — ты давай радуйся жизни, я же для этого и уехала, да и не могу больше, а дама скучает. А она легонько тебя подталкивает, и ты ложишься на спину на мою кровать и ноги с колена свешиваются. Она расстегивает брюки, садится на стул и приступает к своей любимой игрушке. Но у нее ничего не получается. Я даже вижу как она достает из сумочки какой-то крем в дорогом хрустальном флаконе и смазывает им руки. Тем временем я пытаюсь под шумок высвободить свою руку из твоей, но ты держишь очень крепко и не даешь. А я так стараюсь, что выпрыгиваю из своего тела и, уже сверху вижу как твой вулкан извергается. Но… вдруг чувствую, что рука по-прежнему в твоей и ты тоже со мной над — вырвался, как ракета из носителя. И говоришь — ты меня вытащила в последний момент, еще до взрыва, и теперь я тоже свободен… и прос-

нулась в холодном поту

Матвей, привет!

На счет стихов ты, конечно, мастак. Что касается Дугина, то, во-первых, спасибо за адрес, а насчет жидоморов, то «отсюда» все видется иначе, тут у нас интервью с ним публикуют (отчего я и вспомнил, что он еще «не охвачен»), но я твои соображения обдумаю, может и не стоит. Меня периодически охватывает лихорадка активности, все кажется, что недостаточно сделано, чтоб мир оповестить… Хотя, из этой книги вряд ли можно еще что-то «выжать».

Чем ты занят? Что читаешь? Какие вообще новости? У нас, как ты знаешь, выборы на носу. Барак, судя по всему, продует и с треском, но я боюсь, как бы он перед крахом не подписал чего-нибудь вредного. С него станется. И еще опасность, что перед самым финишем они (левые) поменяют лошадей: вместо Барака поставят Переса. У того по опросам общественного мнения позиция предпочтительней. Какой бы нелепой и позорной (для Барака) такая замена ни казалась, она по закону возможна.

Наум

С утра шел дождь. Поехали с женой в музей Рамат-Гана, там выставка Александры Прегель: из семьи Цейтлиных, была ученицей Гончаровой, вышла замуж за ядерного физика, который участвовал в проекте «Манхеттен». С 1919 жила в Париже, с 1940 — в Нью-Йорке. Впрочем, первый муж Анны Томаркиной-Цейтлин и отец Александры вроде русский, Берстеньев. Сама — как бела лебедь. И в картинах ее такая меланхолическая белизна… Лучше всего — натюрморты в белесой гамме: батистовые платочки, ромашки, вербы, стаканы с водой. Музыка меланхолии.

Еще там была выставка местных «русских». Понравился Заремба. Басин «мутный», черно-коричневая муть. Окунь, как всегда, масштабно натуралистичен. Огромный три-

птих «Растения»: пирамида прямой кишки с зелеными веточками наверху и «мозги», такая куча мозгов, вроде кала…

Вышли — и дождь перестал. Солнышко. Поехали в парк. Он был пуст, промытый дождем, травка молоденькая… Сказочный, неожиданный, почти английский пейзаж: стриженые кусты, клумбы, пруд с мостиком, луга, стена высоких деревьев вокруг…

Домой пришли: дернули виски, по борщу, и в койку.

— Как хорошо ты меня сегодня выгулял, а потом вые… Йом кейф[1].

Эпистолярный роман: паренек из Ашкелона законтачил по Сети с девицей-арабицей, встретился с ней в Иерусалиме, каким-то образом она завлекла его на «нейтральную полосу», где цветы, необычайной красоты, а по дороге в Рамаллу ее машину остановили люди в масках и парнишку убили. Мать на похоронах кричала: «Интернет убил его!» Не арабы, а интернет. А вообще — затейливый способ убийства. Осваивают новые технологии…

Макарову-Кроткову

Саша, привет!

Задача по переводу оказалась неоднозначной (и это не удивительно). Дело в том, что в практике здешнего разговорного языка нет единого обращения к кошкам. Как правило, в качестве такого «обращения» употребляются невразумительный звуки типа «пс, пс». Можно предложить такой вариант:

Куш-куш, куш-куш
Кышта-кышта

Куш-куш — это в большей степени ласковое обращение,

[1] День каникул (ивр.)

когда гладят кошку, но можно и позвать. Иногда так называют и женский орган (кус), та же связь вроде и в английском.

А можно и так сказать:

Мицы-мицы, мицы-мицы (с ударением на первом слоге)

Кышта-кышта, кышта-кышта (тоже с ударением на первом слоге и «ы» не очень «глубокое», ближе к «и»).

А название «Стихи для кошки» переводится как «Шир ле хатула»

Всегда твой

Наум

Дорогой Наум!

Спасибо огромное. Как только я буду пытаться что-то делать с книжицей или устраивать акцию, я сообщу тебе.

Наум, а не мог бы ты написать этот текстик буквами иврита и послать его «на скрепке». Просто, если действительно в конце концов будет книжка, хотелось бы чтоб был настоящий оригинал. А под ним я уже дам транскрипцию.

Обнимаю. Привет от Стеллы

Саша

21.1. *Матвей, привет!*

Читаю Мосса (о магии) и восхищаюсь. А также Доддса об «иррациональных греках», очень толково, как приключенческий роман читаю. Все танцую вокруг «подопечного»…

А у нас выборы финишируют, Барак абсолютно уничтожен и остался один. В отчаянии пытается договориться с палестинцами, они, конечно, не против, понимая, что он загнан в угол и готов на все. Но его за последние выкрутасы (судьбоносные переговоры за две недели до выборов, не имея не только поддержки в Кнессете, но и не имея пр-ва, подав в отставку.., да чего там говорить…) атакуют уже «свои», которые готовятся, как говорят, «ко дню, что после».

Да еще «рабочий класс», а вернее профсоюзная бюрократия пытается урвать кусок перед занавесом и грозит все-

общей забастовкой. Самое удивительное во всем этом, что шекель не падает, и даже биржа как-то держится…

Наум

22.1. Взял с собой на подмогу огромную силиконовую колбасятину.

— Ты никогда искусственными членами не пользовалась? Вибраторами там всякими?

— Нет. А ты хочешь попробовать?

— Ну… можно.

— Может, ты и принес?

— Догадливая.

— Ну, давай.

— Стал доставать, шуршать пакетиком.

— Ну, покажи. Ты чего, стесняешься?

— Стесняюсь.

Под одеялом надел на колбасятину гондоньеру, согрел между ног, но от нее прячу, она ощупывает, стали «играться»… И вот, погружаю оную, осторожно, двигая взад-вперед, удивляясь, что свободно ходит, а главное — до конца! А колбасятина, как у жеребца! У меня, по сравнению с ней — наперсток. Чувствую — разогрелась, реагирует. Теребит мой наперсток, а он от ужаса сжался. В общем, поиграились мы таким макаром и… перестали. Вытащил я, и тут она схватила:

— Дай, дай посмотреть!

Почти вырвала. Как увидела его перед собой заржала на всю гостиницу. С трудом успокоилась. Перешли к анализу.

— Ну что, можно, конечно, кончить. Запросто. Только привыкнуть надо. Я просто не могла сосредоточиться. Все думала, а тебе-то это зачем? Ты-то что чувствуешь? Тебе приятно?

— Ну…

— Правда, объясни, что здесь для тебя важного? А может ты тоже хочешь…

— Слушай, — смеюсь, — надоели мне эти подозрения в гомосексуальных наклонностях.

— Непонятно. Раз ты притащил, значит тебе это важно. Что же?

— Это как наблюдать со стороны, вуайеризм называется. Возбуждает. Ты когда-нибудь видела, как другие делают?

— Видела.

— Ну, возбуждает?

— Возбуждает.

— Ну вот.

Это объяснение ненадолго ее удовлетворило. Надолго удовлетворить ее вообще невозможно.

— А ты иногда фантазируешь?

— Нет. И никогда не фантазировала. И вообще я предпочитаю дедовским способом, но любую фантазию готова претворить в жизнь.

— Понимаешь…, мужчине всегда хочется произвести на женщину «глубокое впечатление».

— В смысле глубины?

— Ну, и это тоже.

— Во-первых, самое чувствительное место у женщины это в начале, а не в конце, так что глубина…

— Ну, у кого как…

— И потом.., не знаю, мне с тобой очень хорошо, ну просто… я с ума схожу, ты великолепный любовник, великолепный, так что все твои комплексы — зря. Ну, а если хочешь его приносить, приноси. Нет, мне все равно, если ты хочешь. А ты ему имя дал?

— Имя?

— Ну да, надо его назвать как-то.

— Хм…

— Просто хуй что ль? … Ха-ха-ха! Застеснялся! … А ты про куклу фантазировал?

— Фантазировал.

— Ты вообще, наверное, склонен к фантазиям. Художе-

ственная натура. … А я подумала, ты принес, чтоб от меня отдохнуть.

Рассказывает про подругу в школе: любила одного, но не давала, а когда выяснила, что у него кто-то есть, стала с ним жить. Потом забеременела, даже женила его на себе, но через пару лет они развелись…

— Когда стала с ним жить, поразила меня: говорит, я отдала ему самое дорогое, ха-ха-ха! Надо ложиться в постель не для того, чтобы «отдать самое дорогое», а чтобы взять самое дорогое.

— Это надо выбить золотыми буквами.

25.1

Компромисс — детище рационализма, жертва — детище вдохновения. Компромисс делает жизнь «приемлемой», но «обесточенной», если пользоваться электрическим термином, обездоленной, в смысле «высшей доли», он ведет к «выветриванию» духа. Жертвенность делает жизнь огнедышащей, но вечно возобновляющейся. Компромисс все стирает своими могучими жерновами, стирает в «муку». Жизнь становится, как кругляш гальки, гладенькой… Компромисс губит, жертва обновляет.

26.1. Позвонил Володя, сказал, что едет к Баембаеву, можем повидаться. Звоню Баембаеву:

— Рома? Привет. Слушай, Володя сказал, что собирается к тебе нагрянуть, ты не против, если мы вместе нагрянем?

Нет, он не против, даже, как показалось, рад. По дороге я зашел в «Экслибрис» купить еще Сукачева, да и девушка мне понравилась. Она еще посоветовала группы «Ноль», «Ва банк», Дмитриевича, которого, правда, не оказалось. Понравилась мне девушка, и я ей книжку свою преподнес.

— Ой, только надпишите! Мне никогда еще писатели книжки не дарили!

— А как вас зовут?

— Маргарита.

— Ого.

И надписал: «Маргарите от Мастера». А хули. Попросил позвонить, когда Дмитриевский будет (ждут нового завоза). «Эх, хорошая девушка», подумал непонятно чем окрыленный дедушка и поспешил к Баембаеву…

Баембаев переехал. В том же доме на улице Раби Меира, только со двора, муравейник с тайландцами, узенький проход, слышу вопли Тарасова. Комната такая же, вместе с кухней, только нет лестницы наверх, а проход в темную комнатуху, там матрац неубранный — спальня. Тарасов был уже в изрядной накачке: лакали бренди, закусывали редиской с зеленым луком, копченой колбасой и черным хлебом. А я зачем-то притаранил земляничную наливку и банку шпрот. Шпроты пошли в дело, а наливку пришлось самому, так к концу всю бутылку и оприходовал. Баембаев:

— На клубничку потянуло?

— Это земляничная.

— Аа! Клубники-то здесь завались, а вот землянику я уж не помню, когда в последний раз…

Тарасов был в разгаре витийства, речь шла о пропаже архива Бокштейна.

— Но если он на помойке, — мягко убеждал Баембаев, — то все, Володя, дело конченое.

Но Тарасов не унимался.

— Не, Наум, ты послушай, я тебя сейчас введу в курс… Мне нужна будет ваша подпись. Я хочу их выебать, понимаешь? Вы-е-бать!

— Если все на помойке, то это бесполезно, — эхом отозвался Баембаев.

— А в чем собственно…

— Я тебе сейчас все объясню, — горячится Тарасов. — Было такое постановление, обязывающее Амидар[1] закрыть

[1] Государственная компания по предоставлению социального жилья

квартиру и ничего в ней не трогать. А они вселили туда людей, понимаешь?!! Ну и те, конечно, всё оттуда выкинули. Тысячи книг, рукописи, ну все! Я хочу их наказать, понимаешь? Их надо наказать, этот вонючий Амидар, блядь, этих пидарасов!

— Как наказать, не понял?

— Полтора миллиона! Я хочу содрать с них полтора миллиона! Эти книги стоили бешеные деньги!

— Но ты же не наследник.

— Да я не для себя, блядь! Деньги старухе пойдут, этой ду-уре! Этой его двоюродной сестре!

— Так тебе нужна доверенность, — строю из себя человека сведующего.

— Это будет, я с ней договорюсь, не волнуйся. Мне нужно письмо, от солидных людей, таких как ты, как Баембаев (мы с Ромой, польщенные, переглянулись)…

— Ты что, не понимаешь, — подключился Рома, — у них же батарея адвокатов, какие полтора миллиона?!

— Полтора миллиона! Я хочу их вы-е-бать! Понимаешь?

— А на миллион двести тысяч, — бросает Рома, — ты не согласен?

— Согласен.

— А четыреста тысяч — плохо? — торгуется Рома.

— Сто тысяч долларов? Минимум.

— Даже сорок было бы неплохо, — не отстает Рома. — Ты сначала поговори с этим своим другом, адвокатом…

— Я поговорю. И я их вы-е-бу! Представляешь, какие суки?

— Я чо-то не пойму, — говорю, — ты хочешь им отомстить, или ты хочешь заработать?

— Отомстить!

— Кому?! — вмешивается Рома. — Это же контора! Это же не конкретные люди! Я даже подозреваю, что не они виноваты, а они перепродали свои права на эти дома другой фирме, а та сдала и все…

— Нет, эти пидоры из Амидара, я их вы-е-бу!

— Ну да, проклятый Амидар, проклятый Израиль и весь мир.

— Это антисемитизм, — влезаю.

Володя вдруг покосился на меня с пьяной, но осмысленной усмешкой: «Хха!» Я продолжаю:

— Позвольте подвести итоги. Во-первых, мстить тут некому. Они же не могут закрыть эту квартиру навечно. Она была закрыта, надо было за это время вывести архив, если бы ты всю эту энергию потратил раньше на то…

— Я хотел взломать дверь!

— Да не дверь ломать, ты же собираешься сейчас бежать к этой старушке, получать доверенность, потом к адвокатам, если бы побегал раньше, то может и получил бы…

— Не, ну сейчас-то, сейчас-то что делать?!

— Так я говорю, мстить некому, это глупо. Теперь в смысле заработать. Во-первых, ты ничего не получишь.

— Я же говорю, — поддержал Рома.

— Ты не веришь?! Значит сидеть сложа руки?!

— Дай договорить. (Я чувствую, что опьянел.) Денег ты не увидишь, потому что серьезных нарушений закона, я уверен, здесь нет. А вот общественную кампанию под культурным соусом, мол, погиб архив великого поэта из-за равнодушия чиновников — на этом можно заработать! Под скандал на почве культуры могут пригласить на телевидение…

— Меня уже пригласили.

— Вот, пригласить на телевидение. Там, кстати, и отомстишь, и выебешь этих чиновников публично. А главное, под скандал, чтоб его замять, они таки да могут дать деньги, но не в карман, а под культурный проект: выпустить книгу, сделать фильм, на это они могут дать, чтобы отмазаться, выглядеть чуткими…

— И с налогов спишут, — подключается Рома.

— Это лучшее, — продолжаю, — а главное, реальное,

что ты можешь сделать для Бокштейна.

Еще долго шумели на эту тему. Потом разговор переключился на загранпоездку Тарасова.

Володя: В Париже я был у Хвоста. Это было совершенно великолепно. У него театр. Анри ему пишет и дарит, ты, говорит…, только имени моего не упоминай, ну, Анри это вообще… А какие у него внизу римэйки! Пиздец! (Тут его характерно завернуло винтом.) Хочу его пригласить в Израиль, но проблема с актерами, у них нет паспортов, и они боятся, что их не пустят обратно.

Рома: Их и сюда не пустят, ты что. Кто им визу даст?

И они опять заспорили.

— Но самый замечательный город, конечно, Рим! Рим — это пиздец! Полный пиздец! Сикстинская капелла — полный пиздец!

Ну и пошло, уже в крик: Микеланджело, Караваджо, Рафаэль, который Микеланджело в подметки не годится.

Рома: Ну, Микеланджело художник средний, а поэт никудышный.

Володя: Поэт никудышный?!

Я: Не знаю как поэт или как художник, но скульптор он охуительный. Я в Академии флорентийской…

Рома: Микеланджело никудышный поэт, средний художник, скульптор — ничего, но он совершенно гениальный архитектор.

Я: Ну, не знаю. Эти его «Рабы», будто рвущиеся из камня…

Рома: Так незаконченные! Незаконченные вещи у него гениальны! Но там где он мрамор вылизывал…

Еще кричали о каком-то перформансе, на котором Рома читал, а Петя вдруг выставил публике жопу. Рома:

— Ты же знаешь, какая у Пети жопа? Вот такая! — Он широко развел руками и все согласно закивали. — Он перед этим ее еще плохо вытер, даже, кажется, бумажка торчала. Вот это был перформанс!

Потом Бренеру мыли кости. Рома его тоже не жаловал.

Володя защищал, называл «дерзким», ссылался на его мировую славу. Стали делить знакомых на тех, кто «делает карьеру» и кто «настоящий». Даже Генделева помянули.

Рома:

— После сорока они уже только о деньгах думают. Причем Генделев еще честный парень, просто бросил литературу и все, а какие-нибудь Кунцы…

Володя:

— Ну, Кунц отвратителен.

Рома:

— Бьют на жестокость, уродство, страх. А простой человек в сущности хочет повеселиться и не очень-то боится Апокалипсиса.

Рома теперь поет песенки, поставил нам записи. Ничего, эффектно. Показал статью про него в «Хаарец», большую, с портретом, называется «Последний дадаист». Володя похвастался, что скоро встретится с Соколовым, тот должен в понедельник приехать в Тель-Авив.

Володя мне:

— Если тебе нужно что-то передать ему, пожалуйста.

Великодушен. Даже обещал привести его к Роме.

Рома:

— Приводи, все-таки он мужик нехуевый.

Володя:

— Самый нехуевый!

28.1. Пятерик вогнал. Рекорд. Три в отеле и два дома, до и после. Не зря всю неделю ходил «злой». Каждый раз у нас все лучше и лучше. На этот раз ей удалось высосать, долго работала. Потом размазывала, по себе, по мне. Любит это.

— Родной ты мой.., ты стал мне такой родной. …. Скажи, а правда ты стал более внимательно к себе относиться? Ну, чуточку стал больше себя любить?

— Да, пожалуй, что так

— Правильно, надо себя любить. Если себя не любишь,

то как же можно любить других?

30.1. «Как вульгарная магия является обычно прибежищем отчаявшихся в самих себе, тех, для кого и человек и Бог стали одинаково чужды, так теургия превратилась в убежище отчаявшейся интеллигенции, которая уже чувствовала „очарование бездны“». (Доддс) Как будто про Серебряный век написано…

В основе «магической реакции», как считает Доддс, «бессознательное бегство от тяжелой ноши индивидуального выбора, который открытое общество налагает на своих членов».

В каком-то смысле к магии можно отнести и почитание письменности у евреев, всяких «священных» и «тайных» книг. В письменности есть что-то сакральное. Ведь пером водит «душа», что-то в человеке, что не вполне он сам…

«Человек — это бог, который может умереть». (Аристотель)

31.1. Прелюдия к тишине… Неплохое название. Только чего?

Жена: Ты мой доктор

Я доволен, кажется, довел до кондиции. Теперь, как говорится, не стыдно женщине в глаза посмотреть.

Были в тюрьме у Юваля. У него вид загнанного в угол.

1.2.2001. Пустые корты. Рассвет. Безмолвие. В небе мерцают клинья журавлей. Будто чешуя рыб, вынырнувших из глубин на свет. На север летят. То ровный клин, то трепещущий, порванный. Иногда какая-то птица отстанет, машет крыльями изо всех сил, пытается догнать, но отставших не ждут…

А чуть позже разбуженный мир уже грохочет моторами, воронье всполошилось…

Муж Р в больнице, операцию сделали.

— Какое-то сухожилие в руке, я в этом ничего не понимаю. Но когда увидела его в больничной пижаме — мне просто плохо стало. Больница превращает человека в ничто. И вообще, все это грустно… Такой был здоровый мужик, никогда ничего не болело… А я ночь почти не спала, что-то холодно было, зуб на зуб не попадал.., да, наверное, я не могу быть одна, а спать тем более. Муж у меня такой горячий, с ним всегда тепло… Любая форма нивелирует, но больничная пижама… Я почти прочитала. Но ты зря меня пугал, что будет скучно, я даже словарь взяла на всякий случай, но ничего, разобралась. Ты очень красиво написал, я читала с удовольствием. Молодец. Ты умница. Мне нравится, что ты умница. И я хочу твои щечки подержать. Ты опять похудел, они уже ладони мои не наполняют… Нет, я хочу.., да, как у хомячка… Скажи мне еще раз, ну скажи…

«Разведчики недр». Название порноромана.

Верник собрался к Добровичу:

— Мне надо отдохнуть, Нюма. Я уже тебе говорил, что нас теперь пятеро в квартире, не считая собаки и кошки. Это трудно, Нюма. Я полежу у него на диване, полистаю книжечку, а если соберусь с силами, то позвоню тебе. Да, может, что и получиться.

«Религия — это то, что человек делает со своим одиночеством» (Уайтхед). «Меня пугает безмолвие этих бесконечных пространств», пишет Паскаль.

Мир пугает, он враждебен. Познание — способ завоевать мир, вобрать его в себя. Познание — это экспансия. Она восхищает величием, но не греет одинокую душу. Овладение миром не примиряет с ним, да и призрачно.

Бараш злится: книгу его в НЛО мурыжат. Обещал перекинуть новый текст. Что ж, его проза мне нравится больше. Стихи не прощают вымученной многозначительности.

Позвонил Ф. Встретились, погуляли у моря. В конце прогулки меня объял ужас: зачем?

От Ф: *Такое счастье — видеть тебя, идти навстречу. Ты мне очень дорог. Спасибо за текст, пришли продолжение и эссе, хорошо?*

Целую

Бросился писать ей письмо.

Ты сказала: то что произошло тогда осталось для тебя непонятным. То есть это мучает тебя до сих пор. И, как я понимаю, тем более тебе непонятно это внезапное «возвращение». Насчет последнего я попытался объяснить (у затуманенного моря) … Да, меня в последнее время обуяла, странная для меня самого, «сексуальная мечта». Я вдруг магически сосредоточился в одном месте твоего тела, не думая ни о чем другом. Я говорил себе: ты не должен звонить (писать), но… Это было почти наваждение…

А теперь я попробую объяснить то, что произошло со мной тогда. Это не произошло внезапно, а накапливалось. Накапливалось чувство несвободы. Ощущение тяготы. Ощущение клея… Возможно, я был неправ, но я чувствовал твою зависимость. И это ощущение лишало меня независимости. Я чувствовал, что чем дальше, тем тяжелее для тебя будет «конец романа» (а он неизбежен). Осознавать, что рано или поздно принесешь кому-то «болевые ощущения», согласись, тягостно. «Роман» превращается в «постановление об отсрочке казни». И вообще, чувствуешь себя каким-то к чертовой матери Печориным… Пугает не то, что женщина «счастлива» с мужчиной, а то, что она несчастлива без него. И тогда у мужчины возникает чувство «костыля». Одно

дело вместе радоваться жизни, а другое дело чувствовать себя «костылем». Нельзя никому давать ощущение, что ты несчастлив. Увидев тебя, я опять ощутил тяжесть. Невыносимую тяжесть. Я ощутил, что ты «падаешь» на меня. Даже тогда я еще ощущал, что ты «держишь дистанцию», а теперь и это чувство исчезло. Я понял, что совершил ошибку.

Нет, такое письмо нельзя отправить…

4.2. В субботу разгулялся ветер, но все-таки поехали в лес. Гуляем, три старых мужичка, разговоры о вечном:

Мирон:

— Она вообще дико в меня влюблена…

Я:

— А не страшно? Тем более что она не замужем?

Мирон:

— Очень страшно, я же несколько раз пытался порвать с ней, но в конце концов…

Аркадий:

— А у меня одна знакомая, жутко вспомнить, покончила с собой. Ну, можно сказать из-за меня, да. И Бог меня уберег. Что у меня ничего с ней не было. Она, конечно, очень хотела, но я чувствовал, что здесь что-то не то. И вот — уберег…

Мирон:

— У меня было похожее. Подруга невесты моего приятеля, как-то на вечеринке мы с ней рядом сидели, она была некрасива, но не лишена сексуальности, знаешь, бывают такие, некрасивые, но…

Я: Трахнуть можно.

Аркадий рассмеялся.

Мирон:

— Да, так мы, помню, очень мило побеседовали, потом может пару раз еще виделись, тоже на общих таких мероприятиях, а потом я пошел в армию, и вдруг стал получать от нее письма. И вроде так ни о чем, я не придал им особо-

го значения, только удивился, а потом узнал, что она пыталась покончить с собой. Ну и эти письма, конечно, уже.., ясно, что она была в меня влюблена…

От Зуса: *Нёма, я тебя уверяю, Израиль будет процветать т.к. арабы заботятся о нем*

Ну, разве что арабы…

Для Л: *Ауу! Все нормально?*
А я… ох, какую глупость сделал…

Для Ф:
Наша встреча выбила меня из колеи. Почему-то все это слишком давит на меня. Видимо, я не готов сблизиться. Мне это не под силу… Я веду себя ужасно, я знаю, и «откровенность» меня не оправдывает, и все это не дает мне возможность даже показаться тебе на глаза.

5.2. От Ф:
У меня все время было чувство, что я, как летнее облако, растаяло и незаметно исчезло из твоей жизни. Поэтому, честно говоря, меня удивило твое письмо.
Я никак не в состоянии понять, почему мое присутствие в твоей жизни так тебя мучает и обременяет. У тебя столько приятельниц, ну еще одна! Уделишь мне иногда немного внимания, посидим на берегу моря, степень близости зависит от тебя.
Мне очень не хочется, чтобы ты снова исчез из моей жизни, но поступай так, как велит сердце, а я всегда буду рада тебе, если ты вспомнишь обо мне.

Я благодарен тебе за письмо
А «обременяю» я сам себя.

От Л: *Какую же глупость ты уже сделал? Давай записки*

Читай, там все прописано…

6.2. Р простужена. Вид замотанный. Свет в зашторенном номере меняется полосами: то солнце, то дождь. Шесть часов провалялись. Три пистона.

— Так, через годик, ты и до пяти дойдешь.

— А потом — в олимпийскую сборную.

Все-таки рассказал о «глупости» и отравил ситуацию.

— Так и не трахнул ее? Надо было трахнуть. Теперь она совсем неудовлетворенная. … Какая же я все-таки сука, муж дома больной, после операции, а я… Ты знаешь… вот он меня обожает, он до сих пор смотрит на меня, как перед свадьбой, он услужлив, ненавязчив, но вот он сейчас дома, и я не могу, я просто бегу. Когда он работает, так мы хоть видимся час-два в день, этого достаточно. А сейчас… Мне нужно каждый день хотя бы минут сорок побыть одной, просто одной. Почитать что-нибудь, даже к работе что-нибудь посмотреть, ну просто побыть одной, я без этого не могу. … Мне с ним (с Мики) очень спокойно, прихожу иногда, когда его нет, да, почти, как домой, и ложусь спать, я у него отсыпаюсь, ночью-то я почти не сплю. … Я избалована, мужчины всегда меня любили, ну, скажем так: очень хорошо ко мне относились. Только ты меня обижаешь… Невниманием. И потом, мне тебя мало, раз в неделю — это мало. … Он мне очень предан, хотя в сущности он — жертва в этой ситуации. Надо бы его женить, но не мне же этим заниматься… А вообще мне иногда хочется послать вас всех. … Я иногда вою. Я же плакать не могу, так я вою. Да. Потому что скучно. И мрак какой-то вокруг… Рожа довольная… (перед зеркалом). А чо, как следует оттрахали, сказали, что любят, чего еще бабе надо…

На обратном пути: «В следующий раз не пойдем в гостиницу. А то мы совсем не гуляем».

От Л:

Это, как мне кажется, я тебя спровоцировала на «глупость»… тоже мне костыль…

А меня не будет с 25 февраля по 12 марта

Где же ты будешь? И почему ты меня спровоцировала?

«Человек не хочет быть только человеком». (Николай Кузанский)

7.2. От Л:

где буду? — дома буду, у родителей — устала без дома, как рыба без воды…

Так что, отметим наши рождения?

Вот и Благонамеренный вытянулся по струнке, честь отдает.

можем увидеться только 27-ого. Позвонить тебе утром 27-ого, после 9-ти?

9.2. Верник был на спектакле Мамонова, потрясен, жаль, что я не видел, а спектакль был только один.

— А где?

— В Бат-Яме.

— Аа, рядом. А когда?

— Да вчера. Мы с Добровичем ходили.

— Чего ж меня не позвали?

— А я разве тебе не говорил?

— Нет. Ты сказал, что поедешь к Добровичу на диване поваляться, и что если силы будут, то позвонишь и, может, встретимся, а теперь выясняется, что ты поехал на спектакль.

— Ну да. А мне кажется, что я тебе говорил.

— Ты мне говорил до этого, что Мамонов приезжает и дает один спектакль, это так, но…

— Ну значит забыл, не знаю…

От Матвея:

Кажется, вас надо поздравить с победой правых. Очень обяжешь, если расскажешь, как начинает Шарон и какие у него, на твой взгляд, перспективы. Моя запарка только усиливается; пока не скину Адорно, нет возможности разогнуться.

Матвей, привет!

Шарон начал очень «мирно», разослал гонцов, всех успокаивает, стремимся, де, к миру, просьба не мешать, пытается всеми силами заманить Рабочую партию в пра-во, потому что только вместе (если, скажем, Барак был бы министром обороны) можно этим гадам вломить (один Шарон все время будет под обстрелом левых: мол, мы вам говорили, что Шарон это — война!). А вломить необходимо, потому что иначе они не образумятся. Вообще у них, у палестинцев, наблюдается развал власти и ситуация уж совсем напоминает чеченскую: вооруженные банды, экономическая разруха, кипящая ненависть… Достаточно на них чуток нажать, даже не очень сильно, и вся арафатовская власть развалится. Но именно этого левые и боятся. Однако на правительство национального единства шансы невелики. Барак под горячую руку заявил, что уходит, правда вчера уже заявил, что «поможет» оставшимся-осиротевшим и даже «при благоприятных обстоятельствах вернется». Осчастливил. Хорошо хоть заявил, что поскольку никакой окончательной договоренности с палестинцами достигнуто не было, все промежуточные результаты ни к чему Шарона не обязывают, да еще Госдепартамент заявил, что клинтоновские «предложения» остались предложениями, и Буша тоже ни к чему не обязывают. Палестинцы взвыли, грозят войной (а ведь еле дышат, суки!). Ну вот, а поскольку после Барака в партии Труда бардак, борьба за власть, и к тому же они понимают, что нужны Шарону как «мирный щит» к его мечу, то там сильное противодействие. Так что шансов на наце-

динство, как я считаю, мало. Единственное что их может «заставить» пойти к Шарону, это боязнь потерять на следующих выборах всякую поддержку. Ну и министерские посты, конечно…

Всегда твой

Наум

10.2. «Деньрожденье» шурина в ресторане уважил знаменитый тенор Шаповалов: по залу пробежал шепоток восхищения: «Шаповалов! Шаповалов!» Спел несколько итальянских народных и одну русскую, шутковал-затейничал, объявил, что при ресторане открывается «клуб интеллигентов», он там будет петь, так что — милости просим. Быстро откланялся. Шурин, на правах его приятеля, рассказал о трудной жизни популярных певцов: сейчас надо мчаться в Хайфу, а потом, ночью, — опять сюда. Хозяин ресторана и бывший работник банка, обходил столики, интересуясь, довольна ли публика. Жена шурина игриво призналась, что когда хотела к нему в банк устроиться, он сказал: будешь спать со мной — будешь работать, а она отказалась.

11.2

— Ну что, поедем в гостиницу?

— Но мы же решили, что не поедем. А ты хочешь?

— Хочу. Но, раз решили…

— И потом мне сегодня надо к пяти вернуться.

— Ну, до пяти можно кое-что успеть… Ладно. Тогда поедем в парк, в Рамат Ган? Можно даже в русский музей сходить, там рядом.

— Нет, в музей не хочется.

— Несовпадения по фазе по всему фронту.

— Знаешь, я уже хочу. А ты правда хочешь?

— Правда.

— Тогда поехали. А то какие-то несовпадения по фазе…

Удовлетворилась — раздухарилась.

— Девки-бляди, девки-бляди оторвали хуй у дяди. А дальше как, знаешь? Дядя плачет и кричит, хуй по воздуху летит, ха-ха-ха!

Положила голову мне на грудь.

— Сколько здесь теток валялось…

— Да, народ любит это место.

От Мерлина:

Когда-то читал Деррида, теперь ничего не читаю. Пишу о Совке и сочиняю философию. Можно сказать так: моя область — философия Совка.

Успехов

Валерий

13.2. От Зуса:

Я так и не переночевал в Гефсиманском саду — так страшно кричат муэдзины.

Я пытаюсь понять этих охламонов в Израиле: как это можно — никакой информации на сайтах, какие-то не те номера, консулат гонит фуфло.

Но, видимо, ты прав, эти массовики-затейники перенесли поэтический фестиваль на 2002 год, очевидно в связи с интифадой.

Вот это позор, ужас.

Но книжная ярмарка в Здании Национального Конгресса состоится вроде бы (?) и мы приезжаем!

Книжную ярмарку тоже перенесли

Наум

Утром поработал на славу. Жена смеется колокольчиком

— Ой, чой то я, как дура, смеюсь. Все эндорфины выскочили.

Пишу «письма о героизме» и в перерывах заглядываю

в телевизор: страшный теракт рядом с нами, напротив Азура, автобус врезался в толпу ожидающих, девять убитых, десятки раненых… И никакой реакции. Тотальная импотенция.

От Л:

А чем ты занимаешься в каникулы, кроме ебаных рекордов?

Пишу о героизме…

15.2. Дождь. Читаю Плотина. За окном дрожат под дождем «анютины глазки», посаженные моей веселой женой, несколько желтых и один бархатно-синий с белыми разводами, как драгоценная бабочка. Дождь усилился, потемнело. Вчера навещали сына в тюрьме. У ворот суета издерганных и жалких посетителей, неорганизованность, израильский «балаган». И как-то очень неуютно и унизительно чувствовать себя внутри всего этого. И ни одного «светлого» лица, какие-то упыри, уродцы, межеумки. Ночью позвонил Альперович: они за нас беспокоятся. Он де чувствует безысходность ситуации и понимает, каково нам. Жена разговаривала с ним. Я вроде как спал.

Утром Р позвонила. У нее опять голос пропал. Сказал, что скучаю, что родная и любимая. «Я тоже скучаю» — просипела.

17.2

Наум, привет!

Позвонил мне сегодня Миша, уже из дома: оказывается, телефон ему поставили несколько недель назад, но он, по его словам, не звонил, потому что «потерял очень много сил» на получение паспорта, вставку окон и установку телефона и только теперь начинает восстанавливаться. Позвонил он мне в том числе и для того, чтобы узнать твой номер (т.к. телефонная книжка сгорела). Я сказал, что телефона

не знаю, т.к. общаюсь по E-mail'у, и пообещал, что сразу же сообщу тебе, что телефон у Миши работает; боюсь, что я как бы за тебя пообещал, что ты ему сразу позвонишь: извини, так уж получилось.

Адорно я еще не скинул, так что рассказывать не о чем; даже ничего не читаю. Заказы получил и надеюсь выполнить к концу недели.

Правильно ли мне послышалось в новостях, что теракт (когда автобус врезался в группу солдат) произошел в вашем Холоне? Как сын? Как вообще обстановка?

Всегда твой

Матвей

Матвей, привет!

Мише я позвоню (никакой «ошибки» ты не совершил). Теракт действительно был в нашем районе. Обстановка? Барак и Перес будут в коалиции с Шароном. Лебедь, рак и щука. Барак сделал свой очередной «кульбит» и решил, что ради «безопасности страны» он остается на посту. Даже «левые» взвыли от такой наглости. Они теперь эту парочку (Барака-Переса, друг друга ненавидящих) называют «хатран и загзеган», «крот и крутила». А пока они формируют свое говеное правительство, арабчата совсем распоясались, и на севере стреляют через границу (вчера убили солдата), из Газы уже минометами пуляют, и никто не чешется, да и правительства еще нет. То бишь есть временное, но оно не берет на себя ответственность…

Сын выходит только в начале марта, отсидел два месяца чистоганом. Настроение бодрое. Когда выйдет, расскажу про тюрьму.

— А почему не спрашиваешь, сколько раз я кончила?

— Сколько же?

— Много. Не помню. А в первый раз помню.

— Ну, сколько в первый раз?

— Три. Вообще, первый помню. … Ты на меня смот-

ришь, и у меня сразу… голова кругом, и я опять тебя хочу. … А тебе жена теплую ванну не делает?

— Теплую ванну?

— Ну ты чо? Тест на любовницу.

— ?

— Если яйца всплывают, значит у бабы был, ха-ха-ха! … Ты очень похож на моего отца, это меня сразу поразило, нет, не внешне, а по характеру, даже по каким-то жестам…

22.2. От Л: *Ты куда пропал? Все в порядке?*

Был 3 дня в больнице, сняли с корта… Хорошо, что не с бабы…

Надо сделать пару проверок, а пока — дома

Что было? Сердце забилось…

23.2. От Л:

ну ты даешь, допрыгался… а какие проверки надо делать? Тебе подключали монитор на сутки? Были ли повторные сердцебиения, какова e.k.g?

Монитор не подключали, но хотели, на e.k.g. есть какие-то изменения, но они не могут понять их (и степень опасности). Повторного не было.

Определили все это как «параксиальную тахикардию». Велели сделать две проверки, после которых только будет ясно, что собственно было и с чем это едят. Проверку (главную, что-то вроде сердечной картографии) назначили на 14 марта. До показаний этих проверок велели «тихо сидеть», на работу не ходить и т. д. Чувствую я себя, откровенно говоря, неуверенно, все что-то кажется… Оно, конечно, мнительность, но, боюсь, что не только. Может, посидев дома несколько дней отойду, не знаю. Но все эти подробности я излагаю к тому, что если другие обстоятельства позволяют, с «нашей» (нашей с тобой) точки зрения было бы лучше, если бы ты визит отложила. Это не просьба,

и не пожелание, просто я боюсь, что наша встреча из-за этого будет, мягко выражаясь, «скомканной». В общем, ты же понимаешь, что когда у человека что-то внутри не в порядке, он на этом сосредоточен, хочет он этого или нет, ну и, соответственно, нормальная жизнь как-то «отступает»… Пойми меня правильно, я очень хочу тебя видеть, но боюсь, что ты пролетишь тысячи километров, а я буду… несколько «рассеян» (оставляю за тобой возможность иронического замечания: «не впервой»).

Не знаю, что еще сказать. А кроме всего этого — целую.

Интересно, что у меня эти дни тоже были неполадки такого свойства… Но я уже знаю, как с ними совладать.

24.2. Я умру на Пурим, когда веселая толпа ряженых, танцуя, будет плыть мимо балкона, а я подумаю: «Жизнь — красивая дура. Я презирал ее за глупость, и она прошла мимо, задрав юбки…»

Наум, привет!

…почти все купил в «базовых» местах: Маймонида в Еврейском университете, а Дильтея — в Доме интеллектуальной книги. Не выслал тебе нового списка, потому что прошло слишком мало времени, но слышал, что кое-что интересное или уже вышло, или на подходе, в том числе давно обещанный четырехтомник Гершензона (Серия «Русские Пропилеи», цена ориентировочно 600 р за все четыре тома) и девятитомник Конст. Леонтьева (кажется, вышло два первых тома примерно по 280 р), а также двухтомник классических исследований по раннему христианству (Гарнак и другие). Список с точными данными пришлю через недельку-другую.

Что это за «сердечные дела» (в медицинском смысле), которые ты вскользь упомянул? Поставили ли тебе «окончательный диагноз»? Раньше было что-то подобное или в первый раз? Хотелось бы, чтобы «пронесло»: в нашем воз-

расте болезни отвлекают от более интересных тем. К тому, что ты имеешь возможность почитывать книги, отношусь теперь с самой черной завистью, это надо ценить. Я, например, после довольно благоприятного в этом отношении периода, «кусаю локти» оттого, что лишился такой возможности. Впрочем, кое-что я все же успел прочитать, так что при желании можно и обсудить.

Как там ваш «зигзаг»? Кажется, по последним сведениям он решил уйти из политики, изменит ли это соотношение сил? Как ведет (или поведет) себя по отношению к Израилю новая американская администрация? Хоть там и нет евреев, может, сблизит противостояние Ираку? Вы действительно запасаетесь противогазами? Ну, и ты обещал про тюрьму…

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Насчет «сердечных дел», то картина прояснится после нескольких проверок. Чувствую себя как-то неуверенно, что очень злит, обидно, до этого я чувствовал себя в пике формы (и был такой тайный суеверный страх, что этот «свободный полет» окончится тем, что «врежусь»…), но от философии не отвлекает, даже наоборот, я все больше и больше вхожу во вкус (вспоминая Эпикура) и скучаю по твоим «тезисам» и «возражениям», и по этому поводу злюсь на себя, что все время, охваченный нетерпеливым воодушевлением, посылаю тебе неготовые тексты, которые потом пересматриваю.

Что касается «обстановки» (и про тюрьму — сын вчера вернулся), то — в следующий раз.

Всегда твой
Наум

От Л: *Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше. Очень рекомендую прогулки по берегу моря. Постарайся не лежать мно-*

го, это не рекомендуется, и учись дышать глубоко. Как ты сам понимаешь, менять что-либо с поездкой уже поздно, послезавтра вечером уже буду в небе. А мне приснился изумительный сон. Будто мы с тобой на коньках катаемся, на роликовых. При этом музыка небесная и мы скользим в обнимку и кружимся сначала по берегу моря, а потом по Летнему саду. Ты держишь одной рукой мою ногу на своем бедре, а другой — меня за талию. А я обеими руками обнимаю твои плечи… и мы кружимся в танце, скользим… ощущение полета изумительное…
Целую тебя, до встречи, позвоню 26-ого

25.2. Встретились с Р в деревне. Сидели в машине, целовались-обнимались.

— И почему ты мне так нравишься, а? Рожа!

26.2. Земля улыбалась цветами.

Одна строка тоже стих…

Бренер прислал книжку «Demolish serious culture!!!»

Barbara & Sasha, shalom!
Rad byl poluchit' ot vas vestochku, a uz tem bolee — knigu. Spasibo.
Vsegda Vash
Naum

Наум, привет. Твой перевод Ханоха Левина помещен у нас в «Гостиной». Второй рассказ, по причине непотребства, опубликовать не могу. Особенных литературных достоинств я в нем не обнаружил, а вот скабрезности, мутной блевотины и перепачканных спермой трусов в избытке. Извини, друг.
YAKOV SHECHTER

Яша, привет!

Перечисленные тобой «непотребства» и являются «литературными достоинствами» этого рассказа, и то, с каким смаком ты их перечислил, это доказывает. Но — о «вкусах» не спорят. А я в любом случае — без претензий.

Всегда твой
Наум

Шурин, когда навестил меня в больнице:

— Меня Шаповалов, мой новый друг, научил: стакан текилы — лучше виагры. А у меня девушка одна есть, мы с ней… в общем хлобыстнул я стакан текилы — три палки бросил и еще стоит.

Вернику сделали операцию на деснах. И у него депрессия.

Гробман говорит, что лучшая фраза Верника, стоящая всех его литературных трудов: «Если бы я так много не болел, я бы давно умер».

Матвей, привет!

Насчет тюрьмы. Я уже писал тебе, что он сел намеренно, чтобы добиться перевода в другую часть. Надо сказать, что вообще в Израиле «человеческий климат» в армии кажется мне чересчур «щадящим». Особенно в контрасте с очень жесткой внешней ситуацией. Например, родителям очень легко выйти на связь с командирами (непосредственными и старшими) своих детушек, расспросить их, посоветовать и посоветоваться, даже повлиять, уж не говорю об информации о нахождении, состоянии здоровья и т. д. Можно советоваться с армейскими психологами, адвокатами и т. д. Солдат, недовольный местом или условиями службы может перевестись или даже вообще освободиться от армии: две отсидки в тюрьме по два месяца и тебя из армии «выгоняют», или можно пойти к психологу и сказать, что до смерти боишься, правда, освобождение из армии по параграфу «психически неуравновешен» —

ложится пятном на характеристику и в дальнейшем может сильно затруднить прием на госслужбу. Не буду утверждать, что весь этот либерализьмь положительно сказывается на боеготовности, но это так. Скажем, в тюрьме право на свидание дается раз в две недели. Встречи — в общем дворе, приходят большими группами: родители, друзья, подружки, с едой (тут есть ограничения в смысле герметичности и кошерности), по времени практически неограниченные. Обстановка «внутри» обычная, «эксцессы» редки, по желанию можно работать (красить, строгать, пилить), или «служить» (охрана), а можно и вообще ничего не делать. Правда, это военная тюрьма, на гражданке — не такая малина. Тюрьмы забиты двумя «неблагополучными» категориями: марокканцы и русские (большой процент кавказцев). Вообще, время «интеллигентной», или «идейной» алии давно прошло, сегодня (уже лет десять) едет «Рассея», причем окраинная. Со всеми вытекающими: кодлы, наркотики, дедовщина, поножовщина… Не то, что этого тут не было, но свой количественный и качественный взнос в преступность и социальную неустроенность «русские» (в кавычках и без оных) безусловно внесли.

А вообще обстановка предвоенная, все это понимают, но воспринимают с равнодушием истинных фаталистов. В Рабочей партии хаос. Из-за этого никак не сформируют правительство, Шарон не спешит, мне кажется, что ему нравится быть в тени. С американцами только Биби держал себя с достоинством, остальные, и Шарон в том числе, выглядят крестьянами на балу (бывшие кибуцники): застенчиво переминаются с ноги на ногу, не знают куда девать руки, смущенно, а то и заискивающе улыбаются.

Всегда твой

Наум

28.2. Жена совсем замоталась, решила не пойти на работу, «поедем с утра к морю, погуляем, да?». Утром, воспользовавшись, что ей лень было вставать, пошел погу-

лять с собакой и позвонил Л. Значит сегодня не получится, завтра у нее дела с мамой, может во второй половине дня, ненадолго, а нет, так во вторник… «А чего в воскресенье, ты ж в воскресенье не работаешь?» Конечно, я не сказал, что в воскресенье я с Р, сослался на проверки. Перешли на «сердечные дела», у нее, оказывается, тоже это было, тахикардия, «ну ты ведь знаешь, почему это случилось? Перетрудился, да. Это тебе первый звоночек». Ну, а потом «целую» и все такое. Нет, мне хочется ее обнять, она близка мне, ближе некуда…

А домой пришел, стал воровато прятать мобильник и записную книжку. Жена готовит щи, потом поедем «в город», может в кино, может к морю. Позвонил в Москву Мише.

— Да, Наум, я тебе звонил. Во-первых, потому что очень грустно было. А во-вторых, проверял новый код… Так плохо, что даже забыл, как твою маму зовут… Нет, почти не выхожу из дома, только с собакой и купить поесть… сгорели книги, которые собирал всю жизнь, пластинки, рукописи, только сейчас постепенно доходит… вступил в ассоциацию литераторов Михайловской, как Союз писателей, туда Ваня хотел вступить, но его не взяли, а Сашу Макарова взяли…

— Да, вот Саша пишет мало, зато человек светский…

— Да, вот именно, это Стелла наверное заставляет его, пить и все такое, продвигаться по лестнице…

— Ну, это такая тусовочная лестница.

— Не только, вообще.

Рассказал ему о сердце.

— А на какой почве, Наум?

— Да все на той же, на датской, — отшучиваюсь.

— Ну ты соберись, напиши все-таки.

И я тоже что-то загрустил после разговора, взял гитару, замурлыкал «Печально я гляжу на наше поколенье…», половину забыл, достал красного Лермонтова, спел всю «Думу», сдерживая спазматические слезы, а в конце

не сдержался, прорвались. Вот кто слова находил…

«Толпой угрюмою и скоро позабытой… потомок оскорбит… насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом…» Каждое слово — гвоздь. А слезы — от ужаса и восторга…

Погуляли с женой по магазинам. В мебельном на Ибн Габироль жовиальный мужичок (черная рубашка в белый горошек), уговаривал купить шкафчик. Такие любят с моей женой разводить тары-бары.

— Мне уже семьдесят!

— Ну, вы прекрасно выглядите.

— Так я прекрасно живу!

— А что это значит «прекрасно живете»?

— Хорошо одеваюсь, хорошо ем, и много секса!

— Аа.

— И учтите, если ваш муж не может, вы сами виноваты.

4.3. Перечитываю Вайнингера. И его допекли евреи. Только непонятно, почему христианство — альтернатива? А Ницше? Почему мимо него прошел?

Чтобы «видеть», надо ненавидеть.

Утром теракт в Натанье. Уже сыпятся, как град.

Позвонил Л. Нет, не получится сегодня, сослался на медицину.

В среду ездили с ней в «Шореш». По дороге почувствовал себя неважно. У Латруна посидели, воды попил. Отошел. Все-таки поехал. На мужской подвиг. Хорошо прошло, сладко. На следующий день вытащила меня в Музей, на ту же коллекцию Артуро Шварца. Посидели в «Джакометти», дернули по бокальчику, языки чуток развязались… Невольно понес про Р. Тема ей не понравилась. Обозвала ее «нимфоманкой». А хучь и нимфоманка. «Да, — сказала

в конце, — весело живете».

А потом позвонила Р.

— Очень хотелось тебя услышать, но ты, как всегда, не догадался.

Поехали с Р в отель. Просто больше некуда.

— Я почему-то думала, что ты вообще не приедешь.

Когда пошел на второй заход, жена позвонила — проклятье сотовых телефонов. Отвечать не стал, но все равно все «упало». Пошли, говорю, погуляем вдоль моря. Дул сильный ветер. Зашли в кафе на берегу, неудачное, ушли. Вообще все было как-то неудачно, неловко, плохое выходило свидание. Набрели на китайский ресторан. Зашли. Так себе ресторан, ложки грязные. Но бокальчик и тут подействовал.

— Помнишь, я тебе говорила, что миллион заработаю? Так вот десять процентов уже есть. Часть разлетелось, часть закрыла.

— Каким же образом?

— Не скажу (хитро улыбается).

— Неужто телом?

— Да кому я уже нужна.

— Ну, нет такой книги, которая не нашла бы своего читателя.

— Я любительница, а не профессионалка. Неужели ты думаешь, что я на это способна? (Пожимаю плечами.) А ты бы себя продал? Свое тело? (Пожимаю плечами.) А где клиентов взять? На панели?

— Ну, клиентов я тебе сколько хочешь найду.

— Какой процент возьмешь?

Помолчали.

— Скажи, я тебя хоть раз обижала?

— Нет.

— А почему ты меня обижаешь? И не раз. Ты злой. И вообще… Я больше с тобой в гостиницу не пойду.

— Ладно, будем в музеи ходить.

— Знаешь, все-таки в тебе есть что-то кондовое. Кондовый ты.

Заели это дело китайским говном. Вернулись к теме миллиона.

— Да просто я Мики предложила один способ.., ну, суть в укрывании от налогов. У меня давно была эта мысль. Я ее еще зятю предложила, но он не понял. Сама? Для этого деньги нужны, да и не хочу, грязное дело. И возни много, бумаги, куча бумаг.

— Ну что ж, молодец. Не многие могут предложить идею, которая приносит деньги, молодец.

— Знаю, что я молодец. Только поздно приехала.

Наум, привет!

Твоя схема происхождения христианства вполне приемлема. Рассмотреть ее более подробно сейчас не могу, в последнее время не удается даже читать: жизнь так подорожала, что я только и успеваю «зарабатывать деньги», притом, что никаких денег не вижу, и даже стиральная машина остается недостижимой мечтой. Если же поставить вопрос иначе: что я хотел бы почитать и над чем подумать, то я сказал бы, что о первых ответвлениях гуссерлианства. Прежде всего Мерло-Понти («Феноменология восприятия») и Сартр («Воображаемое», «Бытие и ничто»). То, как они трактуют «интенциональность», очень похоже на мою «установку на Рампу», при этом степень логической проработки местами восхитительная (особенно у Мерло-Понти, упомянутая книга которого представляется мне — по крайней мере, сейчас — настоящей «классикой XX века»).

Всегда твой

Матвей

P.S. Заезжал вчера к Мише, зрелище безотрадное. Больше всего жалуется на одиночество: никто не звонит, никому не нужен. Так что если бы ты ему позванивал, то сделал бы доброе дело.

Матвей, привет!

Мише я позвоню, тем более, что завтра у меня деньрожденье…

Что касается «философии», то поскольку я (человек темный) не вижу никакой связи между «интенциональностью» (как я ее понял нагло-бегло полистав Гуссерля) и «установкой на Рампу» (которую, как мне казалось, я понял), «поддержать разговор» на эту тему пока не могу.

Перечитывал тут Вайнингера в связи со своей «Морфологией цивилизаций». Антисемит, конечно, отчаянный, хотя и меня тут такое зло иногда берет, что еще и не то запоешь… Теракты зачастили, как град, а граждан призывают к сдержанности.

Правительство еще не сформировано, может, на неделе сподобятся, но вряд ли оно что-то «сделает», потому что все говорят: «а что можно сделать?»

5.3.2001. *Наум, привет!*

Поздравляю с днем рождения. Позволь пожелать тебе здоровья (конкретно, чтобы «дела сердечные» остались случайным эпизодом), творческих успехов, как на художественной, так и на «культурологической» ниве. А также чтобы тебя радовали близкие — в частности, чтобы все утряслось с «младшеньким».

Сейчас у меня Миша, мы с ним чуть ли не весь день вместе разносили газеты («для компании»); так он добавляет:

Первое, поздравь и Марию Наумовну тоже, т.к. она тебя родила. Второе. Дай бог, чтобы твои опасения по поводу судьбы Израиля оказались напрасными. Надеюсь, что с сердцем будет все в порядке.

Матвей, Миша

6.3. Гулял утром с собакой и мучался: надо позвонить Л, поскольку вечером мы идем с ней в «Гешер», на «Сатана в Москве», но она, конечно, захочет встретиться и утром, а я не хочу. И надоело делать то, что не хочешь. Вот чем Р

хороша: будет ей больно, или не будет (да не будет, не тешь себя), но она без меня обойдется. И поэтому она меня не тяготит. Если и «виснет», то только по телефону («Ну подожди! Скажи мне еще что-нибудь!»). И из постели не выгонишь. Вспомнил наше последнее отравленное свидание, загрустил, позвонил. Записал на автоответчик: хотел поговорить, скучаю, целую. Потом позвонил Л.

— Ну, как проверка?

Эдак с иронией. Знает ведь, что вру, знает по дневникам, что по воскресеньям у меня свиданка…

— Вроде ничего не нашли, все будет ясно в четверг, после кардиолога. Так во сколько там начало?

— В восемь тридцать.

— Так давай часов в шесть встретимся? Можем по Яффо погулять.

— А мы разве утром не встретимся? Ненадолго.

— Ну, ненадолго нет смысла…

— Ты успеешь вернутся.

— К пяти? А потом снова бежать? Нет (о, как я тверд и решителен!), давай вечером.

— Ладно…

Почти с вызовом. После паузы нашла блестящий маневр:

— Я вообще-то хотела в музей Гутмана зайти, там сейчас выставка Гутмана и Рубина…

— В Неве-Цедек?

— Ага.

— Смотри, если на пару часов…

— Да, ненадолго.

В музее я распалился. Не могу сказать, что Гутман зажег. Пошли в гостиницу на берегу. Жадно сцепились. Когда лежал в расслабоне, обратил внимание, что она украдкой косится на Него. Как-то, показалось мне, с удивлением, будто Он вырос. Приободренный вогнал еще порцию, сзади. Чувствовал себя тараном, пробивающим крепостные ворота, могуче прошло.

— Сердце не болит?
А сама задыхается.
— Вроде нет.
Повесила мне какую-то гайку на грудь.
— Ты чего?!
— Биополе смотрю.
— Ну ты даешь.
Убрала гайку.
— Нет у тебя ничего.
— Нет, так нет, я не против.

«Сатан бе Москва»[1] сделали добротно, визуально эффектно, и музыка ничего, и даже пели прилично, но смотреть было неинтересно. Иллюстрация. Потом в кафешке у театра выпили по стаканчику сухого красного, день рождения как ни как. Подарила 21-ый концерт Моцарта.

7.3. Звонил Мише в Москву. Голос бодрый. Принялся, как всегда, анализировать мои «сердечные дела».

— Мне кажется это у тебя на фоне того, что ты все время думаешь о том, как бы успеть, пока не умер, что-то такое сделать, чтобы остаться. Учти, это многих погубило.

— Тщеславие приводит к тахикардии. По-моему, это открытие в медицине.

— Может, есть и другие причины… Ну что, моложе мы не становимся, надо заставлять себя отказываться от некоторых вещей. Я себя приучаю отказываться от многого, ну, конечно, это из-за болезни, просто ради выживания…

— Понимаешь, в том-то и дело, что когда ты добровольно отказываешься от чего-то, то как бы признаешь, что стареешь, это добровольный уход, я так не хочу. Одно дело, когда вынужден отказаться, а другое дело доброволь-

[1] Пьеса «Сатана в Москве» по роману «Мастер и Маргарита» Булгакова

но…

— Да, понимаю…

8.3. Кардиолог не утешил. Видимо, ишемия. Назначил серию проверок.

Звонил Вадиму в Москву. Пусть поздравит меня за мой счет. Он разошелся с Наташей. «Тяжело, конечно, когда распадается союз двух поэтов… Нашла какого-то полковника ФСБ, нашего возраста… нет, она молодец, с четырьмя детьми, да…»

9.3

Утром в поликлинике нацепили «хольтер», монитор на сутки. Потом встретились с Л и поехали в Яффо — не до секса. Прогулялись, посидели «У Дани». Выпили, поржали. Обзывала Р старухой Изергиль. Сегодня ночью улетает.

13.3

Матвей, привет!

Я тут отдал в «Зеркало» свою старую повестушку о визите в Москву в 91-ом. И они взяли. Фактически это часть Хроник, которую я по разным причинам не включил (кстати, читал ли ты дневники Кузмина?), в том числе из-за разности стилей, это совсем уж «телеграфный» дневник. Часть персонажей тут начинают свой путь, как всегда под собственными именами, и ты в том числе. Надеюсь, что, как и в случае с книгой, это не встретит возражений с твоей стороны. Фамилия твоя нигде не указана, так что имя может быть любым, но для «публики» оно все равно анонимно, а для «своих», хоть Васей назови — все равно узнают. Я бы предпочел не менять имя (я уже как-то объяснял тебе, что психологически мне это очень важно, что я пишу о живых людях, а не о «персонажах»), но и не могу не спросить твое мнение. Ты уж прости, что опять впутываю тебя в «исто-

рию».

И для полноты картины — о философии. Прочитал недавно у Бубера («Проблема человека», кстати, чудовищный перевод), что у Хайдеггера «Освобожденное Я не поворачивается к миру спиной.., но его „решимость существования“ не содержит веры, что в этом бытии с миром могут быть прорваны границы Я, и не содержит даже желания того, чтобы это произошло. Существование завершается в Я-бытии. ... Я Хайдеггера является закрытой системой.» И в отличие от человека Киркегора, который «стоит в своей заботе и в своем страхе „один перед Богом“, человек Хайдеггера стоит в своей заботе и в своем страхе ни перед чем более, как перед самим собой, а поскольку в последней реальности невозможно стоять перед собой (как считает еврей Бубер), то он... стоит перед ничем». И если учесть, что для самого Бубера «отдельный человек не несет в себе сущности человека, сущность человека содержится в единстве человека с человеком» (он утверждает, что эту мысль, из которой пошла вся его философия «Я и ТЫ», он подчерпнул у Фейербаха), то эта «картина философских нравов» хорошо вписывается в мою теорию о героическом начале, то есть крайнем индивидуализме германцев и «любовно-коллективном начале» еврейцев, если, конечно, Бубер правильно понял Хайдеггера.

Всегда твой
Наум

Наум, привет!

Возражений против «фигурирования» не имею на прежних условиях — чтобы не упоминалась фамилия.

Относительно Хайдеггера Бубер, насколько я могу судить, излагает правильно в том смысле, что трансцендентного Бога для Хайдеггера не существует. Но следует ли из этого, что «германцы — крайние индивидуалисты»? В этом я сомневаюсь. Во всяком случае, Хайдеггер если и индивидуалист, то безличный, почвенный. Вообще кате-

гории типа «индивидуализм», «героизм» и т. п. не имеют абсолютного значения, а приобретают тот или иной смысл в зависимости от той целостной «терминологической констелляции», в которую они входят.

Касательно Вадима, Данилы и других, кому я передавал книги, я с ними толком не знаком и сказать мне о них нечего. С Вадимом я ранее виделся, но он этого не помнит. По отношению к Мише все эти «друзья» повели себя по-свински: ни один человек — даже Ваня Ахметьев, на которого Миша почему-то особенно надеялся — не приехал к нему, не выразил сочувствия, не дал ни копейки денег.

Всегда твой

Матвей

14.3

6.3. Privet Nyoma

happy birthday to you!!!! 54!

pozdravlyayu s opozdaniyem na den, tk vchera vse komputery byli zakryty v svyazi so snegopadom

a ty mozhesh pozdravit menya (ha-ha-ha) s opozdaniyem na 11 mesyatsev

illyustratsiya k moim stenaniyam o vseobschem zabvenii…

zus

Извини, что сразу не ответил, только сейчас включил «машину». Спасибо за поздравления

Нема.

От Л:

Что показал монитор? А ослика беленького помнишь, который хамор? А хомер это знание, поэтому на нем мессия и едет, на знании…

Что показал не знаю, результат послали врачу. А где ты эту кабалистику про осла вычитала? Вообще-то это серьезная фигура, многие считали, евреи в Храме поклонялись ослу.

15.3. Жена третий день на больничном. Гуляли утром по парку с собакой. «У Яэль дочка, полтора года, такая прелесть, булочка с курносым носиком, Яэль ее на Пурим нарядила в корову, я говорю: ну что она понимает, полтора года, она говорит: «ма ат омерет[1], она целый день ходила и говорила «муу»».

Как всегда восхищалась цветами.

— Если бы я умела рисовать, я бы нарисовала поле зайнов[2] и цветы вокруг.

— Почему?

— Такое же совершенство природы, как цветы. Ты бы, конечно, нарисовал другое поле. У каждого свое поле.

Одна клумба была плотно засажена «анютиными глазками».

— Посмотри, как здорово!

— Ага. На поле черепов похоже.

— А, из-за этих трех точек…

— Ага.

— Но я бы никогда так не подумала…

Было время, когда я фотографировал раны на деревьях: когда стволы спиливают, остаются такие раны, потом они затягиваются корой и становятся похожи на женские щели. Думал даже выставку организовать…

Поехали с Р. в Иерусалим, в Музей, взглянуть на выставленный шедевр «Святой Петр перед казнью» Рембрандта. Когда от картины взгляд отведешь и посмотришь на соседние, разница поражает: здесь, в этом темном окне с мерцающим в углу светом, жизнь, а вокруг — мертвячина при ярком свете. Прошлись по залам. Неплохая для наших палестин коллекция импрессионистов. В музее

---

[1] «о чем ты говоришь» (ивр.)

[2] Зайн — член (ивр.)

почти никого. Целовались. Потом поехали в Латрун, зашли в «Асу»: арабские салаты, разносолы, мясо отменное, бутылка красного… На это раз не привередничала, все понравилось, и мясо, и вино. Разболтались. Рассказал, что Л приезжала, подивился нашему умению «переключаться». Сказал, что иногда устаю от этого. Потому что не знаю, с кем я настоящий.

— Может быть со всеми?

— Может быть.

— Ты с ней спал?

— Спал.

— Правильно. Хорошо было?

— Ничего.

— Прекрасно.

— А ты чуть-чуть ревнуешь?

— Не знаю. Нет. Но когда она в тот раз приезжала, и мы недели две не виделись, я, помню, в черный загул ударилась. Такое вытворяла… Можешь считать, что из ревности.

Через некоторое время, уже в деревне, вернулись к теме ревности и свободы. Зашла речь о том, что глупо в чужие дела вмешиваться. Тут напомнил, в укор ей, как сказала мне: «Хочешь, я порву с Мики?».

— Ну, тогда… У меня отношение к тебе с тех пор… нивелировалось…

— Фу, противное слово…

— Нет, ты мне очень дорог, и совсем родной, и я от тебя без ума, но тогда ты был для меня всем, весь свет. А теперь, как ты говоришь, только сектор…

16.3. От Л:

про осла написано в «Зоар». Будешь слушать Моцарта — 21 кончерто, обрати внимание на анданте (5) часть v. c.d. и как эта тема разворачивается, повторяется.

То что стоит, то — остановилось, а всякая остановка — падение в далекое прошлое.

А когда идешь к врачу?

Сегодня сделал ЭКО[1]*, врачь сказал: «Фантасти!» Окончательный итог через неделю.*

А к чему это ты насчет «стоит»? Повнимательней со словом, как учили советских спортивных комментаторов, пытаясь отучить от любимых выражений: «Игра шла очко в очко», или: «Он овладел мячом…»

17.3

Когда в себя всматриваешься и не видишь ни острова Я, ни крепости Эго, одну суету уличную, мельтешение, понимаешь, что ты ничто. Сумма хаотических состояний на данный момент. Воистину соотношение неопределенностей. Хорошее название для какой-нибудь повестушки…

Ранк (в «Мифе о рождении героя») пишет: «родители — первые и самые сильные противники героя». Миф о герое начинается с «оставленности», будущий герой оставляется родителями на произвол судьбы.

Становление героя — семейный роман, суть которого бунт героя против отца. Ранк считает такой миф «параноидальной структурой».

Бунт против отца символизирует бунт индивидуации, отец — воплощение рода.

А меня никто не оставлял на произвол судьбы, а стычки с отцом… иногда были, но на бытовой почве, никаких восстаний, и знаю, что он любил меня. Может потому и героя из меня не вышло. И черт с ним, с героизмом, любовь отца дороже.

От Л: *я же сказала, еще в Шореше, что вылечила тебя — теперь владей махом. Конечно же «фантасти». А насчет «стоит» — это цитата из дневника Белого*

[1] В России это называется «УЗИ», эхокардиоскопия

А ты хотел послать мне Московский дневник, забыл?

18.3. Матвею:

Я понимаю, что сегодня, после опыта недавней тоталитаристской стадности, немцев не принято считать «индивидуалистами», но я говорю о «германцах» и тут всё в рамках той схемы, которую я нарисовал в «Героизме и монотеизме». Попробую добавить к ней еще несколько штрихов (с духе Фрейда).

Кочевники-скотоводы Ближнего Востока (типа Авраама) были главами кланов и окружены женщинами. Они не знали мужских охотничьих и военных братств, в которых развивается совершенно другой эпос и эрос. Стремление поддержать авторитет отца-главы клана ведет скотоводов к монотеизму, к обожествлению Отца. Это обожествление Отца направлено прежде всего против сыновей, предупреждая их неизбежный бунт. В соответствующей культуре (иудаизм) «сыновья» «закрепощаются» за Отцом, лишаются права и возможности на бунт, на индивидуацию, на разрыв с родом, на самостояние, даже на самость. Женщины в такой культуре играют ничтожную роль, так как в быту их много и они легко заменяемы, а об обожествлении их не может быть и речи. «Эдипов комплекс» в таких обществах подавляется «религией Отца». И бунт против отца, это проявление эго, это бунт против рабской зависимости, в котором и сексуальная составляющая является формой общего стремления к освобождению и самостоятельности.

Охотники, выходя на охоту, как на войну, и на войну, как на охоту, объединяются в воинские мужские братства, в которых невольно поддерживается сильная сексуальная напряженность. Война и наслаждение от убийства заменяет наслаждение от любви, формируется другой психологический тип, который закрепляется в культуре «героизма». Женщина в такой культуре не присутствует в жизни постоянно, а является «отдыхом» и инструментом продол-

жения рода, ее бытовой статус гораздо выше, чем у пастухов, кроме того, в силу сексуальной напряженности в воинских братствах, женщина обожествляется. Поэтому в «героических» культурах так много женщин-богинь.

Воины-охотники, выходя на охоту, или на войну, освобождаются от авторитета отца, на войне другие приоритеты и авторитеты, и даже если отец — вождь, ему подчиняются, но он — первый среди равных, ибо все равным образом владеют оружием и рискуют жизнью. Поэтому воинские, или «героические» культуры — индивидуалистические. Герой-воин всегда покидает родовое гнездо, чтобы стать свободным, стать самим собой. Экспансия и завоевательные походы важны, как бунт против уз рода, как освобождение и самоутверждение.

Иудаизму тоже свойственна экспансия, но это экспансия «женская», она завоевывает не подчиняя, а «связывая». Поэтому «капитал» оказался для евреев подходящей формой экспансии. «Денежные потоки», это ток крови современной жизни, которая вся стала «экономической», и все в этой жизни «кровно» повязаны через капитал. Кто им владеет, тот владеет кровеносной системой современной жизни. И не случайно «капитал», «капитализм» антисемиты считали «еврейской затеей».

Антисемитизм (лучше — борьба с еврейством) — бессильная форма борьбы за другие «начала цивилизации», последнее трепыхание мужской, «героической» цивилизации.

Первая ходка, упоительно долго.

Потом отдыхал, раскинувшись, а она, склонившись, смотрела на Него и вела те же речи — почти ритуал.

— А знаешь, во мне еще все шевелится. Складывается, расправляется… Ты знаешь… ты… он прям касается самого нужного… ну откуда он знает… Мне так хорошо… Но почему-то такое чувство, что я вижу тебя в последний раз…

— Вдруг, после второго круга:

— А сколько раз ты с ней спал?

— Два раза.

— А вообще, сколько раз встречались?

— Вообще… четыре.

— А куда вы ходили?

— В театре были, на «Мастере»… нет, она тоже решила уйти. Не то, что не понравилось… Еще в Неве Цедек ходили, в дом Гутмана, она хотела посмотреть выставку Гутмана и Рубина… Где еще? В Яффо были.

— Значит пять раз, два раза переспал и три раза…

— Ну, погулять и переспать можно в одну встречу…

— Не важно. Вообще-то ты должен был мне сказать. Я бы дала тебе отпуск. А встречаться с двумя одновременно…

— Ого! Неужто ревнуешь?!

— Не знаю, если ты считаешь это ревностью. Но теперь я тоже должна пять раз, а уж за мной не пропадет.

— Почему пять?

— Ну ты же пять раз с ней встречался.

— Встречался только четыре.

— Нет, все равно, два раза переспал и три раза гулял. Ты чего сияешь, как медный таз?

— А мне нравятся твои подсчеты.

— Я вас избаловала. Своей верностью. Пора тряхнуть стариной. У меня есть пара приятелей, которые давно уже добиваются, надо их трахнуть. Это на первых порах, а там посмотрим.

— Ну-ну, эк тебя разобрало.

— Не, ну это нарушение неписаных правил. Если она приезжает, ты должен мне сказать. Получил бы свой отпуск. Я бы тоже нашла, что делать. … Я, когда пришла в школу, была самой молодой, всем было около сорока, и они мне казались старухами, ой, сейчас вспоминаешь этих училок с их проблемами, одна недоебанная, другая переебанная… там была одна историчка, мужа ее звали Павел, она его звала «Палюсинька», «мой Палюсинька», так

она каждые три месяца абортировалась, а у нас была такая учительница литературы, она была невероятно некрасивая, какая-то каракатица, тем ни менее сменила трех мужей, что в ней действительно было, это — голос, удивительно сексуальный, и вообще, как она говорила! я к ней на уроки ходила слушать, потрясающе рассказывала, и вообще умница была, так она ей говорит: «Ты скажи своему Палюсиньке, чтобы он на хуй презервативчик надевал». А та: «Ой, Палюсинька презервативы очень не любит…»

Дал себе зарок по третьему кругу не ходить, но както невольно получилось… И потом уже подумал, что третий — лишний… И действительно, когда она одевалась, вдруг прочувствовал (или вдруг испугался?), что что-то не то, ушло это чудесное ощущение, что я здоров. Прилег.

— Ты чего? Тебе плохо?

— Не, нормально.

— Правда, тебе плохо?

— Да нет, все нормально, просто…

— Ну что? Что с тобой?

— Нормально, нормально. Так…

— В машине, по дороге обратно:

— Какой ты геротене[1].

— Ага. От слова геронтология.

Расхохоталась.

— Ну, ты сегодня в ударе по части юмора. И вообще. (Прижалась к плечу.)

Ночью чувствовал себя не в своей тарелке. А Он еще требовал! Приапизм какой-то! Тут же вспомнил, что перед смертью, говорят, встает. Спал плохо. Все время мерил давление. Утром вроде полегчало, решил поехать на работу. А еще хамсин. Приехал, и чувствую — не могу, что-то не то.

[1] Растяпа, беспомощный, как ребенок (идиш)

Слышу сердце. То екнет, то чихнет, то свиснет, то стукнет глухо. Говорю секретарше: что-то мне не того-с. Засуетились, молоденькая, плотненькая замдиректора (бегает через две ступени), Вeред, то бишь «Роза», отвезла меня в местную поликлинику, сделали экг, врач, русская (ничего так, полюбезничали), говорит у вас был инфаркт (вот те на), но когда-то раньше (я ей старую экг показал), но сейчас вроде ничего нет. Жажда? Может у вас сахар? Послала сделать анализ на сахар. Лаборантка, хорошенькая (всех бы выебал к чертовой матери!), сказала, что сахар чуть выше нормы, а вы утром ели? Да, как всегда, много варенья. Аа, ну это норма после поста… Вернулся к врачу, сказал, что рад был познакомиться, ничего, ничего врачиха, и отчалил, а вокруг уже трезвон, и жена звонит, и секретарша директора, выслали за мной такси, возвращаюсь, решил дать урок. Страх. Но все же вошел в клетку с тиграми. Тигры были очень ласковы, терлись шкурой, наперебой бежали водички принести, кое-как провел урок, но решил, что еще два — это лишне. Дал отбой. До дому доехал благополучно, позвонил в этот народный университет, сообщил, как обещал, что добрался. Вeред подняла трубку. Спасибо, говорю, что подвезла, и т. д. А я, говорит, могу тебя и в любое другое место подвезти. Шутить со мной вздумала. Ладно, говорю, недабер ал зе[1].

Письмо от Вадика, толстое. Раскрыл, а там маленький сборничек, почти без обложки, то есть обложка бумажная. «Грозная свобода» называется. 1997 год. Посвящение дочери. Надпись: «С любовью и нежностью вам обоим, моим любимым людям. Вадим. На другой стороне: «Письмо написано ужасно (и почерк и м.б. содержание). Зато искренне!» Полистал книжку.

[1] Мы это обсудим (ивр.)

Держи меня природа на весу,
то поднимай, то опускай, как блюдце…
Бывала горечь — думал не снесу,
и счастье тоже… Вот бы им вернуться!

Глаза любимых — ах, какая синь!
Твержу себе от порчи и от сглаза —
пролейся сердце, только не остынь,
для новой жизни следующего раза.

Последняя строка даже выпадает из размера, забыл, что есть «ю» в слове «следующего», и это первое стихотворение, открывает сборник… Всё ужасно. Тот же лубок: «купчихи» в «Замоскворечьи», «степные дальние отары», «пожары», «яростные лица», «сверкают стрелы поражая»… «Сегодня Родина мне снится…», «кони топчут путь-дорогу», храмы-погосты, театральный реквизит «Востока» («На Востоке в город басурманский входят с караванами купцы»)…

Дорогой Наум!

С необычайной нежностью я думаю о тебе. Прочел, вернее, просмотрел (чтение еще впереди) твою книгу. Что ж! — Это роман. Не всегда бывшее в жизни переходит в него. Есть фабула, есть взгляд автора. Здесь автор — царь и бог. Он вправе несколько нарушать течение событий. Но считаю — маленькие главки под именем «Вадим», как бы они ни были ничтожны в контексте романа — твоя удача. Они очень и очень оживляют его. Твое раздражение понимаю и даже — одобряю. Не ангел я, увы. Многие люди, близкие мне, раздражаются и даже гневаются на меня. Но ты не гневайся! Ты просто не имеешь права. Ты любишь меня, как я люблю тебя и от этого никуда нам не деться.

Ты об мне одном сказал как о поэте, с цитированием и т. д. (Еще, правда, о Наташе) То, что я всегда у тебя гово-

рю дурацкое слово «прям», что я всегда … — прости меня, Христа ради! Такой я был тогда. Без денег, без всего…

Твои нежные воспоминания о Риге, о Пицунде, о Пскове, Клухорском перевале и многом другом сказали мне — что связь между нами неразрывная, и они самые лиричные у тебя. Перечитай и увидишь.

С любовью и уважением

Вадим

Оставлю так, как было написано.

Все-таки Володя — не аристократ, а я не деревенщина. Все было иначе.

И еще приписка жене. Еще более сумбурным почерком.

Для Риммы!

Я расстался с Наташей. «Любовная лодка разбилась о быт…» (московский!)

Я думаю, что она все делает ради детей. Ее будущий муж — полковник ФСБ (КГБ).

Дай Бог, чтобы все было хорошо!

Он бросил 30-летнюю жену (гражданскую) но трагедия большая. Ему 54 года (как мне). Они познакомились на Селигере в Доме Отдыха.

Меня волнует только дочка. Я от Наташи отрекся. Мне кажется — что там сплошная истерика. Меня надо забыть! Дай Бог.

Римма. Я тебя помню нежно и желаю тебе счастья.

Вадим

Вечером еще поехали на сканирование сердца. После пробежки по бегущей ленте стало даже лучше.

20.3. Утром опять чувствовал себя неважно. Все-таки решил никого не теребить. Лежал. Взял сборник Вадима. Все стихи — прощания. И много о смерти. Любит он слово «госпитальный». *Нагнувшись с высот своих дальних к истоку*

свободной души, ты запах простынь госпитальных (так и хочется сказать «генитальных») *духами на миг заглуши. Но если в разгаре парада* (!) *на слезы ты станешь легка, не плачь надо мною, не надо… Дорога моя далека.*

Тут я, блин, расплакался. И дальше уже читал и плакал. Что-то оплакивал. Уж не себя ли? Нашу молодость, нашу жизнь?..

Одно стихотворение даже понравилось.

Ароматницу из глины снял с груди твоей я ночью
Были в ней не капли масла — звоны сердца твоего.
Небо светло-золотое Феодосии веселой
стало черным и тяжелым, стало дымно-грозовым
А когда твой стан прогнулся, все в порту рыбачьи шхуны
словно в миг землетрясенья вдруг от пирса отошли.
У предгорья кипарисы зашумели, зашатались.
С их ветвей упали звезды, словно слезы страсти злой
Что вы, чудо-мореходы? Что седые кипарисы?
Ароматницу из глины я всего лишь снял, любя.

Если разобраться, то и это («слезы страсти злой»?!) не шедевр. Но разбираться не хотелось. Я ведь в самом деле люблю его. Или молодость нашу? Не знаю, но плакать хочется…

Около десяти позвонила Р.

— Ну, как ты?

— Да не очень.

— А я уже себя съела. Все, теперь только музеи и кино.

— Ладно…

— А я тебе еще вчера позвонила, как-то мне было неспокойно, но…

— Да я мобильник забыл дома.

— Аа.

— А я тоже хотел тебе позвонить, но ты меня дисциплинизировала, договорились в три, вот и жду.

— А я решила стать недисциплинированной.

В конце сказала:

— Ты сегодня целый день дома? А можно я тебе еще раз позвоню?

Настроение поднялось.

Жаловалась, что «забегалась». Ну, я говорю, остановись, передохни.

— Знаешь, у меня такое чувство, что если остановлюсь, упаду. Так уж и буду бегать, пока завод не кончится. Сестра мне рассказывала, мама же умерла очень молодой, и никогда ничем не болела.., нет, у нее была простая ангина и началось осложнение на легкие, и она в три дня сгорела, врач сказал после вскрытия, что у нее легких просто не осталось, одна паутина.., так вот сестра рассказала, что мама незадолго до смерти сказала ей, что у нее такое чувство, что ее «завод» кончился.

Верник сообщил, что говорил со Штейнером, и тот «очень нежно» обо мне, отзывался.

— Он очень редко такое говорит, потому что, как и ты, строит из себя охотника на мамонтов, зато, если говорит, то почти серьезно…

Пожелал ему счастливой дороги, передал привет Штейнеру. Тут он спросил о здоровье. И я дал слабину, стал жаловаться, так он говорит:

— Нюма, мне в этой жизни ужасно не повезло, я здесь похоронил двух своих лучших друзей, Капитайкина и … (забыл), так что сделай мне одолжение…

Тут уж я разозлился.

— Не дождетесь, — говорю.

— Вот-вот, вот это мне нравится.

Ну каков, а? И я тоже, мудак, нашел, кому в жилетку плакать. Да никому нельзя, зачем бесплатно радовать. Или это он так на меня разозлился и теперь мелко мстит? Не дал мне телефон Рут Левин, обозвал «срамником».

— О душе, о душе пора подумать, дружище.

Ага. Вот ты и думай, авось чо надумаешь.

Жена вчера спросила, когда гуляли по коридору клиники в перерыве между процедурами:

— Ну, что Вадик пишет?

Рассказал.

— Там и тебе письмо.

Задумалась.

— Все-таки он хороший мужик. Есть в нем, понимаешь…

— Поэт, все-таки.

— А что важнее, быть хорошим человеком или хорошим поэтом?

— Конечно, хорошим поэтом. Хороший поэт — всегда большой человек. А что такое «хороший человек»? Только большой человек «хорош». А маленький человек, хороший ли, плохой — какая разница?

Покачала головой, мол, несогласна, но спорить не буду.

От Л:

Спасибо за дневник, еще не читала. Ты пока мах веди аккуратно, хоть ЕКО и фантасти, не перетруждайся. А то когда еще смогу тебя полечить…

Сижу дома, чувствую себя непонятно. Как-то не так

Завтра получу «мипуй лев»[1] *(вчера сделал) и 25.3. — к врачу. Зол на себя.*

Вадим письмо прислал. Пишет, что главки о нем — самые живые в книге.

Наум, привет!

Вышел Гершензон, 4 тома (М.-Иерусалим: Университетская книга, Гешарим, 2000, серия «Российские Пропилеи»).

[1] Сердечная картография

Еще готовится к выпуску 5-й том, в который войдут многочисленные комментированные письма Гершензона.

Кроме того, вышла захватывающая книга, которую я не могу в данный момент точно описать: Переписка Хайдеггера с Ясперсом. С 20-х по 60-е годы. С комментариями. Изд. Ad Marginem. По формату такая же, как «Соблазн» Бодрийяра, но потолще. Цена примерно 120 р.

И на всякий случай докладываю, что вышедшие два тома Конст. Леонтьева (большой формат, красивое комментированное изд.) стоят по 180 р каждый. Всего будет, кажется, 12 томов.

Всегда твой

Матвей

21.3. От Л: *Вадим молодец и по-своему прав*

В Московском дневнике «тема» любви» всплывает, но некоторый «цинизм», на мой вкус, снижает пронзительность. А старухе Изергиль передай: пасть порву. Потому как частые и значительные перепады давления и температуры губительны для мужчин, как частые приступы эпилепсии, что одно и то же для вас, а ей надо лечиться (пардон) от нимфмании… вот, не сдержалась, плохая из меня Зоя Космодемьянская…

По идее, цинизм должен подчеркнуть, выделить, оттенить пронзительность (такая «игра на понижение»), ну, а уж как получилось — не знаю.

А лечиться надо мне…

Все, конечно, на почве комплексов. Ну, мои мужские комплексы ты знаешь, я никогда не считал себя «героем», и ко всему еще так вышло, что если у Р «наклонности» к нимфомании, то у моей жены — к фригидности, возможно по моей вине. У нее очень «тяжелый» клиторный оргазм (вагинального, со мной, ни разу не было), то есть далеко не сразу достигаемый. Возможно, это результат психологической травмы: в очень раннем возрасти, ей было лет пять, с ней «поиграл»

какой-то чужой дядя, а потом еще вырезали один из яичников, может, и это повлияло на уровень гормонов и сексуальность. Все мои акты с ней, где я заботился, т. ск. только о себе, были позорно коротки и мне никакими ухищрениями не удавалось продлить их. В тех случаях (в какие-то периоды это было достаточно часто, ну, несколько раз в неделю, во всяком случае), когда я «брался» за клитор, они, конечно, длились гораздо дольше, но моя роль (так я ее ощущал) была при этом «техническая». Это было похоже на онанизм, обогащенный взаимопомощью. Мне всегда казалось, что жена несчастна в нашей половой жизни. То, что она не ушла, говорит о том, что она, видно, «счастья» и не нашла. О том, что пыталась найти — не может быть сомнений. Я же все время чувствовал свою неполноценность. И вот есть женщина, с которой я могу это делать неограниченно долго, и которая при этом кончает несколько раз — есть от чего прийти в восторг! Когда чувствуешь себя героем, это поощряет на подвиги… Ну, а подвиг — всегда самопожертвование…

Позвонила Марина из «Гешарим», пригласила на вечер издательства 29-ого. Закинул удочку насчет издания романа Шабтая, целиком. Заинтересовалась.

23.3. Позвонил Мише в Москву. Сказал ему, что у меня ишемия. Миша говорит: я понимаю, ты привык быть здоровым. Я вот уже десять лет болею психически, и курю по четыре пачки в день, но физически — все в порядке. Я ему: может, спортом займись? Он говорит: да я занимаюсь, километры прохожу быстрым шагом, в Измайлово иду пешком, или еду на трамвае в Лосиноостровскую и там гуляю по лесу… Нет, говорю, по лесу ходить — это опять наедине с собой, а ты соревновательным спортом займись, теннис, например, тут про себя забываешь… Это ты, говорит, не умеешь быть один, а я по лесу гуляю один — и счастлив. Рассказал ему про Вадика, что разошелся с Наташей, он вдруг возбудился: «Слушай, дай-ка мне его

телефон!»

Стихи Вадика не отвергает начисто, говорит: «есть хорошие», штук двадцать.

21.3. От Л:

Женская сексуальность не изучена в такой степени, как мужская. В некотором смысле она остается загадкой, но установлено, что средняя женщина за ночь испытывает оргазм каждые 2—3 часа… Причем у некоторых женщин вагинальный оргазм несравнимо слабее клиторального, но намного легче достижим… Т.е. у нас все происходит через голову, а, если не совсем происходит, то во сне компенсируется у всех.

У *меня есть одна знакомая, кот. гордится тем, что ее муж, как и в первый раз, не может удержаться, обуздать свое желание и долго это не длится. Она думает, что он ее по-прежнему любит и хочет, как в молодости, и, как в молодости, она его безмерно возбуждает. Шутка ли столько лет прошло, а она его так безмерно возбуждает и никак он к ней не привыкнет. Может статься, что и твоя жена видит твою «неполноценность», как свою «неотразимость» и именно это придает ей такую уверенность в себе.*

Вот ты, наконец, нашел свое счастье — такую женщину, с которой ты герой и никаких «комплексов». Почему же ты не уходишь от жены к ней? Ты же думаешь, что жена просто искала, но не нашла своего счастья, поэтому не ушла от тебя…

и почему ты не на работе?

А что, действительно у женщин бывают ночные «поллюции», да еще так часто? А ты тоже это испытываешь?

Я пока дома. В понедельник как-то «перетрухал» на работе…

Последний анализ подтвердил ишемию. Вопрос степени и способов лечения. Возможно, будут делать «центур»[1].

Кстати о героизме — с тобой я тоже никаких комплексов

не чувствовал, хотя и не знал точно как у тебя там с оргазмами. Ты вообще своими «ощущениями» не стремилась делиться, может, теперь поделишься? Раз пошла такая пьянка…

От Л:

Опять упрощаешь на мужской лад — поллюции — это снаружи, а у нас все внутри. Другая физиология. Я тоже удивилась, когда прочитала, поэтому и запомнила. Там еще было, что у вас это, как легкий приступ эпилепсии, судороги и т. д. … когда на роликах с тобой катаюсь, чувствую. А Р по ночам, как она говорит, вообще не спит. Вот я сейчас сделала открытие — м.б. поэтому у нее склонность к нифомании, помнишь, она даже больше мужчина, чем ты женщина…

«А то, что я писал их, будто зная, что речь мертва, история свершилась, придает особый ядовитый аромат наставшей безмятежности»…

Есть одаренные люди, которые, взяв нотный лист, могут не только пропеть мелодию, но и читать ноты, как книгу, иногда даже с большим наслаждением, чем если бы они слушали концертное исполнение… послушай Моцарта. Анданте. Так я чувствую наше «вместе».

Насчет поллюции я же взял в кавычки… Ну а ты уж чересчур «поэтизируешь» это несовременно. А что, слабо изложить протокольно: с кем — как — сколько раз?

Впрочем, это я так, по злобе. Не хочешь — не говори.

Чем занимаешься?

Фрагмент перевода Шабтая вышел. Кстати, не помню, ты читала?

Хочу теперь издать всю книгу. В «Гешарим».

23.3. Человек, переплетая нить своей жизни с нитями

[1] Коронарография, сопровождаемая обработкой сосудов

жизней других (кто с десятками, кто с тысячами, кто с миллионами), оказывается вплетенным в тот ковер жизни, который зовется его эпохой, его веком. Некоторые продолжают эту ткацкую работу до старости, потому век их долог, но все равно постепенно нити, с которыми переплелась нить его жизни, кто-то выдергивает из узора, заменяя другими, с которыми у него уже нет сцепления, ковер меняет рисунок, окраску, это уже не его ковер, не его время, не его «век».

24.3. Наконец, я разгадал загадку, вернее, получил однозначный ответ, на вопрос, мучавший меня еще с отрочества. Когда-то в детстве-отрочестве я смотрел по телевизору фильм, наверное, в серии «Жизнь животных» или «Клуб кинопутешествий», как львицы охотятся на детенышей буйволов, а также на слабых, больных и отставших. И что поразило меня тогда, что когда хищник нападает на особь из стада, то оно, в том числе и могучие быки, убегает в сторону, оставляя жертву на произвол судьбы, хотя по силе быков и коров стадо вполне могло бы защитить своего сородича. Эта сцена стала для меня символом трусости (мы врага бы на рога бы, только шкура дорога). Человеческое стадо, полагал я, должно вести себя иначе. Потом я часто убеждался, что и стадо человеческое, от маленьких коллективов до государства, ведет себя точно так же, только кроме трусости часто возникает и мотив заинтересованности в смерти другого. И в любом случае: каждый умирает в одиночку. Сородичей твоя смерть, если не обрадует, то и не огорчит. Ну, максимум, кто-то близкий поплачет или вздохнет. Просто тебе пора сходить, а трамвай мчится дальше. Трусость — мудрость рода.

От Л:

читаю Маймонида. Рекомендую. Ездила в N.Y. к сыну на свидание. Гуляли по Сохо, выбирали картину для него, потом поужинали во фр. ресторанчике, потом он посадил

меня на поезд, очень душевно было. А ты можешь послать Шабтая, по email? Давай записки, давно не посылал.

Замечательно. Такие отношения с сыном — это и искусство и счастье. А до какой страницы я уже посылал записки? (Чтоб не повторяться.)

25.3. Днем ходили с Мироном и Озриком на «Восемь с половиной женщин» Гринвея. Ностальгическая постмодернистская перекличка с Феллини, о чем, как дорожный указатель, намекает название. И все на почве отчаяния из-за утери сексуальности («жизненной силы»). Параллельные ходы: «отец с сыном», «мужчина в окружении женщин», кадры из фильма «Восемь с половиной» и комментарий на них словоохотливых персонажей, — все свидетельствует о тоске по «золотому веку» непосредственного вожделения, непосредственных чувств и снисходительности Феллини к своим героям. Вот кто никого не раздевал и не спаривал, а секс с экрана так и стекал. Секс, который мы потеряли. Хотя у Феллини он тоже ностальгический, как манифестация недоступной любви, обида на женщину-жизнь… Но мир Гринвея совсем омертвевший. Он и хуем в морду тычет, и жопами свиней любуется, и сына с отцом спаривает, а сексом, то бишь живым чувством, и не пахнет. Остался какой-то механизм, который персонажи пытаются приладить то туда, то сюда. В этой ситуации мужчины вырождаются, а женщины берут власть. Символическая линия: анемичная японская девушка влюбляется в актера театра «Кабуки», играющего женщину. И тогда герой, чтобы ее соблазнить, одевается в наряд этого актера, то есть в женское, девица хрипит от страсти, а когда узнает «обманку», бросается в пруд. Вот такая «Офелия».

Мирон желчен и циничен, яд опустошенности. Отталкивает, как запах смерти. Все говорят: Мирон добрый. А он не добрый, он просто не агрессивный. И потухший. Любопытства к жизни нет уже. Ищет развлечений. Деньги, слава

Богу, есть, так что можно себе позволить… Потом пообедали в «Лазанье», итальянский ресторан напротив «Синематеки», вкусно. Озрик умен и добр, но студенист. Сказал, что все современное искусство — «театр Кабуки».

А вечером Гордины пригласили на «Бахьяним» («Плаксы-ваксы») Ханоха Левина в Камерном. После первого отделения мы ушли, чем Гординых удивили. Все первое отделение показывают трех стариков, умирающих в больнице, Ханох, по обыкновению, смакует ужасы «дома скорби» (для «усиления» взял «индийскую» больницу, где одна кровать на троих), а медперсонал разыгрывает перед стариками греческую трагедию «Мучения и смерть Агамемнона». Тоже запах смерти, да еще ощущение вымученности. И у Ханоха всегда много секса, тоже выхолощенного, и от этого особенно циничного.

От Л:

Спасибо за Шабтая. С удовольствием почитаю. Записки конч. на стр. 11, там последнее email от Ф, где она желает тебе всего доброго… не забудь отчитаться после врача.

Утром позвонил Р, оставил на автоответчике: «Хрюхрю, я тебя люблю.» Перезвонила, смеялась.

А вообще, чувствую себя хреново. Порхает что-то в груди. Трепещет сердце, блин, как пойманная птица…

26.3. «Гладиатору» дали главного «Оскара». Совсем опупели. Хотя современным мальчишкам можно позавидовать: такой фильм я бы с удовольствием посмотрел лет в пятнадцать…

Л позвонила на мобильный, но я не мог говорить. Потом прислала:

ну???????????????? Что сказал доктор???????????

Врач сказал, что это «не страшно», центур делать

не стоит, будет лечить лекарствами. Даже спортом можно заниматься, типа плаванья, но аккуратно (теннис не рекомендует). Я решил, что стоит послушать «second opinion», поищем какого-нибудь профессора. А сегодня пошел на работу.

Вечером сидел, переводил последнюю главу «Эпилога» Шабтая. Как-то я сроднился с его героем. С его въедливой грустью…

27.3. Гулял с собакой по парку. Р позвонила в 8.15, как договорились. Вчера поговорить толком не удалось, плохо слышно, и в дороге…

— Ну, давай, теперь подробно расскажи мне, что сказал врач.

Рассказал свои врачебные дела.

— Ну вот видишь, я же говорила, все это есть почти у всех людей твоего возраста, это нормально, зря ты хандрил.

— Я не хандрил, я не люблю отмахиваться от фактов. Изменения есть и надо в соответствии с этим менять режим питания, жизни, спорта… что значит нормально, умереть тоже нормально…

— А ты хочешь жить вечно?

— А ты хочешь, чтобы я побыстрей смылся?

Хохочет.

— Ну, а ты чего делала?

— Да ничего, все нормально, спасибо.

— Спасибо?

— Вот, выполняю программу, на две трети уже выполнила, ха-ха-ха!

— Это в смысле отомстить?

Ну почему «отомстить»…

— Ну, «тряхнуть стариной».

— Почему стариной, стариной это я с тобой тряхнула, ха-ха-ха!

— Ну что ж, дело хорошее. Поднимает настроение.

— Не знаю…

— Расскажешь при случае, если захочешь.

— Расскажу, но постфактум, как ты.

— Можно и постфактум.

— Но ты не переживай, ты все равно лучше всех.

— Чего уж тут переживать…

— Ну, смотри, если в воскресенье неудобно, давай в другой день, ты у меня всегда вне очереди.

— Спасибо, дорогая.

— Может, не будем пока договариваться, а ты мне как-нибудь позвонишь?

— Ну, давай так.

— Давай. Ну, пока.

— Пока.

Ну, вот и все. Грустно тебе? С утра почему-то было грустно. Что ж, на самом деле это хорошо. Но все равно грустно. Две книжки она заиграла, не беда, конечно. Можно повидаться для «обмена пленными». В общем-то, тебя выжали и выбросили. А ты вовсю старался доказать, что из тебя можно еще кое-что выжать. Ха-ха-ха.

От Л:

Профессор скажет то же самое, только помурыжит. Я бы на твоем месте, попробовала бы через пару негероических неделек сделать анализы по новой. Давай записки. Шабтая получила 28 стр. Прочла с удовольствием, как старого знакомого встретила, особенно приятно гулять с ним по Тель-Авиву. Было бы здорово издать его в «Гешарим». Прошу прощения за неурочный звонок. Трухнула — не поняла почему молчишь. Получила email из Сингапура, сын пишет, что между альпинизмом в Малайзии и подводным плаваньем в Индонезии читает Достоевского «Записки из подполья»…

Ну-ну…

А насчет Шабтая-Меира у нас совпало, «старый знако-

мый»…

Посылаю тебе конец последней главы.

Может она просто побоялась, что я откинусь на ее могучей груди. Еще про Ф говорила мне, что «понимает», почему я «не могу», ее тоже больные отталкивают. С больными не ебля. И, как жизнь, пошла дальше по рукам…

Нет, плохо мне. Тяжело. Тяжело мне будет без нее. Поползу на отсос, как поется в бандитской песенке. А чо, она даст, она добрая.

Уже один раз мы почти расстались, и тоже ныло сердце, и у нее тоже, потому и не расстались. А сейчас, интересно, как она, мучается ли? Спросил бы, да все равно правды не скажет. Нет, на этот раз все. Да и пора. К сексу я всегда был равнодушен, а больше делать нечего, да ничто другое ей и неинтересно, она к сексу тоже по-своему равнодушна: кто ебет, тот и калиф на час. Ладно, держись, парнишка. Подними повыше ворот и держись.

А почему тяжело? Потому что она умеет давать. И с ней хорошо было, все было хорошо. Очень хорошо. И я знаю, что не найти такого. Как же она так легко находит замены? Впору стихи сочинять.

Фея бросила Наума
Как верблюда в Каракумах.
Без воды и без еды
И без розовой пизды.

В стиле Гробмана вышло…

Бросился всем звонить (в несчастье вспоминаешь друзей): Мише в Москву — не застал; Тарасову — голос трезвый, поговорили о новых номерах «Солнечного сплетения», как бы, говорю, заполучить хоть парочку экземпляров (звонил и Вайскопфу, тот валит на Голесника, мол,

«патологически жаден», звонил Голеснику, жмется).

— А как личная жизнь, — спрашиваю.

— Вот, закончил прозу…

— Молодец, но это не личная жизнь.

— Ну что, Люся при мне.

— А девушка эта?

— Нет…

— Завязал, значит?

— Да…

Позвонил и Соколову (на уикэнд мы сняли гостиницу у Кинерета, отдохнуть, можно встретиться). Он предложил поехать в конце апреля пароходом в Венецию («плюнуть на могилу Бродского, ха-ха-ха!»), через Грецию, а потом через Любляну в Прагу. В Прагу еще приедет его издатель Амелин, и он думает сосватать ему Тарасова. Я сказал, что скорее всего присоединимся к ним в Праге. Спросил, прочитал ли «Кузнечика»? Прочитал, говорит.

— Ну, как?

— Лучше при встрече поговорим, по телефону неудобно, Тарасов тоже все добивался, как мне его проза, я говорю: ты хочешь, чтобы я по телефону сказал? Пришлось по телефону, но мой телефонный отзыв ему, видимо, не понравился, потому что он с тех пор не звонит.

— Ну, вряд ли поэтому, — заверил его.

Написал и Матвею, а то он заткнулся, гад.

28.3. Сегодня уже не болит душенька, как вчера, так, ноет иногда. Опять же на работе отвлекся. Успокаиваю себе тем, что позвоню, конечно, может и встретимся. Да и перепихнуться можно, но это уж как захочется. Когда? Не знаю.

Наум, привет!

Поскольку ты спрашивал об Адорно, мне, по-видимому, следует внести некоторую ясность в вопрос о моих «взаимоотношениях» с этим персонажем. К сожалению, дело обстоит не так, как хотелось бы и как это тебе — с моей, конечно,

подачи — представляется. Процесс перевода организован (по крайней мере, на тех уровнях, до которых меня допускают) настолько по-хамски, что в это даже трудно поверить; хотя я имею дело с солидной по видимости организацией (Институтом философии РАН), на самом деле это частный промысел некоего Г-ча. В расчет берутся только деньги. Текст режется на куски (чем больше, тем лучше, потому что так быстрее) и раздается кому попало. При этом я не знаю ни текста всей книги (мне дают только слепую ксерокопию), ни того, что делают соседи. Ни о каком согласовании хотя бы базовой терминологии нет и речи. Заранее ясно, что получится монстр, книга, которую будет страшно и противно взять в руки. Мне сказали «Адорно», тем более «об антисемитизме» — я, дурачок, и обрадовался (ведь выбирать не приходится); на деле оказалось, что я, в составе большой бригады, участвую в переводе огромного фолианта чисто социологического, причем прикладного характера. Опросы, анкеты, методология количественных подсчетов, таблицы и т. д. и т. п. Труд написан сразу после войны (1945—46 годы); исследователи-социологи, действующие под эгидой Еврейского американского комитета, опрашивают представителей разных слоев населения (в основном студентов: им не надо платить) с целью установить «уровень их этноцентризма». Адорно, действительно, числится в составе авторского коллектива, но он написал только предисловие, вульгарно-социологическое и в общем-то позорное для такого ума; правда, руководствовался он «самыми благородными побуждениями» (борьба с антисемитизмом и «этноцентризмом»: «время было такое»). Хотя я ничего не понимаю в социологии, даже мне ясно, что уровень исследования, по современным меркам, убог. В том, как ставятся вопросы, уже заложены все ответы (кого папа в детстве бил розгой, тот и тоталитарист). Те «общелиберальные» предпосылки, из которых исходят авторы, представляются мне верхом ханжества и интеллектуальной недобросовестности (например, личности делятся на «демократические»

и «авторитарные», и получается, что быть антисемитом «недемократично», как будто антисемитизм свойствен не «демосу»; с таким же успехом можно поменять термины местами). В довершение всего я перевожу теперь даже не Адорно (хотя бы и не в лучших его проявлениях), а вообще незнамо кого. Сейчас мусолю главу, написанную некой Бетти Арон, а на очереди — некий Барри Левинсон. Вот тебе и Адорно. Естественно, ни о какой философии и, тем более, эстетике, в текстах нет и речи. И еще деньги платят не сразу. Гады. В общем, вдряпался, лучше бы уж переводил детские ужастики; там хотя и грабительские условия, но все «по-честному»: они делают вид, что платят, а я — что перевожу, и деньги на бочку.

Так что мое упоминание об Адорно сделано «по старой памяти», без всякой связи с переводом. Может быть, я чуточку радикализировал Адорно, сказав о «взрыве изнутри», но только чуточку. На самом деле эстетика Адорно и по сей день представляется мне наиболее актуальной в плане размышлений о «пределах сотериологического самоотрицания». Но прежде чем о ней говорить, надо сделать пару вводных оговорок. Во-первых, Адорно-эстетик пишет исключительно о музыке, конкретно и со знанием дела; поскольку я в музыке профан, возможно, мне только кажется, что я понимаю, о чем идет речь. Далее, Адорно опирается на опыт вполне определенной школы в музыке («нововенской»: Шенберг, Берг, Веберн), поэтому вся предшествующая эволюция для него — «восхождение к Шенбергу», а последующая — «нисхождение от Шенберга». К счастью (или, наоборот, к несчастью), так совпало, что для меня эволюция выглядит точно так же, если понять ее в более широком, не только музыкальном, смысле. В конце концов, «новые венцы» — это люди того же закала, что и такие «киты модернизма», как Джойс, Пруст и Кафка, и мне тоже представляется, что именно на этом этапе достигнуто некое «равновесие отрицания», когда «отрицаемая» архетипическая форма еще оказывает настолько мощное сопротивление, что

умудряется «выстоять», но — «в последний раз». В дальнейшем, по моему ощущению, имеют дело не с архетипами как таковыми, а с их симулякрами. В-третьих, Адорно, в качестве «франкфуртца» (т.е. по сути неомарксиста и «левака»), сохраняет связи с динамической («процессуальной») диалектикой по линии Аристотель — Гегель — Маркс и противостоит субстанциальной («статической») метафизике по линии Платон — Кант — Гуссерль. У меня, «как у сотериолога», есть претензии к обеим линиям, но все же первая («динамическая») мне более близка. И последнее: Адорно фанатически «социален», хотя умудряется быть при этом отстраненным созерцателем, самозамкнутым ипохондриком и снобом; блеск его стиля эзотеричен и не подпускает «толпу» на километр; только такую «снятую» социальность и может вытерпеть сегодня ипохондрик «типа я». При изложении буду опираться на книгу: Теодор В. Адорно. Избранное: Социология музыки. (Серия «Книга света») М.-СПб.: Университетская книга, 1999. 445 с. К книге приложены две статьи А. В. Михайлова об Адорно, на которые я также опираюсь; основные работы Адорно даны в переводах того же Михайлова. В скобках замечу, что для таких горе-теоретиков, как я (не знающих немецкого языка), тот факт, что Адорно занимался именно Михайлов, — это настоящее везение и удача. Это я говорю тебе «как переводчик переводчику».

Теперь о сути дела. Адорно переосмысливает Гегеля: несистемность как момент системы есть истинный момент в ней. Это значит, что в основу всего кладется хаос. Есть отрицание, но нет отрицания отрицания (синтеза). «Целое есть неистинное» (в пику гегелевскому «Истинное есть целое»). У Адорно господствует система, остановившаяся на отрицании; но поскольку отрицание есть движение, получается система, остановившаяся на движении. Это не значит, что целого нет. Оно есть, но только в качестве конструкта, помысленного для того, чтобы было что отрицать. Адорно ставит под сомнение результативность, вещ-

ность плодов движения. Процесс — все, результат — ничто. Произведения «внутри себя как таковые определены как процесс и теряют всякий смысл, будучи представлены как чистый результат».

Сначала (первый, «утвердительный», такт «двутакта Адорно») искусство «утверждает» якобы-целостную действительность. Но поскольку действительность на самом деле характеризуется непродуктивной противоречивостью, произведение приобретает неотрефлектированные черты действительности как таковой. Это своеобразный «натурализм», хотя он описывает не поверхность вещей, а модус их существования. Но все равно это «натурализм». На втором этапе (второй, «отрицательный», такт двутакта) действительность отрицается в ее непродуктивности («ложности»); все реальные подлинные произведения искусства, по Адорно, всегда отрицали непродуктивную противоречивость действительности, тем самым вынося ей свой приговор. Произведения «отрицают противоречивость» тем, что осмысливают и выпячивают эту противоречивость, «гипостазируют» ее. Цитирую: «Критерий истины в музыке состоит в том, приукрашивает ли она антагонистические противоречия и тем самым запутывается в эстетических антиномиях, из которых нет более выхода, или же она — благодаря своей внутренней устремленности — открывается для постижения этих антагонизмов». Таким образом, истинность произведения требует, чтобы действительность отрицалась, а внутренне-художественный закон требует, чтобы было утверждение, синтез противоречий. И это противоречие, согласно Адорно, неразрешимо. «Там, где музыка разъята внутри себя, там, где она антиномична, но прикрывается фасадом единства и благополучия вместо того, чтобы доводить антиномии до логических выводов, — она безусловно идеологична, сама увязла в путах ложного сознания». Произведение как бы «выделяет из себя» категорию целостности в качестве не существующего, но предполагаемого «условиями игры» постулата.

А под прикрытием этого «постулата» предпосланной целостности искусство обретает право быть незавершенным в себе. Таким образом, целостность и присуща, и не присуща произведению; она и реальна, и она же фиктивна, как бы разыгрывает сама себя. Порядок иллюзорно просвечивает сквозь хаос — для того, чтобы было что отрицать (на чем и из чего строить антиномии).

На «техническом» уровне отрицание выражается в деконструкции «многоэтажности» эстетического объекта. Так, для классического музыкального искусства характерно деление на ряд крупных и резко отделенных друг от друга разделов (например, сонатное аллегро или рондо-финал в симфонии). Это «предпоследний» уровень (последний — это целое). Такая «разноэтажность» не устраивает Адорно, поскольку воспринимается им как момент метафизики в строении целого. После «деконструкции» многоэтажного здания дробим и его развалины, пока не добираемся до уровня «инфузории». «Чем больше новая музыка отдает себя во власть своих раскованных, свободных влечений, тем более тяготеет она тогда к насквозь проросшему, даже хаотическому облику. И даже противостоящие этим влечениям конструктивные средства производят на свет нечто такое, что на первый взгляд покажется хаотическим мерцанием». «Это взрезание тем, их рассекание на мельчайшие единства, тенденция к атомизации вызывает у людей неподготовленных такое впечатление, которое критик Леопольд Шмидт снабдил этикеткой „инфузорность“».

Художник, таким образом, всегда балансирует на грани, не давая себя интегрировать; он — «профессиональный революционер», подрывник («взрывает дома-многоэтажки в спальных районах»). Если хочешь — эстетический террорист.

Если я начну возражать по пунктам, выйдет очень длинно, поэтому намечу свои несогласия тезисно, пунктиром. Адорно не «улучшил» диалектику, абсолютизировав моменты «негативности» и процессуальности. Вообще говоря, для

эстетика (если он не путает онтологию с сотериологией) не важно, существует ли цельность «в действительности». Индивидуация — это вопрос: «Как же так, бля?» А снятие индивидуации — это не ответ (что тут ответишь?), а такое мягкое, интимное, втихую «затыкание рта». Человеку не отвечают, а приводят его в такое состояние («дионисийское»), когда он перестает спрашивать («задавать дурацкие вопросы»). Это состояние (пускай хоть и «инфузорное», хоть горшком назови, только в печку не ставь) — и есть цельность. Она существует «до культуры», а культура «возводит»/ «низводит» (как больше нравится) человека «обратно». И эта цельность в принципе «предшествует»/«наследует» (на выбор) не только культуре, но и человеку (поскольку последний по крайней мере наполовину состоит из культуры). Коренной порок концепции Адорно (а с ним и всей франкфуртской школы — Маркузе, Хоркхаймера и иже с ними вплоть до Хабермаса) состоит в том, что у них всему предшествует «социальность» с ее «противоречиями». Если это так, то ее можно только «отражать» и тут же «уничтожать» (дробить), потом опять отражать и уничтожать и т. д. в режиме дурной бесконечности. «Негативная диалектика» — это просто «недодиалектика», которая начинает не с начала, а почему-то с середины. Если же начать с начала, тогда выяснится, что искусство не «отражает», а «снимает»; не «действительность», а индивидуацию. А вопросы техники («укрупнять» или «разукрупнять», министерства или совнархозы) — это, по большому счету, вообще не эстетические вопросы. Чтобы произвести снятие, нужно создать «субъект отождествления», то «место в иллюзорном пространстве», на которое читатель (зритель, слушатель) может себя поставить; остальное — дело техники и вкуса.

Второй «роковой» для Адорно и других «эстетических террористов» вопрос — это вопрос о социальности. Когда речь идет о жизненно важном проекте, к нему политические спекулянты примешивают сотериологию (никто не станет

умирать за «смену формации», а вот за «свободу, равенство и братство», т.е. за спасение — это всегда пожалуйста). Подлинная культура не может обслуживать такое умонастроение, поэтому музы действительно молчат, когда говорят пушки. У Адорно за всеми «негативизмами» просвечивает вполне романтическое (утопическое) стремление создать «иное» в эстетической сфере, чтобы потом «воплотить его в жизнь». А его не надо воплощать, надо отпустить эстетический проект на волю — и тогда он поможет создать полноценного субъекта для идеологического проекта. Мандельштам назвал культуру «вольноотпущенницей». Зрелая идеология «отпускает» культуру, чтобы субъект, задышав обоими легкими, превратился в личность: «блок обеспечения» и «блок спасения» могут нормально функционировать только в раздельном режиме.

Всегда твой
Матвей

От Л:

Просыпаюсь ночью, все белое, светло, как днем — снег выпал. Красота! Но холодно, а почки уже набухли… Читаю Кундеру, там про Гёте и его великую любовь Веттину…

Спасибо за «конец главы». Целую
Ма нишма каха?[1]

Приучаю себя к мысли, что смерть не имеет к нам ни малейшего отношения.

Гуляючи, болтал с Озриком. Начал издалека, со сравнения Гринвея и Феллини, о современной «любви», превратившейся в «рассеянную детскую либидинозность», потом перешел на свои любовные переживания. Жаловался, что «не зацепишь». Озрик отреагировал равнодушно. Только

[1] А что вообще слышно? (ивр.)

сказал: «А тебя — зацепишь?»

30.3. К пяти явился к Баембаеву. По дороге позвонил Соколову — поездку на завтра в Тверию мы отменили, Риммка испугалась хамсина и арабского «Дня земли» — ждут беспорядков. Володя был на месте и полбутылки бренди они уже выкачали. Привез мне журналы. Рассказал, что Гробманы на меня бочки катят за публикацию в «Солнечном сплетении» (на иврите), что ивритский номер «Зеркала» вышел, о нем была даже статья в «Хаарец». Я сказал, что ничего об ивритском номере не слышал, Гольдштейн мне об этом не говорил. «Аа, ты еще с этим слизняком общаешься?» Володя был полон сарказма. Гольдштейна они дружно ненавидят. Баембаев рассказал, как пару лет назад собрался после пьянки бить Гольдштейну морду, что их собралось человек пять, и они пошли к Гольдштейну, «думаю, сейчас дверь откроет и я ему, не долго объясняя...», но дверь открыла Ира (прежняя сожительница Гольдштейна), и операцию пришлось отменить. Переключились на «Ир», Тарасов утверждал, что теперешняя Ира Гольдштейнова очень даже, дали бы ему, он бы ее «разбудил», заспорили о том, есть ли что будить. Переключились на Бренера (постоянный маршрут или замкнутый круг: гробманы, гольдштейн, бренер, гробманы). Вернулись к Гробману. К несчастному телевизору, который упал между ними. Баембаев обещал написать "Отрывки из дневника Гробмана":

— Понедельник. Приходил Тарасов и сломал телевизор. Вторник. Вчера приходил Тарасов и сломал телевизор. Среда. Позавчера приходил Тарасов и сломал телевизор. А потом: Приходил Вайман. Рассказал, что месяц назад Тарасов сломал телевизор.

Посмеялись. Бутылку красного, которую я притащил, пришлось самому и вылакать, они пили бренди. Заставил себя оторваться от теплой компании и пойти на вечер «Гешарим». Братья-поэты проводили до Алленби, где я

поймал такси. Водитель — эфиоп. Во тьме вечера напугал: вместо головы черный провал. Словоохотливый. Больше европеец, чем наши «черные». На выезде с Шенкин на Ротшильд, однополосном, к нам притерся с моей стороны частник и жестом попросил его пропустить. Я ему, тоже жестом: гони денежки. Все рассмеялись. В столь же веселом расположении духа являюсь на вечер, который уже закругляется. Выступает Гробман. Говорит о метафизике. Вайскопф журналы не привез, опять валит на Голесника. Спрашиваю у Миши Гринберга насчет издания перевода. «Сколько ты хочешь?» — «Ну, такая работа стоит тысяч двадцать, но я сделаю за десять.» Марина стояла рядом и по ее реакции (с надеждой посмотрела на Гринберга) я понял, что это дешево. Но Гринберг изобразил тяжелые колебания, стал жаловаться, что еще потребуется платить за права, пару тысяч, и за сколько же тогда ее продавать (можно подумать, что издает за свой счет), тут Марина меня поддержала:

— Мне очень понравился перевод и предисловие замечательное, я читала предисловие одной ивритской публикации — совершенно не по делу, а тут — просто в точку.

— Марин! — шутливо возмутился Гринберг. — Надо сбивать цену, а ты набиваешь! Посмеялись. Я сказал: «Подумай». Если он решил издать, то попробует спустить до восьми тысяч, а я ему предложу бартер на две тысячи, книгами, «Путеводитель заблудших», еврейскую энциклопедию. Спросил у Иры Гробман, как ей название предполагаемой публикации. Название одобрила. Но неожиданно ее прорвало:

— А ты в «Сплетение» дал то, что у нас было напечатано?

— Нет, там отрывки отовсюду, но какие-то, возможно, были и в «Зеркале».

— Были, были. Много. Это смешно.

— Что смешно?

— Ну смешно.

— Не понял. В любом случае, я тебя два раза спрашивал, собираетесь ли вы издавать ивритский вариант и возьмете ли меня. Ты ответила оба раза очень неопределенно, если не сказать уклончиво, и о моем участии, и о выходе журнала вообще. Ну так что? Я печатаюсь там, где меня печатают.

— Смешно все это.

Осталось только пожать плечами. Редакторы, как и любые разбойники на дорогах, не любят вольных стрелков. Так что, может, они и не напечатают «Принцип неопределенности», или так обкорнают (намекнула), что и сам заберешь.

Стоял на автобусной, слегка пьяненький, ждал. Все тянет Р позвонить. Позвонил, нарвался на автоответчик. Говорю ему: «Как дела? Сердце не болит?»

Матвей, привет!

Спасибо за лекцию по Адорно. В твоем описании он выглядит даже не романтиком, а постмодернистом, и ты не зря упомянул деконструкцию и «эстетический терроризм». И, конечно, твой взгляд на эстетику, как на стратегию спасения, чья суть в «возвращении к цельности» ему абсолютно чужд. И твоя критика его концепции убедительна. Но… не привлекательна. Поробую объяснить. Мне, признаюсь, по душе «эстетический терроризм» (да и вообще терроризм). Я чувствую в нем живое отчаяние. Оно принимает формы отрицания «порядка» и «цельности», деконструкции вплоть до инфузорий и т. д. А отчаяние — из-за вполне реальной и катастрофической потери цельности этим поколением немецких евреев, которое, в большинстве своем, видело в Германии свой Дом. Дом это и есть цельность, когда все цело и все целы… Это чувство, что мир рушится, возникло у многих (не только у евреев), и задолго до фашизма. Он даже не рушится, а осыпается. После разрушения остаются хотя бы руины, а после этого оползня — только песок. Для человека, охваченного таким ощущением,

ненавистен каждый, кто еще что-то строит, верит, оптимистичен, он кажется идиотом, строящим на песке.

И если «мерить» этим ощущением, то вся твоя «сотериология», все твое спасение через снятие индивидуации, вся твоя «цельность» действительно выглядит, как приведение человека в такое состояние, что он перестает задавать дурацкие вопросы. Но тогда получается, что чем человек примитивней, чем он глубже «в бессознанке», тем в большей степени ощущает «цельность». И «знаковое» словечко «дионисийство» возникает не случайно, а как намек на рецепт цельности: уколоться и забыться, даешь экстаз! Причем «цельность» у тебя связана с «родовым началом», а эстетика — вид сотериологии, причем самый продвинутый, «жреческий» — культура! Вот и получается, цитирую: «культура „возводит“/„низводит“ (как больше нравится) человека „обратно“». В общем, культура продвигает обратно. Не удивительно, что ее тянет взорвать.

И если все дело в «спасении» (так и так иллюзорном), то чем же «хуже» культуры (искусства) такие «проекты», как вера в Бога, путь, который ты почему-то не жалуешь, или «отрешенность» от социальной реальности, «уход» и аскеза, и, разумеется, всяческие «экстазы», «океанические чувства» и т. д. Хотелось бы верить, что «спасение» возможно не только на путях «возвращения к инфузорности», но и на путях созидания высших типов сознания (и культуры), способных через глубочайшее понимание дать ощущение «цельности». Или ты считаешь, что это принципиально невозможно и новый виток рефлексии — это всегда новый виток отчаяния без всяких шансов на новый виток «утешения»?

Всегда твой
Наум

От Л: *From: «alek»*

Я знаю какая у тебя проблема с сердцем. Сердце, ему так хочется покоя… А ты ему не даешь покоя. Ты наверное там

у себя в Израиловке. Помни что я тебе предрек. Ты умрешь очень и очень не скоро. Ты даже устанешь жить. И главное меня не будет, некому послать email.

Послала тебе письмо Алика. Апропо. Ты же любишь жизнь, хоть она и «красивая дура»? а что это за «книга света» Дильтея? Где теперь Юваль? Как он там? И забыла сказать, что перевод мне очень понравился. Молодец!

Письмо Алика меня напугало, я подумал, что он узнал мой адрес и решил поиздеваться. Как-то уж чересчур про меня, и Израиловка…

Юваль дома, в понедельник пойдет к врачу (у него опять вылетело плечо), попытается снизить профиль.

Журналы вчера получил (дали по одному экз.)

Гробманим недовольны, что я в «Сплетении» напечатался и уже отомстили.

31.3. *Наум, привет!*

Я не зря говорю о «пути вверх» и «пути вниз» как о равноценных и, по сути, одинаковых путях. (Это сказано еще Гераклитом: «Путь наверх и путь вниз — один путь»). Категория «снятия» предполагает «опускание» до самого «родового низа». Другое дело, что «снятие» на каждом этапе сохраняет (это его вторая сторона) всю высоту достигнутой индивидуации, которая запечатлевается в «пути снятия», придавая ему все более сложную структуру («синтезируя все более сложный тип личности»). В том-то и дело, что в момент катарсиса человек испытывает и всю полноту «дионисийского идиотизма», и всю высоту личностного восхождения — причем одновременно. Поэтому я и говорю: выбирай на вкус, как это называть, нисхождением или восхождением. Это и есть полнота диалектики.

«Инфузорность» же по Адорно мне абсолютно чужда, и я не «опровергал» ее просто потому, что считал это и без того понятным. Если взглянуть на ситуацию с сотериологи-

ческих («моих, то есть правильных») позиций, то окажется, что именно рациональная структурированность подлежащей снятию индивидуации делает возможным существование рационально же структурированного архетипа снятия этой индивидуации. А архетип — это жесткая структура, которая не по зубам даже таким подготовленным «подрывникам-террористам», как Адорно. Структурированность архетипа как раз и не дает впасть в «чистую инфузорность» (от чего не застрахован эстетик-романтик типа Адорно и, подозреваю, отчасти Вайман) — вот что я хотел сказать. Но при этом даже в самом рационально структурированном архетипе существует «момент инфузорности», потому что искусство не дает рационального ответа (иначе это была бы наука), а «приводит в состояние, не требующее ответа». Что же касается твоего замечания, что, мол, в такое состояние приводят и религия, и, скажем, наркотики, то это в каком-то смысле верно: все это — сотериологические стратегии. Но только культура предлагает «правильный», то есть соответствующий структуре объекта, путь снятия индивидуации. Правильный путь — жреческий, а религия и психоделика — магические суррогаты. А правильным жреческий путь является потому, что структура пути снятия индивидуации («сотериологическая стратегия») здесь соответствует структуре формирования индивидуации, терапевтическое средство соответствует генезису заболевания (по принципу «клин клином вышибают»), т.е. опять же, но уже несколько в другом смысле: «Путь вверх и путь вниз — один путь».

Всегда твой
Матвей

От Л:

А чего тебе не понятно? Это он меня с днем рождения поздравил, я же говорила тебе, что у меня тоже были «сердечные дела».

гробманим недовольны, что ты сотрудничаешь с другим

журналом? А для «сюжетика» и название есть — «третий лишний». Опять же смотря как считать… ты не поверишь, но в доме у моей сестры, в кабинете, (там мы еще не были) я подумала, хорошо бы сесть на письменный стол… а как ты думаешь?

Письменный стол мы, конечно, упустили из виду…

Да, гробманим недовольны, что они для меня не «свет в окне», или «в конце туннеля». Вот, посмотрим, пропустят ли «Принцип», или опять «отомстят».

Скажи, а ты Алику никогда не говорила про наши дела? Уж очень он «наивен» (как все мужчины) по части незаменимости.

Матвей, привет!

Все-таки дело в осознании. И не зря философия бьется над этими проблемами, а не психология. Другое дело, что «осознание» (тем более смерти) вызывает всякие чувства, тоску, например. Но «смертная тоска» свойственна и животным, достаточно посмотреть им в глаза в их последний час. Так может стоит бороться не с тоской смерти, а с проблемой смертности (с помощью науки). То есть не выходить из «поля сознания». Вот о чем я все время толкую, а посему и «дионисийский идиотизм» — не лекарство, а «магический суррогат». Ведь и ты сам занимаешься именно философией, и для тебя это не праздные упражнения ума, а самая что ни на есть «сотериология» (утешение философией!). Вот Ницше, скажем (для которого философия тоже не была праздным умствованием, а путем спасения), всю жизнь пытался «спастись» в другом направлении, прочь от рода. И в восторгах своих творческих радений наверняка испытывал «освобождающие эмоции». Впрочем, ты уже не настаиваешь на единственности этого пути, а только на его «правильности».

Так или иначе, но «снятие индивидуации», «возвращение в родовое», это как бы «очернение» индивидуации, негатив-

ное отношение к этому явлению. Но мы же знаем, что индивидуация не абсолютно негативна, наоборот, в ней самой открываются просторы «освобождения», и соответствующие «восторги». (Весь романтизм — это такой восторг индивидуации, опьяненной своей свободой и могуществом.) Чем они хуже «дионисийского идиотизма»? (Именно романтизм вытащил на свет божий «тень Диониса».) Кстати, и история искусства (ты же «эстетик»), и твоя пресловутая «схема Чижевского», «синусоида», «узлы» культурных эпох, «коллективистских» и «индивидуалистических», все говорит о том, что эти два направления «вверх» и «вниз» борются постоянно (и Гераклитом нас не заморочишь). Вопрос, если уж пользоваться терминами из области теории волн (синус), то какова «постоянная составляющая»?

То есть весь механизм — осознание «индивидуации» и ее деконструкция (низведение) до уровня первоначального «родового» истока, способная вызвать эмоцию «возвращения блудного сына» — все еще представляется мне проблематичным. И не единственным. Ведь кроме «блаженства возвращения», «блаженства покорности» есть и «блаженство улета» и «блаженство покорения» (ветер дальних странствий).

Всегда твой
Наум

Вечером пошли на концерт, Марик пригласил. Играли Мендельсона и Брамса. Потом с ними, с Матросами и «скрипачами» пошли в кафе на углу Пинскер. Раздавили две бутылки красного. Лялечка Матрос на мне виснет, в ухо нашептывает: слышала, что ты написал замечательную книгу, когда я ее получу? Ножки точеные, редкие ножки, и вообще фигурка, и на лицо милашка, а темперамент! Захватила роль тамады и все тосты про любовь — тоскует баба. Тоже в районе пятидесяти. Грустно стало. А «скрипачка» мне все еще нравится, если обстоятельства подыграют, возьму копье наперевес.

1.4.2001

Наум, привет!

Честно говоря, прочитав письмо, я ощутил давно забытое ощущение — deja vu. Все уже было: мы вязнем, не продвигаясь ни на шаг. Ведь нельзя каждый раз «уточнять базовую терминологию» (выглядишь зацикленным педантом), но стоит сделать хотя бы один шаг — и тут же абсолютно превратное понимание исходных постулатов обессмысливает всякую попытку продвинуться вперед. Ни одной из своих идей я «в зеркале твоего понимания» не узнаю. В общем, не знаю, что и делать. Двигаться вперед бессмысленно, а в сто первый раз уточнять базовые понятия — как-то глупо. Ответить же на все вопросы — значит написать многотомную «Философию искусства». Изумляют и попытки «подловить» меня на каких-то «противоречиях», даже колебаниях и смущениях. «Ты уже не настаиваешь на единственности этого пути» и т. п. Интересно, когда это я настаивал на «единственности пути»? Вспомни мои общие схемы, в которых религия личного спасения <u>всегда</u> рассматривалась как альтернативная, а именно магическая стратегия (в противовес жреческой). Ты сам, обсуждая мою концепцию, как-то очень давно остроумно заметил, что религия и искусство у меня «борются за одни и те же рынки», то есть конкурируют на одном — а именно сотериологическом — поле. Почему тогда, много лет назад, ты это понимал, а сейчас вдруг не понимаешь и говоришь, что я «<u>уже</u> не настаиваю»? Что значит вообще настаивать на единственности пути? Не признавать существования религии? Или не признавать, что религия занимается спасением (то есть относится к сотериологической сфере)? Я, как ты помнишь, примерно тысячу раз писал тебе о «шизофреничности» современного европейца, который спасается сразу двумя взаимоисключающими способами. Я вообще не представляю себе человека в здравом уме и трезвой памяти, который стал бы утверждать чушь о «единственности пути».

Далее. То, что ты выдвигаешь в качестве альтернативы,

вообще не относится к сфере сотериологии. Я постоянно ощущаю в твоей мысли попытку при каждом удобном и неудобном случае свернуть в сторону и устроить очередную «вселенскую смазь». Вот самый свежий пример: «Ницше, скажем (для которого философия тоже не была праздным умствованием, а путем спасения), всю жизнь пытался это снять в другом направлении, прочь от рода. И в восторгах своих творческих радений наверняка испытывал „освобождающие эмоции“». Попробуем разобраться в этом пассаже. Во-первых, не «всю жизнь». И объяснял он снятие индивидуации именно на путях «дионисийства», а вовсе не «в другом направлении» (как ты пишешь). Неужели нужно заново объяснять, что именно Ницше реанимировал интерес к «Дионису», и именно ему сотериологическая мысль обязана лучшими своими достижениями (такими, например, как философия искусства Вяч. Иванова)? Во-вторых, пока Ницше не сломили головные боли, и он был в силах держать мысль, а именно в «Рождении трагедии», он проводил четкие различия между искусством, как сотериологической деятельностью, и философией, как деятельностью, объясняющей механизмы воздействия искусства. Сама философия по природе своей не спасает, она объясняет, как осуществляется спасение. Нельзя одновременно спасаться и объяснять, как спасаешься, потому что спасение требует самозабвения, а анализ его не терпит. Эту мысль я повторял в письмах к тебе раз двести. Другое дело, что в своих поздних работах, которые, по моему глубокому убеждению, ничем не обогатили эстетику (хотя там и есть глубокие идеи иного характера), Ницше действительно пытался спастись на путях философской мысли, и действительно «в другом направлении, прочь от рода» (тут ты прав). В результате у него получился уродливый симбиоз: и не художество, и не философия, а незнамо что.

Но ты не ограничиваешься примером из Ницше, ты мне приписываешь стратегию именно позднего Ницше, наиболее мне чуждую. Цитирую: «ведь ты сам занимаешься философи-

ей, и для тебя это не праздные «упражнения ума», а самая что ни на есть «сотериология» (утешение философией!) «… Еще раз объясняю: я не «спасаюсь» философией и не «утешаюсь» ею. Я, слава богу, не Ницше и не Боэций. Я анализирую различные сотериологические стратегии, классифицирую их и сопоставляю, пытаясь выработать непротиворечивую общую теорию, т.е. занимаюсь нормальной научной деятельностью (с каким успехом, это другой вопрос). Я спасаюсь, когда испытываю катарсис. Когда я анализирую механизм его устройства, я не только не спасаюсь, но занимаюсь деятельностью, исключающей спасение. Может быть, для меня философия — это и не «праздные» упражнения ума, но это не более, чем упражнения ума. И для меня твое предложение спасаться с помощью науки или философии — это просто абракадабра, сапоги всмятку.

Далее о «негативности» индивидуации. Вот моя формулировка: «Индивидуация — это негативное последствие индивидуализации». Это не мысль, не теория, это исходный постулат. Ты можешь принять его, или отвергнуть, или предложить альтернативный. Но ты не можешь одновременно принять его и не принять (то есть толковать в дальнейшем вкривь и вкось). Но что я вижу дальше, в этом же самом письме? Цитирую: «Но мы же знаем, что индивидуация не абсолютно негативна, наоборот, в ней самой открываются просторы „освобождения“, и соответствующие „восторги“. (Весь романтизм — это такой восторг индивидуации, опьяненной своей свободой.) Чем они хуже „дионисийского идиотизма“?» Если бы ты употребил вместо слова «индивидуация» термин «индивидуализация», то я не стал бы с тобой спорить. Действительно, индивидуализация сама по себе никак не негативна (а в плане биологической эволюции исключительно позитивна), но чем «позитивней» индивидуализация, тем негативней вызываемая ею индивидуация, и тем более изощренных приемов снятия она требует.

Теперь о романтизме, «маятнике Чижевского» (кстати,

это мой термин, и ты напрасно считаешь его общепризнанным; к тому же, я настолько «усовершенствовал» схему, что, не отрицая приоритета Чижевского, считаю ее в большой степени своей собственной. Во всяком случае, как я выяснил, Чижевский вообще не рассматривал общеэстетических аспектов своей схемы, ограничиваясь рассмотрением на литературоведческом уровне) и тому подобном. Конечно, ты понимаешь, что легче задать такой вопрос, чем на него ответить. Чтобы не писать многостраничную диссертацию со схемами и чертежами, ограничусь тезисами. «Маятник Чижевского» дает представление о динамике перемещения акцентов в построении художественного целого: то уклон к родовому полюсу, то к индивидуальному. Но при этом даже на полюсах нет абсолютного преобладания одного из них (что привело бы к распаду художественного целого). Так, уже в эпосе Гомера заложено ядро трагедии (которая черпала сюжеты из того же Гомера), а в греческой лирике (типа Архилоха) наблюдается крайний «продукт распада» эпоса, но все же еще скрепленный «остаточной» родовой памятью. Так что, говоря о романтизме, мы толкуем не о распаде художественной формы, а всего лишь о перестановке акцентов. Более того, уже в рамках романтизма наблюдается тенденция «шараханья обратно», когда художники отрекались от своих творений периода «бури и натиска» и искали спасения в лоне антииндивидуалистических институций. Самый яркий пример — обращение позднего Фр. Шлегеля в католицизм; но подобную эволюцию пережили практически все романтики (об этом есть классические работы Гамана, Жирмунского, Лидии Гинзбург, просто лень искать и цитировать). Так что архетип снятия индивидуации остается единым; происходит лишь переакцентуация в рамках его целостности. Другое дело, что на обоих полюсах (как родовом, так и индивидуальном) некоторые горячие головы «перегнули палку», у них и получились художественно неудобоваримые вещи (например, «150 000 000» Маяковского как образец коллективистского бреда и «Записки курильщика

опиума» Т. де Куинси как образец индивидуалистического бреда, но это исключения, подтверждающие правило. Правило единства архетипа эстетического спасения — Жреческого архетипа).

Искусство (как и всякий искусственно созданный, т.е. «не предусмотренный Замыслом», механизм) точно так же является прибором, реагирующим только на один показатель — уровень индивидуации в социуме. Поэтому все твои рассуждения о познании, целостности как мыслительной конструкции — вплоть до трансцендентных платоновских идей — имеют, конечно, определенный смысл, но не имеют непосредственного отношения ни к искусству, ни вообще к сотериологической сфере.

И последнее — о дионисийстве. Дионисийство является всего-навсего эмблемой «окультуренного жертвоприношения». Ты, по-видимому, читал Мосса, и мне нет надобности говорить о «великой традиции», связывающей культурные архетипы с архаичными «жреческими» ритуалами. Конечно, ты вправе отвергнуть эту традицию, но тогда тебе придется объяснить все, что достаточно убедительно объяснено в рамках этой традиции, как-то иначе. Но ты не можешь и принимать традицию, и отрицать ее одновременно. Надо, батенька, как-то определиться. Например, идеи индивидуации и ее снятия — это не более чем перевод на «цивильный язык» языка ритуала жертвоприношения по вектору: «Милости хочу, а не жертвы».

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Суть, наверное, в том, что я таки маниакально озабочен личным «спасением» и всех сужу по себе, то есть полагаю: что бы человек ни делал, он таким образом ищет спасения. А поскольку философия не спасает, как ты утверждаешь, я и пытаюсь все время «вывернуться» из ее тисков (или тисков твоей логики), что вызывает твое законное раздражение. Я

уж не говорю о том, что мне вообще сложно с тобой спорить — не тот уровень подготовки. Вот ты просил «определиться», но я в реальном раздвоении, с одной стороны мне твои тезисы кажутся, по меньшей мере, интересными, а то и верными, и я склонен их принять, но это склонность «умственная», а что-то на уровне «чуйств» (или затверженных понятий?) бунтует, брыкается. Например, я действительно «придрался», и несправедливо, к «единственности» жреческой стратегии, хотя меня, скорее всего, оттолкнуло ее определение, как «правильной»… В общем, ты хочешь объяснить, а я спастись. И мне все время кажется, что любые схемы не в состоянии «объяснить» жизнь, а искусство, в смысле «степеней свободы», — даже «больше чем жизнь». И я как бы во имя этой свободы бунтую…

Кстати, в этом плане я, кажется, уловил у тебя один понятный мотив: ты пишешь, что искусство есть прибор, «реагирующий на уровень индивидуации в социуме». Похоже, что так, поскольку современное общество (условно «европейское») оказалось в крайнем индивидуалистическом раздрае, и это действительно «отражается» в полном развале искусства (в смысле его жреческих архетипов) и в разгуле «магических» стратегий спасения.

Всегда твой
Наум

От Л:

Алику про наши дела никогда не рассказывала, но его «а ты ему не даешь покоя, сердцу» (в Израиловке), на мой взгляд, не говорит о его наивности. А что ты думаешь о гипотезе, что твоя жена может видеть твою «неполноценность», как свою «неотразимость»?

Насчет Алика ты может быть и права.

А насчет жены… Я потерял к этому интерес. Как и ко многому другому.

Утром позвонил Р. Была дома. Теплые нотки из голоса убраны. Сказал, что сдаюсь. Не могу не слышать твой голос, не видеть тебя. «Я рада». Теплоты еще нет, но прозвучала какая-то «слабость», голос уже «мягче». Договорились встретиться в одиннадцать. Поехали в сторону моря.

— Ты меня обманул. И с этим я не могу примириться.

Вдруг прорвалась ярость:

— Я, как идиотка, места себе не нахожу, переживаю, как он себя чувствует, а он… Железное правило — нельзя себе изменять.

На развилке спросил:

— А в гостиницу пойдешь со мной?

— Сегодня — нет.

Рассмеялся.

— Чего ты смеешься, — и тоже улыбается.

Свернул в Неве Цедек.

Гуляли по Сюзан де Лаль, странный, игрушечный островок, ветер с моря, уже не такой горячий, как вчера, шар*а*в нишб*а*р[1]. Сели в кафе «Шлуш», у окна. Никого, ветер дует в открытые ставни. Взял бутылку красного.

— Скажи, — говорит, — вот если человек тебе дорог, и ты знаешь, что то, что ты делаешь, ему… ему будет больно, если он узнает, это тебя не останавливает?

— Иногда это не стремление причинить боль, а своего рода проверка. Или подготовка, тренировка. Восточные цари с детства принимали яд малыми дозами, чтобы организм выстоял при настоящем отравлении…

— Вот себя и приучай. Царь восточный. … Нет, бывают случаи, вот мне один рассказывал, был в командировке, вечером все сидели в ресторане, выпили, и одна сотрудница говорит: я хочу подняться к тебе в номер, есть же такие ситуации, что мужчина не может отказать, и у женщины бывают такие ситуации. А потом есть мужчины, которым

[1] Хамсин ушел, буквально — сломался (ивр.)

невозможно отказать. У нас был один сосед, чуваш, он был блестящий математик, доктор наук, так все говорили, что переспать с ним — честь, он был видный мужчина, высокий, но я с ним не спала, мне ужасно мешало, что он плохо говорит по-русски…

— Ну, как, выполнила свои «планы»?

— На три пятых. Осталась самая тяжелая часть…

— А ты что, заранее наметила…

— Да.

Хлопали ставни. Ветер усилился.

— Я ношу тебя в себе, и мне это доставляет радость. Но бывает, что иногда назначенное свидание хочется отменить… Может быть, обязательность как-то давит… И в гостиницу мне не всегда хочется ехать. Я даже думал одно время, что лучше сначала пойти куда-нибудь…

— Ну да, тебя музеи возбуждают, — смеется.

— Музеи тоже. А это хождение в гостиницу, как на…

— Как на работу? Но почему ты решил, что ты обязательно должен меня трахать? Я вовсе не против пойти куда-нибудь, в кино…

— Да, у меня сложилось такое ощущение. Ты как-то дала мне понять, что тебя можно удержать только этим. А я хочу тебя удержать…

— Значит, ты не всегда хочешь увидеться…

— Я всегда хочу тебя видеть, но… не всегда…

— А для меня это всегда было… таким праздником. Уже с утра я ждала, и радовалась, что мы скоро встретимся… У меня с детства были вспышки необъяснимой ярости. Я даже один раз в маму ножницами запустила, они ей в ногу воткнулись… В этом состоянии я могу убить. Я действительно полностью теряю чувствительность, туман застит глаза… Конечно, надо полагать, что муж тоже мне изменял. Красивый, сильный мужчина, всегда нравился женщинам, не может быть чтобы… на работе, или еще…

vizit poeta

Леша, привет!

Как дела, что нового?

Соколов собирается завернуть в Прагу 8—9 мая (полагаю, что он тебе сообщил). А как ты смотришь на то, что и мы с Риммкой нагрянем? Не к тебе домой, конечно, а в Прагу, дня на 4.

Будет время кутнуть?

Привет Краве

Всегда ваш

Наум

3.4. Вчера утром, по дороге на работу позвонил ей на чудотелефон, записал на автоответчик: «нашик*а*т б*о*кер» (утренний поцелуй).

А сегодня утром гулял с собакой у пруда с шипящими и нападающими гусями, и позвонил насчет завтра. «Нет, вечером я не могу». — «А днем?» — «Днем можно». Договорились. «Да, спасибо за „нашикат бокер“».

Гуляя, встретил Меира-теннисиста. Советовал плюнуть на врачей. «Ты сам себе лучший врач. Чувствуешь себя хорошо? Ну и все. Вот у меня был один знакомый строительный подрядчик, шестьдесят два ему было, ему сделали нитуах маакаф*и*м[1], частным образом, у профессора, заплатил кучу денег, деньги есть, слава Богу, потом он поехал на восстановительный период в Швейцарию, приехал, пошел к врачу, сделали ему проверку на тренажере, врач ему говорит: ты здоров, как восемнадцатилетний, а через день он умер, ночью, в постели.»

vizit poeta

Наум

Саша ничего не сообщал — попробую с ним связаться.

[1] по-английски эта операция называется «бай пас», что-то вроде замены сосудов

Что касается вас, то будем очень рады и даже вполне пригласили бы остановиться у нас, но если одновременно с Сашей, то не получится.

Да, учтите, что в самом конце мая мы намерены отбыть в империю зла — числа 30 или около. Ждем.

vizit poeta

Леша, привет!

Спасибо за приглашение. Речь идет о начале-середине мая (9—13)

Мне странно, что Саша тебе не сообщил (мне он сказал, что говорил с тобой), так что ради Бога «не подставь» меня, чтоб не вышло, что я «не так понял».

Я ему сейчас отправлю запрос, без всякой ссылки на тебя.

Всегда твой

Наум

Odnodum

Наум, привет!

Наши «обострения» (кстати, совпадающие с периодами солнечной активности) с тупым упорством развиваются по сценарию-«рыбе», сваргаенному халтурщиком-драмоделом.

СПАСАЙСЯ КТО МОЖЕТ

Сотериологическая рыба в письмах на два голоса

Звучащие голоса:

Р. — зацикленный размышлитель-однодум

В. — расцикленный литератор-многодум

Акт 1.

Р. — Тезис

В. — Робкое сомнение в абсолютности его истинности

Акт 2.

Р. — Нажим

В. — Несмелое возражение

Акт 3.

О. — Окрик

В. — Отступление

Проблема как раз в феномене «однодумства». В одном из томов Гершензона, которым упиваюсь (тем, видно, и спасаюсь на данный момент), помещена его работа о Чаадаеве (кстати, сильно повлиявшая на Мандельштама), и там приводится письмо Чаадаева, патологического однодума, к Пушкину. Поэт изъявил желание потолковать с другом «о высоком», как Шиллер с Гете (вариант: как Вайман с Рувиным). И вот что ответил ему Чаадаев: «О чем же мы станем беседовать? У меня, вы знаете, всего одна идея, и если бы ненароком в моем мозгу оказались еще какие-нибудь идеи, они, конечно, тотчас прилепились бы к той одной: удобно ли это для вас?»

Вот именно! Удобно ли это? Не жмет, не давит? Конечно, эмоции Чаадаева «амбивалентны»: в них просматривается одновременно и снисходительность (взгляд «свысока»), и комплекс неполноценности.

Я вовсе не считаю, что мои конкретные высказывания «умнее» твоих или, тем более, что они «истинны». Просто у меня в голове — Система, тем более прекрасная и согласованная, чем менее реально проработанная. Поэтому любое смысловое отклонение в интерпретации базовых понятий — элементов, из которых состоит Система — воспринимается мною как «подрывная деятельность». А то, что моя система ни для кого не обязательна, как-то «не приходит в голову». Утешаюсь тем, что раз природа с тупым упорством воспроизводит подобных однодумов, значит, это кому-нибудь нужно. Наверное, для того, чтобы на их фоне острее ощущалось удовольствие от необязательных разговоров (свободных от маниакальной склонности к «уточнению понятий»), необъяснимых симпатий и детских игр.

Всегда твой
Матвей

4.4

— Ну что, поедем в гостиницу?

— Что-то у меня все внутри пусто…

В результате пошли смотреть «Жиль и Джим» (идет фестиваль Трюффо). Как раз на тему. Потом поехали в «Ицик Агадол», обожрались, выпили бутылку красного. Обсуждали «Жиль и Джим». Рассказал ей, что когда Трюффо прочитал этот роман Роше, то решил, что будет делать кино. И он остался его любимым романом. Фильм классный, такая «анатомия любви». Хотя я Жанну Моро не люблю, и баб, которые в воду бросаются. Она вспомнила польский фильм 70-х, «Анатомию любви» с Барбарой Брыльской, произвел тогда сильное впечатление.

— У меня был такой случай, я тебе рассказывала, когда я не знала от кого ребенок, это было ужасно. Я пошла на аборт, я просто не могла, это было буквально невыносимо. … Вот ты говоришь: лучше безответно любить, чем быть любимым и ничего не чувствовать… У меня бы один страшный случай… у нас был один студент в группе, татарин, Фазиль его звали, у него еще были, видимо, проблемы с семьей, жил он в общежитии, и чувствовалось, что он совершенно один, видимо, он был в меня влюблен, но я никакого внимания на это не обращала, мало ли, в меня многие были влюблены, и еще у него… то ли он когда-то горел, не знаю, но у него была ужасная такая рука, почти без кожи, одни кости, и такая, скрюченная, и вот однажды мы возвращались с подругой ко мне домой, какой-то праздник был, уж не помню, Новый год что ли, и он за нами увязался, шел так чуть сзади, мы уже пришли, я ему и говорю, ты чего, хочешь зайти? Он говорит: хочу. Ну, мы пришли, а дома после праздников куча посуды было немытой, балаган, родители куда-то уехали, ну, мы взялись убирать, он нам помогал, с большим энтузиазмом, потом сготовили поесть, и вместе сели, поели, и мне кажется, что для него это было очень важно, может у них так, что когда впустили в дом, и потом у нас действительно было ощущение дома, то это что-то значит, и он с тех пор стал за мной

таскаться, а потом стал за мной следить, и однажды позвонил, а сестра говорит: ее нет, она ушла, а он уже знал, с кем я встречаюсь, и он меня ждал, а я вечером вышла, он так удивился, говорит, зачем ты меня обманываешь, ну я его отшила. И вот однажды я шла домой, а он за мной. Я говорю, ты что, проводить меня хочешь? Он говорит да. Ну, проводил он меня, а в подъезде стал мне говорить, что он меня любит, что он не как другие, он на мне жениться хочет, а я побежала от него, а он за мной, и споткнулся, стал падать, и схватился рукой за полы моего пальто, и у него эта рука, обожженная и короткая, обнажилась, и меня такой ужас охватил, и я рванула наверх, а я сильная была, и потащила его по ступенькам, он вцепился в пальто, эта рука, а я еще его ногами пинаю, это был ужас, ужас… Потом он перевелся и я его больше не видела. Но до сих пор помню, и не забуду. Я думаю, что то, что со мной потом было, это в наказание за это.

В деревне целовались часа два.

— Неправильно я себя веду. Ведь уже решила — все, и опять…

Отдала журнал. «Бедный Меир» не произвел на нее впечатление, и качество перевода тоже не воодушевило. Зато понравился Жан Жене.

От Л:

«Писатель — дуэлянт, не являющийся в условленный час; он подбирает оскорбление, словно некую любопытную вещь, находку для коллекционера; потом он рассматривает это на своем столе и лишь тогда выходит на дуэль со своим оружием — словом. Многие считают это слабостью. Я называю это обдумыванием. То, что для мужчины слабость, для писателя — достоинство. Он хранит, накапливает то, что взорвет позже в своем произведении. Вот почему писатель — самый одинокий человек в мире; ведь он живет, сражается, умирает и вновь рождается всегда в одиночестве; все свои роли он играет за опущенным занавесом. А в жизни он фигура

несообразная. Чтобы судить писателя, надо любить его писание той же любовью, какой любишь его, как мужчину. А большинство женщин любит только мужчину». Анаис Нин

Ну как, снизил Юваль профиль? Эйх амаргаш[1]?

Врач направил его в Тель-Ашомер, на обследование, а пока он на базе, ждет, когда вызовут.

Маргаш? Черт его знает, смута какая-то…

Звонила тетка из издательства «Кетер», говорит, скоро выйдет антология, и мой кусок из книги. Когда все куски выйдут, попробую еще раз побегать насчет издания не иврите.

С 8 по 13 поедем на Крит. Надо «отдохнуть».

Зашел в «Стемацкий» на Алленби, там есть такая Сарит Томшински, русскими книгами занимается, предложил свою. Повертела в руках, говорит «мехубад[2]», но мы у частных лиц не покупаем. Понимаю, говорю, но это вам, в подарок. Сразу бросила книгу, как раскаленный уголь. Может, это считается взяткой? В другом магазине, только заикнулся: мы книги не берем! В общем, продавать свою книгу, или дарить незнакомому человека — ад унижения. Но так и должно быть.

5.4. В час встретил Герца, привез его к нам. Отобедали. В Риге его встречали празднично, с цветами. Дали деньги на фильм. Рассказал о замысле:

— Все началось с того, что захотелось снять про того мальчика, из «На десять минут старше», что с ним теперь, ну да, это теперь модно, ну, я его нашел. Конечно, от того богатства эмоций ничего не осталось, лицо неподвижное, нет, он вполне благополучен, кончил университет в Швеции, у него своя фирма, отец у него в латвийском

[1] Как самочувствие (ивр.)

[2] Солидно (ивр.)

правительстве, но такое ощущение, что он пережил какой-то очень тяжелый момент в жизни, он играет в бридж, участвует в международных соревнования, вначале я поехал с ним на чемпионат мира по бриджу, это было очень интересно. … Я в первый раз приехал в Иерусалим в 88-ом, и нас поселили в Мишкенот, напротив Дормицион, и мы каждое утро вставали под звон его колоколов и любовались его стройной башней, мог ли я знать, что через десять лет похороню там Иру… … Я знал, что в больнице уже ничем не могут помочь, поэтому она умирала дома, и я думал, вот неужели ничего не останется?, и тогда я стал снимать, однажды пошел снег, это было так здорово, из двух окон было видно, и она сидела у окна, а я снимал, однажды приехала ее близкая подруга, из Америки, приехала на один день, попрощаться, и мы испекли хлеб, сами, такой вкусный получился хлеб… А она гиюр[1] не успела пройти, и мне предложили общее кладбище у Беер Шевы, или, если за деньги, то, вот, у Дормицион, и этот, из похоронного, сразу позвонил священнику, все устроил… Меня положили на операцию, и такое настроение было, во-первых, неизвестно чем кончится, и потом для врачей ты же не человек, а такой станок, на котором они работают, и тут я решил взять камеру, сказал своему оператору, договорился с врачами, а я еще в Риге снимал фильм об операции на открытом сердце, а потом здесь уже снял похожее, это потрясающе, как они берут циркульную пилу, взрезают грудину, раздвигают, вот мы говорили об «Уроке анатомии» Рембрандта, ведь художникам разрешили рисовать в анатомическом театре только где-то в 16 веке, и я помню эти рисунки, один такой: стоит человек, и грудь его вот так раскрыта, а в «окне» этом — пейзаж, вот они раздвигают, ставят такие распорки, каркас металлический, отсекают сердце, подключают к искусственному сердцу, а это

[1] Принятие иудаизма (ивр.)

такой огромный агрегат, который жужжит и стучит со страшной силой, а само сердце опадает, в нем только немного крови оставляют и поддерживают определенную низкую температуру, а потом опять подключают, но сердце еще не действует, оно как бы забыло, что ему делать, и тогда они подключают такие два электрода, хирург весело говорит: «улю-лю», потом еще раз «улю-лю», оно вздрагивает и начинает двигаться, а потом уже бьется, и на нем еще остаются такие железные зажимы, и вот ты видишь, как они бьются, вместе с сердцем, как оно увлекает их своим биением.., вот все это мы теперь сняли со мной, и знаете, когда я решил взять камеру, то все изменилось, я перестал быть станком и стал наблюдателем, и настроение изменилось, и все. ... «Урок анатомии» — моя любимая картина. Французы сделали замечательный фильм о Рембрандте, в тех же красочных тонах, с такой же подсветкой, как его картины...

Сказал ему, что давно хочу купить видеокамеру, но все не решаюсь: если серьезно взяться за это дело, все время отнимет, а просто так — неинтересно.

— Вы должны сначала решить, какую роль вы на себя берете, гостя, или наблюдателя... Трудно наблюдать и не вмешиваться. Вот я однажды на тахане мерказит[1] видел пару, она в солдатской форме, с оружием, а он — просто, в обычном, и они сидели прямо на асфальте, и он обеими руками держал ее за лицо и что-то очень темпераментно ей говорил, это была потрясающая сцена, мне так хотелось ее снять, но я боялся, что они заметят, я раз прошелся, второй, незаметно щелкнул «леечкой», еще раз, не заметили...

Рассказал мне свою «сердечную» историю.

— В первый раз это у меня случилось, когда мне было пятьдесят, ровно двадцать пять лет назад. Я приехал

[1] Центральная автобусная станция (ивр.)

в Москву, как раз на праздники, вышел из гостиницы, народ гуляет по улицам, и вдруг чувствую боль вот здесь, и тошноту, слабость. Вернулся в гостиницу, думал-думал, вызвал скорую. Приехали два бугая, сделали мне электрокардиограмму, говорят: лежи, не двигайся.

— Так они должны были вас в больницу отвезти, раз уж «лежи, не двигайся».

— Никуда они меня не отвезли, и лекарств никаких не дали, сказали полежи пару дней. И вот я лежу, за окном праздник, и чувствую, что ухожу. Но потом боль ушла, поднялась вот сюда, к горлу, перевалила за плечо, под лопатку, а потом ушла. И я встал и пошел. Первое время еще чувствовал себя не очень, а потом и забыл про это. А второй раз, уже в Риге, меня положили в больницу, инфаркт, нет, тоже ничего не делали, просто месяц пролежал, дали нитроглицерин вдогонку, если плохо, то глотать. И вот уже в Иерусалиме, зимой, Ира была уже больна, я шел по улице и вдруг чувствую — опять, взял я нитроглицирин, причем сразу две таблетки, последние были, и там еще крошки какие-то, все запихнул, и, видимо, это была слишком большая доза, это же сосудорасширяющее, и я свалился без сознания, очнулся, кто-то стоит надо мной, спрашивает: «Ата беседер? Ата беседер?[1]» Какой уж там беседер. В больнице мне сделали центур, ну а потом… А в армии я заболел туберкулезом, один врач посмотрел, говорит: о, у вас уже дырка сейчас будет в легких, дело плохо. Ну, я тоже уж думал, все, во цвете лет. А другой врач вселил в меня надежду, говорит а вот мы сейчас вам легкое отожмем, выдержите — выживете, ну и, отжали мне легкое, хорошо еще там ничего не слиплось, нет, никаких лекарств не давали, сказали бесполезно, ну и организм молодой, крепкий, выдержал…

Герц небольшого роста, коренастый, франтоватый,

[1] Ты в порядке? (ивр.)

в такой юнкерской фуражке. Рассказывал мне о камере, и при этом навел ее на портрет Риммы, который еще Аронштам, отец Жанны сделал, лет пятнадцать назад (выяснилось, что Герц был с ним знаком, и жену его, Зину, он хорошо знает, да, она ж была актрисой в Рижском драматическом), потом на меня. «Я не снимаю, вы не волнуйтесь, я только смотрю ракурс, подсветку…» Но я понял, что он снимает. «Бесшумно работает», — говорю. «Да». Пересадил меня под окно, снял с одной стороны, с другой. Потом дал посмотреть. Я увидел портрет жены, потом себя с беспокойным, напряженным, почти воспаленным взглядом, потом, в другом ракурсе, в мягком свете, вдруг успокоившимся, задумавшимся, потом — в третьем, почти умиротворенным, и свет из-за головы. И подумал, вот, несколько кадров, и все ухватил, и даже то, что с портрета начал, все под ее сенью, вся моя жизнь. Как он это увидел? Умен, черт. В этом-то все и дело. В рамку камеры-то каждый может смотреть, а вот что-то увидеть…

Спросил меня, что сейчас делаю. Я поведал что-то бессвязное о Христе, о том, что ситуация тогда кажется мне похожей на нынешнюю. Он кивал.

— Но вы работаете?

— Да работаю-то я каждый день, иногда целый день, но как-то не целенаправленно… Ну и хронику пишу, мы же документалисты…

К шести отвез его на Центральную автобусную. Часа через полтора он позвонил, сообщил, что доехал благополучно, поблагодарил.

6.4. Утром гуляли с женой по парку. Деревья цветут пышными белыми и сиреневыми цветами. Жена нагибает ветки, нюхает, гладит цветы.

Мимо идут два дворника, один высокий, сутулый, другой помельче, русоволосый. Высокий обращается ко мне на русском, но с непонятным акцентом:

— Каким спортом занимались?

— Когда-то — боксом. А что?

— То-то я смотрю… Вы и сейчас в хорошей форме.

— Таких бы пяток в наш парк, — говорит блондин, — головы бы им пооткручивать.

От Л:

Помнишь: твое желание посылать мне свои писания, а мое их читать, м.б. и есть «такая наша любовь»? Так что давай записки до отъезда, а то как же я буду спать без моего любимого писателя? А таблетки я принимаю только когда чувствую сердце. Ну, ты нашел профессора?

Во-первых, хаг Песах самеах! Ве кашер[1]*. И здоровья. И всей семье благополучия.*

Профессора не ищу пока. Ну их.

Спать без любимого писателя конечно трудно, но и с таким любимым писателем тоже, понимаш, не уснешь…

Priglasheniye k zastolyu

Наум, привет!

Хочу предложить твоему вниманию составленный мною реферат сочинения М.О.Гершензона «Ключ веры». Предлагаю следующую форму обсуждения. Если идеи Гершензона тебя заинтересуют, ты выскажешься по этому поводу, а я в ответ, как неисправимый однодум, попробую, с учетом твоих замечаний, произвести «проекцию» этих идей на свою концепцию и «дать врачебное заключение» относительно «сотериологического диагноза» Гершензона. Разумеется, для такого «анализа» подойдет не всякий текст. В этом смысле «Ключ веры» подходит идеально, поскольку многие заключения Гершензона даже фразеологически близки некоторым обсуждавшимся нами идеям, но как раз на этом фоне карди-

[1] Счастливого праздника Песах! И кашерного! (ивр.)

нальные различия в подходах проступают особенно отчетливо.

Для начала несколько слов о месте «Ключа веры» в творчестве Гершензона. Это, без преувеличения, главный его философский труд, своего рода «исповедание веры». С детства интересуясь философией, Гершензон практически до старости не решался писать на теоретические темы (правда, он писал «в стол» так и не законченную обобщающую работу «Тройственный образ совершенства»), не чувствуя себя «специалистом». Ситуацию переломил Вяч. Иванов, спровоцировавший его в качестве оппонента на переписку («Переписка из двух углов», 1920 г), которая велась из двух углов палаты «Здравницы для переутомленных работников умственного труда». «Переписка из двух углов» неожиданно вызвала громкий международный резонанс, что расстроило Гершензона, так как он чувствовал, что инициативный Иванов заставил его играть по своим правилам: «тон голоса В.И. определил и мой; оттого меня коробит от этой книжки: это тон кантилены, пенье зажмурив глаза, что мне, кажется, совершенно чуждо». Похоже, «переутомленным работником» оказался только Гершензон. Поэтому в дальнейшем он был одержим идеей разъяснить и уточнить свою позицию. Это и сделал в «Ключе веры», 1922. Характерно, что это его «исповедание веры» вылилось в размышление о характере еврейского Бога; забегая вперед, отмечу, что, по моему ощущению, стремление «универсализировать» Яхве как-то связано с антисионистской (хотя и не примитивно ассимилянтской) позицией Гершензона, ни на минуту не переставшего чувствовать себя евреем в чуждом конфессиональном окружении.

РЕФЕРАТ

Кто хочет понять человека и себя самого, должен бросить лот в самую глубокую идею, какую создал человеческий ум, — в идею Бога.

Еврейский Бог по своей природе — огонь. Скорее стихия, чем существо: бесплотный, безликий, огнедышащий, огненный Бог. «И видел я как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри его вокруг; от вида чресл его и выше и от вида чресл его и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние вокруг него» (Иез. 1: 27 и VIII: 2) Между тем ему как бы от природы присуща потенциальная форма воплощения; можно сказать, что в нем скрытно пребывает человеческий облик.

Бог позднейшего единобожия характеризуется абсолютной полнотою мощи и разумения. Он всесилен физически, все видит и слышит, все предусматривает, все знает, обо всем помнит; в нем полнота и равновесие всех возможных сил. Библейский Бог не таков: он — еще преимущественно стихия, не личность; в нем нет ни этой полноты, ни этой соразмерности; он необуздан и запальчив, его полновластие полно изъянов, и всеведение весьма ограничено. Подобно человеку, несдержанному в гневе, он сам боится своей вспыльчивости и принимает меры против ее непоправимых последствий.

Все древние религии без исключения начинают свой рассказ биографией верховного Бога. Один Ветхий Завет ничего не знает об истории Бога, потому что Бог-личность должен родиться и переживать различные перипетии, тогда как Бог-стихия не имеет биографии: он существовал от начала и неизменно. Биография Бога делится на две части: до сотворения мира, когда он был один, и вторая, которая, по сути, есть история его взаимоотношений с человеком. Естественно рождается недоумение: Бог и созданный им человек настолько несоизмеримы, что кажется странным, почему внимание Бога отныне всецело поглощено поведением твари. Можно подумать, что Он лично в своем существовании или благоденствии зависит от судеб человека. Бог всемогущ над неодушевленными творениями, но такой власти нет у него над тварью живою — не потому ли, что он уделил ей от своего духа,

а с духом сообщил и свою свободу, свой произвол? В шестой день, кончив работу, убедился, что все устроено «хорошо весьма»; и чуть не на другой день должен был убедиться, что механизм далеко не хорош: Адам согрешил, а там все пошло хуже и хуже, и машина скоро оказалась вовсе негодной. А портилась машина только в тех частях, которые были одарены душою, и причиною порчи была именно душа или воля твари. Зачем же понадобилась Богу эта трудная и жестокая игра: одарить человека столь сладкой свободой — для того, чтобы муками заставить его в конце концов отказаться от нее?

Бог боится человека, как возможного соперника. Невольно рождается фантастическая мысль: Бог нуждается в человеке и до изнурения хлопочет о нем, но как же он и ненавидит человека за эту свою нужду в нем, и за неизбежную его свободу, и за вечную хлопотливую возню с ним! Иаков и Моисей для Бога — не рядовые фигуры из людской толпы: они — его избранники, лично знакомые ему; тем более вероятным кажется, что, повстречав одного из них в своих ночных скитаниях, Бог вдруг загорается острой злобою и, не помня себя, накинется, чтобы задушить его. (По поводу известного эпизода: Бог сам послал Моисея с важной миссией в Египет, и вот — «Дорогою на ночлеге случилось, что встретил его Господь и хотел умертвить его…»).

Такую власть имеет человек над Богом в силу своей врожденной свободы. Но и Бог обладает могущественным оружием против человека. Как властелин всех материальных сил, он легко может воздействовать на его свободную волю и принуждать ее к покорности. Следовательно, человек в такой же мере зависит от Бога, в какой Бог зависит от человека. Их отношения между собою основаны на взаимной корысти и взаимном насилии. Чудовищная мысль о взаимной корысти, которою связаны Бог и человек, так глубоко укоренилась в народном сознании евреев, что породила естественный плод, еще более чудовищную

идею формального договора между Богом и человеком. С виду договор прост, гладок и тверд, как тело животного или ствол дерева. Он весь сводится к одному условию; Бог говорит: «Повинуйтесь мне в духе, и Я дам вам телесное благополучие, иначе — нет». Отсюда развивается стройная философия истории, проникающая весь Ветхий Завет. Надо верить просто потому, что это выгодно. Пророки любили изображать союз Бога с Израилем, как брачный союз: Бог — муж, Израиль — его жена. После «измены» с чужими богами жена-Израиль скажет: «Пойду я и возвращусь к первому мужу моему /то есть к истинному Богу/, ибо тогда лучше было мне, чем теперь» (Осия II: 5—8). О любви к Богу нет и помину, но благоразумие заставляет жену вернуться. Сам пророк не говорит о любви: он советует только покориться. Казалось бы, естественно было пророку спросить себя: на протяжении веков и доныне не было дня, нет часа, когда бы Израиль не изменял своему Богу; какая же неодолимая потребность чувства побуждает его беспрестанно блудодействовать с чужими, ничтожными богами? Но они не спрашивают об этом; очевидно, чувственная сторона явления, эта жажда свободы от Бога, им тайно понятна: психологически иначе не может быть; они говорят только одно: тебе дан разум — будь же рассудительна, сдержи свою страсть, останься верна мужу, чтобы не впасть в бедность или рабство. — Они знали, что не в природе человека любить ***такого*** Бога.

Как могла родиться в человеческом уме такая чудовищная мысль? Кому теперь придет на ум, что существует прямая причинная связь между его метафизическими убеждениями и нашествием врагов на его отечество? А три тысячи лет назад все культурное человечество — не одни евреи — было твердо убеждено, что непреложнее и нагляднее этой зависимости нет явления в мире. Те люди оплачивали свою веру дорогой ценой, потому что их вера совпадала с жизнью, была ничем иным, как техникой их жизни. Человек всегда был практичен и скуп, не склонен тра-

титься даром, и если жертвовал, то за верную прибыль, и люди жертвовали, не жалея лучшего своего достояния, изо дня в день, кровью и трудом и даже самым дорогим — помыслом своим. На такую жертвенность может подвигнуть человека только уверенное знание, которое воспринимается как безошибочный расчет. Жертва воспринималась как беспроигрышная ставка.

Смысл здесь есть, простой и глубокий. Нет сомнения: верование это в своей первоначальной, чистой форме, раньше, чем обросло коростой народных суеверий, было насквозь прозрачно: оно выражало не что иное, как познанный в опыте и всем понятный психологический закон. Божья искра не сверху падает на грешника, она зарождается в нем самом и восходит над ним. Только вера в истинного Бога дает человеку душевное здоровье; благочестивый живет нормально, то есть согласно с природою вещей. Но только выпал из человека основной стержень духа — вера в Бога, весь его душевный механизм расстроен: обуреваемый страстями, в непрестанной тревоге, он тщетно силится найти свой путь. Словом, ключ всех земных дел — в душе человека; история всецело определяется состоянием души человеческой, здорова ли она, живет ли по своему закону или нет, — а это значит: цел ли в ней или выпал из нее ее главный стержень — вера в истинного Бога.

Что же такое этот стержень души человеческой? Инстинкт веры врожден человеку, — но в такой же мере ему присущ, как мы знаем, противоположный инстинкт — личного самоопределения. Теперь перед нами открывается последняя глубина библейского учения. По мысли Ветхого Завета, Бог лично, как бы жизнью своею, заинтересован в том, чтобы человеческий род вполне и беззаветно покорился ему. И такова непреложная воля Бога, другими словами — таков предустановленный мировой закон: двоевластие двух начал в душе человеческой должно прекратиться, личность, как самочинная воля, должна угаснуть и стать лишь приемником и исполнителем Божьих

велений. Таким и должен стать человек — не самозванным хозяином, ставящем себе цели, но и не механическим орудием, а усердным и умелым исполнителем.

История человечества есть в подлинном смысле педагогика. В этом грандиозно-последовательном повествовании ярко очерчены два лица — два страдальца, изнемогающих в роковой борьбе: огненно-страстный, необузданно гневный, нетерпеливый великан-учитель, обреченный во что бы то ни стало научить ученика сложному и трудному искусству, но ненавидящий и его, и самую выучку.

Миф с самого начала воплощает в себе два основных познания мысли. Во-первых, он знает мир уже не раздельной множественностью самочинных явлений, но совокупностью организованных систем; такое понимание достигает предела в идее единобожия. Это высшее познание, за тысячи лет предвосхищающее последний итог науки. Мифология опережает также и последний вывод философии: люди в своем мышлении искони, хотя и безотчетно, руководились той истиной, которую научно выразили Кант и Шопенгауэр, истиной о субъективности своего миропознания. Мир познается как внеположная данность и вместе как имманентный себе образ. И тут еврейская религия представляет чистейший тип религиозного творчества. Ветхозаветный Бог среди всех богов человечества — наиболее ясный символ мира, потому что наименее воплощенный: скорее стихия, чем личность. Вот почему у него нет ни жены, ни помощников, ни личной жизни, ни атрибутов власти. И все же воплощенный образ Бога — до конца ядро еврейской религии. Древний Бог жив, как личность, и в сознании пророков, с прежним обликом пламенной стихии.

Кочевники Синайской пустыни восприняли мир как неистовство и ярость движения, как бушующий ураган огня. Или нет: так они восприняли не внешний мир, но собственный дикий, пламенный, необузданный дух — сердце и вместилище мира. Вселенная и единосущный ей

человеческий дух — неукротимый огненный вихрь: вот познание, олицетворенное в образе библейского Бога. Это безыменный и безликий, но реальный Бог, носящийся самумом по миру, распаляющийся пламенем, извергающий дым и горящие уголья, плавящий горы, бешеновспыльчивый, беспощадный, ревнивый, нетерпеливый, забывчивый. Но Бог — еще и законодатель, олицетворение совокупности сил, образующих вселенную в их безостановочном движении, другими словами, — олицетворение тех непреложных стремлений к совершенству, которые человек ощущал в своем духе и видел стихийно проявляющимися в своем общежитии. Однако в эту раннюю эпоху созерцание и истолкование еще далеко преобладают над законодательным или моральным элементом религии. Бог Синайских кочевников — преимущественно энергия. Борьба с природой вне и внутри себя была еще слишком трудна и принуждала человека направлять всю зоркость на изучение ближайшей действительности; активные энергии чувствовались несравненно сильнее потенциальных — и Бог был нужен прежде всего как наглядная схема мира. Но черты долженствования, с самого начала сквозившие в схеме, с каждым днем все яснее проступают и постепенно сами складываются в систему.

Как отличить человеку среди несметных влечений, обуревающих его, должные, мировые, от личных, преступных по законам мира? Твердо устанавливается иерархия властей и подчинения: мировая воля через объективный разум рода обуздывает личность, и, наоборот, личность, повинуясь велениям рода, осуществляет мировой план. Род, как орган мировой воли, непогрешим, его воля — истина; но такова, разумеется, лишь чистая воля рода, сообразная с его сущностью. Эта чистая воля заложена в каждом из членов рода и должна быть проявлена их совокупными усилиями; она отлична от эмпирической воли рода, которая представляет собою лишь равнодействующую всех личных своеволий.

Так религия в строгой последовательности своего развития необходимо порождает мораль или, вернее, узнает свою собственную сущность в тех нравственных побуждениях, какие для своей цели высказывает и культивирует в личности общая жизнь. Узнав в морали свой лик, религия нераздельно сливается с нею, включая ее в себя. Твердо устанавливается иерархия властей и подчинения: мировая воля чрез объективный разум рода обуздывает личность, и, наоборот, личность, повинуясь велениям рода, осуществляет мировой план. Таков нравственный смысл ветхозаветного мифа о договоре Бога с Израилем: Бог может обрести полноту своего бытия лишь усилиями единственного разумного создания — человека; и вот он чрез своего естественного посредника, ближайшего к личности, — чрез род, — наставляет ее разум и движет ее волю в должном направлении.

Пока мифологический элемент в религии преобладал над моральным, пока Бог представлялся всемирным существом, отдельным от личности, до тех пор человек мыслил свое отношение к Богу, как отношение механическое. Тогда Бог требовал от человека только веры в себя, и религиозное сознание обязывало человека к изъявлению его подданнических чувств по отношению к Богу в виде славословий да вещественно-символической дани — жертвоприношений. Когда же мировой закон был осознан не внеположным человеку, а его собственным имманентным законом, нормою человеческого духа, тогда формальная дань потеряла смысл. Становилось ясным, что Бог требует себе всей воли человека в ее конкретности; свой мировой долг человек может исполнить не одной символической данью, но реальной службою миру, исполнением его закона в каждом своем поступке.

Эту моральную мысль еврейской религии выражало ветхозаветное пророчество, начиная с первых великих пророков, с Амоса. Они все говорят одно: теперь уже не довольно внешнего служения Богу, как лица — лицу; Бог

требует уже не вещественной дани — жертвы, но сама личность должна отдаться Богу вся без остатка. Другими словами, Бог и человек не два отдельных существа, но Бог — чистейшая и реальнейшая сущность человеческого духа. Если хочешь жить в благоденствии, отрекись от своей личной воли, покорись родовой воле. Личная воля ошибочна, родовая воля верна, согласна с мировой волею. Если же будешь упорствовать в личном своеволии, знай: ты весь во власти мира: он принудит тебя чрез материю подчиниться родовым велениям его единого закона.

С виду еврейская религия /после пророков/ нисколько не изменилась. Но внутренне Бог Амоса глубоко отличен от Бога Деборы. Мир — закономерно и непреложно осуществляющийся замысел, или, по терминологии старого мифа, — замысел Бога. Исполнять вселенский замысел, не противиться ему и не лениться — естественное существование человека. Напротив, непокорность мировому замыслу противоестественна.

Древний Бог евреев олицетворял самосознание полудикого духа, который уже осознал себя средоточием и прообразом мировой воли, но только как неукротимой энергии, а не как закономерного движения. Оттого древний Бог требует прежде всего — общей любви к себе, почтения и страха. Он безнравствен, как человеческий дух в ту пору; ему нипочем толкнуть человека в соблазн, вовлечь в обман или погубить коварством; его жестокость безмерна. Он беззаконен, то есть неразборчив в средствах; у него один закон — еще не расчлененный замысел мира, и для него хороши все средства, которые заставляют человека признать обязательным для себя этот замысел.

Но теперь /на «пророческом» этапе/ уже компаса мало. К прежнему требованию: повинуйся мировому закону — воле Бога, присоединяется другое, более точное: в частности, повинуйся человеческому уставу мирового закона — разуму рода. Бог по-прежнему мыслится отдельным от мира всемирным существом — и в то же время воля

Бога уже познана, как сверхличная, родовая воля самого человека, — Бог вочеловечился, то есть человек осознал закономерность своего духа закономерностью вселенского бытия.

В этом воплощенном образе вочеловечение Бога представляет зрелище потрясающего трагизма. Бог, как символ только созерцаемой сущности, был, без сомнения, величаво спокоен в своей миродержавной мощи. Но то время минуло давно; таким уже не помнил его еврейский народ. Уже на заре сознания пребывающий Бог является Богом стремящимся, волящим, повелевающим. А желать значит не иметь, и потому желание — страдание. Бог хочет отождествить со своей волей волю человека; отдельный от человека, он хочет слиться с ним безраздельно. Бог тщетно стучится в человеческое сердце, увещевает и грозит, и глубоко страдает, потому что его собственная предустановленная воля — то, на что он обречен самой сущностью своею, — стать человеком. Он должен умереть, как Бог в воплощенном образе, поскольку мир болен в самой сердцевине своей — в человеке. Поэтому путь Бога в истории — крестный путь. Он требует немногого: только воли человека.

Жизнь — сложное и опасное искусство, подобное работе со взрывчатыми веществами. Малейшая ошибка грозит тяжкими повреждениями, болью и смертью. Каждое из окружающих меня созданий — индивидуальность, и каждая индивидуальность стремится утверждать свое бытие за счет других; в каждом особенное взрывчатое вещество — его воля, — во мне также — и действия его я не знаю. Но взрыв одного вызывает взрыв другого; я сам неведомым взрывчатым веществом ежеминутно вызываю взрывы кругом. Уже пещерный человек владел огромными познаниями по технике обращения с взрывчатыми веществами природы и собственного духа. Всякая религия есть свод таких знаний. Но еврейский народ первый в полном объеме определил задачу разума: надо поставить исследование в мировом масштабе. И, не дожидаясь других, один

предпринял гигантский труд, плодом которого должно было быть спасение человечества, предпринял и исполнил, насколько сумел, — во всяком случае, с величайшим рвением и непоколебимым мужеством, «весь в язвах» от бесчисленных взрывов изнутри и извне.

Он доказал неопровержимо и навеки три положения. Во-первых, субстанция взрывчатых веществ — воля — во всех созданиях, образующих мир, вопреки многообразию их форм и проявлений, — одна и та же. Во-вторых, человеческий дух — концентрированная и потому сильнейшая форма всеединой взрывчатой субстанции, воли. И в-третьих, человек, один из всех созданий способен, а следовательно, и призван превратить беспорядочную взаимовзрывчатость созданий в гармоническую. Представляя сильнейшую форму мировой взрывчатой субстанции, человеческий дух владеет абсолютной детонацией в мире, и его постепенное упорядочение есть упорядочение всей взрывчатой, то есть волевой системы мира. Концентрация же мировой воли в человеческом духе есть разум: самосознание воли; в силу самосознания человек способен волею обуздывать волю, то есть упорядочивать свою собственную, а тем и мировую взрывчатость. Но личность своевольна. Единственной школой, научающей ее упорядочивать ее внутренние взрывы, является общежитие; родовой разум есть теория правильных помыслов и желаний. Усвоив в этой школе технику правильных межлюдских взрывов, личность становится вообще гармонически-взрывчатой, и тем устрояет мир. Богмир изначально создал человека по своему образу и подобию для того, чтобы в конце времен человек преобразил его в новый, лучший мир, — окончательно создал Бога. Тогда уже не будет раздвоения на объект и субъект: мировая воля нераздельно сольется с волей человека, Бог и человек будут одно.

Таким образом, ***ключом веры,*** сущностью религии, является мысль о космически-правильном поведении

человека, как непреложном условии его благоденствия. Религия и была методологией такой правильной, благополучной жизни.

Для достижения этой цели религия предлагает человеку два средства: во-первых, держать свое сознание космически-открытым; во-вторых, в человеческом круге держать свое сознание социально-открытым. Оба требования по смыслу — отрицательные. Религия всегда отрицательна; она руководит человека только по пути к свободе и до свободы: она учит человека отрешаться от его упрямой замкнутости. Каким он будет по освобождении, она не говорит и не дает ему никаких указаний для той будущей, свободной жизни, потому что это невозможно, да и не нужно. Выйди только из твоего личного круга чрез человеческий круг во вселенскую жизнь: там мировая воля, без задержек циркулируя в тебе, будет сама безошибочно направлять твои шаги в целостном движении всей твари к неведомому совершенству.

Всегда твой
Матвей

Жена утром, держится за член

— Ты меня заводишь. Как эта называлась, которой мотор заводили?

— Монтировка.

— Вот.

Posle pervogo stakana
Матвей, привет!

Спасибо за приглашение, «застолье» всегда радует мое сердце. Я прочитал текст с огромным интересом и даже воодушевлением. И обратил внимание на «фразеологическую близость» рассуждений Гершензона (о роде) с твоими установками.

Мысль о том, что еврейский Бог — стихия, причем огненная (тут совсем близко до Гераклита), подтверждается все-

ми мистическими текстами, с коими я сталкивался. Все описания Престола Божьего, и даже ангелов — описания бушующего огня (ангелы тоже оказываются огненными субстанциями). И в книге Иова Бог — стихия, и даже возмущается, когда от него требуют «ответа» или «отчетности». Вот только странная это стихия, целенаправленная, у нее есть Цель!

Я думаю, что главная мысль Гершензона, а, возможно, и создателей Ветхого Завета (и это совпадает с твоей основной мыслью), что у «мировой воли», Бога или просто «мира» — есть Замысел. Это даже не мысль, а «первоинтуиция», и даже не первоинтуиция, а вера. Главная вера — это вера в Замысел. А в чем он состоит? В гармонизации всех индивидуальных воль в одну единую волю Божью, или «родовую»? А какова цель этой Воли Божьей? Кто-то научился ее понимать? Да, вся еврейская работа по комментарию, толкованию священных текстов это есть попытка понять Замысел. Но все это творчество тысячелетий основано на вере в то, что Богом дан священный текст — Тора, там все прописано и надо только разобраться. То есть должны быть какие-то аксиомы, даже у веры. А Гершензон все основывает на мировой воле, она же родовая, она же Божья, но в сущности-то в Бога не верует и занимается, пусть и «для себя», философией. И мне кажется, что вы, ребята (ты с Гершензоном), хотите выдать желаемое за действительное: вам хочется, чтобы мир был упорядочен, имел бы смысл, цель, Замысел, и даже «гармонию». И не случайно опус Гершензона заканчивается оптимистическим гимном типа все будет хорошо: настанет «новый, лучший мир», «уже не будет раздвоения на объект и субъект: мировая воля нераздельно сольется с волей человека» (если, конечно, будете, суки, выполнять волю Божью). Но раз уж речь о стихии, то гармония, или некая «красота» в этом мире возможна только дикая, как игра цветов неба на закате. Да, мир — стихия, и человек — часть стихии, но стихия хаотична, бессмысленна и непредсказуема. А Гершензон еще верит

не просто в Замысел, а в «непреложное стремление к совершенству» («Тройственный образ совершенства»).

Но если допустить, что есть некий Замысел, только мы его не знаем, но должны познать, то это опять же сказка про белого бычка: мир познаваем, только процесс познания бесконечен. Что ж, вперед, ребята, я не против процесса познания. Но мне кажется, что Замысел мы знать не только не можем, но и не должны, иначе будет «неинтересно», ни нам, ни Богу. Жизнь остановится. Это как в твоей философии искусства: знание процесса спасения не только не спасает, но и может разрушить непосредственность переживания экстаза спасения.

Теперь насчет истории, как педагогики, то есть Бог, он же мировая стихия, «учит» человека жить по его «законам», в соответствии с Замыслом. И как он учит? Через род (тоже твоя любимая идея): род всегда прав, «личность, повинуясь велениям рода, осуществляет мировой план». Но кто мне скажет что такое «веление рода», его «коллективный разум»? И в духе ли Божественных наставлений его веления, а не случайная и сиюминутная «равнодействующая всех личных своеволий»? Значит должны быть какие-то жрецы, старейшины рода, власть, которая мне все расскажет и укажет правильный путь, так что ли? «Твердо устанавливается иерархия властей и подчинения». Так мы эту власть раввинов и попов, а также всяких буржуев еще в 17-ом скинули. И это было коллективное веление рода! Так что, опять полезем под ярмо всяких власть предержащих да «объяснителей»?

Сознательно, или бессознательно, Гершензон туда и клонит, когда пишет о морали, что «религия узнает свой лик в морали», то есть религия становится сводом законов, которые все призваны выполнять, стихия жизни обретает каркас. Замечательно, душа верующего успокоилась: выполняй законы и ты на правильном пути (в рай). Так вера в Замысел становится верой в жрецов-законодателей. «… личность, как самочинная воля, должна угаснуть и стать лишь приемником и исполнителем Божьих велений».

А на деле — велений попов и раввинов. А кто они такие? Много книжек прочитали? Да и я немало. Или у них нет своих «житейских» интересов, только божеские?

В общем, получается, что вера — это покорность. И дело не в том, что душа моя против покорности, допустим, это мои проблемы, но покорность означает конец той самой свободы выбора и личной воли — зачем она тогда была дадена? «Таким и должен стать человек — не самозванным хозяином, ставящем себе цели, но и не механическим орудием, а усердным и умелым исполнителем». Исполнитель — это и есть орудие.

В общем, либо стихия, либо Замысел.

«Вселенная и единосущный ей человеческий дух — неукротимый огненный вихрь: вот познание, олицетворенное в образе библейского Бога. Это безыменный и безликий, но реальный Бог, носящийся самумом по миру, распаляющийся пламенем, извергающий дым и горящие уголья, плавящий горы, бешено-вспыльчивый, беспощадный, ревнивый, нетерпеливый, забывчивый».

Это мне подходит, красиво. Но если Бог — стихия (у Гершензона он совсем уж гераклитовский — столп огня), то как он может быть «еще и законодателем»? Да еще «олицетворением тех непреложных стремлений к совершенству»?

«Бог Синайских кочевников — преимущественно энергия». С одной стороны — «энергия», а с другой — «наглядная схема мира» (подчеркнуто). Что-нибудь одно, либо стихия-энергия, либо схема. Стихия на то и стихия, чтобы схемам не подчиняться. Или как?

В общем, у бедняги в голове все перепуталось.

Странные тексты возникают у людей, так сказать, полурелигиозных — особенно из евреев –, то есть пишущих о Боге серьезно, как о чем-то «живом», но в то же время не с точки зрения веры, а — доморощенной метафизики.

Вот, допустим, евреи осознали и даже придумали свод законов «общественного общежития», дабы выполнять эту

Божью или Мировую волю, тот самый «еврейский Закон». Так что же Гершензон ему не следует, что ж он не следует воле рода еврейского, и вместо того чтобы Тору учить, где только и можно найти «знаки» Замысла, изучает нахрен ненужную никому русскую литературу? Талмуд ему не указ? А кто ему указ, кто ему «раскрыл Замысел», Пушкин? Или, может, Чаадаев?

И потом, если Бог вочеловечился, то он теперь как бы и не нужен, умер стало быть?

Тут Гершензон явно гнет к христианству: Бог — страдалец, «путь Бога в истории — крестный путь» и т. д.

И на этом фоне особенно смешны всякие инфантильные попытки возвеличить «нашу нацию», такой своеобразный «интеллигентный» национализм, или национализм для интеллигентов (универсалистов!): «Но еврейский народ первый в полном объеме определил задачу разума (великий еврейский народ, ВЕН!, как говорили на идиш: вус? вен? — где, что?): надо поставить исследование в мировом масштабе. И, не дожидаясь других, один предпринял гигантский труд, плодом которого должно было быть спасение человечества, предпринял и исполнил (ВЕН), насколько сумел, — во всяком случае, с величайшим рвением и непоколебимым мужеством, „весь в язвах“ от бесчисленных взрывов изнутри и извне (о, ВЕН!)».

Кстати, утверждая, что «единственной школой, научающей упорядочивать внутренние взрывы, является общежитие», Гершензон оказывается на поле социологии, тот же Мосс, кстати, современник Гершензона, прекрасно объяснял религию через «общежитие».

В общем, ***ключ веры*** *это просто желание упорядочить мир, страх хаоса и неопределенности.*

«…мировая воля, без задержек циркулируя в тебе, будет сама безошибочно направлять твои шаги в целостном движении всей твари к неведомому совершенству». Да она и так во мне вовсю циркулирует и куда-то меня направляет. Может, и к совершенству, дай-то Бог, знать бы только что

это такое…

В общем, что я тебе скажу… Как еврей еврею… Много духовного поиска.

Всегда твой

Наум

От Л:

Хаг херут самеах[1] *тебе тоже! Как я буду засыпать, это не твоя забота, а записки пришли пожалуйста перед отъездом чтоб я знала к чему еще ты потерял интерес.*

А вот к запискам и потерял, все это кажется мне дурной бесконечностью круговорота и продолжать надоело.

8.4. Седер Песах[2]. Очередной маразм. Брызжущая гневной энергией теща, затюканный тесть с несчастными глазами, ерничающий шурин («Господу Богу помоо-лимся!»), никакого седера[3], который мне почему-то хочется сделать по всем правилам, но воевать с «народом» лень. Мама заискивает перед тещей: «садитесь, садитесь!», теща: «А я хочу постоять!», сноха «подкалывает»: «рыба ничего, только соли мало»…

Сытую тещу повело на воспоминания чуть ли не о выходе из Египта:

— Я сегодня разговаривала с дядей Семой по телефону, он в Новосибирске, брат матери, ему уже девяносто два, или три, он тысяча девятьсот восьмого года рождения, я очень хорошо помню, я очень люблю дядю Сему, он был генеральным прокурором Новосибирска, а во время войны он был в военной прокуратуре, а потом его бросили на Армению… мой дед бежал от белополяков, они так изде-

---

1 Счастливого праздника Свободы (Песах)

2 Пасхальное празднество (ивр.)

3 Седер — порядок (ивр.)

вались над евреями, они его страшно избили, и он еле дошел до нашего городка, пришел к маме, сказал покажи мне внука, а Борис тогда недавно родился, и он так над ним плакал, а потом он через несколько дней умер, он ездил по всему миру и сделал много хорошего советской власти, он был купец первой гильдии, да, а бабушка успела унести в эвакуацию горшок с царскими золотыми монетами…

На просьбу мамы говорить «потише» она обернулась на открытое окно и почти закричала:

— Пусть все слышат, пусть кегебе слышит, я ничего не боюсь, да, в Сибирь, через всю Россию, и горшок шел за ней… а другой дядя погиб на рапирах, он занимался рапирами… когда евреи стали скрывать свое родство… я поехала к нему в 1938 с Изенькой, который потом погиб, и я помню солнечное затмение, тогда произошло солнечное затмение, вдруг стало темно, так страшно, мачеха стала кричать: «Конец света! Конец света!», а дядя Сема ушел с тетей Розой, а она все кричала: «Конец света, конец света!», она была такая местечковая, верующая… и я пошла в центральную прокуратуру, я ничего не боюсь, я решила разыскать дядю Сему, меня долго расспрашивали, кто я ему, я не героиня, я нормальная женщина…

— А где горшок-то?! — орет шурин.

— Игорь, как тебе не стыдно! Это твои родственники! Твои, твои!… а другой брат погиб в империалистическую… перестаньте курить, Илюша, иди сюда… всё, вы от меня устали, я молчу, здесь меня не уважают, я вам никогда больше не буду ничего рассказывать, здесь не уважают Любовь Рафаиловну…

Для Л:

Обещают похолодание. Читаю Розенштока-Хюсси. Едем на Крит. Пароход уходит, машу тебе рукой…

13.4. Наговорил Р на автоответчик: «А я думал, ты мне нашепчешь что-нибудь. Я без тебя измаялся на этом Кри-

те…»

Перед отъездом не выдержал, «исповедался» Аркадию. Он говорит: «Тебе повезло. У меня за всю жизнь никогда не было классной женщины». А у него много было. Но он искал перепихнуться. И весьма преуспел в этих поисках. Вот и она тоже, перепихивается, небось, с утра до вечера, и горя мало.

Написал Юле-переводчице о фильме Гринвея «Восемь с половиной женщин».

Наум

Имя знаю, фильм — нет. У нас не идет. Видео нету. Если не лень, опишите «картинку».

Спасибо, Юля

Юля, привет!

Фильм пересказать невозможно. Это такая перекличка-полемика-фехтование с Феллини и со всей «эпохой Феллини» (культурной эпохой), которая была еще эпохой относительно «непосредственной». А теперь без «юридических советников» внутри себя человек шагу не сделает, ни одного захудалого чувства не возникнет неотрефлектированного, не занесенного в «культурный протокол». И как все это «непосредственно» сказывается на «любви-с». Хотя «трудный опыт» показывает, что если баба (пардон за фольклор) «зацепит», то хрен отрефлектируешь… (за фольклор я уже извинялся) А может это у меня «старое» сознание работает, на Феллини ж воспитывались, если не хуже…

Наум

Prodolzenie filosofskoj p’janki

Матвей, привет!

Вернулся с Крита. От минойской эпохи осталось маловато. «Реставрация» Кносского дворца на потребу туристским толпам смахивает на публичное поругание. Правда,

подлинники фресок они снесли в музей, от них немного осталось, фрагменты: орнаменты, даже портреты, причем умиротворенности необыкновенной. Не злой был народ. Что-то (по умиротворенности) от нежных губ древних египтян, хотя сами «минойцы» были востроносенькие.

Читал Розенштока. Это тебе, понимаш, не Гершензон какой-нибудь. (Впрочем, «логических противоречий» и у него хватает.) И концепция мировой истории у него оригинальнейшая. У меня давно уже (с эпохи Деррида) не было такого ощущения, что читаю нечто гениальное.

Хотя ваши концепции как бы «в разных плоскостях», у него все «на языке» стоит (как на средстве коммуникации), а у тебя — «на роде», но все-таки есть «сегмент пересечения», например, язык у него — продукт ритуала, а история — история «спасения». Только у него человек «языком» спасается, а у тебя — искусством (как наследником ритуала). Но язык и искусство все-таки как-то связаны… «Спасение» вы тоже понимаете по-разному (твоя концепция мне ближе), он — как коммуникацию, всеобщий разговор, всеобщий мир (все эти евреи-либералы-универсалисты, да еще крещеные — за мир), а ты — как терапию трагического сознания. Он, видать, настрадался из-за Гитлера-Сталина, натерпелся от всей этой страшной эпохи, вот и кажется ему, что «мир во всем мире» уже и спасение.

Наум

16.4. С одиннадцати до шести были в номере. Все вернулось, и во сто крат сильнее. Я вдруг освободился от ревности. Все-таки она меня любит. И я счастлив. Когда расставались, сказала грустно: «Одни ставни закрываются, другие открываются…»

Потом еще поехал на вечер «Сплетения». Тарасов стоял у входа с прозрачным пластмассовым стаканчиком, в котором болталась прозрачная жидкость, рука его дрожала. «Никак из запоя не выйду. Я написал охуительную прозу. Я говорю Пете Птаху: Сошкин скажет, что Тарасов совсем

сошел с ума. И что ты думаешь, звонит мне Птах: мне только что звонил Сошкин, он в ужасе, говорит: Тарасов окончательно сошел с ума! Ха-ха-ха!»

Цигельман читал свой очередной роман. Вайскопф и Цоллер превозносили — их человечек. Цоллер выразил разочарование читающей публикой, что она еще плохо знает своих цигельманов, мол, «мы вывезли из России русскую лень и нелюбопытство», ругал постмодерн и современное кино, где, мол, теперь Феллини. Плохо твое дело, Федерико, раз ты Цоллеру нравишься. Это меня так расстроило, что уехал. Устал, впрочем.

Сошкин, кстати, уделил мне от щедрот редакторских два номера.

На работе читал стихи Тарасова. Позвонил ему, но он не дал рот открыть:

— Ты не много потерял, что ушел. Хамство. Представляешь, Петя стал читать, а Вайскопф ему вдруг: «Спасибо», посреди стихотворения, представляешь?! Птах дико обиделся и ушел. Сказал, что с журналом он покончил. Сошкин в тихой панике. Я тоже хотел уйти, но я не мог бросить Люсю одну. Я хотел устроить им праздник, они меня просили прочитать «Возвращение в Пунт», я бы им устроил праздник минут на двадцать, но в знак солидарности, прочитал только стихотворение, посвященное Птаху. Птах у меня дома совсем разъярился, позвонил Вайскопфу и сказал, что жалеет, что не дал ему по физиономии. Вайскопф ужасно расстроился. Не спал всю ночь. Нет, ты не понимаешь, во-первых, все молодые — за Птаха, Птах еще и классный оформитель, даже Сошкин сказал, что без Птаха журнала не будет. Он считает, что Вайскопф должен извиниться. Но теперь уже поздно, после того, как Птах пожалел, что морду ему не набил…

В конце я все-таки вставил про то, что мне его стихи понравились. Принял, как должное. Впрочем, поблагодарил.

Mezhdu pervoy i vtoroy

Наум, привет!

Вопреки незыблемому русскому обычаю («Между первой и второй — перерывчик небольшой»), благодаря твоему «визиту к Минотавру» перерывчик затянулся, из-за чего я накатал довольно много бессвязных страниц по поводу Гершензона, который увлек меня чрезвычайно и, хотя и не стал моим официальным «клиентом» (о евреях писать в «русской печати» почему-то не могу), занял, в качестве фона к «русской идее», почетное место неподалеку от Шестова. Поскольку тебя Гершензон не увлек, и даже, как я чувствую, «раздражил», не смею настаивать — «Первая рюмка колóм» (но зато дальше-то, дальше: соколóм и, наконец, мелкой пташечкой!) Поэтому принимаю предложение поговорить о Розеншток, которого знаю хорошо и о котором имею давно устоявшееся мнение. Высказывать его заранее не хочу, дабы не помешать тебе высказаться вполне спонтанно.

Что касается «Минотавра», то хочу тебе доложить, что в определенный, причем узловой, период русского «серебряного века» (примерно в 1904—1908 годах) вокруг сравнительно недавно открытой «Крито-Минойской культуры» наблюдался невиданный накал страстей. Мой подопечный Флоренский, фантастический, между прочим, эрудит, настолько проникся духом этой культуры, что сильно скорректировал, с учетом этого материала, общую историко-культурную концепцию и построил схему, весьма близкую к «маятнику Чижевского» (но задолго до него). Если этот сюжет тебя интересует, могу кое-что процитировать и пересказать из Флоренского (хоть и мерзкого, но, как ни крути, гения).

Как дела в Израиле? Кажется, напряженность возрастает. Довольны ли вы Шароном? Изменилась ли ситуация в связи с тем, что американцы, кажется, перестали «выкручивать руки» (или, по крайней мере, ослабили нажим)? Какие вообще перспективы? Все ли в порядке у сына?

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Напряженность действительно возрастает, но это вектор в нужном (как я это понимаю) направлении. Так что лично я пока Шароном доволен. Он медленно, но верно их «жмет» (и американцы пока не лишают «свободы маневра»). Стреляют и взрывают они много, но, слава Богу, бестолково, отстреливают же их активистов довольно эффективно (только мало), ну и вообще «давят», общеполитическую поддержку (даже в арабском мире) они теряют. Скоро, как тот заяц из мультика, упадут на спину и закричат: лежачего не бьют. В общем и целом, политика Шарона особых возражений пока не встречает, «оппозиция» внутри пра-ва, а левые заткнулись, разве что «наши» арабы психуют (один член Кнессета от «исламской партии» — есть такая! — послал президенту Сирии соболезнование по поводу гибели сирийских солдат во время недавней атаки изр. ВВС на сирийский радар в Ливане, назвав при этом изр. пр-во «фашистским». Когда его робко спросили, а почему он не послал соболезнование семье израильского солдата, погибшего перед этим от противотанковой ракеты, выпущенной с ливанской территории, то он сказал, что изр. солдат — захватчик, и нечего сравнивать. Перспективы? Так и будем колупаться. Выхода нет. На б'ольшие уступки мы пойти не можем (Барак «съел» весь лимит), а Арафат, после того, как положил столько своих людей, тоже не может согласиться на то, на что не согласился раньше (да и этого Шарон ему не даст). Так что дело идет к взрыву, надеюсь, «очистительному».

Сын (который в армии), слава Богу, в порядке, потихонечку служит, теперь уже не на самом «острие».

Все, что ты накатал по поводу Гершензона я с удовольствием прочту, пошли. Сам он меня действительно не очень увлек, но тем интересней, что ты там разглядел в контек-

сте своих изысканий. А заодно и «русскую идею» освежи в памяти. У меня сия «идея» прочно ассоциируется с чем-то занудно прекраснодушно бессодержательным. Кстати, посмотрел недавно «Про уродов и людей» Балабанова, не знаю, как насчет «русской идеи», но «русская жизнь» изображена впечатляюще.

А что Флоренский писал о минойской культуре? Я, признаться, мало что уловил в этом туристском киче. И из-за чего сыр-бор разгорелся в начале века по сему поводу?

И мнение о Розенштоке изложи, раз хорошо его знаешь. Интересно, что «диалогизм», стремление «договориться» — чисто «еврейская идея», и она противоречит проблематике «господства-подчинения», которую Розенштоk тоже поднял, назвал «важнейшей», но никак не прояснил (для меня). И не согласен я, что Израиль «лишь терпел смерть в процессе ожидания Мессии», а Греция «забывала» о смерти в художественном творчестве. И то, что христианство открывает путь к единству культур — не согласен, скорее — постмодерн, смерть христианства, когда «все флаги в гости будут к нам».

Чувствую, что «растекаюсь по древу», а надо бы «сосредоточиться». Подай пример. С нетерпением жду следующего тоста.

Всегда твой

Наум

P.S. Посмотрел на днях по русскому ТВ фильм о туринской плащанице. Персонажи — крещеные евреи — «выгораживают» Пилата, мол, хотел помиловать, даже «бичами побил», чтоб «евреев удовлетворить», но «еврейский народ все равно потребовал: распни его». «Фактическая» часть («отражение на простыне») подана загадочно, я даже подумал, что хорошо бы почитать про это что-нибудь «объективное», все-таки подопечный. Так что если встретишь толковую книжку на тему, возьми.

17.4. Поехал к Гробманам обсудить текст. Вернули

на доработку. Отношение к названию неопределенное. НЛО издает дневники Гробмана, толстенную книгу, начиная с шестидесятых. Ира говорит: мемуаров много было, а дневников еще не было, его — первый. Дала почитать кусочки. Сухой каждодневный, местами ежечасный, перечень событий личной жизни, которые автор полагает событиями в мировой культуре.

— Ну, как? — спрашивает Ира.

Это как спросить: «Ты меня любишь?» Ну, конечно, люблю.

— Пришлось мне, — смеется, — выкинуть про все аборты, которые бабы от него делали. Да ты что, мужья же ничего не знают…

На мое замечание, что это было бы самое интересное:

— Да ты что, нельзя такие вещи делать.

Откушали кофию.

— Ты на вечере «Солнечного сплетения» был?

— Был.

— А что там произошло?

Разведка, значит, работает исправно. Пересказал разговор с Тарасовым.

— Ну, Вайскопф хам, это известно, — сказал Гробман.

— Так что, там серьезный конфликт? — Ира была почти счастлива.

— Черт его знает, — говорю.

У Гробмана идея: «Мы с Димой Сегалом (оказывается Лена Толстая до Вайскопфа была замужем за Сегалом!) решили организовать „Европейский форум“, такой мозговой центр, в пятницу первая встреча. Приходи. Вот мы тут манифест написали, обсудим». Он подошел к окну и схаркнул во двор. Еще Ира похвасталась новым приобретением: рисунок Кацмана «Ленин на смертном одре», с резолюцией Дзержинского «Не выставлять».

Р оставила запись: «Как ты себя чувствуешь?» А я вчера, когда на третий заход пошел, вдруг испугался. Так

и не кончил. Как китайский император. Она говорит: так не честно, я кончаю, а ты что? Экономишь? Экономлю, да. Лежал, прислушиваясь. Вроде стучит, сердечко-то, но не чересчур шибко. «Что с тобой, опять?» — спросила испуганно. «Не, все нормально».

Позвонил. Заверил, что все нормально. Что люблю и счастлив. Так и есть.

Дорогие Стелла и Саша!

Огромное спасибо за книгу Стеллы! С удовольствием читаю «самую эротичную русскую поэтессу». Стелла, поздравляю!

Всегда ваш

Наум

От Л: *А я тут была в концерте. Давали Малера и Стравинского. И вдруг поняла почему мне так хотелось подарить тебе Моцарта. Стравинский уже стесняется своих чувств, а Малер еще нет. Это и есть их разность по «времени»… ну, ты будешь мне записки слать или мне другого писателя полюбить? Заодно и стихи Тарасова. Эйх а маргаш? Как обстановочка в связи с последними событиями? Как съездил? Как чувство свободы?*

Изголодавшаяся читательница, поклонница вашего таланта

18.4. По дороге с работы, в машине, вдруг звонок на чудотелефон. Из Америки.

— Привет! Вот здорово! Нормально, нормально слышно. Как дела?

— Я тут посмотрела китайский фильм, там один говорит: прошлое можно увидеть, но нельзя потрогать. Ну, вот и решила позвонить, хоть голос…

Потребовала, чтоб записки послал. Подсела на сериал.

19.4. Позвонила С, она теперь большая начальница

в Сохнуте, может, обломится что-нибудь с поездками. А то, говорит, посылают бог знает кого. А вот такого интеллигента, как я, понимаш… Книга моя у нее на столе, настольная книга. Но она ее еще не прочитала. Шрифт очень мелкий.

Позвонил Ире Гробман, сказал, что героическими усилиями пару страниц убрал и название предлагаю другое: «Время не лечит».

— Я сейчас запишу, потом подумаю, через час Яшка уезжает, ни о чем сейчас думать не могу.

— Ладно.

— А ты знаешь, что Гробману дали премию Дизенгофа?

— Нет. Это что, литературная?

— Художественная. Да мы и сами пока не знаем, только что сообщили…

— Ну, передай ему поздравления, замечательно. Может, и заплатят еще?

— Ну а ты как думал.

Послал Л записки. Дописал:

Знаешь, я решил с дневниковыми плутнями завязать. Будет проще, если ты спросишь прямо обо всем, о чем захочешь спросить, а я прямо (или как смогу) отвечу, чем я буду посылать тебя «сексуальные протоколы», а ты — «молчать, как Зоя Космодемьянская». Я понимаю, что простота иногда «хуже воровства», но и вороватость опротивела. Ну, а если писатель оказался неинтересный, то он не виноват — жизнь такая.

Наум, привет!
Список №45

Раннее христианство. В 2 т. М.: АСТ, 2001. /Этот двухтомник представляет собой перепечатку двух томов (III и V) пятитомника «Общая история европейской культуры», изданного Брокгаузом и Ефроном в 1908 году. В этих томах

*отобраны наиболее авторитетные на тот момент труды по истории раннего христианства. Они, безусловно, остаются классикой «либерального» религиоведения и сегодня. **Т. 1**: 654 с. Состав: Адольф Гарнак. Сущность христианства. Адольф Юлихер. Религии Империи и начала христианства до Никейского собора. А. Гарнак. Церковь и государство вплоть до установления государственной церкви. Эрнст фон Добшюц. Древнейшие христианские общины. Культурно-исторические картины. **Т. 2**: 510 с. Состав: Ренан. Рим и христианство. А. Гарнак. История догматов — 260 (за оба тома)*

Бокль. История цивилизаций. История цивилизации в Англии. Т. 1. /В таком же серийном оформлении, как «Закат Европы» Шпенглера. М.: Мысль, 2001 — 461 с — 120

Исайя Берлин. Философия свободы. Европа. /Исайя Берлин (1909—1997), еврей, из семьи эмигрантов из России, получивший в Англии титул лорда, был другом Ахматовой, русофилом и сионистом в одном флаконе. Считался непревзойденным «говоруном», особенно в жанре радиолекций. Вел жизнь морального учителя и политического мудреца. В данном сборнике представлены эссе о европейской «ментальности»: «Стремление к идеалу»; «Чувство реальности»; «Естественная ли наука история?»; «Дар понимания свободы»; «Джамбаттиста Вико и история культуры»; «Жозеф де Местр и истоки фашизма»; «Противники просвещения»; «Национализм: Вчерашнее упущение и сегодняшняя сила». М.: НЛО, 2001 — 448 с — 150

Пьер Дриё ла Рошель. Дневник. 1939—1945. /В молодости крайний сюрреалист (соавтор манифеста «Труп»), затем фашист, коллаборационист. Любимец женщин, помешанный на комплексах и «героизме». Доставлю себе удовольствие и малость поцитирую, практически наугад: «Я беспрестанно думаю о себе, но как о персонаже, за которым я наблюдаю извне, фигуре, к которой прилагаю свои размышления о психологии, морали и истории. Жажда силы во мне могла проявиться лишь интеллектуально. Страх — это всего лишь

первая моя реакция, потом приходит храбрость, затем возвращается страх, а потом, если храбрость не встречается со смертью, отвращение. Мои враги очень хорошо чувствовали — это было заметно — женственный, инвертированный характер моей любви к силе. Но такое свойственно и некоторым коммунистическим интеллектуалам, а также фашистским. Я ни в коей мере не христианин. Никакого чувства греха, при всем моем мазохизме только ощущение слабости перед силой. Ненависть к христианскому морализму (который я соотнес — или отыскал его источник — с взаимосвязью сила — слабость). Сифилис в течение ряда лет изрядно усиливал мою меланхолию. Расист куда в большей степени, чем националист, я всегда испытывал омерзение к среднему французу, чернявому, низкорослому. Англосаксы научили меня презрению к французу, который не способен в открытую дать в морду, лижет зад своей бабе, болен триппером, сифилисом, заражен мандавошками. Я всегда испытывал жуткий страх перед евреями и ужасно стыдился этого страха. Нет, никакой ненависти, просто отвращение к себе перед лицом евреев. Гадливость к еврейкам, я практически не спал с ними. Приближался и тут же бежал. Я всегда был пантеистом и тем не менее отдавал себе отчет в глупости утверждений пантеистов. В конце концов я понял, что подлинные метафизики не бывают пантеистами. Пантеизм — это доктрина невежд, поэтов. Глупо думать, будто в мире нет Бога или мир не существует, просто мир — в Боге, но это Бога никак не затрагивает. И Бога нет. Есть неисповедимое за гранью не-бытия. И нет никаких индивидуальных душ. Тщеславным я не был, это правда. Разве что в юности, когда благосклонность женщин смогла заставить меня поверить, будто я обладаю привлекательностью. Но каждый раз, когда я начинал ухаживать за новой женщиной, всякое промедление заставляло меня думать, что очарование мое навсегда пропало, и отныне я ни одной не смогу понравиться. Тут еще и вопрос чести. „Если это дело начинаешь, его нужно кончить“, — сказал самурай».

В качестве Приложений даются «Сокровенная исповедь» «Последнее письмо к брату» и «Речь» («Вам не уйти от меня, мне не уйти от вас. Храните честь Сопротивления, как я храню честь Коллаборационизма. Не плутуйте, как не плутую я. Приговорите меня к высшей мере. Да, я — предатель. Интеллектуально я был с врагом. Я принес французский интеллект врагу. И не моя вина, что враг оказался не интеллектуален. Мы играли, и я проиграл. Я требую для себя смерти») / (Серия «Дневники XX века»). СПб: «Владимир Даль», 2000 — 602 с — 180

Е.А.Баратынский. Полное собрание стихотворений. Вступит. ст. (Серия «Новая библиотека поэта») /В отличие от прежних изданий, стихи изданных при жизни сборников печатаются в первоначальном виде, а изменения даются в «Вариантах»/. СПб.: Академический проект, 2001 — 524 с — 162

Д.С.Мережковский. Стихотворения и поэмы. Вступит. статья, составление, подг-ка текста и примечания К.А.Кумпан (Серия «Новая Библиотека поэта») /Впервые практически полное собрание поэтического наследия. Все прижизненные сборники плюс стихи и поэмы из периодики и архивов, а также переводы, кроме античных трагедий. Правда, стихи 1920—30-х годов практически не представлены ввиду недоступности материалов главного эмигрантского архива Мережковского, хранящегося в Иллинойсском университете/ СПб.: Академический проект, 2000 — 928 с — 170

Жюль Липовецки. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. /Книга впервые вышла в 1983 г. Едва ли не впервые разработана концепция «постмодернизма» как этапа вхождения европейского индивидуализма в свою очередную историческую стадию. Выделяется эссе «Нарцисс, или стратегия пустоты»/ СПб.: «Владимир Даль», 2001 — 335 с — 115

Рад, что ты так бодро воспринимаешь ситуацию, которая издали кажется очень тревожной. Дай-то Бог…

Насчет книги о плащанице буду иметь в виду. Мне всегда

казалось странным, что никто не задает «неудобного», но напрашивающегося вопроса: кого закатали в эту тряпицу (по-видимому, живьем) ради пущей веры? Не сомневаюсь, что эксперимент пришлось повторить не один раз, чтобы достичь успеха (так что «закатанных» могло быть достаточное количество). Не сомневаюсь также, что делали это «истово верующие» люди (как-то совмещалась у них в голове вера с изуверским подлогом), в отличие от циников, делающих подобные фильмы, идущие уже на «путинском» НТВ.

Текст о Гершензоне я тебе, по-видимому, все-таки пришлю, но позже. В настоящем виде он неудобоварим, так как составлялся с установкой на неопределенного адресата: то ли конспектировал для себя, то ли «выпивал с Вайманом». Вообще ты ловко устроился: делаешь пару провоцирующих замечаний, — а мне потом отдуваться на десятках страниц. Впрочем, не ропщу: самому хочется что-то сформулировать, хотя бы простое, а то отупел от переводов. О Розенштоке тоже поговорим попозже.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Ситуацию воспринимаю «бодро» может оттого, что другого выхода нет. Со стороны, конечно, виднее… И потом мы уж тут притерпелись. Эта, в общем-то, военная, ситуация стала рутинной. Для правителей с обеих сторон она удобна во всех отношениях, так что это надолго. На днях армия заняла несколько районов «палестинской автономии» — самое эффективное средство борьбы с ними, они очень болезненно реагируют на потерю территории, но из Вашингтона последовал грубый окрик. «Непропорционально» среагировали (превышение пределов необходимой обороны, как они видятся из Америки). Мол, вы там тихо молотите друг друга, как бы понарошку, и при этих условиях — сколько угодно. Пришлось поджать хвост.

Что касается «плащаницы», то хоть прочитал я о «зака-

танных в тряпицу живьем» с довольной усмешкой, но на самом деле мне это кажется совершенно невероятным. Именно в силу того, что «эксперимент» слишком сложен. Для чего рисковать разоблачением, занимаясь подлогами? Вера и так сильна. И вообще не верю я в «позднейшие вставки», «изуверские подлоги» и прочие «ухищрения». Слишком велика эта вера, давно уже ставшая «культурной средой», и не такими фокусами ее укреплять или опровергать. Нет, твоя «гипотеза» меня «не успокоила». Я, конечно, «неисправимый романтик» и люблю загадки, но тут, похоже, действительно что-то странное, во всяком случае по данным фильма, который, я согласен, может быть жульническим. Поэтому и хочу почитать что-нибудь «объективное».

Я и сам чувствую в последнее время какое-то отупение. Может уже возраст дает о себе знать? Вот и жду от тебя «толчков», Наумушка-дурачок на завалинке. Но Розенштока мне по-прежнему нравится, просто яркий писатель, кроме всего прочего. Вот «каирские письма» дочитаю и может соберусь с мыслями… Но ты не жди, шли свои изыскания, мне — в радость. Всегда твой

Наум

20.4. Портос с Озриком вспоминали студенческие годы.

— Ноха, помнишь, как ты от страха потел перед Бескиным (профессор по математике) и решил его газом отравить, а Артемов как раз в этот момент подсел и его газом просто сдуло на другой край, а Бескин — хоть бы хны… Помнишь?

И они ржут на всю улицу.

Утром жене: — Пойдем в бассейн?

— Зачем?

— Немножко спортом…

— А мы уже сделали эксесайзес…

Матвею

Вышел 3 том Малевича в «Гилее», там, кстати, переписка с Гершензоном, а у меня есть только первый. Если есть и второй, то я бы взял для колекции.

P.S. А рубль стоит, как вкопанный. Экономический приапизм. Как у Вас вообще с экономикой?

From: «zinovy vayman»
через два дня отбываем в Варшаву, а оттуда в Тель-Авив
нужны новые хайку Ваши! для Югославии и антологии RUSSIAN RENKU

привет, привет, привет
говорят, что стаял снег…

как и сотни лет тому назад при дворе японских императоров и в домах трудовой Осаки любители поэзии в Европе и Америке пишут ренку. Ренку слагается из строф, которые нанизываются разными авторами в определенной гармонии, задаваемой «дирижером» — мастером ренки, или генга.

Начальное трехстишие-хокку импровизируется гостем — поэтом, и может содержать что-то слегка лестное о хозяине дома. Последующие отклики из чередующихся двоестрочий и троестрочий переходят друг в друга либо плавно, либо путем смысловых сдвигов. Мастер следит, чтобы ключевые слова и понятия не повторялись и направляет участников в строго очерченное русло.

В потоке ренки меняюся времена года, восходит луна, появляются цветы и приходит любовь. Но и политика, и семья, и мир «меньших братьев» тоже являются предметом ренку. Ренку это и диалоги, и регулируемые потоки сознания, и иногда и прокрустово ложе, если строго упереться в правила. Однако, последнее может быть и благотворным (цензура не всегда отрицательна). Собираются люди, беседуя, пишут вместе — это прекрасно.

Но и сторонники индивидуального творчества могут писать ренки. Если между строфами текут минуты, часы

или дни.

В беседе с президентом Интернациональной Ассоциации Ренку Тадаши Шокан Кондо выяснилось, что это иногда и происходит. Это произошло и со мной.

21.4. От Матвея:

Crete

Наум, привет! Во-первых, спасибо за информацию о ситуации. Очень обяжешь, если будешь держать меня в курсе. Кажется, тактика Шарона начинает давать плоды: слышал сегодня о приказе Арафата прекратить обстрелы израильской территории.

Не понял, что ты имеешь в виду под «приапизмом» рубля — он потихоньку падает, Центробанк его поддерживает «в коридоре» за счет нефтедолларов. Ну и в чем вопрос? Вообще «экономически» хреново: инфляция, рост тарифов на коммунальные услуги; только и делаю, что «зарабатываю», но никак не заработаю на элементарное пропитание. Жена (между прочим, ведущий научный сотрудник ИФ РАН) получает ровнёхонько половину прожиточного минимума. После того, как на индивидуальные гранты Сороса ввели пошлину (40%), он отказался их перечислять (наконец-то! Сорос с упорством маньяка помогал только антисемитам, нет чтобы помочь евреям). Зато крепнет любовь народа к нашему Железному Буратино: ни неудачная война, ни инфляция, ни отключения электричества, ни бессилие властей перед лицом катастроф типа «Курска» — ничто их не берет! У вас, наверное, показывали по телевизору вчерашнюю сцену в Думе, когда многие депутаты со скандалом отказались почтить память евреев-жертв Холокоста (Жириновский — естественно, еврей, кому же еще? — вопил, что евреи выдумали Холокост, чтобы отвлечь внимание от своей вины за страдания русского народа). Это бы еще куда ни шло (Жирик есть Жирик); но отказалась встать в знак памяти о евреях тётка, которая вела заседание — замспикера Любовь Слизка, официальное лицо, протеже лич-

но Путина и второй человек в путинской партии «Единство». Кстати, после объединения с лужковским «Отечеством», которое со второй попытки легло под Путина (первую попытку Лужкова отдаться Железный Буратино проигнорировал), партия получила название «Едиот». Разгром НТВ вызвал небывалый восторг у народа и особенно «интеллигенции». Как бы ни относиться к этому каналу, что-то не припомню, чтобы «в интеллигентном обществе» считалось дозволенным топтать ногами того, кому власти выламывают руки. Властителями дум «высоколобых» патриотов являются два говномёта с ОРТ, Леонтьев и Соколов: антиамериканизм, державность, восторг перед «людьми в погонах», особенно если они из спецслужб, и, в порядке синдрома нечистой совести, лютая ненависть к правозащитникам (Сергея Адамовича Ковалева оба говномёта называют не иначе как «придурком») — вот и весь репертуар нашей «элиты». Я, конечно, просчитался, понадеявшись прожить в этой злоебучей стране на силе своей ненависти: вся ненависть выветрилась, осталось одно презрение, на коем далеко не уедешь. И, естественно, устаешь от вони, источаемой «русской идеей»; от нее же не отделаешься, сколько ни проветривай помещение.

Я помню о своих долгах (Гершензон и Розенштох-Хюсси), но начну их выплачивать с того, что попроще — с информации об ажиотаже вокруг Крито-Микенской культуры (по работам П. Флоренского, в основном 1908 — 1914 г). Подчеркиваю: я только пересказываю и конспектирую и за высказывания «клиента» не отвечаю.

Исследования Эванса на Крите, начатые в 1903 году, произвели на «научную общественность» эффект разорвавшейся бомбы. То, что казалось прежде «изначальным» — эпос гомеровской эпохи и ионийская натурфилософия — оказалось итогом по меньшей мере полуторатысячелетнего (а то и трехтысячелетнего) развития. И то, что принималось за terminus a quo истории, само оказалось terminus ad quem почти что трехтысячелетней истории. Стоит ли отме-

чать, что тут переворачивается вверх ногами все прежнее понимание античного мышления?

«Быть может, никогда еще не было так трудно говорить о начатках греческой религии, о начатках греческой истории вообще, — чистосердечно свидетельствовал в своих лекциях кн. С. Н. Трубецкой, — как в настоящую минуту; новейшие открытия на Крите не могут не произвести полнейшего переворота в наших воззрениях на историю греческой древности».

Чем поразил Крит? В соответствии с господствовавшим тогда линейным представлением о «прогрессе», «догомеровская» эпоха должна была характеризоваться архаической грубостью. Вместо этого столкнулись с утонченностью и даже «переутонченностью» — словом, с «декадансом». Декаданс начала века «увидел себя в зеркале» Крито-Микенской культуры, которая оказалась, по каким-то параметрам, ближе и роднее привычной классики.

Но я позволю себе самым решительным образом выставить тезис об утонченности этой культуры, — пишет Флоренский и начинает… с дамской одежды. Еще в V-м веке до н.э. женщины ходили в простом хитоне, прикрытом благородным гиматием. Но во времена гораздо более древние, архаичные царевны, — так характеризует моды миноева века один специалист по костюму, — «носили корсеты, юбки с воланами, жакетки с открытой грудью, с длинными рукавами жиго, с небольшими фалдочками… До какой степени эта фигура со всем духом культурной утонченности и даже манерности, совпадает с фигурами наших современниц! Недостаточно веря своим глазам, я неоднократно показывал минойские изображения дамам и, не объясняя их происхождения, спрашивал, откуда это и что означает. И я получал неизменный ответ, что это — плоховато исполненное изображение из модного журнала — «какая-то декадентская барышня». Но наши моды в значительной мере уподобляются модам другой эпохи упадка — модам XVIII века. И вот, за 17—19 веков до Рождества Христова мы натал-

киваемся на моды 18—19 веков после Р. Х. Невольно вспоминаются речи Ницше о «вечном возвращении». Далее Флоренский переходит к рассмотрению портретной живописи («Эта особа кажется наивной и простодушной, но… не доверяйте ей: она — весьма опытная и коварная соблазнительница. Все показывает, что пред нами представительница культуры с большим прошлым, культуры утонченной и, в своей переутонченности, уже склоняющейся к упадку»), фресок («Под классическим искусством, таким простым по своим формам, был найден современный мир, с его элегантностью и искусственностью»), религии (Матерь-Земля — она же и смерть; эта религия «всегда сочетает идею благословенного рождения Матери-Земли с идеей ужаса смерти, которой место — также в глубинах земли. В стихийной жизни природы чередуются жизнь и смерть, лето и зима, периодическое умирание и оживление растительности. И соответственно тому в культе великой богини чередуются обряды радостные и погребальные, священная проституция и жестокое самоистязание, мало того — самооскопление как крайняя противоположность половым оргиям, как высшая жертва богине стихийного оргиазма. Всякое исследование истории женских божеств наводит нас на следы первоначального феми-монотеизма, женского единобожия. Все женские божественные лики суть разновидности единой богини, и эта богиня — один пол, возведенный в абсолют. А мужской коррелят абсолютной богини усваивает при этом черты страдающего бога, как Дионис и Осирис).

ОБОБЩЕНИЯ В ДУХЕ «МАЯТНИКА ЧИЖЕВСКОГО»

Век культуры, запечатленный в «Илиаде», по справедливости характеризуется как «Греческое Средневековье». В истории человечества мировые ***дни*** *культуры сменяются более длинным мировыми* ***ночами*** *культуры — говорит Вяч. И. Иванов, мудрый поэт и глубокомысленный исследователь религии. Такою ночною, архаическою культурою является, например, Западное Средневековье: — ночью «не в том*

смысле, в каком утверждается ночная природа этой эпохи мыслителями, видящими в ней только мрак невежества, — но в ином смысле, открытом тому, кто знает, как знал Тютчев, ночную душу. Так же вот в Трое, Микенах и Тиринфе густеет ночь архаизма. Цветущая же, дневная пора древности соответствует новому времени, а культура эллинизма может быть приравниваема с современною. Уже вечереет небо, уже разливается в воздухе прохлада. Яснее слышатся откровения вновь объемлющей свой мир души ночной. Мы пережили век утонченности, а затем — и переутонченности; теперь же начинаются искания архаизма и отвращение к рациональности. Близко новое средневековье. Мы видели уже, что гомеровский век соответствует концу греческого Средневековья, а то, что недавно считалось за начало греческой истории — раннему греческому Возрождению. Ионийская натурфилософия живо напоминает философию раннего итальянского Возрождения, начавшегося 20 веков спустя. Философия, в существе своем, есть порождение «дневного» сознания, дело рассекающей ясности дневного света. Не должно ли отсюда заключить, что философия каждого периода продолжает труд не непосредственно предыдущего периода, т.е. периода «ночного» сознания, а периода предпредыдущего, — тоже дневного? Поднимаясь с одра ночного, мы устремляемся мыслью не к грезам, только что пережитым во сне, а к мыслям и заботам ***дня****. Мы свиваем в сплошное целое нить дневного сознания, как бы не замечая вырезанных из жизни кусков, полос, областей сознания ночного. Наша жизнь идет двумя параллельными чередами, — дней и ночей, — хотя и перемежающихся друг с другом, но как бы не замечающих друг друга, смыкающихся в две параллельные нити жизни — черную и белую. Это-то и выражает псалмопевец словами: «День дни отрыгает глагол, и нощь нощи возвещает разум» (Пс. 18,3). Так именно и бывает в истории. Полосы дневного сознания «отрыгают глагол», т.е. имеют непрерывность предания, единый разум культуры, не смежным с нею полосам сознания ночного, — но — другим полосам,*

отграниченным от нее культурой ночною. И ночная культура «возвещает разум» свой непосредственно культуре ночной же, — не дневной, не той, которая с ней смежна. Вот почему не лишено смысла некоторое игнорирование историками философии всего Средневековья. Говорю «не лишено смысла» не потому, что Средневековье «некультурно» (этот вымысел давно уже оставлен мыслящими людьми), а потому, что оно ино-культурно. Начало новой философии примыкает не к средневековой мысли, но к вечереющей мысли древности. Напротив, наступающий вечер мысли, уже явно веющий прохладою над нашими головами, и быстро надвигающаяся на нас вечерняя тень новой культуры видимо разрывают с традициями непосредственно предшествовавшей им дневной культуры Нового времени, и невидимые артерии и нервы общества получают питание и возбуждение от считавшейся, еще не так давно, бесповоротно погребенной мысли средневековой.

Конечно, не ахиллы и не агамемноны были предшественниками фалесов и анаксимандров, а далекие полу-призрачные тени миносов и пасифай, тени носителей древнейшей дневной культуры до-элинского мира. Как много значит для нас в этом свете таинственный Крит — эта страна исконных человеческих жертвоприношений, страна двойного топора и кровавых литургий, эта колыбель греческой культуры и греческих культов. Немудрено, что глаза всего мира жадно устремлены на Крит.

Я отчасти цитировал, отчасти пересказывал работу Флоренского «Первые шаги философии», которая представляет собой курс лекций, читавшийся с 1908/1909 учебного года и вплоть до 1917,1918 учебного года в Московской Духовной Академии. Флоренский. Сочинения в 4-х томах. Том 2. С.61—131. М.: Мысль, 1996.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Флоренский хорош! Да, «дневная» и «ночная» культуры соответствуют жреческому и магическому уклону. И насчет «декаданса» минойцев верно (утонченная, истонченная была культура), и насчет «средневековья». А какие пророчества: «быстро надвигающаяся на нас вечерняя тень новой культуры… разрывает с традициями непосредственно предшествовавшей им дневной культуры Нового времени, и невидимые артерии и нервы общества получают питание и возбуждение от считавшейся, еще не так давно, бесповоротно погребенной мысли средневековой»! Оно и наступило, средневековье. (Только непонятно, что же он против жидовто имел?)

И кстати насчет Серебряного века: это «вечереющее небо», и особенно «густеющая в Трое, Микенах и Тиринфе ночь архаизма», повлияли, как мне кажется, на Мандельштама — его образ «ночи иудейской» о том же: «Ночь иудейская сгущалася над ним…". Тут ночь иудейская сгущается над Россией (стихотворение посвящено Карташеву), а Мандельштам любил сравнивать гибель Петербурга с гибелью Иерусалима и Трои («Где милая Троя? Где царский, где девичий дом?/Он будет разрушен, высокий Приамов скворешник»). Интересно, кроме прочего, что Мандельштам, выходит, полагал эпоху Христа декадентской (для евреев), с чем я абсолютно согласен.

Что касается Думы, не пожелавшей почтить Катастрофу… Заседания этого я не видел (последнее время все меньше и меньше смотрю русское телевидение и интересуюсь русской политикой). Что я тебе скажу, конечно, позор. А ведь посмотришь иной раз на лица (в том же телевизоре) и подумаешь: «душевный» все же народ. Особенно женщины… Но вот такое странное сочетание «душевности» и моральной инфантильности…

Хотя отношение к «этому» самих евреев раздражает меня еще больше. Легко обвинить немцев в зверствах и умыть руки. Непротивление злу никто не рассматривает, как вину. Примитивное разделение на жертв и насильников.

Перепуганные немцы пытаются доказать, что «не знали»... Шпеер (далеко ему до исповедальности Ларошеля) дошел до жидовской мелочности: когда какой-то американский историк (еврей) буквально раскопал, через много лет после войны, протоколы совещания высших чинов Рейха (кажется в Варшаве, году в сорок третьем), где запротоколировано как участие Шпеера, так и выступление Гиммлера, в котором тот прямо говорит об «окончательном решении» (вообще немцы избегали «официальных заявлений» на эту тему), да еще и, намекая на Шпеера, обвиняет «некоторых чистоплюев» в непонимании исторических задач, так Шпеер, вся позиция которого, включая благополучное избавление от виселицы (через двадцать лет он вышел из Шпандау и еще сошелся с «молодой», о чем с горечью повествует его жена), заключалась в «незнании», потратил годы (тоже порылся в архивах), доказывая, что он в тот самый момент, когда выступал Гиммлер, вышел из зала (!!). Кстати, Черняков, первый «комендант» Варшавского гетто, который вел чудом уцелевший дневник, ни разу, ни одним словом, не «осудил» в нем немцев. Он скупо-прозаично перечислял малоприятные обязанности и хлопоты коменданта гибнущей общины, лишь в очень редких случаях отмечая «признаки человеческого достоинства» у своих гибнущих соплеменников, как, например, просьбу одного доходяги дать ему «ссуду», но не на еду, что подчеркнуто, а на квартплату, потому что он не хочет умереть на улице, или «подвиг» (впрочем, кавычки здесь неуместны) одной женщины, которая, узнав, что за время ее отсутствия мужчина, с которым она жила, умер и его бросили в общую могилу, откопала его и похоронила. Этот Черняков покончил с собой на следующий день после того, как первый транспорт из гетто был отправлен в Треблинку (это было уже в июне 42-го, всего через год после начала войны).

Была тут такая член Кнессета Хайка Гроссман (умерла пару лет назад), ее, вместе со спецгруппой («по призыву комсомола»), послали в гетто Белостока организовать сопро-

тивление. Накануне одной из «акций» она оказалась вне гетто (так и спаслась), а ее товарищи (у них было оружие) попали «под акцию» и были уничтожены вместе со всеми остальными. Хайка Гроссман была (в Кнессете) представительницей крайне левого лагеря — они главные «миролюбцы» –, но до последнего дня пыталась выяснить одну, видно, очень важную для нее загадку: оказали ли ее товарищи сопротивление, когда их «брали»… Она даже приставала с расспросами к Ивану Демьянюку, «Ивану Грозному» Треблинки и Белостока, бегала к нему в тюрьму, вела задушевные беседы (израильтяне не посмели его осудить и отпустили за недостатком улик — быть мстительным нехорошо в глазах мирового общественного мнения, а быть жертвой — выгодно).

Есть и такая точка зрения: все были жертвами, мол, и евреи, и немцы были жертвами тоталитаризма. Пусть так, но не тоталитаризма, а своего непротивления, а оно — от убеждения, что нет ничего дороже собственной жизни, а героизм — прибежище идиотов.

Что касается «христиан», то флер «милосердия» быстро слетел в 20-ом веке с великих «христианских» народов: немецкого, русского, польского. Восстание в Варшавском гетто пришлось на Песах, а в том году (43-ем) он совпал с христианской Пасхой. В Варшаве, по ту сторону гетто, шли празднества, крестные ходы, карнавалы и фейерверки, многие собирались на крышах и балконах соседних с гетто домов чтобы посмотреть на неожиданную иллюминацию: подарок к христианской пасхе — гетто полыхало в адских клубах пыли и пепла, под грохот рушившихся домов…

А что ты сейчас переводишь? Что нового в «литературной жизни»?

Всегда твой

Наум

P.S. Хотел тебе еще добавить, для бодрости, но забыл (мысля за мыслю зашла): если покрутишься тут, то, в общем-то, «чуешь», что этот народ просто так, за здорово живешь, обухом не перешибешь (надеюсь простишь мне

этот патриотический угар).

Хамсин. Обдувает горячим ветром. Вечером чуть полегчало. Встретились с Соколовым. Они с Марлин шли навстречу по Бен Иуда, и я их не узнал: издалека, по фигуре, он молод и гибок. Пошли в тайландский ресторан, который они «открыли» в этот приезд. Марлин регату проиграла (каким-то «здоровенным украинским девушкам», выступавшим за сборную Украины, а «украинская школа» — лучшая в мире), заняла второе место. Выглядит устало. Выпили три бутылки полусухого «рислинга», креветки и кальмары тоже были ничего.

Соколов рассказывает, что и они были на Крите. Пароход довез до Хании, и оттуда, с рюкзачками, пошли через горы, на другой берег, там, в горах люди еще с мечами ходят, чужих не любят, такие усачи, кавказского типа. И вообще Крит напомнил ему Кавказ. Потом пошел рассказ про житье-бытье в Вермонте, какая там компания лыжников подобралась, про какого-то чудесного болгарина. Да, завтра приедет Тарасов, с Птахом.

— Аа, с Птахом? — удивляюсь.

— Да.

Жена бросила:

— Получишь удовольствие.

— А что? — спросил Соколов опасливо.

— Ну, — говорю, — Птах своеобразная фигура.

— Он тоже, наркоту употребляет?

— Употребляет, но легкую и умеренно.

— Понятно…

— Кстати, последняя подборка стихов Тарасова в «Солнечном сплетении», я думаю, он тебе привезет этот номер, мне очень понравилась, очень. А как тебе его проза?

— Неровная.

— Да, верно. Местами такие взлеты, захватывает, но в целом — не держится.

— Совершенно не держится.

— А как тебе Кононов?

— Ну, знаешь… это образец прозы, в смысле как нельзя писать прозу, это надо в литинституте преподавать, очень хороший пример. Ну совершенно… Он попал в короткий список Букера? Ну, это… совершенно непонятно. Он же не владеет словом. Нет, Шишкин гораздо лучше, он хоть умеет писать. А стихи его у тебя есть? Мне кажется, что как поэт он лучше. Да, пошли мне.

Я попытался возразить, но он впал в раздражение и назвал Колю графоманом.

Переключаю тему — делюсь «новостью»: в Думе не встали в память жертв Катастрофы, что Жириновский изгилялся. Он говорит, что Жириновский фигляр, как и Лимонов, это его профессия, он просто «играет», и не случайно они сошлись.

— Лимонов-то всегда был для меня открытой книгой. Но он все-таки более успешно действует, поталантливей Жириновского.

Сказал ему (вспомнил вдруг), что есть такой поэт Саша Верник…

— А, да, знаю, ничего…

— Так он просил передать тебе, что у него есть стихотворение, тебе посвященное, если хочешь, перекину тебе по емеле.

— Аа, да, пошли.

22.4

— Я как-то познакомилась с одним парнем, давно это уже было, красивый был парень, а я тогда только по одному признаку выбирала, и чувствую, хорош, ну, когда в первый раз разделись, я смотрю — ну совсем нет ничего, представляешь, ну совсем. Я так удивилась… Вообще-то мне девки рассказывали, что у мужиков так бывает, но тут, совершенно исчез. И он тоже так расстроился, ну, я его успокоила, как могла. Потом мы с ним еще раз встретились… Не, ну я же, когда целовалась-обнималась, я же чувство-

вала, что у него все в порядке. И опять у него исчезло. Но потом мы все-таки своего добились, и я не пожалела. Он мне потом рассказал, что сам испугался, оказывается, что так бывает, то-есть совсем куда-то внутрь втягивается. Он сказал, что так меня хотел в первый раз… что такое с ним приключилось в первый раз в жизни. А ты помнишь этот рассказ в «Китайском эросе», ну ты же давал мне, как там в гареме девки вдруг стали беременеть, ну, приказали повитухе их проверить, а там одна была, самая красивая, в общем, ничего вроде не заметили, тогда стали это место у девок салом мазать, и дали собаке лизать, и вот как собака полизала у этой красавицы, так там такое вылезло! … На мне видно (красуясь как обычно перед зеркалом «после того»)? Ну видно, что я из-под хорошего мужика? Видно, что я хорошо потрахалась?

— Видно, видно.

Довольна, рот до ушей.

Сосет она совершенно неутомимо и самозабвенно. Сосала-лизала, ну, наверное, минут пятнадцать чистого времени, и делает все классно, но мне уж надоело, думаю: неужели не надоело ей, или все-таки хочет добиться своего, чтоб я в рот кончил? Можно, конечно, поднатужившись. Спрашиваю: ты куда хочешь чтобы я кончил? Не слышит. С трудом оторвал ее: глаза мутные, остекляневшие, рот открыт… Довершили «дедовским» способом.

А все-таки Ф это делала как-то… трепетней. Эдак вывалит его из штанишек, язычком похлопает… Мертвый поднимется.

Это заседание в Думе она видела.

— Эта баба, председатель, говорит: сегодня в Израиле и в мире отмечают праздник, праздник, да, так и сказала, день Катастрофы европейского еврейства, кто хочет, может встать. Так несколько человек сразу вскочили, некоторые стали оглядываться, как-то неуверенно подниматься. А Жириновский стал кричать, что мало ли где какие праздники отмечают, нам-то что до этого, ну и так далее.

… Я работала с одной бабой, мы рядом жили, муж у нее был еврей, а сын был ужасно такой… гадкий, вот знаешь, есть такие, вот придет к тебе, поест, и жирную ладонь на стенке оставит, вот такого типа, так она его называла, орала на весь двор: «жидовский выблядок», и еще «жидовский выкормыш». Мне-то это не мешало, мы с ней даже дружили, она, кстати, хорошо готовила, у них был большой огород и они там трудились, как тракторы, а когда мы собрались уезжать, я ей об этом сказала, она так выслушала, взялась за щеки ладонями, у нее такие плоские огромные ручищи были, и говорит: «Какой сионизм!»

… — Ты мое счастье… — шепчу ей.

— Нет, это ты — мое счастье! Ты даже не представляешь какой ты… Я не знаю, за что мне такой подарок… Ведь ты меня спас, просто спас. Я погибала. Я не знала, зачем мне дальше жить…

… — Вайман, Вайман… Ты понимаешь, как ты мне дорог? Ты уже стал частью моей жизни… Я все время думаю о тебе, ты все время у меня перед глазами… А я всегда думаю о вас обоих. Да, о тебе и о нем, я о нем не забываю.

… — Тебя в пятку целовали? — спрашивает.

— А как же, как шальные.

— Да? Вот так? Вот так целовали? А куда тебя не целовали, скажи? В спину целовали?

— Вот насчет спины я до сих пор помню одну, на Речном Вокзале жила…

— Только одну?

— У нее как-то особенно получалось. Мне казалось, что бабочки ко мне на спину слетелись, садятся и взлетают, садятся и взлетают…

— А как ее звали?

— Как звали не помню. Она с мамой жила, я к ней зашел и остался на ночь. Две комнаты было, мама где-то за стенкой…

Вышли из отеля, переходим улицу. На другой стороне

стоят двое, по виду иностранные рабочие. Один: высокий, жилистый парень, глаза — дула. Смотрит на нее.

— Ишь ты, как уставился. Наглец. А ты не ревнуешь?

— Ну что, это лестно, когда на твою женщину все смотрят.

— А вот муж все ревнует. Говорит, что я вызывающе одеваюсь.

Наум, привет!

Насчет «катастрофы». О Пасхе во время восстания в Варшавском гетто я знаю, читал: та еще картина! А эту сцену в нашей Думе надо было видеть. Здесь важны два момента. Во-первых, русским (всем, включая «порядочных») даже не приходит в голову, что это имеет к ним какое-то отношение — тем более, им не приходит в голову, что они в чем-то виноваты. Например, недавно российские судебные власти реабилитировали (!) Валленберга. Это делается «на голубом глазу», никто не чувствует ни малейшего неудобства. Представь себе, что суд ФРГ реабилитирует сегодня какого-нибудь замученного в лагерях антифашиста. Абсурд. Все объясняется просто: в Германии произошла денацификация (пусть «неполная», отчасти лицемерная, не в этом суть: просто нынешняя Германия не считает себя правопреемницей гитлеровской), а в России — нет. Поэтому если в России и в самом деле начнется какое-нибудь «оживление в промышленности и т.п.», это будет чудовищная несправедливость. К счастью, ничего кроме катастроф и полного вырождения Россию не ожидает, и это примиряет меня с суровой действительностью. Во-вторых, меня удивило твое замечание о Жириновском. В том-то и дело, что в создавшейся атмосфере еврей каждую секунду должен объяснять окружающим (отвечать на «немой» вопрос), почему он не уехал. Единственный наглядный ответ — это антисемитская (или, на худой конец, шибко патриотичная) выходка. (Люблю, мол, Родину, Матушку-Русь, ну просто мочи нет, делайте со мной что хотите. Как там у Бродского: «У меня

в душе Жар-Птица и тоска по государю. Дайте мне перекреститься, а не то в лицо ударю.») Эта незамысловатая логика исчерпывающе объясняет характер поведения таких людей, как В. Топоров, М. Леонтьев, В. Третьяков (редактор «Независимой газеты») и т. п. Нормальных же евреев я в России не знаю ни одного. Это не преувеличение, а просто факт. Так что есть тут люди похуже черносотенцев — это сами евреи (и их уже «поздно» винить: поколение не успевших вовремя эвакуироваться). И то, что ты чувствуешь себя «среди своих», несравненно важнее всего прочего. Коротко говоря, я совершил ошибку, не уехав в свое время в Израиль, а ты поступил правильно. Что касается «литературной жизни», то, например, на днях Лёня устроил в ЦДЛ (в Центральном доме литераторов, гнезде черносотенства) вечер памяти своего отца — юмориста Владлена Ефимовича (естественно, еврея). Я не пошел, чем смертельно оскорбил Лёню. Присутствие на любых публичных мероприятиях стало для меня просто физиологически непереносимым. Меня утешает тайная уверенность (которой я ни с кем не могу поделиться), что тихий, ироничный, круглый, как шарик, Владлен Ефимович, который в свое время не уехал из страны только потому, что Леня закатил многодневную истерику и грозил покончить с собой («У меня здесь друзья», — вопил Леня), относится с бóльшим пониманием к моей линии поведения, чем к Лениной.

А Флоренский, по моему глубокому убеждению, был единственным безусловным гением в русской философии. А твои вопросы типа «Что же он против жидов-то имел?» просто ставят меня в тупик. И это после того, как я исписал на эту тему столько страниц с соответствующими цитатами! Не имея сил повторять идейную сторону, просто напомню, как о факте, о таких, например, откровениях Флоренского: «Кто посмеет отвергнуть основное положение антисемитизма, что иудеи — враги рода человеческого, враги культуры, враги высшего достояния человечества, и нет такой скверны, которая не текла бы в конечном счете именно

от этой „церкви лукавствующих“. И разве не правда, что великий тайнозритель исторических судеб св. Иоанн Богослов, сам иудей, называет иудейство „сборищем сатанинским“ вовсе не только в общем смысле, но и в точном значении этих слов? Да, залегающие на дне масонства — величайшая мерзость — культы сатанинские и люциферианские организуются либо непосредственно, либо посредственно иудейством! Юдофобы не без основания в „синагоге сатанинской“ видят гнездо, уготовляющее антихриста. Нельзя отрицать, что все их деяния, все их внутреннее злое устроение, их присное противление Богу — зловонная зараза. Если иудеи — „избранный народ“, неудержимым образом оказывающийся „сборищем сатанинским“, если проклятие, словно роковое, лежит на этом народе, то безысходность и отчаяние вливаются в душу иудея, когда он поймет печать отвержения, на нем лежащую. Можно ли честному еврею не погрузиться в беспросветный мрак отчаяния, когда он увидит проклятие и порчу, которые он несет с собою в мир?» (Флоренский. Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С.705—706) Словом: убей еврея, и «честный еврей» сам скажет тебе за это спасибо: уж больно он мерзок самому себе. Именно христиане типа Флоренского, в особенности русские (цитируемый текст написан в 1914 году) придали исторически сложившемуся антисемитизму черты «идейной миссии» и выдали Гитлеру благословение на геноцид. Другое дело, что западные христиане, как протестанты, так и католики, все же поняли, что продолжать богословствовать так, будто Освенцима не было, — не получится. Но это «Богословие после Освенцима» даже краем не затронуло русских православных, продолжающих жить в краю непуганых идиотов (здесь та же история, что и с «реабилитацией Валленберга»): на церковных лотках половину ассортимента составляет махровая, погромная антисемитчина, включая Гитлера и Розенберга (сей, кстати, вырос и идейно сформировался в России). Зато таких супер-православных без сучка без задоринки, как убиенный (и поделом!) Мень или Мейендорф, там

не продают — жиды, понимаш.

Всегда твой

Матвей

Привет!

Меня по-прежнему наивнейшим образом удивляет антисемитизм гениев, как удивляет тщеславие знаменитых и агрессивность могучих. Но я собирался задать вопрос более «глубокомысленный» (хотя по причине привычного ерничества выразился неясно): в чем, извините за выражение, причина антисемитизма? Ты когда-то красиво написал (как бы отвечая на этот вопрос), что суть (для русских по крайней мере) в невозможности культурно определиться иначе, чем «отталкиваясь» от еврейства, иначе, чем как «неевреи». И «избранность» иудеев, которая для христианства, как кость в горле, не проглотить не выплюнуть, действительно «ключевой» момент в «интеллигентском» антисемитизме. Несмотря на то, что такой ответ мне кажется правильным, я не уверен, что он исчерпывающий, или я сам, отравленный антисемитизмом, может быть ищу в себе, в еврействе, те «реальные недостатки», за которые нас, так сказать, «не любят». Отсюда и все мои поиски идейных «альтернатив», типа «героизма». Хотя, не исключено, что единственный «ответ антисемитам» — это быть евреем «до конца». То есть именно полное «принятие» иудейства и есть самый естественный, самый честный и самый правильный путь. Но вот тут я и спотыкаюсь: естественный и честный — да, но правильный ли? О том, может ли естественность (и тем более честность) быть «неправильными», мы сейчас спорить не будем. Мне хочется остаться «открытым», не «отмахиваться», не «уходить в себя», а встретить эту бурю ненависти «с открытым забралом». Если это вообще возможно… Вот поэтому я и спросил, чем же евреи Флоренскому «насолили». Ведь он же интеллектуал, он же обязан не биться в истерике «сатана изыди», а «доказать». Так вот, есть ли в его «доказательствах» что-

то, что достойно размышления, или даже «понимания»?

А потом есть и другая сторона: люди, в том числе и русские, антисемитизмом не пораженные. А эти тогда откуда взялись? То есть, был ли его антисемитизм чисто «христианским», религиозным, или на какой другой идейной почве? Не чужд ли он был и «бытовичку-с»?

А зрелище мероприятий, где евреи пытаются доказать всем, и особенно себе, что они «русские в доску интеллигенты», зрелище, конечно, хуже зубной боли. И я рад, что Господь не заставил меня настолько «кривить умом», уж не говорю о душе, душа она что, слаба, как баба… И не могу сказать, что я был так уж далек от этих адских мук «искривления позвоночника»… Всего-то: шаг вперед, или шаг в сторону, который, как известно, считается побегом…

Надеюсь, я не сбил тебя «в сторону», от Гершензона и Розенштока. Хотя «антисемитизм» (казалось бы дурацкая тема для обсуждения) жестко переплетен с судьбой всех наших «культурных» вопросов…

Всегда твой Наум

Кстати (вдогонку), Флоренский вряд ли, наверное, написал бы о евреях те слова искреннего пиетета, которые нередко вырывались у Розанова (особенно в «Апокалипсисе»).

24.4.

Леша, привет!

Мы будем в Праге 9-ого мая, около десяти вечера. 12-ого вечером — домой. До какого часа тебе «не поздно» звонить? Остановимся в «Хильтоне», рядом с Вацлавской площадью. Саша обещал к этому времени тоже добраться до Праги. Так что готовь программу кутежа. (Гитару можно достать, или с собой брать?)

Если есть возможность организовать передачу на «Свободе», то я бы не отказался. Об израильской русскоязычной литературе, например, или «личное» интервью, по поводу книги и т. п.

Подумай, не надо ли привезти чего-нибудь, каких-нибудь

соленых помидоров?
Сердечный привет Краве
До встречи.
Наум

Наум, гитары нет, решай сам — хорошо бы, но тебе везти. Насчет эфира поговорю с коллегами. Соленые помидоры обязательно. Ждем
Alexei P. Tsvetkov

Наум, привет!
Arbor anti-Semiticis (Древо Антисемитизма)
Конечно, если быть честным (независимо от того, «правильно» ли это), мы от антисемитизма никуда не денемся. В глубине моих «Гершензоновских изысканий» (как, впрочем, и Розенштоковских; далее — везде) лежит тот же крокодил. («Небо чисто, воды ясны // Тих, покоен сверху вид. // Но взгляни на дно — ужасно!// Крокодил на нем лежит!») Конечно, я бы предпочел академический тон и аналитический стиль; надеюсь к нему — через того же Гершензона — вырулить. Пока, в качестве промежуточного этапа, набросаю чертеж «Древа Антисемитизма» — с тем, чтобы по мере необходимости иметь возможность высветить нужную его ветвь, а то и подправить (или даже «перечеркнуть») всю схему.
Для начала, в качестве «Пролога», два слова о ситуации вокруг Думского глумления над еврейскими могилами в честь «праздника» Катастрофы (Жириновский, среди прочего, выкрикнул, что у нас и так слишком много праздников!) Жирика осудили официальные лица по всему спектру — от коммуниста Зюганова до администрации Президента. Эти осуждения, включая реплику самого Путина, гораздо глумливее, чем сама «акция». Зюганов говорит, что недопустимо глумиться над «борцами против фашизма». Слово «еврей» вообще не произносится, а формулировки находятся такие, чтобы исключить евреев из числа тех, кто заслуживает поминовения (жертвы Катастрофы — это кто угодно,

но только не «борцы с фашизмом»: они просто жертвы геноцида). Правые (те, кто, собственно, и предложил почтить память жертв вставанием), говорят (тоже стараясь не произносить слова «еврей»), словно бы оправдываясь, что готовы встать в честь кого угодно (читай: даже и в честь евреев). Представители администрации отреагировали косвенно. Так совпало, что на другой день после скандала наши бритоголовые («скинхеды») праздновали день рождения Гитлера, в связи с чем сначала зарезали парня-чеченца (18-ти лет) прямо у стен Кремля, а потом кодлой человек в 150 разгромили лотки «кавказцев» на одном из московских рынков. Надо послушать, как говорят об этом официальные власти! Сначала стыдливой скороговоркой выдавливают из себя, среди прочей «ксенофобии», слово «антисемитизм», а потом тут же заводят свою шарманку, не изменившуюся с советских времен: у нас многонациональная страна, и мы не можем допустить... Подразумевается, что сами по себе антисемитские выходки — дело неплохое (может, даже богоугодное), но поскольку страна у нас многонациональная... и т. д. Антисемитизм, с одной стороны, бессознательно выделяется как оправданный, а с другой стороны с блудливой поспешностью сваливается в одну кучу со всякой прочей «ксенофобией». Между тем, первое аналитическое усилие, которое требуется произвести, чтобы поставить рассмотрение проблемы антисемитизма на твердую почву — это усилие отделения его от ксенофобии. Антисемитизм — отмеченный, «маркированный» феномен. Даже при том, что кавказцев убивают, а евреев «не трогают», явления «ксенофобии» и антисемитизма располагаются на разных уровнях: у кавказцев «мы» веру не принимали и потому комплекса неполноценности по отношению к ним не испытываем.

Отсюда я вывожу «крону» «Древа»: она отделяется от «ствола» в том месте, где антисемитизм становится христианским. Безусловно, антисемитизм существовал и до христианства, но в те времена он вписывался в рамки широкого феномена ксенофобии и ничего специфического

собой не представлял. Именно на христианском этапе он приобрел черты «чего-то особенного» — того, что привело «в конечном итоге» к газовым камерам. Здесь наблюдается «деление ветвей». Вообще-то заимствование религии является (по крайней мере, для европейских и вообще «западных» народов) скорее правилом, чем исключением. Поэтому почва для «еврейского комплекса» закладывается для всех «европейских» народов и у всех в той или иной мере проявляется. Здесь решающим является вопрос о том, насколько здорова сама ветвь. Здоровая ветвь перерабатывает «соки» христианства во что-то абсолютно неузнаваемое (типа «протестантской этики»), в связи с чем комплекс снимается: если мои амбары полны, то и Бог за меня, и то, что он изначально еврейский, не играет никакой роли. В этом смысле «гнилые» и «подпорченные» ветви сохраняют гораздо более тесную сущностную связь с «духом первоначального христианства»: иными словами, антисемитские народы «ближе по духу» к еврейству, чем страны «нейтральные».

Следующий уровень — «деление ствола». Если «на уровне кроны» доминировала «внешняя вина» — вина народов-неудачников, «гнилых ветвей», то по мере «опускания к корням» мы обращаемся к «внутренней вине», и в этом смысле твой ход мысли («ищу в себе, в еврействе, те «реальные недостатки», за которые нас, так сказать, «не любят») является, на мой взгляд, абсолютно правильным, причем не только на субъективном уровне, но и объективно, по существу. /Здесь надо оговориться, что я везде веду речь о «метафизической вине», а никак не о «юридической». / «Деление ствола» — это деление евреев на иудаистов и христиан. По-видимому, понятие «христианства» на этом уровне следует рассматривать предельно широко — так, чтобы оно вобрало в себя и экстремистов-эссеев (типа Кумранской общины), и терапевтов, и разного рода гностиков и апокалиптиков. То, что изо всех иудейских ересей победила в конечном итоге ересь христианская, является, в определенном смысле, исторической случайностью.

Делая еще шаг «книзу», мы наталкиваемся на «утолщение в стволе» — на Пророков (в широком значении: в том смысле, в каком говорят, что Библия — это Закон и Пророки). Пророки «навели порчу» на иудейскую веру, проведя бешеную атаку на остатки «нормальной» циклической ритуальности. Все они выступали под девизом «Милости хочу, а не жертвы», на вид безобидным и даже «симпатичным», «гуманным», а на деле оказавшимся миной страшной разрушительной силы. Тем самым из обрядово-религиозного комплекса вытравливались архетипы косвенного спасения, в результате чего в осадке остались только взрывоопасные формулы «прямого спасения». Это очень точно почувствовал Гершензон: «Тогда /на мифологическом этапе/ религиозное сознание обязывало человека к изъявлению его подданнических чувств по отношению к Богу в виде славословий да вещественно-символической дани — жертвоприношений. Когда же мировой закон был осознан не внеположным человеку, а его собственным имманентным законом, нормою человеческого духа, тогда формальная дань потеряла смысл. Становилось ясным, что Бог требует себе всей воли человека в ее конкретности; свой мировой долг человек может исполнить не одной символической данью, но реальной службою миру, исполнением его закона в каждом своем поступке. Эту моральную мысль еврейской религии выражало ветхозаветное пророчество начиная с первых великих пророков, Амоса. Они все говорят одно: теперь уже не довольно внешнего служения Богу, как лица — лицу; Бог требует уже не вещественной дани — жертвы, но сама личность должна отдаться Богу вся без остатка.»

И, наконец, «разделение в корне». Еврейский Бог одновременно имманентен (как учредитель «порядка», как «стихия» и т.п.), и трансцендентен (как «творец из ничего» и гарант «прямого спасения»). Он — совершенное существо и, одновременно, — антропоморфный ревнивец-неврастеник. В нем «просматриваются» черты «общеязыческого жреческого архетипа» косвенного спасения (еще месопотамского, по-

видимому, происхождения) и, одновременно, черты «регрессивной» супермагии прямого спасения (шаг вперед и вверх по «лестнице индивидуации» сопровождался шагом назад по части селекции архетипов спасения).

Как и всякая схема, данный набросок груб и примитивен. У меня есть что сказать по поводу каждого из «срезов» «Древа», но пока поостерегусь давать пояснения — на тот случай, если идея окажется для тебя в корне неприемлемой.

Теперь по поводу «гения и злодейства». Сначала два слова о «первоисточнике» — о «Моцарте и Сальери». У Пушкина фразу о «несовместности» гения и злодейства произносит сам Сальери, причем неуверенно, в форме вопроса: «Ужель он прав и я не гений? Гений и злодейство — две вещи несовместные». В последней фразе скорее вопросительная, чем утвердительная интонация. И тут же приводится чрезвычайно убедительный довод как раз в пользу «совместности» гения и злодейства — именно: казус Микельанджело. Скульптор якобы, ради достижения пущего эффекта, замучил до смерти позировавшего для скульптуры юношу. Вопрос о том, было ли это на самом деле, несуществен; важно то, что это кажется нам убедительным, по крайней мере, возможным. Вспомним хотя бы Репина, запретившего оказать помощь жене, у которой пошла кровь из носа: ему надо было «ухватить тон» для «Ивана Грозного». Собственно говоря, вопрос сводится к «платоновскому» различению двух Эросов: Эроса недостатка и Эроса избытка. Так вот, если и существует «творчество от избытка» (в чем я сильно сомневаюсь), то оно не касается сотериологической сферы. Сам Моцарт, который у Пушкина призван, кажется, воплотить идею «творчества от избытка», получает, в качестве импульса, Черного человека, воплощенную идею смерти. Заражаясь им сперва как внешней идеей («заказ»), Моцарт со временем производит «интериоризацию» идеи смерти (пишет реквием по самому себе); теперь уже сама жизнь лишается полноты, поскольку в ней зияет «щель» смерти: куда ни погляди, «он /Черный человек/ с нами сам-третей». Обнаруживается, что

до-реквиемное состояние Моцарта («творчество от избытка») определялось не гением, а всего лишь «талантом»: он «нарабатывал мускулы» для подлинно гениального творчества — «творчества от недостатка».

Если перейти поближе к Флоренскому, то прежде всего надо признать факт: гений прекрасно совмещается с антисемитизмом. Из великих философов антисемитами были, например, Кант, Гегель, Фихте. Из русских — Флоренский, Лосев, С. Булгаков, Карсавин, не говоря уже о мелкой сошке. Но тут необходимо произвести разделение. Что касается философских систем Канта, Гегеля и Фихте, то они никоим образом не были затронуты антисемитизмом в той мере, в какой являлись аналитическими (как не может быть, например, «еврейской» или «антисемитской» математики). Но существует способ философствования, при котором перепутываются («переплетаются») аналитика и собственно «дело спасения». Так, формальная сторона философствования Лосева в высшей степени «математична», в то время как его «самоинтерпретации» выдержаны в ерническом «полухудожественном» стиле наподобие розановского. В этих интерпретациях и «находят себе приют» антисемитские выкладки. То же самое и у Флоренского. Формулы математической логики перемежаются у него со всхлипыванием по поводу «сердечной дружбы» (с явным гомосексуальным привкусом), чертежи и схемы — с гипнотическими «стихотворениями в прозе» (а то и просто стихотворениями: он даже выпустил сборник стихов, исключительно бездарных, и написал огромную поэму «Оро»). А в «деле спасения» взывать к интеллекту, хотя бы и «гениальному», бессмысленно: здесь действуют иные архетипы.

Всегда твой

Матвей

Да, насчет того, мог ли написать Флоренский о евреях «слова искреннего пиетета», ты тоже не совсем прав. Русский христианский антисемитизм <u>всегда</u> в той или иной мере амбивалентен, и Флоренский не составляет в этом

смысле исключения. Так, в 1904 году Флоренский опубликовал в журнале «Новый путь» статью «О символах бесконечности (Очерк идей Кантора)». Это было первое в русской литературе изложение теории трансфинитных множеств Кантора (Флоренский, кроме всего прочего, получил добротное математическое образование). Этой статье предпослан эпиграф (по-гречески) из Евангелия от Иоанна: «Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойди и посмотри. Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства» (Ин 1: 46—47). Далее в тексте статьи поясняется смысл эпиграфа: «Но не является ли важным затронуть еще один вопрос о творчестве Г. Кантора и о скрытых двигателях его деятельности? Мне кажется, да, и я, верно, не ошибусь, если захочу охарактеризовать Г. Кантора, как типичнейшего еврея, „израильтянина, в котором нет лукавства“, а насквозь своеобразный дух его работы, — как дух лучших представителей нации. Пожалуй, даже, более того, Г. Кантор является завершителем еврейства, он, так сказать, ставит точку над i, как бы подводя итоги, формулируя и точно определяя в логических терминах многовековые идеи своей нации. Мысль Кантора так отделана, что трудно разглядеть за этой твердой оболочкой, что, собственно, создавало ее и с какою целью. Только иногда прорываются изнутри неукротимые пламена; огненные языки проносятся над стальной сетью, и только обожженный ими догадывается, какой огонь был импульсом творчества. Но как выделить эти неразрывно соединенные с целым пламена? Они меркнут и гаснут, оставляя только чувство теплоты, если мы оторвемся от их рдеющего источника. Демонстрировать их возможно только для поэзии, но не для моего реферата. Лучше и не пытаться уловить неуловимое. … По своему рождению Г. Кантор был еврей… еврейское происхождение Кантора дает ключ к пониманию его творчества. Одинокий и непонимаемый, сидит он в своем Halle и обдумывает, упорно обдумывает, нет ли в его идеях

ошибок и невязок, не ведет ли его учение к пантеизму, который очевидно претит его еврейской душе. Чтобы дойти до окончательной формулировки, нужно было чисто-еврейское упорство. У Кантора основной идеей является идея актуальной бесконечности, а у Дюбуа-Реймона потенциальной; можно подумать, что и тут сказываются расовые особенности обоих ученых. Кантор ярко выразил в себе лучшие черты еврейства, все „теократические добродетели" своего народа. … Кантор, как еврей, имеет религиозность до самопожертвования. Эта черта преданности высшей Воле, всегда сохранявшаяся в духе нации, сказалась в сильнейшей степени и в данном случае. Идея законченной бесконечности, как у абсолютной личности — Бога, так и у человеческой, есть достояние еврейства. В то время как другие, арийцы, признают только потенциальную бесконечность, его душе мысль о невозможности актуальной бесконечности кажется чудовищной. Он не может помириться с нею и ищет средств оправдать свою веру».

Как видишь, твое замечание «вдогонку» оказалось уместным: мне предоставился случай привести ярчайший пример смешения аналитики (статья наполовину состоит из математических формул) с сотериологией. При этом не надо обольщаться хвалебным тоном статьи: такой подход — в основе своей расистский (Гитлер говорил, в связи с Эйнштейном, о дегенеративной «еврейской физике») — является «удобообратимым»: если евреев хвалят расисты (за «талант», как недавно Жирик, или за «сплоченность»), жди призыва к погрому. Для полноты комплекта отмечу, что Лосев, вслед за Флоренским, высоко ценил Кантора, видя в идее актуальной бесконечности чуть ли не «математическое доказательство» бессмертия души; кроме того, Лосев боготворил еврея Гуссерля, считая его величайшим философом современности, что не мешало ему быть идейным погромщиком.

И последнее. Ты спрашиваешь, откуда берутся русские-неантисемиты. Я уже как-то писал тебе о неотразимо обаятельном свойстве «русского духа» впадать в транс самоот-

рицания. Только русский (в данном случае В.С.Печерин, которого, кстати, «раскопал» Гершензон в исследовании «Молодая Россия») мог написать такие, например, стихи: «Как сладостно отчизну ненавидеть // И жадно ждать ее уничтоженья». Тот же Гершензон раскопал и подобное высказывание Вяземского. Цитирую работу Гершензона «Чаадаев. Жизнь и мышление»: «Легко понять, как задыхался в этой атмосфере Чаадаев, если даже у человека, несравненно более родственного окружающему быту, у П.А.Вяземского, могло вырваться в 1828 году замечание, что истинный русский патриотизм в настоящее время может заключаться только в ненависти к России, какою она сейчас представляется». (Гершензон. Избранное. Том 1. С. 409). Русский-неантисемит — это противоречие в терминах, которое находит разрешение только в русофобии, идеологии отщепенца.

26.4

Матвей, привет!

Страсть придает твоему слогу блеск («отблеск ярости»). Я же писал тебе, что человек, что бы ни творил (математику или поэзию) — прежде всего, спасается…

Схему «древа» принимаю и нахожу плодотворной весьма. И насчет пророков понравилось — то-то они мне наших левых напоминают…

Но есть и возражения. Например: «Безусловно, антисемитизм существовал и до христианства, но в те времена он вписывался в рамки широкого феномена ксенофобии и ничего специфического собой не представлял.» Боюсь, что ты здесь ошибаешься: антисемитизм и в древности был более сложным (со своим «метафизическим корнем») явлением, чем просто ксенофобия. Возможно, что античное неприятие иудейства было еще более глубоким и ясным, чем у христиан: христиане ненавидели евреев, как конкурентов, или как ограбившие и присвоившие чужие сокровища ненавидят выживших хозяев, они были «новым Израилем», и «старого» не должно было быть, а для греков и римлян это было

не только чуждая вера, но и совершенно чуждый образ жизни. Приведу, как пример, не более, мнение Тацита о «нелепости и гнусности» иудейских обычаев, и это при том, что он довольно верно передает суть их «веры»: «…у иудеев же один бог, коего они постигают умом, и мнят невежами тех, кто из бренного вещества создает изображения богов в виде людей, ибо их божество — высшее, вечное, необозримое и непреходящее». Впрочем, эта «метафизическая глубина» античного антисемитизма, хоть и несколько путает «аналитические» карты, само древо не рубит. Просто возникает необходимость «расширить» (или углУбить) теоретический фундамент.

И еще, как мне кажется, из той же «серии»: «То, что изо всех иудейских ересей победила в конечном итоге ересь христианская, является, в определенном смысле, исторической случайностью». Нет-нет, в делах такого исторического масштаба случайностей не бывает. Тут надо искать ответа в любимых тобой архетипцах, может, даже Юнга привлечь, то есть опять же — в корнях.

Вот читал тут статью о Розенцвейге (случайно ли евреи помешались на «диалогизме»?), написавшем «Звезду Спасения», на русский книга, увы, не переведена, но в 1995 вышло в Спб. его «Новое мышление», и еще какая-то книга В. Махлина «Я и другой» (можно ли достать?). Интересно, что язык выдает чувства, а мысли их скрывают. Вот, например, все «разговоры» Розенцвейга — вокруг «смерти и любви». Мол, знание связано с законом и смертью, а жизнь — с любовью и верой. Как ни крути терминами, но получается, что и в философии последнего века проявляется «расовое различие»: евреи жизнелюбивы, эротичны и не могут «без веры», а «арийцы» стремятся познать, упорядочить, заключить в закон, убить (любят смерть, а не жизнь). И не зря у Пастернака — «Сестра моя — жизнь» (выдал себя). Не в этом ли фундаментальное различие, и именно на уровне «первоинтуиций» («расы», если угодно, вот и Флоренский о том же в отрывке о Канторе), и не оно ли — основа фунда-

ментального взаимного неприятия, иными словами, «антисемитизма»?

Россия же приняла христианство особенно «уродливо»: не только «из государственных соображений», но и из рук завоевателей: норманские князьки, чужие и чуждые покоренным «лесным братьям», искали под новое амбициозное государство «имперскую веру». И перунов своих славяне сплавляли вниз по рекам, как бревна, отнюдь не добровольно… Ведь если только представить себе: народ лишили своих архетипов! Это как если бы человека заставили изнасиловать мать и убить отца. И если уж он на это пошел, то чего можно ожидать от его дальнейшего самочувствия кроме отчаяния и ненависти ко всему миру? На «Западе» этот переход, полагаю, был более плавным, более самостоятельным, хотя и там не безболезненным. Но ему удалось со временем вытащить из-под христианства хотя бы античное «абстрактное мышление», отстояв свободу и независимость мысли. России и этого не было дано. И сегодня она духовно «ободрана», осталась ни с чем. Сожженное поле…

Завтра «День Независимости». С чем тебя и поздравляю. Дума нехай сидит, а мы можем встать, и даже поднять граммулю.

Кстати, Шарон начинает давать слабину. Какие-то гнилые, отвратительные компромиссы. Например: палестинцы открывают казино в Иерихоне (эта курица годы исправно несла золотые яйца в карманы всякой продажной сволочи по обе стороны размежевания), мы «разрешаем» израильтянам «играть», а палестинцы обеспечивают безопасность «в районе Иерихона» (вот уж где воистину рулетка). А в других местах — хоть трава не расти. Это у них называется: «цаадим боней имун»[1]*, «создание атмосферы доверия».*

От Л:

[1] (ивр.) Ударения везде на последнем слоге

19.12. Я тут накатала тебе письмище, но оно стерлось до того как я его дописала, а потом меня увезли на океан. Не скрою, даже от стертого письма, я испытала такой мини-«катарсис»…

19.43. признаюсь, что секспротоколы конечно стимулируют мою любовь к писателю, но ведь я, как и Миша, умею быть счастливой, гуляя одна в лесу… да и на родительских антресолях в Кфар Габироль хранится целая библиотека моего любимого писателя

21.15. а теперь мне бы хотелось выйти из дионисийского состояния, когда перестают задавать дурацкие вопросы, и, как ты мне предложил, возвыситься и задать простой «культурный» вопрос: 1) что же тебя перестало интересовать? Наша переписка? Спешу заверить, что с окончанием переписки моя любовь не кончается. Так что давай просто отвечай, или как знаешь. Есть у меня и другие вопросы, но это потом…

ну я рад, что ты «проявилась»…

Если отвечать на твой вопрос прямо и грубо, то — да. Хоть и сказано было в сердцах, но сказано было. Что касается любви, то ведь это тоже, как мне кажется, «позднее» явление (хотя слабее оно от этого не становится, даже наоборот). Помню как-то давно (уже после твоего отъезда, по дороге в Латрун, где-то у перекрестка Нахшон) мы «выясняли отношения», любишь-не любишь. Если я помню точно (если нет, то пусть более памятливые меня поправят), то сказал, что никогда не любил тебя, и считаю, что и ты меня никогда не любила. Кажется, были какие-то разногласия, но я не очень настаивал на формулировке: и смысла не было (при свиданиях раз в год), да и вообще любовь — дело темное. Во всяком случае, я ее не чувствовал, а значит ее (для меня) и не было. Последнее «время» я почувствовал, что ситуация изменилась. И мне интересно, что произошло…

Поехали с Р в Музей, посмотрели литографии Мунка

из альбома «Альфа и Омега». О любви и ревности. Альфа и Омега жили в Раю, и Омега отдавалась там всем животным. В конце концов Альфа убил Омегу, а ее детеныши от всего животного мира «задрали» Альфу. Ей понравилось. Потом поднялись на ретроспективу Ионатана Шимона (родился в 1905 в Берлине, и вообще он Ганс, а не Ионатан), учился в Дюссельдорфской школе искусств, потом ошивался в Париже, а в конце 30-х догадался смыться в Палестину. Засел в кибуце Ган Шмуэль, рисовал коллективную жизнь, когда лиц не видать, что-то в стиле то Руо, то Леже). Художник хорошей школы, но вторичный и сейчас неактуальный. Шимон ей не понравился. В музее почти никого не было (праздник уже начался) и мы целовались в темной комнате, где крутили какие-то фильмы про Шимона. Потом еще зашли на выставку фотографий, она сказала: «Хорошо, что мы зашли сюда». Потом перекусили в «Джакомети», тоже почти пустом, выпили по бокалу «Мерло» из «Частной коллекции», слегка забалдели.

— А мне чего-то захотелось грудь одну вытащить. Вот интересно, как бы они все прореагировали? А ты бы смутился?

— Музей тянет к перформансу…

По дороге она рвалась расстегнуть мне брюки, я не давался, было много борьбы и хохоту, я с трудом держал «Тёму» «на плаву». В деревне попытки продолжились, но я что-то устал от всего этого… Теперь мы долго не увидимся, недели две, а то и больше…

В пять у Гробманов собрание «мозгового центра». Около восьми вышел оттуда с Гольдштейнами, рыгая желчью. То что Гробман решил «заняться политикой», это понятно. Поскольку ни в одной области особые высоты ему не светят, он берет охватом, загребает широким фронтом, пытается стать «культурным явлением». Он еще диск записал, чего-то там пел, стихи читал под музыку! Коллекционирование — туда же. Да и кем бы он был без своей коллек-

ции. Ну, а мы — прилипалы-статисты.

Итак, маэстро зачитал совместное с профессором Сегалом сочинение «Как нам спасти Израиль». Выявил «болезнетворные точки»: харедим (ортодоксы в лапсердаках), воспитательный отдел армии, наводнение иностранных рабочих, скоро мы пожелтеем, превратимся в страну цветных, страну третьего мира. Что еще… а, да — социальная несправедливость! Гробман — борец за социальную справедливость! Кто-то от денег пухнет, понимаш, а кто-то едва сводит концы с концами — социальное неравенство разрушающе действует на национальную солидарность! И тридцать человек приглашенных «интеллектуалов» (как же, участвуем в «европейском мозговом центре»!), покорно слушали. Впрочем, не все. Сначала отделились маленькие кучки и затараторили о своем, какая-то беззубая жердь, вся аж извиваясь от ироничности, насмехалась над графоманами, обильно извергая цитаты, пожилой, с тяжелыми мешками под глазами, спрашивал жердь зачем он так «перегружает свою оперативную память», в ответ беззубая жердь загрустила и стала тереть очки платочком, они заговорили о каких-то деньгах, об оголтелых ветеранах, организаторы призвали к тишине, и я вышел с фрондерами на балкон, возжелав познакомиться, жердь долго скрывал свое имя, называя меня «агройсе дихтер», большим писателем, мол, он не такой «агройсе дихтер», потом признался, что его зовут Александр Свердлов, второй, с лицом черепахи, тоже стеснялся, пришлось буквально вытянуть у него, что он Александр Бродский, редактор «Еврейского камертона», жердь тут же оживилась: «Мне один недавно представился: поэт Бродский, я ему в ужасе говорю: так ведь вы же умерли?!, а он говорит: это поэт Иосиф Бродский умер, а я поэт Наум Бродский…»; Тимур иногда отрывисто тявкал, как миномет, один чернявый фыркал от возмущения зачитанным совместным (Гробман-Сегал) коммюнике, потом кое-кто стал исчезать, потом и вовсе народ повалил к выходу. Но кто-то все-таки

на полном серьезе пытался внести свою лепту в «дискуссию», чаще всего «не соглашаясь с предыдущим оратором», кто-то «делился опытом», так Сегал рассказал, как «выжал» из страны Земцова, «17 лет я на это ухлопал, я ходил ко всем, от премьер-министра до председателя парламента», мол, это пример того, как «недостойным политикам» можно «опустить рейтинг» даже действуя в одиночку. Тут закралась мысль, а нет ли у этого собрания какой-то конкретной идеи опустить кое-кому рейтинг? Меламид и его жена, «знаменитая» (зашептали вокруг), Инна Стессель, рассказали об опыте мобилизации масс в городе Ришон Лецион, Меламид выглядел, как толковый председатель-фронтовик, брошенный на отстающий колхоз, шепнул мне: «не с кем революцию делать», кто-то рядом спросил: а что, уже надо делать?, кто-то злобно зашикал на иронизирующих: дайте послушать! Рядом со мной села девушка с очень тонкими ногами, которые заплетались одна за другую, такая косичка из ног, ее звали Анна, она, оказывается поэтесса, готовит книгу, а где публиковались, поинтересовался, нигде, а когда приехали? в 74-ом, ого! Стоп-стоп, сколько ж ей? Даже если привезли младенцем, уже под тридцать?! Девушка была очень странная, нервная, длинный, «порочный» рот, она активно вмешивалась в дискуссию, и ноги скользили одна вдоль другой, как две змеи в брачном танце… Я на всякий случай отсел. Может пассия Гробмана? Он намедни жаловался, что Ирка ему девочек не приводит. Еще был какой-то рок-певец, кукольно красивый, правда небольшого росточка, с огромной копной волос и в кожанке с металлическими пупырышками, Рыжикова, стареющая красотка с большой грудью, какой-то «левый» журналист, которого звали Лев, и который заявил, что в корне расходится со мной взглядами, а ведь я не проронил ни слова, чьи-то жены и мужья в качестве статистов… Впрочем, статистами здесь были все, кроме хозяев, ну и еще Сегала, и это, наверное, раздражало: я статистом быть не люблю. А, вот еще что разозлило: потя-

нул одну книгу с полки — Ира тут же подскочила и очень строго сказала: «Не трогай книги». И Сегал достал. Есть в нем что-то железобетонное, похож на тупого и упрямого прораба. Профессор филологии, тартусская школа. Его молодая жена, такая практичная мышка (из бывших студенток?), аккуратно записывала происходящее. У Гольдштейна все сильней выделяются два передних зуба, как у кролика. Всю дорогу молчал, решили уйти вместе: у него последний автобус, и я вызвался подбросить — по пути. Рыжикова увязалась: а вы в каком направлении? «На тахану[1]», — говорю. «Аа», — разочарованно протянула Верочка, потопталась еще немного и отчалила одна. По дороге выплеснул раздражение на «мозгоебов». Гольдштейны дружно усмехались. Усмехнулся и я: «Но это строго между нами». «Ну, разумеется, — сказал Гольдштейн, и его серьезность меня удивила, — дальше никуда не пойдет». Потом посетовал: «Поесть не дали.» И правда, сушки какие-то и кока-кола. Ни поесть, ни выпить, все-таки День Независимости…

Наум, привет!

Ты очень порадовал меня тем, что не отверг с порога (не срубил сплеча) мое худосочное Древо: по моему опыту, схемы («модели») дают порой ничем не заменимые эвристические импульсы, которые служат костылями прихрамывающему мышлению. Вопрос об античном антисемитизме очень интересен; надеюсь, ты, как «историк», подкинешь весомые аргументы, на которых можно было бы пообтесать Древо — благо, практически исчерпывающий свод Менахема Штерна теперь доступен (существует также прекрасная хрестоматия Рановича об античных критиках христианства). Известное суждение Тацита меня не «переубедило»: в нем нет и тени того болезненного «амбивалентного ком-

[1] Имеется в виду центральная автобусная станция

плекса», которым за версту разит от христианина, как только он касается «еврейского вопроса». Тацит испытывает по отношению к еврейству величественное и высокомерное патрицианское презрение, которое ничем не могло быть поколеблено. Примерно так же относились к еврейству и Цельс, и Марк Аврелий, и вообще все мыслители-«язычники» до той поры, пока можно было не видеть большой разницы между еврейством и христианством. (Вот еще что вспомнил: лучшая книга об античном антисемитизме принадлежит перу С. Я. Лурье, она вышла в начале 20-х годов, ее давал мне почитать наш общий учитель Раппопорт; к сожалению, она не переиздавалась, и у меня ее нет).

Я полностью согласен с тобой насчет «духовной ободранности», которая осталась после «утраты архетипов»; добавлю только, что европейцы выволокли из-под христианства не только «абстрактное мышление» (эка невидаль!), но и сотериологические (в частности, эстетические) архетипы, что для «дела спасения» поважнее будет.

Розенцвейга я, к сожалению, знаю только по пересказам; с нетерпением жду перевода на русский его «Звезды». Махлина же, к сожалению, знаю лично (коллега-«бахтинист»); он человек тенденциозный (из тех самых «евреев-патриотов»), и верить ему на слово нельзя ни в чем. Вопрос о евреях-диалогистах надеюсь затронуть, когда дойдут руки до Розенштока.

Кстати, что это за «норманские князьки, чуждые лесным братьям»? Насколько я понимаю, христианство принял князь Владимир. Известна ли тебе версия о его еврейском происхождении? Сначала Владимир стал править в Новгороде. В «Повести временных лет» сказано: «В то время пришли новгородцы, прося себе князя. И сказал Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши — ключницы Ольгиной. Малуша же была сестрой Добрыни. Отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Он же

ответил им: «Вот он вам». Из этого сообщения следует, что отцом Малуши и Добрыни был некий Малк из города Любеча, находящегося в 50 верстах от Чернигова. Вначале Любеч платил дань хазарам, а в 882 г. был захвачен князем Олегом. Пикантность ситуации состоит в том, что Малк — имя еврейское (от Малкиеля), и больше никакое! Это строгий лингвистический факт. А поскольку дело происходило в дохристианской Руси, этого Малка приходится считать либо евреем, либо хазарином-иудаистом. Любопытно, что Велемир Хлебников (видимо, знавший об этой версии) в ранней поэме «Внучка Малуши» развивает идею о том, что русская государственность возникла из сочетания трех сил — язычества, хазарского иудаизма и христианства.

В синей косоворотке,
С смеющейся бородкой,
Стоял еврейчик. Широкий пояс.
Он говорил о чем-то оживленно беспокоясь,
И рукоплескания стяжав
Желания благие поведал соседственных
держав.

Забавно и то, что дядя князя Владимира Добрыня Малкович стал прототипом былинного богатыря Добрыни Никитича — тоже, стало быть, жида (прости, брат Васнецов). Так что перед евреем князем Владимиром действительно стояла «имперская» задача, но несколько по-иному, чем могла бы стоять перед «норманским князьком». Далее цитирую Дудакова: «Возникающий вопрос: «Почему князь Владимир не воспринял веру своих предков по материнской линии (то есть иудаизм), а, напротив, в решающий момент отверг ее?» — весьма просто решается при учете политической ситуации того времени. Перед великим князем стояла альтернатива: либо принятие иудаизма, что означало признание вассальной зависимости от достаточно сильного в ту

пору Хазарского каганата, либо резкий отрыв и противостояние при помощи провозглашения государственной религией христианства в его православном варианте, что давало не только шанс самостоятельного правления и полной независимости от каганата, но и надежду на получение покровительства от Византии». Эта тема подробнейшим образом анализируется в книге: Савелий Дудаков. Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России». М., 2000. С. 7—20.

И, до кучи, еще один курьез. Сейчас выяснено с абсолютной достоверностью (могу процитировать соответствующую фольклористическую литературу), что упоминаемая в былинах знаменитая «Голубиная Книга», которую крутые русские патриоты считают своей в доску сермяжной языческой альтернативой «жидовству» (в том числе и христианскому) — это не что иное, как Тора! Бедная русская самобытность…

Забавно и то, что дата моей женитьбы (как раз завтра) совпадает с Днем независимости Израиля. Так что будет двойной повод поднять граммулю.

Всегда твой

Матвей

Поздравляю с годовщиной свадьбы. Счастья вам и благополучия. Как на Руси говорят: совет да любовь.

По поводу Тацита замечу только, что тут, как мне кажется, не только римское высокомерное презрение к «варварам», здесь есть и «специфика», но я постараюсь найти более «чистый пример». Кстати, работа Лурье перепечатана в книге Филон Александрийский «Против Флакка», Иосиф Флавий «О древности еврейского народа», из-во «Гешарим» 1994 год. Возможно, эта книга есть у тебя.

А «норманскими князьками» я назвал русских князей, в том числе и Владимира, которые несомненно были прямыми потомками норманнов, «приглашенных» править на Руси теми же новгородцами. Еврейское происхождение Владимира

к сожалению ничего не меняет (надо полагать, что воспитан он был, как норманн), но факт сам по себе любопытный, и конечно — лишний повод посмеяться над русопятами, дак они ведь и так смешны до слез… Геополитическая же раскладка в то время (Каганат — Византия) мне известна. Тем ни менее Владимир таки устроил «диспут» трех религий, вполне современный конкурс (и, как и нынче водится, — формальный).

После отправки прошлого письма случайно включил русское телевидение, был какой-то фильм о Рыбинском водохранилище, как там затопили чуть ли не сотни сёл и даже больше двухсот человек погибло: не захотели уходить из родных мест… Ну, варварство — это само собой, дело привычное на Руси, а вот приверженность к земле, к своему углу, вплоть до готовности умереть, это феномен интересный, хотя и не новый. То есть жизнь представляется только в своем углу, вне его жизни нет. У евреев явно «другая система». И не отсюда ли большевистское желание «поломать» привязанность людей к своему месту, сделать их «подвешенными» (отсюда и массовые переселения народов), оторванными от корней, и посему легко управляемыми. Не так ли поступал Иисус («враги человека — домашние его»)? «Универсализм» — обратная сторона «индивидуализма». Индивид чувствует себя вольготней в «куче-мале», где он хоть и подчинен каким-то «универсальным законам», но ни за что не ответственен. Ответственность перед семьей, родом, традицией гораздо «страшнее», требует «сознательной жертвенности», требует героизма. А индивид «слаб», и слабости своей потакает. Вот и требует «освобождения» фактически из трусости. Ему нужна свобода от жертвенности, которую требует от тебя род. Но это не только призрачная свобода, но и ложная. Свобода от традиции превращается в рабскую зависимость от «универсальных ценностей» и легко обретает жуткую «физию» тоталитарных диктатур.

Наум

Интересно, есть ли в России какая-то общенациональная дата, которую отмечают сиреной, и когда вся страна останавливается на «минуту молчания»? В Израиле это всегда производит впечатление, когда вдруг все движение останавливается, буквально там, где эта сирена «застала жизнь»: машины останавливаются посреди магистрали, люди выходят и стоят, опустив головы…

У нас таких дат две: день Катастрофы и день Памяти погибшим в войнах, который плавно переходит в День Независимости, с которым тебя и поздравляю.

От Л: *Пару лет назад я тоже хотела прекратить переписку. Но получила сразу 3 панических письма от тебя, одно даже настоящее, помнишь? Это было еще в пору писем, доимейлиной. Цитирую по памяти: «…почему ты мне не пишешь? Ты обиделась? Наверное, я сболтнул какую-то глупость, за одну фразу мне ужасно стыдно… уже давно ты стала не только частью меня, но я — это ты. Ты вообще меня создала как мужчину и как поэта. Поэтому ты не должна на меня обижаться…» Такие отношения для меня эманация несравненно более высокого уровня (ближе к эйн-соф[1]), чем «темное дело любовь» (приговор). Я вообще слово это никогда без кавычек не употребляла. Максимум могла позволить себе — мой любимый писатель. Да и сейчас кавычки забыла по спешке, описочка вышла стало быть. Но что интересно, как только ты «почувствовал, в последнее время, что ситуация изменилась», тут же «потерял интерес».*

В каждом из нас есть частичка Божественного, и мир, в котором мы живем, он зависит от нас. Я никогда не сравнивала себя ни с Р, ни с Ф, ни с другими буквами алфавита не потому, что «несравненна» или «бесподобна», а потому что я — это ты, или из твоего ребра, или седина в висок, бес в ребро, — ты ведь «отвратительный человек».

---

[1] Бесконечность (ивр.)

Вопрос 2) чем было вызвано раздражение? Тем, что я проанализировала, по твоему настоянию, твою супругу, или все то же раздражение на Еву? 3) когда тебе к врачу? 4) как Юваль? 5) как скрипачка, обстоятельства позволили? 6) что с изданием на иврите? 7) взяли ли Гробманы «Принцип неопределенности»?

Выражения «я — это ты» (было дело, не отказываюсь) и «ты меня создала», действительно «тяжелее», многозначнее чем слово «любовь». Теперь, когда я с легкостью произношу его (почти не лукавя!), я знаю, что на это нужно иметь «внутреннее право», которое я не имел никогда ранее. Хотя, Бог знает, может и бес в ребро…

И вообще, мне кажется, что нам все равно не удастся «выяснить отношения», потому что, как ни крути, это уже не отношения, а биография (если не сказать судьба)…

Скрипачке сегодня подарил книжку с визиткой в качестве закладки, и напросился на концерт мужа, тоже скрипача, но интерес к этому делу как-то угас… Муж, тем ни менее, визитку вынул и спрятал, а когда уличили, то отшутился, что, мол, на всякий случай. Это насчет «нечувствительности» мужей, а также и жен.

К врачу иду в воскресенье. Юваля перевели «в тыл».

Гробманы «принцип» взяли, но название им не нравится, как обычно…

На иврите вышло пока только «Солнечное сплетение», остальное ждем-с.

27.4. Были в гостях у Гординых. У них был Тимур, выпускник ВГИКа, подвизался в «Вестях». Посплетничали о Зайчике, поболтали о кино. Гордон записал разговор с Сокуровым по поводу «Тельца». Интересно было, только звук плохой, и дамы болтали. Тимур подарил Гордину книжку Эйзеншейна о монтаже. Всучил ему свою книгу.

28.4

Наум, привет!

Список №46

Теодор Агриппа д'Обинье. Приключения барона де Фенеста. Жизнь, рассказанная его детям. (Серия «Литературные памятники») /Два поздних, наиболее зрелых произведения знаменитого поэта и прозаика позднего Ренессанса, того направления, которое, с легкой руки А.А.Смирнова, называют «трагическим гуманизмом». В «Приложении» статья А.Д.Михайлова «Агриппа, или Осень Ренессанса») М.: Наука, 2001 — 450 с (суперобл) — 160

Андре Моруа. В поисках Марселя Пруста (с использованием малоизвестных материалов). /В отличие от обычных для Моруа беллетризованных биографий, здесь все строго документировано. Самая полная из имеющихся биографий. В большом количестве цитируются дневниковые записи, в которых, как сказано в аннотации, «Пруст со всей откровенностью повествует о гнетущих его пороках»/ СПб.: Лимбус-Пресс, 2000 — 384 с — 145

Пять домов Дзэн. /Изначальный свод классических дзэнских историй/ СПб.: Евразия, 2001 — 256 с — 80

Павел Орозий. История против язычников. Книги I — III. (Серия «Византийская библиотека») /Римский христианский историк V века, друг и сподвижник бл. Августина. Импульсом к написанию послужил захват и разграбление Рима в 410 г. В книге отражены основные исторические знания христианина V века. Именно с этой книги Орозия жанр мировой всеобъемлющей хроники становится преобладающим в исторических сочинениях западного средневековья/ СПб.: Алетейя, 2001 — 384 с

Жан Бодрийяр. Прозрачность зла. /Книга составлена на основе двух нашумевших циклов статей: «После Оргии» и «Радикальное извращение». Названия некоторых статей: «Трансэстетика»; «Транссексуальность»; «Зеркало терроризма»; «Некроспектива»; «Теорема о проклятой стороне вещей»"; „Ад того же самого"; „Мелодрама различия"; „Радикальная экзотика"; „Объект как странный аттрактор'и др.

«Может быть, мы еще сохраним память о сексе, подобно тому, как вода хранит память о разжиженных молекулах, но, строго говоря, это будет лишь молекулярная память. Мы храним отпечаток безличной сексуальности, разведенной в бульоне политической и информационной культуры, в вирусном неистовстве эпидемии. Закон, который нам навязан, есть закон смешения жанров. Все сексуально, все политично, все эстетично. Все становится сексуальным, все являет собой объект желания, все истолковывается в терминах фантазмов и отталкивания, сексуальный стереотип проник всюду. Это парадоксальное состояние вещей, когда явление ликвидируется посредством переизбытка, можно охарактеризовать одним выражением: трансполитика, транссексуальность, трансэстетика»/ М.: Добросвет, 2001 — 258 с — 115

Люсьен Гольдман. Сокровенный Бог. (Серия «Университетская библиотека») /Это по-настоящему весомая, «тяжелая» книга, главный труд одного из самых выдающихся мыслителей Франции; зрелые работы которого написаны в 50—70 гг. Будучи «левым» и считая марксизм единственной действенной альтернативой «варварству» позитивизма, Гольдман создал такой вариант «диалектического материализма», который напугал совковых теоретиков сильнее, чем любой «классовый враг». Гольдмана интересует исключительно момент распада сообщества и его члена — целостной личности («отделение личности от мира и космоса»). Этот распад произошел на исходе Ренессанса; две знаковые фигуры в этом смысле — Паскаль и Расин. Соответственно, книга построена следующим образом: Первая часть: «Трагическое видение. Бог. Мир. Человек.» Вторая часть: «Социальные и интеллектуальные основания. Янсенизм и трагическое видение». Третья часть: «Паскаль». Четвертая часть: «Расин». Бог трагедии — это янсенистский Deus absconditus, Бог отсутствующий, сокровенный, всегда присутствующий и всегда отсутствующий. Его присутствие лишает смысла и значимости потусторонний мир, но, с другой стороны, его

отсутствие, напротив, превращает этот мир в единственную реальность, где возможно достижение субстанциальных ценностей. Трагическое сознание не верит ни в возможность трансформировать мир, ни в возможность бежать от него и укрыться в Божьем граде. Трагическому человеку присуща лишь одна форма мышления и одна позиция: да и нет: то есть жить в мире, не принимая в нем участия. Раздел о Расине по праву считается шедевром философской герменевтики. Гольдман показал, что национальный гений, которого все привыкли считать воплощением сдержанности, мудрости, скептицизма, на самом деле создает самый жестокий театр и самую дикую и свирепую поэзию. Стихи Расина вздымают к нам свой светлый лик, они обращаются к интеллекту, но несут в себе сумрачный заряд человеческого бессознательного. Расин — моральный анархист. Действие в его пьесах — это пир диких зверей, происходящий в мире, утратившем ощущение абсолюта, который может воплотиться только в Боге, отсутствующем для мира и скрытом от людей/ М.: Логос, 2001 — 480 с — 200

Эмануэл Тов. Текстология Ветхого Завета. /Автор — большой авторитет в библеистике, главный редактор проекта по публикации рукописей Мертвого моря. Названия разделов: «Свидетели библейского текста»; Прасамаритянские тексты и Самаритянское Пятикнижие"; „Библейские тексты, найденные в Кумране"; „История библейского текста"; „«Взаимосвязь между свидетелями библейского текста». М.: Библейско-Богословский институт св. Апостола Андрея, 2001 — 424 с (суперобл) — 255

Ойген Розеншток-Хюсси. Великие революции: Автобиография западного человека. Политико-теологическая историософия христианской эры. /Перевод самой значительной (и объёмной) книги Розеншток Out of Revolution. Autobiography of Western Man, впервые изданной в Америке в 1938 г. Точнее было бы перевести (как предлагает Махлин): «Из революции выходящий: автобиография западного человека». Необычайно амбициозный замысел. Поскольку человек

живет как бы на проценты прошлого, все попытки замкнуть на себя мир, культуру, историю, Бога не могут не привести к самоотрицанию и вырождению. Будущее невозможно без акта воскрешения прошлого. Поэтому история революций строится по принципу «Время, переживаемое в обратном направлении», по гротескно-хронологическому принципу: от Революции русской — к Великой Французской, потом к Английской, к Реформации в Германии и т. д. Заканчивается книга апологией юмора и смеха (раздел «Значение юмора для выживания») / Hermitage Publishers, 1999 — 650 с (большой формат) — 223

Всегда твой

Матвей

От Л:

а чем Гробманам название не подходит? Апропо: в протоколах сионских мудрецов Матвей вспоминает Мандельштама: «культура — вольноотпущенница», а помнишь, как я предложила название «вольноотпущенный», а Р засмеяла — вольноопущенный? У меня тут есть один с собакой, подстерегает меня на речке, так он любит песню спеть блатную, там припев — никогда я жадным не был, мне бы воли, мне бы хлеба и чтоб каждый день сияла рядом чья-нибудь звезда… а у тебя еще случаются стихи? Кроме Наума в каракумах.

Вопрос: мне кажется, твое нежелание посылать секс протоколы какое-то суеверие?

Хотелось бы почитать стихи Тарасова

Да, суеверие. Но и нежелание дразниться, или хвастаться, или просто быть «болтливым». Я пришел в этом раю к некоторому балансу, ненадежному, но все-таки. И каждое «обнажение», «открытие окна» — вносит ветер сумятицы…

Стихов больше не было.

Стихи Тарасова организую, дай срок, время что-то нет совсем. Я теперь в воскресенье тоже работаю

29.4. Позвонил утром: дома. Взяла два дня отгула. Два дня загула. А сама:

— Как я рада тебя слышать! Что врач сказал?

— Да ничего врач не сказал. Просто противно, что приходится лекарства жрать и вообще… смиряться противно.

— Я это пережила, когда мне полтинник стукнул. Ох, тяжело я это пережила… Позвони мне еще раз, позвонишь?

30.4. Зус прилетел со своей японкой, поселился в Иерусалиме. С утра поехали с женой в Иерусалим, встретились с ним у Синематеки. Вид изможденный и исхудавший, японка неопределенного возраста. Пошли в Старый город, Зус снял комнату в армянском квартале, хотел похвастаться. По дороге зашли в мавзолей царя Давида и, наконец, нашли то место (Зус изучил тут все щели), где была «тайная вечеря»: какие-то лабиринты, вдруг зал с колоннами, характерными для крестоносцев… И, как в Хевроне, в Маарат Амахпела[1]: за одной половиной арабы следят, за другой — наши ортодоксы. Потом навестили его пристанище: спустились в подвал без окон, в подвале, вдоль длинного коридора — углубления в стене без всяких дверей, закутки-соты, одним словом — ночлежка. Хотя чисто и даже тихо — нет никого. Зус рассказал, что сначала снял у хозяйки в доме, но там дорого, потом поправился, что дело не в том, что дорого, а в том, что там куревом несет, а тут труба такая, и дым вытягивает, не так вредно. Решили перекусить в армянской таверне, но Зус, посадив нас за стол, напялил рюкзак и еще сумку (не оставлять же в «комнате» без дверей) и собрался на какую-то важную встречу на Бен Иуда, километров пять топать. Японка Кей пожаловалась, что приходится по 10—15 километров

[1] «пещера Авраама», где похоронены праотцы, над ней целый храм, построенный еще Иродом

в день делать (Зус транспорт презирает, тоже экономит наверное). «Я за час туда-сюда обернусь». Я выразил восхищение его спортивной формой. Тут Кей, с прямотой римлянки, показав на меня пальцем, спросила у него на школьном английском: «Сколько ему лет?» — «Он мой ровесник», — сказал Зус. «Тогда почему ты такой старый?» Зус громко захохотал. Японка осталась с нами в таверне, мы взяли красного винца, язычок у нее развязался. Призналась, что давно мясо не ела, а очень «мясо любит», что в Японии английский преподает, я спросил: «Детям?», нет, оказывается, взрослым, очень хочет в Америку перебраться, и младшая девочка ее очень хочет перебраться в Америку, ей тринадцать, а старшей девятнадцать. В общем, как я понял, хочет японочка Зусика заарканить, принимая за американского чудика. Чудик-то он, конечно, чудик, но не настолько же… Через часа полтора он и в самом деле прискакал, чуток взмыленный. Выразил желание поехать к нам, «повидать тетю Маню». Обещал вечером вернуться. Впрочем, я предложил им переночевать, но ведь за ночлежку, небось, заплачено. По дороге он рассказывал о своих достижениях в области хайку и хайбунов. Даст здесь несколько выступлений (в Цфате и Кармиеле), японка для этого специально кимоно свое фамильное прихватила. Спросил его, как ему книжка. Отвечал очень уклончиво. Только хихикал: «Бессмертия хоца? Зря стараешься, Нёма, зря», и эдак гаденько хихикает. Я ему говорю: «Ты-то свои хуйки дрочишь. Зачем, спрашивается?» «Дада», и хихикает. Когда приехали, набросился на еду. Сначала каши свои разложил, а потом: «А это у вас что? А это? Ой, это же авокадо! Это полезно, я съем один». Мы даже вышли, чтоб его не смущать. Съел полкорзины авокадо, как бы заворот кишок не случился, страховки-то наверняка нет.

1.5. Вечер «Зеркала» в помещении «Сионистского форума» на Центральной автобусной станции. Ее каменное чре-

во опустело к восьми, и в гигантских бетонных пролетах загулял дьявольский ветер. Хамсин днем был престранный: золотой воздух, фары машин и светофоры горят синим пламенем и неумолимая духота…

Собрался совсем уж «ближний круг», друг другу будем читать? Винокур пришел все с тем же здоровенным юношей-боксером, и Кармон тут как тут.

— Марк, а это что за баба? Да, в черных чулках. Винокура?! Молодец! Хорошая баба! Новая любовь? … Слушай, между нами, а парень этот, который его везде сопровождает, тоже… любовь?

— Да ты что!! Совсем что ли?! Да Миша только баб! Да я за него, как за себя ручаюсь!

Говорю Винокуру:

— Твоя девушка?

— Даа! Хороша?! Это я вымолил, за все грехи мои. Я уж думал — завязал с еблей. И вдруг. Я теперь живу у нее. Каждый день у моря гуляю…

Вдруг признался, что недавно два инфаркта схлопотал. Обсудили сердечные дела.

— Может, ты по сексуальной части переборщил? — спрашиваю. — Я, признаться…

— Хочешь совет? Поменяй позицию. Лежи. Не ты на ней, а она на тебе. Отдыхай, пусть она потрудится.

Игаль Хагай влез:

— А вам разве не дали премию? Я бы только вам дал. Но они ж не понимают ни черта. Мне тоже не дали.

— А ты хезай на них, брат, — утешил его Винокур, — верзай, дрещи на них.

Хаенко листал какой-то альманах «Кедр».

— Чего это? — спрашиваю.

— Даа, — махнул Хаенко рукой. — Чушь.

Я полистал. Стихи Александра Свердлова, недавнего знакомца по «мозговому центру».

— А чего, Свердлов стихи пишет?

Хаенко, опасливо оглянувшись:

— Ну да, пишет.

Название цикла меня заинтриговало: «Триптих одержания…» Побежал спросить у Гольдштейна есть ли такое слово «одержание»? Гольдштейн задумался:

— Кажется, можно так сказать.

— Да? — усомнился я. — А я уж подумал, что имеет место триптих недержания…

Шамир подарил мне своего «Одиссея», вышедшего в издательстве «Алетейя». Надписал: «Моему другу…» Вот те раз.

Игаль Хагай подсел к Гробману:

— Воронель на вас обиделся. Да. Что вы его не пригласили. Нет, на вас лично.

Гробман улыбался, как Будда, или как сытый удав. Под этой улыбкой Хагай заерзал.

— Вот, — пожаловался он мне на Гробмана и хохотнул, — уже сколько читает мои рассказы и никак не прочтет.

Рок-певец раскудрявый собирал на винцо, подошли три грации, одна из которых оказалась его дочкой лет четырех, Агнессой, очень серьезной девочкой, неутомимо бегавшей по кругу, две другие — его супруга и ее подруга, высокая, бритая наголо, в длинном золотистом платье с разрезом по самый интим. Пришел Бараш со своей Ирой, она налилась, штаны надулись-натянулись, как паруса под хорошим бризом. Со сборником у него все не получается, лажают. Мы стояли с Гольдштейном, Бараш потоптался, но все-таки подошел и пожал Гольдштейну руку. Какая-то между ними кошечка прошмыгнула.

Пока топтались-общались еще народ подгреб, так что собралось человек сорок. Начали мероприятие. Бараш объявлял номера. Сначала Ира рассказала о журнале. Потом Гольдштейн почитал «из новой книги». Свердлов, который ходил вокруг и фотографировал, стал задавать вопросы:

— Гольдштейн, для кого вы пишете?! Народу это непонятно. Почему вы так непонятно пишете?

Работает в режиме глубокой иронии. Потом Винокура пригласили. Он начал с того, что у него теперь «замечательная женщина», что он счастлив, а его новый рассказ будет читать Мордехай Кармон. Марк, как всегда, заряжен, да еще сильно осип, извинился. Стал читать. Народ оживился. Еще бы, у Винокура и «бабы хезают», и «ты вола ебал?», и всякие причуды на «русите». Один молодой человек просто извивался от смеха. Фольклор шел витками, на каком-то витке у присутствующих возникло ощущение, что представление затянулось. Ира даже сказала, что остальное пусть публика прочитает в журнале. Марк возразил: «да тут немного осталось» и продолжил. Но рассказ все не кончался. Гробман вмешался и решительно прервал акт. Прошло безболезненно. Бараш прочитал свои стихи и объявил перерыв. В перерыве пили сладкий вермут, пришли Таня с Аркадием, спросил ее о Пепперштейне.

— А он в Москве сидит, боится приезжать.

— В смысле — стреляют?

— Ну да.

Ира спросила меня:

— Хочешь тоже почитать?

— Можно.

Почитал про вечер Чичибабина из книжки. Смеялись. Свердлов (кеды у него где-то 50-ого размера) изогнувшись и хихикая, спросил несколько раз, знаю ли я идиш, а потом попросил книжку на халяву. Дал ему книжку и надписал. Завершил вечер Гробман. С ленивой невозмутимостью читал стихи про «арабов, вонючих, как подмышки», потом пел. Рок-певец аккомпанировал. Слух у Гробмана средний, но он и здесь возвел недостаток в достоинство. Получилась забавная какофония. Народ смеялся. Потом рок-певец, сотрясая патлами, зарядил песни собственного сочинения, такие постмодбаллады. Долго пел, народ уж разошелся, а он все оттягивался. Я вышел с Барашами. Бараш счел рок-певца анахронистом. Насчет Винокура согласился, что смешно, но «вряд ли автор добивался именно такого

эффекта». Был настроен желчно. Стихи его не удостоились ни смеха, ни слез. Все чересчур серьезно — не модно это нынче.

— Вот Вайман, — бросил он Ире, — сейчас придет домой и будет всю ночь описывать вечер.

— Нет, спать лягу.

— Значит завтра, на свежую голову.

— Завтра — может быть. А вообще надоело мне вас описывать.

Описывал, и вдруг позвонил Свердлов. Затараторил на идиш. Потом перешел на русский:

— Зачем же вы хороших людей обижаете? А почему вы с насмешкой относитесь к страданиям еврейского народа? А вы читаете журнал «22»? А там была статья о «южно-русском направлении» в русской литературе — Бабель, Багрицкий и Шехтер, да, ах, не читали? А зачем весь «харьков» облажали облыжно? Вот я прочитал ваш отрывок о журналисте Рахлине Горчаковым, они были очень довольны. Вы знаете Горчаковых?

— Нет. На вечере видел их книжку…

— Я вам передам ее.

Упрекнул, что много ошибок в книге. Интересовался, за свой ли счет я ее издал, в общем, в кишки лез. Что-то в нем от неопрятного еврейского книгоноши второй половины 19-го века, которому подвыпившие русские литераторы случайно выбили в субботу нижние зубы, но он горд знакомством с русской богемой.

3.5. От Л:

Помнишь, я тебе писала, что с тобой у меня сердце в пятки никогда не падало, как с Аликом, а наоборот, я всегда чувствую душевный комфорт, ты еще обиделся, подумал, что это месть, а это — то что доктор прописал, без истерики. Ты ведь ценишь «мою сдержанность» за редкие, но ужасные измены.

Как японочка? А вообще мне надоело задавать «дурацкие вопросы», лучше пошли мне записки. Я ведь никогда не хотела знать больше, чем ты хотел мне сказать.

Я обрадовался твоему звонку. Звони иногда…

С «сердцем в пятки» я помню. Мне и сейчас обидно, как и тогда, но «обидно» не значит «обиделся».

Посылаю записки

Перед тем, как послать, долго мучился: стереть или не стереть кое-какие детали… Оставил, как есть.

4.5

Чувствую себя устало. Ночь почти не спал. Перебрал таки вчера. Одобрила:

— Закончил с хорошим спортивным результатом!

Перед зеркалом, с тем же припевом:

— Скажи, видно, что я из-под мужика? Смотри, какая рожа довольная!

Валялись с десяти утра до шести вечера. И последний раз, как всегда был лишний.

— Как я жалею, что мы не встретились лет тридцать назад! Неет, я бы тебе понравилась, не было еще человека, которому бы я не понравилась. И ты бы мне понравился. В тебе есть что-то… такое излучение, это дано, и дано навсегда, это не то, что появляется или исчезает. И это как раз то, что я люблю… А ты бы женился на мне?

— Женился бы.

— И ты бы не пожалел! Ты был бы всю жизнь счастлив!

— В этом я не уверен. Я ревнивый.

— А ты бы не знал.

Рассказал ей про Винокура. Про его новую пассию. А потом, когда вдруг вспомнила наше знакомство и укоряла, что я не сразу к ней подошел:

— Два месяца потеряли! Ну да, ты же застенчивый. А вот Винокур, небось, не тянул бы так долго!

Любит напиться из моего рта. Набираю полный рот холодной воды и постепенно «спаиваю» ее поцелуем.

— У? У? — спрашивает, мол, кончилась вода?

А я все «доливаю» и «доливаю». Каждый раз удивляется и смеется:

— Откуда у тебя столько?! Где ты ее прячешь?

5.5.2001

Позвонил Аарон Амир, сказал, что в субботней «Гаарец» была статья о «Солнечном сплетении» на иврите, и там якобы много обо мне.

6.5. Позвонила Р.

— Ты знаешь… я в пятницу так скучала… Приехала с работы, стою у плиты и — ты перед глазами. И так я тебя всего чувствую… И ужасно радостно, но и тяжело… Даже голова закружилась…

Наум, привет!

Книга Филона с приложением Лурье («Антисемитизмом в древнем мире») у меня есть, и я как раз сейчас ее просматриваю. Автор «оставляет вопрос открытым» («история мидян темна и непонятна»). У меня есть на этот счет кое-какие соображения (почему-то «потянуло на пророков», как беременную на солененькое), и я даже начал их набрасывать в виде письма, равно как и соображения по поводу Гершензона, но дефицит времени из-за срока сдачи переводов не дает толком сосредоточиться, так что откладываю свои реплики до лучших времен.

Всегда твой
Матвей

Как там «политическая обстановка»?

Матвей, привет!

Во-первых, сообщаю, что достал для тебя двухтомничек Гершона Шолема «Основные течения в еврейской мистике».

Если нужен срочно, то постараюсь выслать на днях. Дело в том, что я еду на три дня в Прагу, на великую зустречь трех классиков зарубежья: Цветкова, Соколова и Ваймана. Надеюсь оттянуться. Может Цветков устроит мне «эфир» на «Свободе», но это неопределенно. Кстати, я тебе писал, что вышел журнал «Солнечное сплетение» на иврите (типа антологии) и там отрывки из книги, так в субботу была заметка в «Хаарец» (это у нас «газета для интеллигенции») об этой антологии, где мой текст отметили, как «один из самых интересных». Все надеюсь издать книгу на иврите…

В работе Лурье много интересных фактов, но концептуально она «не тянет». Например, непонятно, почему он отрицает «политический антисемитизм» властей, считая, что он всегда «плелся в хвосте» народного возмущения, ведь очевидно, что всегда найдутся политики, готовые оседлать и погнать вперед «народные чувства». Не придает он должного значения и той, совершенно очевидной для меня «причины антисемитизма», как преданность евреев в провинциях имперским властям (всех империй) и, соответственно, недостаток «местного патриотизма», что делало евреев замечательным «имперским цементом» и вместе с тем объектом ненависти «покоренных народов» (уже в советское время яркими примерами такого «имперского служения» евреев были коммунистические элиты восточноевропейских и прибалтийских стран, как до войны, так и после). И совсем уж непонятно отрицание им (Лурье) «еврейского партикуляризма», и тем более «избранности», как одной из причин (на мой взгляд — основной) антисемитизма. Сам же приводит цитаты известных античных «антисемитов», указывающие на «китайскую стену», которую евреи возводили между собой и иноверцами. Это стремление евреев отделиться не только от иноверцев, но от собственного народа (от нерелигиозных израильтян) можно беспрепятственно наблюдать здесь в Израиле. Идеальной ситуацией для ортодоксальных евреев является их абсолютное обособление в гетто, «вплоть до отделения», то есть вплоть до макси-

мальной автономии и самоуправления. Так что жалобы античных «антисемитов» на то, что еврейские общины представляли из себя «государство в государстве» абсолютно точны. Здесь, в Израиле ортодоксы, из тех немногих, что готовы служить в армии, требуют создание особых частей, состоящих только из ортодоксов и соблюдающих, соответственно, все религиозные правила (с раввинами в качестве комиссаров), на других условиях они служить не соглашаются и не будут, хоть стреляй. Поэтому отношение широких слоев нерелигиозного израильского общества к ортодоксам полно самой настоящей «антисемитской» ненависти, да, именно ненависти: они, мол, не несут государственных обязанностей (не служат в армии и не платят налогов, так как в большинстве не работают, а только учат Тору), но живут на деньги налогоплательщиков (через госбюджет, благодоря своей электоральной силе и соответственно — политическому влиянию), так что иначе как «паразитами», и это в лучшем случае, их и не называют.

Что касается «обстановки», то позиционная «борьба в партере» продолжается. Давление на палестинцев идет постоянное (экономическое и военное, т.е. почти каждый день кого-то «отстреливают»), их террор пока неэффективен, ни с «военной» точки зрения (количество потерь), ни, тем более, политической. Американцы с ними разговаривать не хотят, принимая израильское требование «прекращения враждебных действий без предварительных условий», так что Арафат в тупике. Правда и мы тоже, но я лично этот «тупик» предпочитаю тому «паровозу», который «вперед летит — в коммуне остановка».

Всегда твой

Наум

Кстати, притеснения евреев в мусульманском мире эпохи средневековья не носили характер «ненависти» (хотя в период альмохадов были серьезные преследования и насильственная исламизация): ислам, хоть и вышел из иудаизма (Махаммад думал принять иудаизм, как за сто лет до него

хеймариты в Йемене — дело в том, что еврейские купцы в городах Западной Аравии были самым «продвинутым» культурным элементом, представителями Цивилизации), но от него не отталкивался и свою связь с иудаизмом привечал, к тому же евреи — народ «восточный» и их повадки на Востоке не вызывали такого «отторжения». Сегодня ситуация поменялась в силу того, что евреи стали в гораздо большей степени «западным» народом, чем «восточным», и мусульмане их ненавидят как представителей Запада, «крестоносцев».

Позвонила соседка. Кто-то «застрял наверху», «кричит». Не понял, но вышел, лифт вроде работает, никто не застрял. Подумал, может, тесть застрял? Пошел к ним, и у них лифт работает. Поднялся, звоню. Тесть кричит из квартиры: «Люба! Люба!» Но не открывает. Может плохо ему? Тещи нет, или специально не открывает, уморить хочет тестя. И тут догадался: может, он на крыше застрял? Позвонил соседке, взял у нее ключ и поднялся на крышу. Так и есть. Тесть взмыленный, измученный (вышел на крышу, подул ветер и дверь захлопнулась, провел несколько часов на жаре, в хамсин…), рот воронкой (забыл вставные челюсти). Однако не все так просто: крыша огорожена железным забором с острыми кольями (хорошо что минное поле не «посеяли»). Притащил лестницу. Как он через этот забор перелез — не знаю. А потом еще по лестницам с перекладинами спускался. «Ну, Борис Михайлович, вы еще можете на флоте служить». Но ему не до шуток. Отвел его к нам. Еле жив. Воды налил.

— Пейте. Отдыхайте.

— Наум, включи пожалуйста второй канал, там фильм, который я смотрю…

Ну да, испанская «мыльная опера».

8.5

Наум, привет!

Спасибо за Шолема. Никакой срочности с ним нет, и я бы на твоем месте не тратился на пересылку, а передал при случае с оказией. Кстати, почем двухтомничек?

Поздравляю с приглашением в Прагу и прочими успехами. Компания, вроде, неплохая, и все — твои знакомцы. «Свободу» я слушаю регулярно, и если ты выступишь, то услышу, хотя было бы неплохо, если бы ты кинул мне ближе к делу по емеле время передачи, буде таковая состоится.

Твои замечания по поводу Лурье возражений не вызывают. Все справедливо, а сравнения с повадками нынешних ортодоксов кажутся убедительными. Однако, по моему ощущению, какой-то «нерв» — едва ли не главный (хотя спорить с «главностью» ощущения избранности не приходится) — остается незатронутым. К сожалению, в данный момент развивать мысль так, как она того заслуживает, не имею возможности.

Собираюсь совершить очередной рейд по книжным в среду, послезавтра. Если успею, то в этот день пошлю и бандероль.

Всегда твой
Матвей

Перевожу Шабтая. Тяжело. За пару часов — пара абзацев. Но все равно тянет, затягивает в свою «страну холмов», последние страницы…

13.5. Прилетели в Прагу 9-ого вечером. «Хильтон» — муравейник. Впрочем, организованный образцово. Номер нормальный, только окна — во внутренний дворик, нет «вида». Позвонил Леше. Он возвращался с гулянки.

— Я в трамвае. Мы тут слегка… Я завтра работаю, ты утром позвони Краве. Хотя она чувствует себя неважно…

— А что случилось?!

— Да ничего, перебрала. Но в любом случае — вечером у нас.

— Саша не приехал?

— Нет, и не звонил.

— Понятно… Как у нас говорят: Мессия не пришел и даже не позвонил. Слушай, с эфиром, я так понимаю, ничего не получается?

— Я поговорил, народ, в общем, не против, только они хотят это на меня повесить, а у меня просто каждая минута расписана, невозможно втиснуть. В общем, чего-нибудь придумаем. Ты мне позвони утром, посмотрим.

Обновили пристанище. Ох, как она кричит, когда кончает, просто по-звериному. И рычит, и рыдает…

Завтрак шикарный. Позвонил Краве. Она сегодня в суете. Вечером, ну, где-то в полседьмого, к ним. Вайли будут. Саша не звонил. Может, еще появится. Вышли в город. Солнечно. Пошли пешком к Староместской. В переулочках еще пусто. Игрушечный город, декорации к сказке. Вот так вдруг, погрузиться в эту праздничную, и в тоже время уютную, залитую солнцем, европейскую старину…

— Ты знаешь, — говорит жена, — удивительно, город совсем не давит. Какой-то он — впору.

Ходили — лыбились. Площадь еще не кишит людьми. Жена, умоляющим тоном:

— Давай коляску возьмем?

Ну, а как же. Я-то не любитель этого туристского шика: трясет, лошади воняют, дорого, очень дорого, 600 крон, долларов 15. Но — романтика, праздник души. Оттягиваться, так оттягиваться. Покружили в коляске по центру, уже хорошо знакомому. Потом позвонил Леше.

— Давай, подходи «к коню», в полвторого? Зайдем на работу, посмотрим.

— Ну что? — спрашивает жена.

— Может чего и обломится.

Времени еще много. Вышли к Карлову мосту. Тут — туристская классика: толпы японцев, русские художники, джаз-банды, слепые аккордеонисты. Перешли на ту сторону, «малостранную». Посидели в кафе, отдохнули, кофе

выпили и — обратно. Пока добрели до «коня» изрядно устали.

Зная Лешину болезненную любовь к точности, пришли за пять минут. Но он уже нетерпеливо пританцовывал взад-вперед. Обнялись. Соколов так и не звонил. Пошли на радиостанцию, там заборы, американская охрана, Леша хлопотал с пропусками… Познакомился с Юрьененом. Небольшого роста, огромные очки — лица не видно. Леша хочет на него «свалить» интервью. Говорю:

— Леша сказал, что вы даже умудрились прочитать книгу.

— Да. И она мне очень понравилась. Очень.

— Ну… — я был польщен, — приятно слышать…

— Да, очень интересно.

Тут подошел Леша и стал ему доказывать, что он ну никак не может взять это на себя. Они заспорили, почти на грани резкости, впрочем, «производственной».

— Ладно, — сказал Юрьенен, — пойду, поговорю с начальством, может удастся сдвинуть…

— Понимаешь, — объяснил мне Леша, — это часовая передача, я ну никак не могу никуда тебя втиснуть.

Сели за стойку недостроенного бара. Подошел крупный, полный мужчина. Глаза пытливые, цепкие.

— А, вот Ваня, может Ваня сделает… Иван, познакомься…

— Наум Вайман.

— Иван Толстой.

И я догадался, почему вальяжная, хотя и несколько расплывшаяся фигура показалась мне знакомой — дебелые фамильные черты Толстых были тут «на лицо». Леша, с места в карьер, предложил ему взять у меня интервью.

— С кем дружите? — был первый вопрос Толстого.

Пришлось перечислить. Вспомнил и Лену с Вайскопфом.

— С Леной мы давно, давно не виделись. Да, это моя двоюродная сестра.

Списочек, как видно, удовлетворил Толстого, и он изъявил согласие.

— Давайте завтра в десять? Ну и отлично. Договорились.

— Прекрасно! — обрадовался Леша.

Потом мы «утрясали» это с Юрьененом, тот, вернувшись, сказал, чуток скуксившись, что он уже договорился с начальством… Я извинился, мол, не виноват, так вышло. Леша в это время разговаривал с подошедшим к нему пожилым человеком, по репликам, я понял, что это Алешковский. Алешковский уезжал в Москву, Леша тоже собирается через месяц. Бросив еще пару фраз, Алешковский отошел.

— Познакомил бы, — говорю.

Леша позвал:

— Юз! Познакомься.

Мое тщеславие было удовлетворено.

Двинули с Лешей в американский бар «Яма», гроссмейстер не баловал разнообразием дебютов, и три года назад он водил нас в этот ресторанчик, уютный и очень дешевый. Поболтали о житейских делах.

— Ну что, Сошкин звонил тебе? (Сошкин накануне нашего отъезда просил телефон Цветкова, тоже собирался в Прагу.)

— Да, мы с ним встретились. Он оставил свои журналы. Такой упрямый молодой человек.

— Это точно.

— Он перечислял мне какие-то яркие по его мнению таланты, я ему сказал, что ничего интересного в сегодняшней русской литературе не вижу, читаю только американскую, а он американскую презирает, так что остались при своих.

Жена сказала, что хочет вернуться в гостиницу, отдохнуть. Леша предложил сопроводить нас в Хильтон, а потом вместе поехать к ним. Жена, улучив минутку, шепнула мне, что хотела бы принять ванну, поспать, и было бы лучше,

если бы Леша поехал домой уже сейчас, а мы и сами доберемся. Я попробовал смягчить формулировки, мол, он устал, наверное, чего ему с нами таскаться, мы и сами доберемся. Но он сказал, что дома все равно никого нет, Крава у врача, так что он не против потаскаться. Делать было нечего. На умоляющие взгляды жены я только пожал плечами.

Приехали все на Славинскую в начале седьмого, с обещанными солеными помидорами. Крава возилась у плиты. Расцеловались. Кулинарные тонкости, книги, разговоры об общих знакомых, о том, как Ваня похож на Алексея Толстого, про толстовские гены.

— А вы знаете, какая история с Юрьененом? (Крава любит незлобиво, но подробно посплетничать.) Он же был женат на испанке, дочери испанской революционерки, ну знаете, из тех, что в Союз вывезли, а у нее от первого мужа был больной ребенок, прогрессирующая атрофия мышц, и она его оставила в детском доме, но он чудом выжил и написал книгу об этом детском доме, так все ужасы Гулага — цветочки по сравнению с теми кошмарами, а потом он ее нашел, нет, он хотел получить испанское гражданство и получил, теперь он вообще знаменитый человек, о нем фильм сделали, правда он не двигается, только в кресле, но у него жена и двое детей, ну вот, так они с Сережей развелись, они уже некоторое время жили неважно, у него вообще что-то вроде бешенства началось по женской части. А тут приехал в Прагу какой-то оркестрик с Урала, или Дальнего Востока, и там была молоденькая альтистка, и они тут дня три провели вместе, и она через месяц к нему приехала с двумя детьми, и вот они теперь живут вместе, да, такой роман, правда он в последнее время выглядит просто измученным…

Спросил Лешу, получил ли он «Анечку» Тарасова. Он сказал, что получил, и что Сошкин ему дал свою книжку со стихами Ани, утверждая, что она «правильная».

— У них с Тарасовым борьба за наследие? — угадал

матерый человечище.

Пришли Вайль с женой. Борода и копна его побелели начисто, да и гуще не стали. Взгляд ощупывающий. Элла еще сексапильна. Потом и Толстой пришел. Посидели весело. Хотя веселость была несколько «светской», то бишь вымученной. Петя остроумен. Человек типа «все внимание на меня». Поскольку никто его центральную позицию не оспаривал, был благодушен. Едет через два дня в Ханты-Мансийск, какой-то конкурс, он в жюри. «Леша, как тебе строчка: в Ханты-Мансийске не знают хамсина?» — шутил Толстой. Разговоры об общих знакомых, о детях, культурные новости («видели кукольный спектакль „Сталинградская битва“?»). Мы с Лешей пили водку, остальные вино. Вайля потянуло на армейские воспоминания:

— Меня дважды разжаловали!

— За дуэль, — пытаюсь шутить.

Элла:

— За бабу.

— Нет, за бабу только раз. А второй раз — за выборы. Ну, выборы в армии — это особ статья. Избирательные участки открывались в семь, и, естественно, каждый полк хотел отрапортовать, что проголосовал первый. Но строем погнать полк голосовать нельзя, нарушение Конституции: выборы — дело индивидуальное и добровольное, и, соответственно, не поднимешь полк по тревоге, и вот ты наблюдаешь, как старшина, который обычно-то, войдя в палату так гаркнет «Рота, паадъем!», что и во сне вздрогнешь, тут ходит на цыпочках и интеллигентно так трясет за плечо, мол, не соблаговолите ли, и вот солдатики, как сомнамбулы, в полседьмого, в неуставном виде, бредут в сумерках к избирательному участку, это — зрелище…

Рассказывал кулинарные байки, как это дело у французов поставлено, что в красном «Мишлене», из полусотни ресторанов три звездочки во всем мире, половина — во Франции, как они жрали в какой-то придорожной забегаловке для дальнобойщиков такие деликатесы, какие

и в шикарных чешских ресторанах не подают. Я спросил, общаются ли они с чехами.

— Да нет, — сказал Леша. — Не получается. По уровню доходов несовпадение. В ресторан их не пригласишь, денег у них нет на рестораны…

— Мы живем, под собою не чуя страны, — сказала Элла. — В отличие, кстати, от израильтян, я их встречала в Америке, они так спорят о политике, как мы когда-то в России…

Мне показалось, что у нее какие-то участки кожи, как после ожога. Следы пластической операции? Приготовленную Кравой баранину с луком Петя нашел «твердой». Предложил еще «подержать». Римкин салат из баклажан был высочайше одобрен. Когда баранину есть разрешили, то разницу в твердости я не заметил. Соколов так и не позвонил.

На следующий день я без десяти десять был в вестибюле бывшего здания чешского парламента, которое теперь занимала «Свобода». Жена пожелала остаться в городе, походить по магазинам. Связался по внутреннему телефону с Толстым, его еще не было. Позвонил Леше. Он спустился и провел меня.

— Всегда опаздывает, — ворчал на Толстого Леша, — разгильдяй.

Он был занят и явно тяготился необходимостью возиться со мной. Явившись, Толстой извинился за опоздание, поговорили о возможных темах беседы, рассказал ему о своей книге, о литературной обстановке в Израиле. Он наметил несколько вопросов, и, с места в карьер, повел в студию. Разговор неожиданно получился живой, и совсем не по «наметкам». И, наверное, сумбурный, я его совершенно не помню, почему-то очень много об антисемитизме: его интересовала загадка — почему я уехал, не из-за антисемитизма же, мол, не рассказывайте сказки, какой антисемитизм в интеллигентном обществе, но я, подкованный Матвеем, был во всеоружии: а как же, говорю, Фло-

ренский, Лосев, а Блок! Впрочем, Толстого не прошибешь: типа высшее образование получили?, работали по специальности?, жили не хуже других? Так какого ж рожна? Потом я стихи почитал. Он слушал не без удивления, сказал:

— Мне нравится, как вы читаете. Интонации очень верно расставлены.

Передача кончилась неожиданно, как прерванный разговор.

— Ну, — спрашиваю, — как получилось, на ваш опытный слух?

— По-моему ничего. С контрапунктами.

Договорились встретиться в час у выхода — намечался поход на книжную ярмарку. Зашел к Леше, поблагодарил, договорились о встрече вчером, Леша должен был заказать место в ресторане на 13 человек (Соколовы, Толстые, Зотовы и Таня от «Независимой»), зашел к Вайлю, он тоже собирался на ярмарку, там должна была быть презентация пятого (!) переиздания его с Генисом старого бестселлера «Русская кухня в изгнании», сказал, что договорились с Иваном в час у входа (Иван жил недалеко). Когда выходил, столкнулся в вестибюле с Виктором Суворовым, который в сопровождении небольшой свиты тоже пришел, надо полагать, повещать.

Погуляли с женой часок, посидели в скверике у Старой Ратуши, вернулись к «Свободе» за пять минут (тут любят точность). И действительно, Вайль с Эллой уже были на месте. Элла принесла, как и обещала, книгу Вайля «Гений места», роскошно изданную Олей Морозовой. Поблагодарил за подарок. Листанул.

— Шикарно издана, — говорю.

— Ну да. Читать — только портить, — пошутил Вайль. — Дай только надпишу.

Не прошло и пяти минут после назначенного времени, как Вайль стал выказывать явные признаки нервозности:

— Иван опаздывает, ну как всегда!

Иван опоздал не так уж и страшно, минут на шесть-семь, но Вайль выговорил ему так резко, что я удивился. Впрочем, как Леша рассказал, он теперь замещает начальника и любит хвосты накручивать.

Поехали на метро, потом пешком до причудливых павильонов в стиле «модерн», которые были выстроены для всемирной выставки, а теперь используются по случаю. Петя, предвкушая Ханты-Мансийск, рассказывал по дороге о своих путешествиях по России. О том, какие удивительные люди живут в русской глубинке:

— Я был в городе Оха, Оха, понимаешь, это на Сахалине, меня пригласили на местную радиостанцию, молодые ребята организовали, оборудование — самое новейшее, японское, а это сахалинская провинция, для них Южно-Сахалинск — Париж, они там никогда не бывали, и они знают Бродского, Мандельштама, Довлатова, шпарят наизусть, такие ребята…

— Значит русская глубинка живет…

— Ну, что ты, в Новосибирске и в Нижнем Новгороде я встречал…

— Ну, это миллионные города, а вот интересно как живут…

— В Козельске? Ну, понятно как, амба. Два дня после Батыя.

У входа на ярмарку встретили Зотова, редактора «Экслибриса», крупный мужик, чем-то похож на Костырко, улыбкой даже, только у Сережи она шире, добрее, а тут — явный хитрованец, заяц-русак ушки на макушке. Я ему с ходу передал привет от Гольдштейна. Он отреагировал несколько анемично. Что-то в нем было от советского чиновника, брошенного на культуру, который «в загранке» всегда настороже. Ярмарка произвела впечатление некоторой худосочности, от России были два издательства, в том числе издательство «Независимой газеты», приехала некая Таня, заместительница Морозовой, передал Оле привет. В общем, тусовался изо всех сил. Даже книжку купил, био-

графию Розанова. Организовали стол, по бутылке минеральной поставили за счет издательства. Петя во главе стола завернул речь о своей книжке, о «замечательном художнике-оформителе Бондаренко», о кулинарии, о Похлебкине, которого недавно убили в его родном Подольске, зашли в дом, думали богатый, писатель ведь, а он был человек чудаковатый и бескорыстный, ничего не нашли, так убили, он был из первых, кто стал учить русских простой истине: еда — это та же музыка, рассказал опять про забегаловку для дальнобойщиков… Рассказывает увлекательно. Толстой подбрасывал «вопросики», к начальству подлизывался? Какая-то яркая дама, представившись корреспонденткой чешской газеты, атаковала Петю орудийной грудью, Петя принял атаку с удовольствием, что не понравилось Элле, тут другая тёха, распатланная, вроде городской сумасшедшей, такие всегда любят ходить на всякие литературные мероприятия, вдруг обратилась к молодому человеку, сидевшему справа от меня:

— Скажите, это не вы мне вчера морду в кровь разбили?

Молодой человек смутился, не зная, шутят с ним или как, но тетка уже побежала дальше, потом общество рассыпалось на кучки и вдруг стало скучно. Элла наклонилась ко мне и, понизив голос, спросила:

— Ты Зотову ничего не сказал насчет ресторана? И не говори. Мы решили, что он не вписывается.

Видно и Пете не понравилась его чиновничья «отстраненность». А может просто Зотову эти ресторанные затеи не по карману, как и Тане, а платить за других в свободном мире не принято… Потом все пошли пить пиво. Погода была хорошей, сидели за сдвинутыми столами во дворике одного из павильонов, шутили (когда всем принесли пива, а мне не хватило, я сказал: «А еврею не дали», чем вызвал неловкий смех российских гостей), Петя рассказывал побасенки, Иван (чтобы заинтересовать Зотова?) бросил «серьезное» замечание о «русской литературе в Израиле», ну, тут уж я был докладчиком, поделился культурными

новостями, и как к нам все приезжают, от «ментов» до «русского шансона», на всё — аншлаг, на театр, на классическую музыку, на Арканова, об «ужасном» израильском кино, которое даже Васильева с Абдуловым не спасли, кто-то возразил: а «Друзья Яны»?, я свалил «Друзей Яны» в ту же кучу, и тут Петя перехватил инициативу и стал рассказывать смешные байки о том, как в американских фильмах играют русских. Зотов помалкивал, таинственно улыбаясь. Жена его, а может и не жена, сидела рядом со мной и была поживее. После пива разбежались. Я все-таки подкатил к Зотову (полезный человечек) насчет его сходства с Костырко, ну, сказал он, Костырко побольше будет, «другая корпуленция», кинул мне неопределенное «пишите», не понятно, типа «пишите письма», или — «пишите-творите». А вообще я был недоволен собой, опять засуетился… Договорились, что Петя заедет за нами в гостиницу в полседьмого, мы его будем на выходе ждать, «только не опаздывайте», погрозил. Пришли в гостиницу, Риммка сразу отрубилась, а я обещал не спать, сторожить, лежал-лежал, да и заснул. Риммка чудом проснулась минуты за три-четыре до контрольного срока, биологический будильник сработал. Так быстро мы еще никогда не собирались. Опоздали минут на пять, может больше. Петя уже оглядывался в холле.

— Что случилось?!

— Проспали, — говорю.

— Это по крайней мере честно, — и его отпустило.

Ресторан «Базар» на улице Яна Неруды, под самым Градом, был шикарный. В три этажа, наверху, на веранде, бар для молодежи, джаз с певицей, вид — на всю Прагу, средняя терраса — с чечеточниками и стриптизершами, нижняя — для серьезных людей, вроде нас. Отдельный кабинет, длинный стол, свечи. Петя сразу предупредил метра, что вместо 13 будут только десять. Приехали Леша и Крава, Соколов звонил, он в пражском аэропорту, но его не впускают, нет визы, чехи ввели визовый режим для канадцев

в отместку за ограничения на въезд со стороны Канады, а в аэропорту ему почему-то не дают визы, требуют, чтобы вернулся в Любляну и там получил визу. Конечно, в Любляну он не вернется, так что Соколов не приедет. Возмущались произволом чехов, вспоминали, что с Соколовым всегда какие-то напасти в портах, морских и воздушных. Выражали огорчение. Приехал Ваня с женой. Стали изучать меню. Петя давал профессиональные комментарии-реплики-советы. Мне посоветовал взять «петуха в вине», французская штучка. Ладно, попробуем петуха в вине. Хорошо, что догадался супчик еще заказать, супчик был в удовольствие. А петуха я ковырял-ковырял — обычная курица, да еще жесткая. Вином заведовал Леша, бутылки три мы выпили, все это стоило восемь тысяч крон, с копейками. Что по-нашенски и не дорого, но для чехов, видать, сумма. Для сравнения: в уютной американской забегаловке «Яма», недалеко от Вацлавской площади, мы втроем поели и пиво выпили за триста (где-то тридцать шекелей, правда Леша не ел, только пиво пил). На обратном пути прогулялись по пустым улицам Мала страны. Красивый город.

На следующий день запланировали поехать в Мельник. В пол-одиннадцатого Леша приехал на своей новенькой аккуратной «Тойоте».

— Скажи, у тебя есть права человека?

— Есть, — говорю.

— Хочешь повести машину?

— Давай.

— А я за штурмана буду.

Вспомнились все наши с Лешей приключения на колесах, но отступать некуда, да и Леша, видно, вести машину не хотел, чувствовал себя неуверенно. Машина была пыльная, застоялась, и Леша сказал, что первым делом — помоем. Помоем так помоем. По дороге он несколько раз вскрикивал «Осторожно!», разве что за руку не хватал, но я настроил себя на режим «куул».

И все-таки оно случилось. Мы уже въехали в Мельник,

как вдруг, из щели между домами выскочил перпендикулярно дороге, да на бешеной скорости, автомобиль, я едва успел затормозить, и он проскочил у меня под носом (чехи вообще отвратительные водители). Все были в шоке: смертельный случай.

— Что ты делаешь! — закричал Леша. — Там же был «стоп»!

— Не было, — говорю, — никакого «стопа» и не могло быть, я же еду по главной дороге, на главной дороге не может быть «стопа», это для него наверняка был «стоп», потому что он выезжал между домами, ничего не видя, и на главную дорогу!

— Там был «стоп»! Ты его просто не заметил, ты что! А если есть «стоп», то надо стоять! — горячился Леша. — Нельзя на чеха рассчитывать!

— Не было там «стопа» и не могло быть», — я тоже заупрямился. Сошлись на том, что на обратном пути посмотрим, был ли там «стоп» или нет.

Мельник — симпатичный городок на крутом берегу, где сливаются Эльба и Влтава. На взхолмье над излучиной замок и старинный собор, в основе — чуть ли не одиннадцатого века, а нынешний вид — шестнадцатого. Внизу — ярко-желтые поля, шлюз на реке. Замок принадлежит Лобковичам, чешским аристократам, породнившимся в 17 веке с императорской фамилией. Это один из редких случаев, когда фамильные владения были возвращены наследникам, и нынешний Лобкович, кроме того, что заседает в чешском парламенте, владеет этим замком, окрестными землями и винодельнями. Леша порекомендовал поставить машину около полицейского участка (чтоб не украли) и купил билетики для стоянки, но только на час. Пока мы поднялись в Старый город час и прошел. Возникла напряженка. Крава попыталась было его пожурить, что небезопасно. Я предложил «сбегать» и перегнать машину на центральную площадь, мест было полно. Сбегать-то я сбегал, но перегнать оказалось не просто: все очевидные

пути были перекрыты, и я долго кружил, ища въезд и нервничая, зная, что Леша места себе не находит. При очередном развороте на что-то наехал или обо что-то стукнулся, разволновался, ну думаю, все, Леша ведь так лелеет свою машину… Вышел, осмотрел, вроде очевидного удара нет, ну и слава богу, может, просто шинами на бордюр заехал. В конце концов я нашел въезд и вылетел на площадь, где они меня ждали. Леша уже пошел меня искать, но слава богу, недалеко ушел. В замке я купил местного вина, а Леша трость с медным орлом, орел отвинчивался, но вместо кинжала, как Леша ожидал, там была пробирка для возлияний. Тоже пригодится. Я хотел купить кинжал, но жена не дала, она не любит оружия. Собор был закрыт, сторожиха сидела у входа в крипту. Вход платный. Дамы спуститься не пожелали. А мы с Лешей спустились. Там кости. Сложены аккуратно, штабелями, берцовые и плечевые, с вкраплениями черепов. И надпись на латыни. Леша перевел:

— Ты — то, чем мы были, мы — то, чем ты будешь. М-да, — прокомментировал, — против этого не попрешь.

— Интересно, — говорю, — откуда эта традиция — зиккураты костей? Все-таки это не христианство…

— Да это по всей Европе, чего тут странного.

— Нет, интересно, откуда такая традиция…

— Вполне христианская традиция. Напоминают тебе, кто ты есть с твоими претензиями.

Посидели в ресторанчике над обрывом, над простором, я взял форель на гриле и чипс, и был очень доволен. Ну и местного вина полакали. Потом прошлись по городку и часам к трем отчалили. Когда садились в машину, Леша ахнул. Ну, думаю, все-таки я что-то стукнул, и он обнаружил. Оказывается, у противоугонного замка сломалась пластмассовая ручка.

— Как это случилось? — сокрушался Леша. — Теперь не вытащить.

Взял я за железную головку и вытащил, пластмассовая ручка была чисто декоративной. Леша успокоился и допы-

тываться не стал. А я и сам не пойму, как это она отлетела. Видно, когда снимал с замка, пнул его как-то не очень ловко, ручка и того-с. На обратном пути поехали по другой дороге, и я не уверен, что проехали мимо того же места, где тот придурок выскочил, но Леша показал пальцем на какой-то желтый ромб с лампочками мигающими:

— Видишь?! Вот — «стоп»! Ты должен был остановиться.

Я пожал плечами, спорить не было смысла. На выезде — полицейская проверка.

— Осторожно, полиция! — занервничал Леша.

Я и так ехал спокойно. Слава Богу, не остановили. Ведь права-то я не захватил, мог бы конфуз выйти, и опять по моей вине… Когда отъехали, сзади вдруг раздался вой полицейской сирены. Леша выпрямился, будто аршин проглотил:

— За нами?!

Нет, не за нами.

Мы полагали расстаться у гостиницы, хотя номер уже освободили и отдохнуть было негде, и поехать еще в Вышеград погулять, но сил уже не было. Валя, добрая душа, еще в Мельнике стала настаивать, чтобы мы поехали к ним, отдохнули бы немножко. Отдохнуть-то было бы неплохо, но очень не хотелось «виснуть», к тому же Леша, видать, тоже не был расположен продлевать наше общение, и мы с Риммкой дружно отнекивались, а Леша укорял Краву, мол, чего она на людей давит, они сами знают чего хотят. Но когда подъезжали к Праге, он внезапно поменял взгляды:

— Может, все-таки заедете к нам? А то вы устали.

Я, грешным делом, сразу подумал, что до него вдруг дошло, что придется самому машину вести, а это, видно, было еще менее приятно, чем терпеть нас лишних пару часов. А поскольку мы действительно устали, то согласились. Доехали благополучно (по дороге я дал обет больше с Лешей в машину не садиться, не идет у нас это мероприя-

тие, это ясно). Риммка сразу легла спать, а мы еще болтали часа полтора.

На мое замечание, что Петя — хороший рассказчик, Крава пояснила:

— Это довлатовская школа. Нет, он их прямо учил, говорил: «Зачем ты об этом сказал? Зачем ты так выразился? Да. Довлатов сегодня вообще — легенда.

— А ведь писатель — так. Для народа, — говорю.

— Его народ и любит, — говорит Леша.

— Да нет, как раз интеллигенция от него без ума.

— Ну, это на тему кого считать интеллигенцией.

Крава:

— И молодежь, молодежь, вот что странно, которая ничего в сущности не знает, о лагерях, например. Но скажешь, что была знакома с Довлатовым — все…

— Старость обеспечена — говорю.

— Да, заставят рассказывать, и не дай Бог что-то критическое бросить, просто разговаривать с тобой после этого не будут. И при том, что он был чудовищем. Ну в личной жизни.

Спросил Лешу, пишет ли что, публикации? Ответил неопределенно, видно, не очень пишется. Похвастался, что хоть палец о палец не ударяет, но теперь уж издатели за ним гоняются, где-то в Сибири хотят полное собрание сочинений издать, в «Пушкинском фонде» сейчас выходит полное собрание стихотворений.

— У тебя выходил уже сборник в «Пушкинском фонде»? — вспоминаю.

— Да, но теперь полное. А тот неудачно был издан, полиграфически. Ты двухтомник Соколова видел?

— Видел.

— Очень неудачно издан, какая-то советская обложка.

— Да, не очень…

Потом все выпили кофейку и простились. Мы с Лешей обнялись. Крава вышла нас проводить.

А в Вышеграде цвела сирень. Зашли на знаменитое

кладбище, погуляли по парку, посидели на скамеечке над обрывом, пока не стемнело.

У Леши черная персидская кошка Катя, очень пугливая.

Позвонил Гольдштейну. Сказал, что передал от него привет Зотову. Рассказал про житье в Праге, что рестораны дешевые и образ жизни у «либертинов» ресторанный, разговоры кулинарные, о литературе говорить — дурной тон.

— Но они вообще прилично зарабатывают? — поинтересовался он.

— Да, видимо, зарабатывают неплохо. И квартиры им оплачивают, и еще всякие льготы. Для чехов они богатеи.

— Да, но приходиться продавать душу дьяволу.

— В смысле содержания передач?

— Нет, в смысле, что это занимает все время. Вот Цветков уже ничего не пишет…

— Ну… Время, конечно, отнимает, и Цветков, как человек фанатично добросовестный и законопослушный, конечно, работает и за страх и за совесть, но… Мне кажется, что «писать» — это вопрос внутреннего состояния, а не занятости.

— Все-таки, буржуазный образ жизни не способствует творчеству.

15.5. Сны ревности к жене. Болезненные. Какие-то ее признания…

От Л:

а передача на радио была? А гитару брал с собой? Давай записки. Снилось, будто ты просишь меня взять на себя день рождения твоей супруги?! И я во сне выбирала белье постельное для вас и стелила вам у себя в доме. Это мы были в Нью-Йорке, на Mother`s day и спали в отеле, беспокойная ночь случилась…

Пока не забыла, хотелось бы почитать (не обязательно иметь) Моруа о Прусте, кажется, ты заказал у Матвея?

Передача будет в июне, обещали сообщить, но у нас все равно не слышно. Гитару в последний момент не взял — уж больно много всякой поклажи было (еще соленые помидоры вез), да и как-то застеснялся…

А сон забавный. Записки пошлю. Моруа организуем.

16.5. Собака уже недели две с трудом передвигается, почти не ест. Позавчера поехали ее усыплять, к знакомому ветеринару. Он сказал, что она просто болеет, какое-то воспаление, ну и что, что ей четырнадцать, ну и что, что у нее уже год опухоль, если бы была злокачественная, она бы давно уже умерла, нет, он не может просто так убить собаку, надо сделать ей анализы, а пока он ей впрыснет антибиотик. Все удовольствие — 350 шекелей. Мы, уже настроившись на «проводы», даже обрадовались, а может правда болеет, еще выздоровеет и поживет… Но вчера ей стало совсем плохо. Она лежала у моих ног, как всегда, когда я за компьютером, часто дышала, иногда ее выворачивало кашлем, «ну что, что, Клепа?», гладил я ее по исхудавшей голове, она подняла на меня морду и в глазах ее было знание, что все, прощайте, ребята. Потом она, впервые, заскулила, от тоски ли, от боли… Я разозлился, ну на кого, как не на жену, тоже мне «знакомый ветеринар», «бывший студент», попросили же его усыпить, так он, гад, только деньги содрал, а она сейчас вот кончится! Вернулся к собаке, она лежала на боку, живот вздымался короткими и частыми вздохами, глаза были открыты, и взгляд… Я подумал, что вот она, «метафизическая тоска», и человек тут не отличается от животного. Правда, в человеке возможно «метафизическое бесстрашие», готовность к самопожертвованию. Но ведь и животные вступают в смертельные схватки, защищая своих детенышей или даже своих хозяев. Может, вообще нет никакой «метафизики», все это лишь манифестации родовых глубинных инстинктов… Рассуждения отвлекли от смерти (утешение философией!). Жена

тем временем позвонила опять ветеринару, ветеринар сказал, ладно, привозите. А нам как раз надо к шурину на день рождения его сына, девять лет. Решили, что она поедет, ее же племянник, со всеми бабушками и дедушками, а я повезу собаку к ветеринару.

— Никогда, никогда больше не заведу собаку, и вообще никаких животных, хватит! — бесился я.

Привез ее к восьми. Еще была очередь. Она легла к стене, около нее вертелся огромный дымчатый дог, щенок еще, потом залаял и заскулил, опять залаял. Только в полдевятого все разошлись. Клепа из последних сил уползла под лавку. Ветеринар вышел.

— Не двигается уже, — говорю.

Он выволок ее из-под лавки, поднял за шкуру и положил на стол. Перетянул лапу жгутом, смазал спиртом вену, приготовил шприц. Она уже не поднимала головы, глаза были полуоткрыты и завалились куда-то. Он сделал укол и вышел. Через полминуты вздрагивания живота прекратились. А я опять «подумал», мыслитель: чушь все это — «невыносимая легкость бытия», есть только невыносимая легкость смерти.

— Что вы хотите делать с этим дальше? — спросил ветеринар.

— В каком смысле?

Я-то по наивности полагал, что на этом моя миссия закончена.

— Ну, можно похоронить, можно отвезти в Институт ветеринарии, туда сдают тела.

— Похоронить? — удивился я. — Как это, в песках?

— Нет, есть люди, которые этим занимаются, есть кладбище, стоит недорого, около ста долларов. Но вы, я полагаю, смотрите на это без… в общем, вы люди современные…

Да-да, мы — современные.

— Ну, тогда надо отвезти ее в Институт, обычно я это делаю, но сейчас у меня нет машины, в ремонте. Вы знаете,

где он находится?

— Приблизительно. По дороге на Ришон?

Он объяснил мне, как доехать. Стал собирать тело в целлофановый мешок, обернул газетами, «это если будут выделения, знаете», лапы, нелепо скрученные, торчали из-под газет, он завернул все это в еще один мешок, уже розовый, завязал узлом и положил у двери. Вся эта процедура стоит 180 шекелей, но поскольку вчера с нас взяли триста пятьдесят.., короче, по дружбе, с меня — только восемьдесят. Я расплатился и подошел к мешку. Вот тут у меня навернулись слезы. Потому что то, что было любовью, ко мне, прежде всего, да, ко мне, стало мешком с костями и внутренностями. Я поднял его, тяжелый, и отнес к машине, положил в багажник. Дороги были пустые. У ворот в Институт меня остановили, записали номер машины, фамилию, сторож позвонил дежурному ветеринару, объяснил, как проехать внутри. Я въехал в пустой темный двор. Серебристая «Мицубиши», наверное, дежурного ветеринара, какие-то жестяные конструкции, кое-где горит свет, дальше вход в здание. Оттуда вышел высокий, седоватый ветеринар, лет сорока пяти, я внес мешок в «жестянку». Там стояли банки с какими-то органами в формалине.

— На уничтожение? — спросил дежурный ветеринар.

— Не знаю. Как обычно.

— С вас двадцать шесть шекелей.

Он стал выписывать квитанцию, а я достал 50 шекелей.

— А мелочи нет?

— Нет.

— Чек?

— Можно чеком?

Я выписал ему чек и уехал. Черный кокер Клёпа, бесстрашный и любящий, остался лежать в мешке у порога.

17.5

— А я посмотрела «Империю чувств», и так удиви-

лась — ты мне рассказал, да еще так подробно, будто другой фильм, ты совершенно не так понял, ты хоть помнишь, как он кончается?

— Он умирает…

— Не умирает, а она его убивает, душит.

— Ну да, потом отрезает ему…

— Да. Но ты объяснил это, как будто он умирает от невозможности что-то доказать ей, а дело совсем не в этом, просто они не могут расстаться, я это очень хорошо понимаю, это невозможность разъединиться, и он просит ее, чтобы она его задушила, а когда душат, то у мужиков всегда встает, да, сколько я видела трупов задушенных, убитых, у них у всех хрен стоял…

— Много видела?

— Да уж пришлось.

— Когда это?

— От пятнадцати до девятнадцати.

— Где ж это?

— Как-нибудь расскажу.

— Ну, расскажи.

— Сейчас не хочется.

— Ты что, в морге работала?

— Почему…

— Ну, где еще можно увидать много трупов.

— Нет, я не работала…

— Дружок у тебя в морге работал?

— Ну ты нафантазируешь.

— Так расскажи.

— В другой раз. Ну вот, так она его душит, потом отрезает ему член, потом яйца, аккуратненько складывает… Нет, мне это очень понятно. Когда женщина держит его во рту, у нее обязательно появляется подспудная мысль — откусить, поэтому я тебя тогда спросила: а ты не боишься? Вообще замечательный фильм. Там есть чудесные сцены, помнишь, как он надел такое большое кимоно, и они идут, а она его держит под кимоно за хрен? Ха-ха-ха! А с гейша-

ми чудесные сцены? … А ты знаешь, что там два фильма? Тоже «Империя чувств», но другой. Дело происходит в какой-то глухой деревне, солдат возвращается, и влюбляется в женщину, старше его лет на двадцать, и сначала непонятно, это любовь, или просто желание…

— По-твоему это одно и тоже.

— Ну почему, секс — это совсем другое, ты опять меня не понял…

— Просто я тебе говорил, что любовь в духе, а ты на тело напирала. Ну не важно, так что там?

— Ну, в общем, он ее, можно сказать, насилует, а она расслабляется и уже… И вот они так встречаются, и он ей побрил это место и спрашивает, что ты мужу скажешь?

— Зачем побрил?

— Ну, не знаю, что это значит по-японски, японцы народ странный.

— Нет, бритый лобок — это интересно…

— Хочешь, побрею?

— Давай.

— Мужа попрошу, ха-ха-ха! Да нет, у меня крем есть. Ну вот, так, короче говоря, пришлось им этого мужа убить. Тут уже начинается полный Шекспир. Они его опять же душат, тянут веревку с двух концов, и бросают труп в заброшенный колодец. И они решают пока не встречаться, и так три года они не встречаются, но по деревне все равно поползли слухи… (Она еще долго рассказывает.) … А когда их пытают, и он первый не выдерживает, и признается, что он убил, а они уже не люди, обрывки мяса висят.., и тогда она кричит, что нет, это она убила. И вот тогда становится ясно, что это любовь…

… — А ты можешь им пошевелить? Ой, еще! Ну чего-ты смеешься, ха-ха-ха, ой, посмотри, посмотри! Посмотри, как он смеется! А рожа хитрая, одноглазая! … Ты не представляешь, что со мной было в пятницу. Я буквально на стенку лезла. Я не могла ни с кем говорить, никого слушать. Я даже мужу сказала: «Со мной не заговаривай». Он

спросил: «Почему?». Ужасная тоска была. И не какая-то неопределенная, я очень хорошо знала, что мне надо, мне нужно было только одно, почувствовать тебя, чтобы ты был рядом, прикоснуться к тебе. Так, наверное, бывает у наркоманов, у меня была ломка. Хорошо, что ты уехал, я хоть немного пришла в себя…

Принимал душ. Постучала. «Можно?» Я уже вытирался. «А можно я тебя ноги вытру?» Пришлось усмехнуться. Тоже мне Христос. Но она это проделала с таким нежным старанием, как маленькому мальчику, что решил воздержался от комментариев. Может оттого, что у нее не было сыновей?

Я тоже иногда «вижу» в ней девчонку, лет пятнадцатишестнадцати, озорную, шкодливую. Миг последних содроганий (в последнее время нам все чаще удается финишировать вместе, обычно она подстегивает меня: «Ну!.. Ну!»), глаза ее закрыты, и когда девятый вал разбивается о берег и длинный язык волны забегает пеной в тихую бухту, она вдруг открывает глаза и смотрит с таким озорством…

Сегодня я «холоден». Только нежность. Она чувствует, что что-то «не то».

— Ты еще не переключился? Ты сегодня какой-то не мой… Сколько уже прошло времени, а я иногда чувствую с тобой, как в первый раз…

Лежим, обнявшись, молчим.

— Странно, все-таки, — говорит.

— Да, странно.

… — Ой, я совсем с ума сошла! Я тебя назвала, как я мужа своего называю. Ты не заметил?

— Ну, я же не знаю, как ты называешь своего мужа.

— Не скажу. Я совсем с ума сошла. И вроде перепутать вас невозможно…

Рассказал, что собака у меня умерла.

— Почему ты не сказал?!

Вообще, много было разговоров о смерти.

— Это еще не каждому дано такое счастье — легко уме-

реть. А вообще, конечно… Я давно поняла, что жить надо сегодняшним днем, завтрашнего может не быть. Я когда еще там в больнице за мужем ухаживала, это же не как здесь, не пускали в палату, так я, чтобы быть с ним, обслуживала там всю палату, выносила, подносила… Так когда больной умирает, они почему-то часа два его не трогают. Потом стенку у кровати красят, меняют простыни и кладут нового. Да это давно было, я тебе рассказывала, муж прыгнул с пирса, это в Ялте было, а море было неспокойным, купаться запрещено, но он же герой, ему море по колено, он действительно прекрасно плавал, а когда прыгнул, как-то попал на гребень волны и сломал позвоночник. Как он всплыл, не знаю… И я его везла домой, потому что в Ялтинской больнице его нельзя было оставлять, там бы он не выжил, у них и врачей-то не было, сначала до Симферополя, потом самолетом, а билетов нет, ну в общем… Он больше месяца лежал. С ним в палате был такой мужичок симпатичный, он был скульптор, и к нему всегда друзья приходили и выпивали, вроде приличные люди, художественная интеллигенция, а пили по страшному, они еще шабашили на кладбищенских памятниках, и вот как-то напились, и огромный памятник на него свалили, а поднять его не могли, так они его из-под памятника вытаскивали, у него вся кожа на спине была содрана, и он был на уколах, дикая боль, и мы, уже когда выписались, навещали его, а как-то приходим — нет его, умер…

Рассказал ей о подвале с мощами в Мельнике.

— А я тебе рассказывала, как меня Александр Невский схватил и отпускать не хотел? Схватил своим пальцем. Рассказывала, ты забыл. Во Владимире, кстати, я удивляюсь, что ты не был во Владимире, рядом же, и такой красивый город, Успенский собор, нас туда водили на экскурсию, там у них мощи Александра Невского, собственно только фаланга пальца, нарисована рука, а фаланга эта под стеклом, как продолжение рисунка, а я не люблю экскурсии, все бегом-бегом, и я потом пошла одна, и оделась так

поскромнее, длинное платье, с рукавами, а туфли у меня были вот на таких шпильках, и очень тонких, и так хожу, цокаю каблучками, осматриваю, а там такая стайка старух была, в черном, и она все вокруг меня кружила, а когда я к мощам подошла, так они прям физически не хотели меня подпускать, как-то так встали между мной и этой фалангой, и даже попытались меня оттеснить, и так они противно, враждебно кружили, что я решила плюнуть и уйти, и тут у меня каблук провалился, там вообще были такие большие щели между плитами, а рядом с мощами была особо большая щель, и у меня каблук туда провалился, и я никак не могла его выдернуть. Пришлось встать перед святым на колени и выдирать туфель, кожу на коленке ободрала…

Рекордов не ставил. Два раза — это нормально. Потом еще посидели у моря. Сильный ветер.

… — Мы пошли на танцы, и вот один мужик приглашает меня, небольшого росточка, ну, как-то неудобно отказываться, я пошла, потом он меня еще раз пригласил, и еще раз, и я сказала «нет». А он говорит: «Почему?» Я говорю: «Потому что вы ниже меня ростом». А он заспорил, нет, говорит, я не ниже. Тогда я ему говорю: «Так почему же я вижу вашу лысину?» И тогда он осекся и сказал: «Вы жестокая женщина». И пропал. А я маме дома рассказала, так она была в ужасе, как я могла так сказать. … Я вчера почти час болтала со своей старой подругой, адвокатом, ну я тебе рассказывала, у мужа ее очень большой, и она ему на этой почве изменяла направо и налево…

— Большой — тоже плохо?

— Ну, он вообще огромный мужик, я тебе рассказывала про него, у него отец был граф, настоящий, вот тот был мужчина, у него была такая походка, какую я никогда и не у кого больше не видела, такая осанка… даже после лагеря, а этот был просто вальяжный такой, и очень такой преуспевающий, только в лице что-то… придурковатое… Да, она ужасно мучилась, а она такая хрупкая женщина,

а он любил это по утрам, и вот, говорит, навалится, и так-то дышать невозможно, так еще изо рта гнилью пышет, зубы небось не чистил на ночь, ну и больно ей, а что, так и жила, только на стороне утешалась… да, мы часто перезваниваемся, нет, иногда она звонит, она вообще говорит, что часто меня вспоминает, так вот она мне говорит, что один эпизод просто изменил ее жизнь, а я уж и не помню, сидели мы у неё дома, и как-то так молча сидели, и вдруг, я этого не помню, но раз она утверждает, в общем, я ей говорю: «ты бы хоть пятки почистила». И все, с тех пор она стала следить за своими ногами, и вообще…

От Л:

Моруа пока не заказывай, попробую здесь найти. А ты читал стихи Кононова в Новом Мире? Вот вспомнила, что уверенность в себе еврейские мудрецы приравнивают к идолопоклонству… Ма нишма каха?

Да? Интересно… Надо сказать, что я, хоть и злился на себя иногда за неуверенность, но никогда не «страдал» от этого качества, полагая его даже полезным. Во всяком случае, самоуверенность представлялась мне свойством куда более ужасным.

Что слышно? Вот, собака умерла…

18.5. Гуляли утром в парке. Шли мимо «пруда», вдруг гусь стал шипеть и прям в атаку пошел. Когда я отскочил, он вернулся к своей гусыне и почесал ей клювом шею.

— Вот какой! Защищает! — восхитилась жена.

Наткнулись на уток.

— Смотри, какие красивые! Перья и сизые, и пепельные… а я в детстве очень любила говняных мух, они были такие яркие! А еще мы светлячков ловили, вы ловили светлячков?

— Нет. Я любил стрекоз ловить, больших.

— А мы светлячков… И в спичечный коробок их скла-

дывали…

Потом я пошел в бассейн, отмахал свои полкилометра, вроде не устал. Когда плыл на спине, смотрел на облака, подумал, что правы индусы-созерцатели, жизнь — тень облачка, стремящаяся мимо. А Тютчев только повторил: «Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, — /Не светлый дым, блестящий при луне,/А эта тень, бегущая от дыма…» И заплакал. Смешно плакать в бассейне.

19.5. От Л: *бедная Клёпа… а она болела?*

Да, болела, да и старая уже была…
Я прочитал Кононова, 2 последних мне тоже понравились

Читаю Жирмунского («Немецкий романтизм и современная мистика»), о пантеизме Гёте, о его обожествлении жизни, как «Буря и натиск» предвосхищали иенских романтиков.

Я недавно плыл на спине, смотрел на облака, на их случайный рисунок, вечно меняющийся, как в калейдоскопе, и подумал, что у меня никогда не было вот этого романтического чувства «любви к природе», и никогда я ее не обожествлял, наоборот, я чувствовал ее абсолютную отчужденность, равнодушие. И любви к ней у меня никогда не было. Восхищение — было, но не любовь. Она прекрасна, но красота ее жестока в своей неприступности, и вызывает горечь и грусть: вот я умру, а ты все так же будешь красою вечною сиять… Для всех и ни для кого.

Лесков писал: «Все народы, теряя свою государственную самостоятельность, обыкновенно теряют бодрость духа и свойства к его возвышению. Так было с великими греками, римлянами, и евреями, а теперь… с поляками». А вот насчет евреев Лесков и неправ. Тут, наверное, и источник неприязни, подспудного раздражения (на почве зависти) к еврею: ощущение недоступной жизненной стойкости и собственной неспособности без простоватого патриотизма обрести эти самые «свойства

к возвышению духа».

21.5. Вчера после плавания, но не сразу, а уже к вечеру, почувствовал себя как-то дискомфортно, какой-то опять сердечный трепет, низкое давление, редкий пульс… С утра то же самое. В десять вдруг позвонила Р (я как раз включил мобильный, вдруг позвонит), говорит тихо:

— В четверг тоже не получится…

Меня это не огорчило, скорее наоборот: и чувствую себя не очень, и вообще. Однако спросил для порядку:

— А что?

— Потом расскажу.

И вдруг чувствую, голос дрогнул, почти плачет.

— Ты чего? Случилось что?

— Случилось, — она уже плакала. — Не спрашивай, не спрашивай, потом все тебе расскажу.

— Кто-нибудь заболел?

— Не спрашивай.

— Ты сама-то, как себя чувствуешь?

Оказалось, что звонит из больницы, что с ней — не говорит.

— Здесь ужасно. Даже душа нет, надо идти в мужскую палату. А там жуткая грязь…

Так и не рассказала ничего. Через некоторое время я ей перезвонил, уже не плакала, поговорили о чем-то отвлекающем, сказал, что обнимаю и целую, поправляйся.

— А еще что ты хотел сказать?

— Что я тебя люблю.

— Правда?

— Правда.

Пошел в аптеку, но на полпути сдрейфил, решил вернуться, что-то не то… Постоял в тени, все-таки двинулся дальше. Вдруг звонок. Р.

— Чувствуешь, какой у меня голос радостный? Я уже не плачу, а все благодаря тебе. Поговорила с тобой и решила помыться. А у нас в палате кран с горячей водой, так я

решила: чего я попрусь в мужскую палату, я и здесь помоюсь, разделась до трусов и. Все конечно обалдели, мужики всякие, которые тут не вылезают из палаты, всего три кровати, но посетителей полно, а мне наплевать, в общем, помылась, накрасилась, почувствовала себя человеком. Вот. Все благодаря тебе.

Все-таки выудил что случилось: подскочило давление, до 180. А нормальное у нее — около ста. Пока говорил с ней, сел на скамеечку. Старая овчарка вдруг улеглась у ног. Поговорив, решил, что вернусь домой: что-то не то с сердечком. Пошел домой, а собака за мной. Глаза умные и печальные. Погладил ее. Так она до самой двери за мной и шла. Чего ты, говорю ей. Чего такая грустная? Морду в сторону воротит.

От Л:

записки получила. Спасибо. Еще не читала. Поздно вернулись из Нью-Йорка. Сегодня моему старшему 24 стукнуло, и как раз балет из Питера приехал. Давали Русского Гамлета. Замечательно красивое действо. Помнишь Музу, подругу, которая приезжала в Израиль? Так ее муж — дизайнер декораций. Он взял нас за кулисы. Моему сыну понравился подарочек — балеринки русские…

Музу помню. В Питер не приглашала?
А я дома сижу, зализываю «сердечные раны».

22.5. Бегал по врачам, говорят — ничего у вас нет. А я какой-то не такой… Позвонил Р. Настроение бодрое, но пока не выписывают. Видимо, и сердечные подозрения. Рассказал про свои.

— Герой-любовник! — съязвила. — Да и героиня — под стать.

От Л: *что, опять зверя своего затравил?*

Да нет, просто поплавал немножко…

А какие стихи ты читал Ивану Либертину?

Вспомнила, что когда жена Довлатова уже уехала в Штаты, а он остался с матерью, однажды утром мама сварила на завтрак кашу и, постучавшись в дверь, спросила: «Сереж, вы с блядем кашу будете кушать?»

Слушай, так у тебя есть Маймонид? А то там всякие интересные вещи, которые хотелось бы обсудить с тобой. По страницам было бы легче.

Эту историю с «блядем» я уже слышал, притча во языцех…

А Маймонид у меня есть, давай обсудим. Либертину читал «В деревне нашей нынче Судный день», потом «Горячий ветер стучит песком», и на закуску «На крупах медных буцефалов». На последнее он заметил: «Пушкинской строкой», а я: «А хуль». Посмеялись.

23.5. Утром позвонил Р. Выписывают. Голос радостный. А как ты доберешься, спрашиваю?

— Вот ты приедешь и заберешь!

Я растерялся:

— Я вообще-то на работу еду…

Обиделась.

— Вот такой ты преданный друг. Но ты не бойся, тебе не придется мне помогать. Я, слава Богу, все сама делаю.

Как-то мне тошнотворно стало… от себя самого? Или от ее игривой «требовательности»… Нет чтобы сказать: конечно, приеду и заберу. А у меня язык не повернулся, знаю, что «провокация», а не повернулся…

— Иди, иди, занимайся своим «немецким романтизмом».

Наум, привет!

Нового списка представить пока не могу, но образовался

у меня в «Олимпийском», в связи с поисками Ларионова, «агент», у которого есть на продажу чуть ли не весь ассортимент альбомов по русскому авангарду. Он обещал составить список и продиктовать мне по телефону. Цены у него минимальные, я проверял.

Видел сегодня у букинистов книгу: Ханна Арендт. Истоки тоталитаризма. 1995 г. — 360 р. Это толстенный том большого формата, в суперобложке, напечатанный, кажется, где-то за границей на деньги какого-то фонда. Книга эта на русском языке очень редкая. Она знаменита, главным образом, тем, как в ней трактуется «проблема антисемитизма». Первая и вторая главы книги, составляющие больше ее половины, целиком посвящены антисемитизму. Концепция Арендт остается до сих пор едва ли не самой влиятельной (чемпион по ссылкам). Если книга заинтересует, дай знать сразу: я ее отложил в магазине на пару дней. Если не возьмешь, то куплю сам; хоть и жалко денег, но чувствую, что могу ее больше не встретить (да и не дорого это по большому счету, учитывая объем).

Как там у вас дела? Не получится ли цепной реакции насилия? Или есть какие-то обнадеживающие признаки?

Пришлю тебе большое письмо, когда сведу концы с концами хотя бы по одной из тем (Гершензон, Розенштох, антисемитизм).

Всегда твой Матвей

Матвей, привет!

Ладно, давай Арендт. Авось пригодится. Так что, доллар, наконец, пополз вверх?

В нашей же ситуации обнадеживающих признаков я не вижу. Цепная реакция возможна. Хотя ощущение такое, что пока (и с обеих сторон) все «андер контроль». Какая-то театральная война, люди, впрочем, гибнут всерьез. Это как двое за столом соревнуются в окружении зрителей кто кому «положит руку», а под столом в это время бьют друг друга ногами.

Всегда твой
Наум

24.5. Вчера Р позвонила, был теракт, а я как раз был в Ариэле, обстреляли машину на нашей дороге, одного убили, другого ранили. Так она забеспокоилась.

— Не хотела тебе сегодня звонить…

— Хорошо что позвонила, а то у меня было какое-то… неприятное чувство…

— Что ты нехороший? Не хотел меня взять из больницы?

— Да…

— Хотел, чтоб я там осталась? Ха-ха-ха! Но я же знаю, что ты нехороший. Что противный. Ты противный?

— Противный.

— И рожа у тебя противная?

— Противная.

— Ну вот. Противный, но немножко и симпатичный, да?

— Как ты себя чувствуешь? — перевожу разговор.

— Не знаю… Как-то мне нехорошо стало оттого, что вдруг что-то происходит с телом, и ты ничего не можешь сделать… В общем, я решила, что надо жить сегодняшним днем, наслаждаться каждой минутой.

— Ну да… Вопрос только — в чем состоит это «наслаждение каждой минутой». Это надо еще уметь — наслаждаться каждой минутой. Я вот, например, не умею.

— Ну, жизнь — не дар, а долг, это мы уже слышали. Каждый по-своему, как умеет. Но жизнь так коротка…

— Жизнь все равно коротка, сколько ни наслаждайся, от этих наслаждений ничего не остается, даже в собственной памяти, а остается только…

— Ну если для тебя наслаждение — писать, так пиши…

— Да не в этом дело…

Тут меня отвлекли, да и слышно было плохо, договорились, что завтра позвонит. И вот звонит, как, мол, я себя

чувствую.

— Вроде ничего. Так.

— А что так?

— Не знаю. Давление низкое.

— Откуда ты знаешь?

— Померил.

— Ну, сколько?

— 97 на 75.

— С утра это нормально. И часто ты себе меряешь?

— Каждые полчаса.

— Ха-ха-ха!

— Научные измерения.

— А графики тоже рисуешь, ха-ха-ха?

— Нет, пока без графиков.

— А как кишечник работает?

— Ладно, а ты как?

— Я — хорошо. Вот, обложилась своими друзьями.

— Кто такие?

— Геродот, Ницше, Кортасар, ну, это для развлечения.

— Серьезные ребята. А что врачи говорят?

— Говорят, что я хорошо выгляжу.

— Но все-таки, что они нашли?

— Ох, дай мне прийти в себя…

Больничный ей дали на три недели.

Прочитал ей отрывок из Маймонида про глупость прелюбодействующих.

— Это кто сказал?

— Мудрецы говорят.

— Перемудрили твои мудрецы.

Тесть пришел. «Хочешь мою шляпу?» Вчера появился в соломенной шляпе с широкими полями, почти сомбреро.

— Нет, спасибо.

— Возьми, дарю. А то Любовь Рафаиловна.., ей очень не нравится шляпа.

— Нет, спасибо, Борис Михайлович, оставьте ее себе.

Через минуту слышу, обращается к маме:

— Вы не спрячете мою шляпу? А то Любовь Рафаиловна придет и выкинет…

Матвей, привет! Дочитал, наконец, Лурье. Его попытки «разоблачить» антисемитские «выдумки» показались мне несколько наивными. Например: «еврейское нахальство» это, оказывается, — глубокое чувство собственного достоинства евреев (не считают себя ниже «коренного населения», что воспринимается, как нахальство). Ну и т. д. Хотя всякий, кто пожил в Израиле, мог убедиться, что евреи народ на редкость напористый и нахрапистый. Но мне неохота копаться в этих мелочах. Совершенно очевидно, что как в «древнем», так и в сегодняшнем мире евреи — носители некой кардинально иной и чуждой другим народам жизненной основы. Для всех народов, всегда и везде, основой существования была земля и связанные с ней понятия: родины, независимости, чести, готовности отстаивать «родную землю» любыми силами и до конца. Вне «места» не было и бытия. И только для евреев «бытие» не было жестко и намертво связано с «местом», с землей, а вернее, совсем не было с этим связано. Они и Тору (основу веры) получили в пути, кружась по пустыне. Родиной еврея стал Бог, причем Бог трансцендентный, вне мира сего. Это делает еврея не только сторонником «равенства всех перед Богом», но и противником «территориального» национализма, а значит, — национализма вообще. И в этом смысле рассеяние евреев — вполне логичный итог такого подхода. А в Рассеянии еврей — враг родового и сторонник «индивидуализма», а в качестве места проживания предпочитает империю, то есть интернациональное государство. Все связанное с национальными границами, национальной независимостью и даже национальным существованием не является для «еврея» абсолютно необходимым компонентом бытия, а бесконечные войны за тот или иной клочок земли просто насмешка над величием «бытия». И именно поэтому, нации, стоящие на основах

«родовой территории», считали и считают «еврейскую заразу» (идейную) воистину смертельно опасной для себя и готовы с ней воевать. Но и евреи готовы «до конца» держаться своих «гнусных теорий», так что «спор» мировоззрений, из академического превращается в экзистенциальный, и уже где-то 30 веков крутит «мировую историю».

Христианство явилось победой еврейства над языческим миром — несть эллина и иудея –, «народ философов» победил «народы земли» и дал им не только своего Бога, но и заставил верить в божественность одного из своих последних оборванцев (для понта назвавшего себя потомком царя Давида). Так Европа, которая уже была подготовлена к «единству» большими империями, отвергала территориальные основания своей жизни и приняла основания духовные. Антисемитизм же — это все то же «брыкающееся» язычество, это племена, стремящиеся к выживанию путем агрессии и господства, приспособившие христианство для своих «племенных» целей (Храм Христа Спасителя в честь победы русского оружия), племена, которые, воюя за землю, все пытаются любой ценой сохранить свои родовые тотемы.

Наум

25.5. Позвонил Верник. Ему десны соперировали. Уже в 4-ый раз. У них «сильно стреляют». Настроен фаталистически. «Возьми мой сборник „Биография“ и прочитай последнее стихотворение. Там все написано».

Наум, привет!

Не имея возможности ответить в данный момент с должной обдуманностью, и в то же время не чувствуя себя «вправе» проигнорировать столь жесткие мысли по животрепещущей теме, выскажусь «на уровне эмоций».

Твоя идея о заточенности евреев на экстерриториальность (похожие мысли развивал Гершензон) представляется мне не только неубедительной, но в твоих устах просто странной. Поскольку ты наверняка более сведущ в еврейской

истории, чем я, то мне как-то неловко возражать по этому поводу. Что я должен сделать? Перечислить войны, которые евреи вели за свою независимость (в том числе и территориальную)? Но ты знаешь о них не хуже меня. Процитировать многочисленные места из Торы, где евреям даются именно территориальные обетования (которых нет у христиан, позаимствовавших «территориально чужую» религию)?

Ты пишешь, что «это делает еврея сторонником «равенства всех перед Богом». Не ты ли писал совсем недавно, что корень всего — в ощущении евреями своей «избранности»? Не понимаю, как у тебя это сочетается.

У меня другой подход к этому. По-моему, родовое евреев, действительно, обладает уникальными особенностями. С одной стороны, оно необычайно сильно выражено (мотив «плодитесь и размножайтесь»); с другой стороны, оно соседствует со столь же сильно продвинутой индивидуацией (что еврей — «сторонник индивидуализма», в этом я с тобой согласен). Спрашивается, как это сочетается? Уникальность еврейства именно в особенностях этого сочетания. Я думаю, евреи до поры до времени развивались «нормально», «как все», в рамках «общемесопотамского архетипа». Однако со временем ритуально-обрядовый комплекс сходил у евреев на нет, иссякал и окаменевал, сводился по существу только к жертве, постепенно лишавшейся ритуального «обеспечения». Роковую роль сыграли в этом процессе пророки (у меня накоплен по этому вопросу большой материал — никак руки не доходят систематизировать), ополчившиеся на последний оплот «нормальной» ритуальности («милости хочу, а не жертвы»: то есть «хочу прямого спасения, а не косвенного»; кстати, только на путях косвенного спасения развиваются эстетические архетипы). Таким образом был выкинут буфер между индивидуацией (очень продвинутой) и родовым началом (очень сильно выраженным). Если принять мою терминологию и строго ей следовать, то придется сделать вывод, что еврей — это вообще не личность. (Все без исключения библейские фигуры «индивидуальны» и «родовы»,

но не «личностны», в то время как все «гомеровские» фигуры, даже самые захудалые, — «личностны»). Действительно, если личность, — это то, что вырабатывается в процессе ритуального снятия индивидуации, и если этот ритуальный «буфер» изъять, то личности не получится. Конечно, этот вывод слишком «грубый». Дело в том, что еврейская личность все же была сформирована «до пророков», а та Библия, которую мы имеем, подверглась тенденциозному редактированию как раз в направлении изъятия мотивов, связанных с обрядово-ритуальным комплексом: даже праздники у евреев все — «исторические» (даже если они «квази-исторические»); в них только «мерцает на самом дне» воспоминание о циклической обрядовости. Поэтому правильнее будет сказать так: еврей — это все же личность, но особая, ***лиминальная****. (Этот термин я позаимствовал у Тэрнера из книги «Символ и ритуал». На эту тему есть интереснейшие рассуждения в книге Пелипенко & Яковенко «Культура как система». Там «русская душа» тоже трактуется как «лиминальная», но без употребления этого термина и без использования идей Тэрнера, которые мне сейчас неохота пересказывать; если заинтересует, посмотри сам, обе книги у тебя есть). Лиминальная — значит «пороговая», неустойчивая, лишенная опосредования, склонная впадать то в одну, то в другую крайность (то есть то в крайность безудержной индивидуации, то — «зова рода»). В лиминальности есть очевидные недостатки, но есть и уникальное преимущество. Дело в том, что чрезмерно «заритуализованная» личностность со временем перестает выполнять свои сотериологические функции (требуется «остранение», как сказал бы «формалист). Это и случилось с эллинским миром в «эпоху первоначального христианства». Дело в том, что индивидуация не «растет», а «усложняется». Импульс задается во всей силе «с самого начала» (в «первообразе» «первого витка спирали»). Поэтому изощренная индивидуация никогда не застрахована от «регресса» к «изначальной», «неритуализованной» стадии, с которой она «равномощна». В этом*

«регрессе», «соскальзывании», таится колоссальный соблазн, который никогда не сможет быть «окончательно преодолен», какие бы изощренные формы снятия индивидуации не вырабатывались. Структура «еврейского духа» и была таким «соблазном», перед которым не устоял эллинский мир. Антисемитизм же «постхристианский» (а я настаиваю, что его характер совсем иной, выводящий его за рамки «ксенофобии») коренится в желании «выместить» собственную вину (за то, что поддались соблазну и «пили из черепа отца») на «соблазнителе». Конечно, вина тут взаимная: есть «вина еврейская», не меньшая, но об этом как-нибудь потом. Извини за сумбур, пишу «с колес», не имея времени ни на обдумывание, ни на формулирование.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Мои «претензии» к евреям, конечно, от предвзятости (если не привередливости), хотя в здешней обстановке они не показалась бы тебе странными. Я наблюдаю здесь синдром «еврейской низости», отмечаемый антисемитами всех времен и народов, то есть, вместо желания «дать сдачи», желание «дать взятку», откупиться, и вместо желания жить независимо — желание жить хорошо. То что сейчас происходит с палестинцами — прямое следствие того, что палестинцы, и арабы вообще, о нас думают. Они нас не боятся, а следовательно не уважают (на Востоке эта русская поговорка работает с абсолютной точностью). Например, многие здешние комментаторы считают, что стратегическое решение Арафата развязать против нас партизанскую войну было принято под влиянием нашего панического бегства из Ливана ровно год назад. То есть зачем «разговаривать» с теми, у кого можно отнять? От себя добавлю, что дело не только в Ливане, Ливан — это уже последняя капля. На самом деле, начиная с моего приезда (!!), когда Бегин заварил шуры-муры с Египтом, мы только отступаем и отсту-

паем, и враг правильно объясняет это «коренной» моральной слабостью (которую я называю «нежеланием воевать»). Пытаясь проанализировать корни этого явления (которое меня не только возмущает и вызывает мое презрение, но и пугает и ввергает в растерянность), я и строю всякие «исторические интерпретации», которые могут показаться «странными», если не понимать вектора этих «вопрошаний». Но ведь ты сам с гневом, равносильным моему, писал о «крещеных жидах», лижущих сапоги жидоморов, справедливо относя это явление на счет трусости и приспособленчества. Пойми и мой гнев на всех этих «смельчаков во имя мира и компромисса»…

И когда я пишу об идее экстерриториальности, об идее жить без земли, как у Гершензона, то я не забываю о великих войнах за независимость, а говорю о том, что такая возможность была заложена в теории, и поэтому, даже потерпев не поражение, а полный крах, нация нашла основу для выживания, уж не говоря о том, что возможно и войны были на за территориальный оплот, а за духовный, религиозный…

А противоречия между избранностью и равенством перед Богом вообще нет: избранность относится к народу, а равенство — к индивидууму.

Кстати, насчет того, что праздники у евреев «исторические» и «воспоминание о циклической обрядовости» в них только «мерцает», то напомню (тем более, что это в пользу твоих соображений о первоначальной цикличности иудаизма), что Моисей объявил о праздниках Господних еще при стоянии у горы Синай, то есть в самом начале еврейской истории, кажется, их было семь, и никаких исторических событий они не отмечали, а отмечали некую природную цикличность, даже самый первый, Песах, который принято связывать с исходом из Египта, Моисеем как праздник Исхода не отмечен: «В первый месяц, в четырнадцатый день его, вечером — Пасха Господня» (это Левит, глава 23 о праздниках). По сути, это праздник весны. А через семь полных недель — праздник жатвы. И так далее. Еще очень важно,

и кумранские находки это подтвердили, что первоначальный еврейский календарь — абсолютно абстрактный и математически точный: год содержит неизменно 364 дня (начинается с весеннего равноденствия), четыре периода по 90 дней, в конце каждого добавляется день, ровно 13 недель в каждом периоде. Поэтому месяцы и дни не имеют названия (кроме субботы), а имеют номера, и праздники определяются на тысячи лет вперед по номеру месяца и дня, неизменно. «В девятый день седьмого месяца — День очищения», и т. д. Сюда можно добавить семилетние циклы («а в седьмой год да будет суббота покоя земли») и юбилеи: пятидесятый год после семи субботних лет. Математики давно занимаются всякими хитрыми исчислениями, связанными с семикратными пропорциями (считается, что пропорции Храма были заданы по пропорциям календаря, Ньютон годами этим занимался). Потом этот календарь поменяли, но это отдельная тема.

Твоя идея о «роковой пророческой черте» в истории иудейской религии, как я уже говорил раньше, мне очень нравится, но я бы переставил акценты. Пророки действительно перешли Рубикон, от «родового» спасения к «личному», выдвинув на первый план моральные императивы. Тем самым они с одной стороны бросили вызов Богу (совершенно аморальному), а с другой — повели к вере в то, что каждый, исполняющий моральные заповеди, спасется, к вере по сути магической, я бы назвал это моральной магией, или магией морали, именно тут завелась червоточина, приведшая потом к христианству. Это такой переход от классицизма к романтизму. Пророки — романтики иудаизма. Ну а потом пришли их прямые наследники — христиане, модернисты и декаденты.

Христиане, конечно, внесли определенное «своеобразие» в феномен ненависти к евреям, но в любом случае «сегодня», в постхристианскую эпоху, антисемитизм возвращается к своим «античным истокам». Интересно, что позиция арабов становится все более откровенно антиеврейской,

а не антиизраильской, они мобилизуют на борьбу все «дремлющие» инстинкты…

А что ты сейчас так интенсивно переводишь? Чем вообще Москва живет? Есть ли какие планы на лето?

Наум

26.5. Шел мимо шкафа, машинально вынул «Иисуса неизвестного» Мережковского, наугад раскрыл и наткнулся: «То, что нам, арийцам, эллинам, „псам“, трудно, почти невозможно, — детям божьим, семитам, легко: не разделять метафизически, холодно, и не смешивать мифологически, кощунственно, а плотски, кровно, огненно соединять два мира, тот и этот; два порядка, божеский и человеческий. Наша движущая сила, религиозная или антирелигиозная, — в уходе от мира к Богу или от Бога к миру; сила же семитов — обратная, в соединении Бога с миром. Глаз наш, арийский, видит лишь бесконечность времени; глаз же семитский видит Конец — тот горизонт всемирной истории, где земля сходится с небом, время с вечностью».

Бараш позвонил. Рассказал ему о Праге, о партсобрании у Гробмана, от которого Бараш «уклонился». В очередном номере «Зеркала» мы выступаем тандемом: с московскими «дневниками». У него все по-старому, книжка буксует, уже жалеет, что не отдался Кононову, подозревает интриги, Миша Айзенберг, мол, чтобы «сделать ему больно», в месячный срок издал Байтова, когда Байтов хлопотал о его, Бараша, книжке, теперь Байтов смущен и от него «прячется». А вообще в нашем общении постепенно проявляются какие-то «теплые» нотки, вернее я чувствую от него, несмотря на его понятную ко мне настороженность, и даже в какой-то степени неприязнь, все же — теплые волны. Он не из тех, кто любит «стоять один». Среди равнины голой…

По телевизору все время повторяют, почти смакуют

кадры свадебной катастрофы… Сцена, конечно, жуткая: обычный свадебный разгул, израильская «восточная» свадьба, до тысячи приглашенных, богатые марокканцы, все танцуют на площадке между оркестром и столами, танцуют с детьми, с бабушками-дедушками, и вдруг эта танцплощадка (третий этаж) уходит вниз и музыка сменяется протяжным гулом-воем: «ууу». Вот это «уу», именно звук… Повторяют это не просто несколько раз в день по всем каналам, а подряд, вновь и вновь.

Читая Жирмунского, вспомнил безумца Людвига с его волшебными замками, перекраивающего действительность по своим романтическим мечтам, которые к концу века давно стали слюнявой пошлостью. Из этого же истока безвкусия пил и Гитлер.

Жирмунский отмечает у Тика, и вообще у немецких романтиков «необычайно острое мистическое ощущение — чувство хаоса». «Это радость, разрывающая на части, подобно вакханалии в вагнеровском „Тангейзере“, вся сила которой в демоническом разрушении всех граней, в торжестве недолжного, в победе богоборческой воли, не принимающей мира».

От Гёте к Гитлеру — «романтише штрассе». Надо почитать о Гёте (взялся за двухтомник Конради, но туго идет, в день по странице), и Бёме. Но когда, боже мой…

27.5. Барашу (прислал мне отрывки из книги «Счастливое детство»):

Читал с удовольствием, с живым интересом. В такого рода прозе, элегической, с какой-то «музыкальной глубиной», каждое слово требует осторожности, ювелирное дело. И поэтому цепляют диссонансы, которые в прозе более «грубой» были бы незаметны. Такие слова, как «лоялитет» (прочитал у Вайля, в его роскошно изданной книге «Гений места» слово «деклассанты» и расхотелось читать, хоть книга и не претендует на «прозу»), «оргиастические моменты», ну

и т. д. Причем дело даже не в том, что слово чем-то «плохо», а в том, что в творимой музыке звучит диссонансом, фальшивой нотой. Ну, на мой вкус, конечно. Для оправдания скажу, что в отрывке «В молодости…» мне, например, не мешали «миазмы» и «эвфемизмы» (прекрасный отрывок, хотя «зубодробительную соблазнительность» я бы еще обдумал…). Чудесный отрывок «с пельменями». А вот кусок «Теперь на этом месте — совсем разрыв в линии улицы, а в эпицентре зияния в и без того эклектичной, по-московски, последовательности, связи зданий — мреет выморочно-роскошный новорусский особняк» — какой-то непонятный. Тут ты «нагородил».

Рассуждения на национальные темы «насчет нелюбви евреев к физическому труду» звучат наивно-декларативно.

И еще. В общем и целом не возникает ощущения «законченности», а может и «весомости». Я понимаю, что это отрывок, а не вся вещь, но если вся вещь — это только умножение отрывков, и нет никакого «развития» (кроме «биографического»), внутреннего движения, то все это ажурное здание может «повиснуть». И мне не хватает в таком построении, ну, драматизма что ли. Например, а почему родители развелись? Этот неожиданный (и драматический) поворот в «счастливом» детстве, прозвучав далеким громом, как-то в тексте не отозвался…

А вообще, повторюсь, я рад. Хорошая проза — редкость, и добрый повод порадоваться. И за тебя, и за «всех нас».

Наум

Матвей — Науму

Твое разъяснение своей позиции с точки зрения «места в жизни», по сути, «снимает» мои недоумения (а то я уж было подумал, что Вайман «что-то знает, но недоговаривает»). Твой взгляд на происходящее в свете поговорки «Боятся — значит, уважают» кажется мне вполне убедительным (я бы даже сказал, что «разделяю» его, если не сидел бы в безопасном углу). Тем не менее, вопрос об «исто-

рических интерпретациях» остается открытым: похоже, методика прямых «ретроспективных проекций» на этом уровне просто не срабатывает.

Все, что ты написал о календаре, о «нормальной ритуальности», о ее «языческой» природе и, особенно, о пророках — все это мне близко и даже «мило сердцу». Должен сказать, что твой пассаж о пророках-романтиках — с финалом об их законных наследниках «модернистах-декадентах христианах» — это, на мой взгляд, не только ход в верном направлении, но и образец сжатого глубокомыслия, за которым просматривается бездна смыслового пространства.

С чем я не согласен, так это с прямым «выведением» экстерриториальности и универсализма из «трансцендентности» еврейского Бога. Думаю, тут тянется (давно уже тянется, не с Ваймана начиная) какая-то цепочка тонких подмен и интеллектуальных фальсификаций. Начнем с того, что «трансцендентный» — слово явно не библейское. «Трансцендентны» идеи Платона (а кантовские априорные способности суждения, наоборот, «трансцендентальны»), но кто решится сказать, что еврейский Бог «трансцендентен» в платоновском смысле? Вот ты назвал в предыдущем письме евреев «народом философов» (противопоставив их «народам земли»); я думаю, это заблуждение; евреи — это, скорее, «народ, чтущий единого Бога» (хотя и тут есть о чем подумать). Термин «трансцендентный» как раз и подчеркивает неадекватность традиционного философского жаргона по отношению к тонким сотериологическим материям.

Мысль о том, что сегодня, «в постхристианскую эпоху», антисемитизм возвращается к своим «античным истокам», показалась мне интересной. Надо подумать. Навскидку мне кажется, что арабский антисемитизм как раз и есть — античный, потому что у мусульман нет по отношению к евреям христианского комплекса неполноценности (хотя ислам и «дочерняя» по отношению к иудаизму религия). Что же касается сегодняшних европейцев, то сказать, что они живут «в постхристианскую эпоху», конечно, можно,

но только для красного словца. Потому что когда начнешь разбираться, то выяснится, что собственно «христианской эпохи» никогда и не было. Это как лозунг «Вернем России (вариант: Русской Православной Церкви) ее былое величие» («Поднимем Россию с колен»); а спросишь: «В какой именно период времени наблюдалось это величие?» — и выяснится, что ни в какой.

Перевожу я опять детские ужастики. Планы на лето — подольше посидеть за компьютером.

Всегда твой

Матвей

Наум — Матвею

Конечно, универсализм из «трансцендентности» Бога не выводится напрямую. И речь, конечно, не о платоновской трансцендентности, тут смыслов «погуще», но как ни называй Бога, нельзя отрицать за ним атрибутов всеобщности, то бишь универсальности, и — вненаходимости (экстерриториальности). Все-таки это не «гений места» (листал на днях книгу Пети Вайля, роскошно изданную, такой «путеводитель для итеэров»), а Творец Вселенной — не хухры-мухры. И к нему как-то неудобно обращаться с мелкими просьбами устройства личной судьбы (как в том анекдоте: богатый еврей молится, чтоб Господь послал попутного ветра его кораблям, а рядом бедняк молится, чтоб Господь послал ему на пропитание, громко молится, мешает богатому сосредоточиться, тогда богатый вынимает из кошелька приличную купюру, протягивает бедняку и говорит: на тебе, и иди, не мешай мне с Богом разговаривать, ну а бедняк возблагодарил Господа, услышавшего его молитву… И потом мы все время рассматриваем как бы библейского Бога, но после разрушения Храма было еще две тысячи лет богатейшей еврейской теологии, от рациональной философии Рамбама, до мистики каббалы, с разными представлениями о Боге — бездны мысли.

А у нас ситуация совсем «разболталась». Шарон разоча-

ровывает. Хотя я всегда держал его за оппортуниста. Все эти «правые», едва дорвавшись до власти, стремятся доказать (левым), что они не такие уж страшные черти, какими их левые малевали.

Барашу:
Subject: Na lestnice

Продолжая думать и о твоей прозе, и о своем письме, я решил, что «перегнул» со своими требованиями типа «давай все подробности». Дело в том, что «автобиографическая проза» это и мой «конек», невольно сравниваешь, и мне понятны «естественные преграды», ну, например, боязнь вдаваться в подробности судьбы, как своей, так и окружающих, «язвить» и копаться в «язвах». Конечно, ты написал не в «драматическом» жанре, а в «поэтическом». И в этом смысле ты «звука не роняешь». Но интересно, что в стихах ты гораздо «глубокомысленнее», если угодно — философичнее и шире по темам, но только в прозе тебе удается настоящая лиричность, с приправой (в самую плипорцию) иронии. Другое дело, что выбранный жанр — чересчур традиционный, тем более — для русской литературы, что, правда, имеет и некоторую положительную сторону: смелая и успешная (на мой взгляд) попытка «вписаться в традицию».

Не успел отправить, как Бараш позвонил. Согласился почти со всем, о чем я написал ему, но защитил «отсутствие драматизма», в этом, мол, своеобразный «замысел», выйти из круга «ожидаемого». И потом вторая часть, отрочество и юность, должны быть драматичнее, а детство хочется оставить в той же «счастливой» тональности, потому что оно было именно таким. Мол, в том-то и дело, что «безоблачность» детства, самой безоблачностью своею, подготовляет будущие драмы «столкновения с действительностью», обнажая всю «неподготовленность» человека с таким «интеллигентным», «книжным» детством. Порассуждали на все эти темы, разговор трудно передать, но был

очень дружественным, почти интимным. Посоветовал ему все-таки закончить неким эпизодом перехода к отрочеству, дать некий «драматический горизонт», который создаст необходимое «напряжение».

Еще он поведал, что у Гольдштейна, видимо, «вырисовывается» с книгой — Прохорова прочитала и позвонила, ей понравилось. Я выразил недоумение: по-моему, то что было в «Зеркале», абсолютно неинтересно, и вообще, его манера письма стала меня раздражать. Бараш был доволен.

Завидуем во всю.

29.5. От Л:

за записки спасибо. Когда увидела эту «свадьбу», подумала — как пророческий сон… свободное падение в ад…

Новалис, с его «магическим идеализмом», верил, что миф о «поэтах, управляющих миром по воле своей, не сказка; что он основывается на утраченном нами сознании связи всего существующего; восстановив это сознание, увидев эту связь, мы овладеем миром; осознав себя частью мира, мы будем царить над целым…» (Жирмунский) Ключевые слова тут «воля, «овладение миром», «царить». Германская воля к власти. Жирмунский, этот ассимилированный еврей и плоть от плоти «серебряного века», не случайно взялся за мистицизм немецкого романтизма — тут исток эпохи, ставшей прологом к эре необузданного произвола.

30.5. *Наум, привет!*

Купил в понедельник книгу Ханны Арендт, полистал — и дрогнул. Это очевидная классика (хотя и в далекой от меня области политологии). Классику узнаёшь по тому, что про нее все знаешь еще до прочтения. Это происходит потому, что ее уже всю растащили стервятники — кто просто украл, кто полемизирует под сурдинку, не говоря с кем, кто «имеет в виду», а кто просто имеет. Такое же чувство было

у меня, когда я впервые прочитал Джойса: оказалось, что я его уже знал — по пролетарскому писателю Шону О'Кейси. Дрогнул я в том смысле, что мне стало жалко расставаться с книжкой. Я не очень тебя шокирую, если оставлю ее себе? Конечно, это неприлично — предложить, а потом кукиш показать, так что если ты будешь настаивать, то я ее тебе пошлю. На всякий случай я оставил в магазине заказ на второй экземпляр, но меня предупредили, что она бывает редко (хотя тираж по нынешним временам не маленький — 5000). Если разрешишь мне оставить книгу, я готов тебе ее вкратце пересказать (можно и обсудить) — в той части, которая касается антисемитизма (это сотни страниц). Случайно узнал (хотя, возможно, это общеизвестный факт), что Ханна Арендт, будучи еврейкой, была не только ученицей, но и любовницей Хайдеггера (одновременно она была ученицей Ясперса). Так что когда либерал переписывался с фашистом, у одного была жена еврейка, а у другого любовница. Сделаю необходимую оговорку: то, что книга классическая, не значит, что она «правильная»; боюсь, что трактовки Ханны А. очень далеки от наших с тобой интертрепаций.

Всегда твой

Матвей

Бараш прислал тотальный и несколько занудный обсёр моей книжки неким Денисом Красавчиком (в переводе с иврита). Гольдштейна обсирает особливо натужно аж на 15 страницах из 50. На мой счет — поменьше, но тоже трогательно.

«Безответственность бывает и точечная. Сугубо анонсная. Игольчатая и краткая, но от этого не менее противная. Так просматривая некую псевдомемуарную книжечку другого гольдштейного друга-приятеля — одного тель-авивского учителя предпенсионного возраста, отчего-то свято уверенного в собственной литпригодности — лысоватого брюзги Наума Ваймана — мы читаем на обложке вот что:

«Отрывки из „Ханаанских Хроник“, опубликованные в респектабельном русскоязычном израильском журнале „Зеркало“»…

Здесь очень важно (в контексте ответственности если не «базара», то хотя бы «дискурса», что у некоторых может совпадать) обратить внимание на прилагательное «респектабельный», употреблённое относительно издания «Зеркало». Что позволяет безымянным сотрудникам кононовского издательства «Инапресс» именно так аттестовать супругогробманное детище? Что делает «Зеркало» респектабельным изданием? Наверное, в первую голову то, что журнальчик этот днём с огнём не сыщешь ни в одном из сотен русскоязычных книжных лавок города Израиля. Нет как нет. Это ли не показатель респектабельности? И абсолютное большинство из кретинического поголовья израильскообретаемых книжников-продавцов (да простят нам счастливые исключения из этого правила, люди, метящие свою «книгоношу» в словах «рыцарское добро», без них жить было бы вообще тошно) даже и не слышало о таком органе. О чём слышали? Известно о чём. О «Новом Мире», о «Звезде», «НЛО», об «Иностранке», наконец. Но никак не о «Зеркале». Даже смердящий удвоенной воронелью «Двадцать Два» встречается-привечается и «уважается» (а это корень «респекта») читательской массой не в пример больше и интенсивнее. Кстати, это мы вовсе не к тому, чтобы сказать: де-«Зеркало» — откровенно плохой журнал. Как раз-таки хороший. Намного важнее и «Двадцати Двух», и «Двоеточья», не говоря уж о юных сплетённых солнцах. Только вот — не респектабельный он. Не «Ньюсуик», в смысле. И не «Юэс ньюс анд Уорлд репорт». Не «Тайм», не «Вопросы Литературы». Скажу больше — он даже не «Итоги» и не «Новый Мир». И хорошо, что так. Бо все вышеперечисленные действительно полномерно респектабельные органы суть дерьмецо изрядное — в основном глубоко неинтересное и избитое, лишенное хотя бы одной «живой» фразы. А «Зеркало» — орган как бы замкнутый,

снобически-раздражающий, по определению кружковый. И это нормально. Не нужно его называть в тех признаках предмета, в которых его не наблюдается. Все русские интересные издания отнюдь не респектабельны. Ни «Место печати» ни «Митин Журнал», ни, даже «Логос» (хотя этот последний мог бы таковым стать, если окончательно забронзовеет.)

Что же до самого текста Ваймана, то говорить о нём не имеет в нашем случае особого смысла. Проблемы ответственности данная книга, сплошь пестрящая разнообразными стонами и скрежетами стареющего мужчины (весьма дурновоспитанного к тому же), считающего себя вправе выплёскивать всю эту «поебень» (гольдштейнов обычный термин) налюди, не затрагивает. Ну что с того, что у Ваймана в тот или другой момент «не встал» член или, что его заела жженьем простата, или, что он услышал в какой-то корчме как два дебила-сабры говорили о какой-то даме — де-она «воот так свою пизду топырит» (вестьма «утонченный» престарелый джентельмен — Нахум Вайман даёт оба двуязыко — варианта этой важнейшей по его мнению фразы)? Это всё гной и сало, гной и сало, как писал В. Г. Сорокин. Эстетические взгляды Ваймана не менее ярко оформлены и интересны своей концептуальной вывереностью. Дали для него, например, лишь «вымученные иллюстрации к Фрейду». Вот так — сказал как отрезал. Чтоб ему было на здоровье. Вайман — большой дока в творчестве Сальвадора-Гала. Он, наверное, знает корни собственной категоричности. Мнение Фрейда о Дали (обоих познакомил известный писатель Стефан Цвейг) тут ничего не изменит в Ваймане. Такого Ваймана, вообще, исправит только одно. И оно (учитывая его относительно преклонный возраст) не заставит себя чересчур долго ждать. Хотя мы ему этого желать не можем и не желаем.»

31.5. От Л: *Как ты вышел на Арона Амира? Перекинешь интервью, когда приготовишь?*

А у меня тут такое было… Мой младший в Малазии, на островах нырял и долго от него не было вестей. А тут передали, что захватили заложников, из них три американских туриста, на острове между Пакистаном и Малазией и хотят 2 миллиона или расстреляют… Короче сегодня в два утра прорезался уже из Сингапура. Завтра прилетает. Вот и полгода пролетели…

Все забываю сказать, что тебе очень полезен сок грейпфрукта. Только не готовый, а самодельный. Ну, как Р? Видел ее после больницы?

Слава Богу, что сын возвращается.

С Амиром мы уже давно «дружим» (с подачи Гробманов), он меня первый напечатал в своей «Радуге» (по нашему Кешет).

2.6. Ночью был взрыв в дискотеке в «Дельфинуриуме», там была вечеринка «русских», из школы «Шевах». 17 убитых на месте и полно тяжелораненных.

«Кабинет» совещается, что делать, уже 12 часов трясут языками.

Наум, привет!

У меня сейчас в гостях Миша. Пользуясь возможностью, он продиктовал мне для тебя следующее письмо:

Здравствуй, Наум!

Очень тебя прошу, пришли мне обычной почтой хотя бы часть из подготовительных материалов из книги об иудейских войнах. Обязательно напиши мне, как дела с твоим здоровьем.

До свиданья,

Миша

От Л: *это ужасно… надеюсь твои все здоровы?*

И будь другом, опиши обстановку или пошли записки.

Пожалуйста!

Да, недолет — перелет… У Ювеля знакомые погибли, он там работал, в этой дискотеке. Не знаю как «обстановка», но мне противно жить в этой стране.

Записки пока не накопились, и эмоций там мало.

Встретились в деревне. Немножко осунулась, но глаза горят по-прежнему, и я люблю их. Улыбаемся друг другу. В машине схватила мою руку. Поехал к Латруну. У перекрестка Нахшон поставили машину на мойку («Тёма ужасно грязный, надо помыть его, помоем?») и зашли в забегаловку. Там воняет, что-то накануне сгорело, мухи. Чувствую себя беспокойно, все время вскакиваю: то кофе принести, то расплатиться, верчу головой, рассматривая дурацкие картинки на стенах. Наконец, два арабуша домыли машину, и мы отправились дальше, в Латрун. На стоянке у монастыря никого не было, въехал между соснами, внизу равнина, зеленая-желтая-бурая, кипарисы по склону, ветерок верхушки качает. Стали целоваться. Потом я спустил штаны и она припала к истоку. Нельзя сказать, чтоб особо уютно: посреди стоянки, того и гляди… А может из какого-нибудь окошка монастыря все видно, то-то радуются молчальники. В конце-концов стал ей помогать, потому что чувствую — не кончу. Благополучно разрешился. И когда она подняла лицо, то невольно рассмеялся: волосы растрепаны и слиплись, все лицо вымазано спермой, рот до ушей, глаза пьяные, хохочет — счастливый вампир.

Тут же стала меня целовать-вымазывать, да еще сперму изо рта ко мне в рот запихивать, и — хохочет, и — хохочет. Я морщусь брезгливо, не люблю выделения, а она хохочет.

Потом свернулась калачиком на груди, лицом в плечо, обнял ее, и так хорошо стало, покойно, кипарисы раскачиваются перед ветровым стеклом, поля внизу, лесок по ту

сторону долины…

4.6. Позвонила на работу. «Я тебя обожаю!»

От Бальминой: *Шалом! Скорблю со всем народом по поводу теракта. Остальное в attache.*

Скорбит по поводу… Поэтесса

От Матвея
Скорбим о погибших и пострадавших.
Как, по-твоему, следовало бы ответить?
Если не трудно, расскажи о настроениях в обществе.
Очень хочется взорвать какую-нибудь мечеть.
Всегда твой
Матвей
P.S. Что должен был бы сделать Шарон, если бы не «оказался импотентом»?

Юваль как раз работал в этой «русской» дискотеке, билеты распространял, и в тот день собирался туда поехать, но застрял в другом месте. Погибли и были ранены его знакомые.

Что касается «ответа», то все зависит от «основного направления». В общем-то, «они» (так я теперь называю «наших») действуют так, как они действовали все последние сто лет, и на их стороне сильный аргумент: несомненные успехи в деле государственного строительства.

Мол, до сих пор «история взаимоотношений» развивалась по сценарию: мы наступаем, они «бьются в истерике» (террор, де, — это истерика). Но в последние десять лет вектор поменялся: мы убегаем, а они поджигают нам хвост. Никто (почти) не думает о том, что надо продолжать дело «вытеснения» и «освобождения» земли, освобождение называют «оккупацией» и существует только стремление сохранить хоть то, что «есть», хотя понятно, что это «есть»

тоже весьма расплывчато. И поэтому, с точки зрения тех, кто хочет только «сохранить», совершенно бесполезно на арабов «давить»: ведь мы же от них ничего не хотим (лишь бы в покое оставили) и все равно «вернемся за стол переговоров», поэтому и призывы «действовать головой», а не «сердцем» (сердце у всех этих блядей конечно же «обливается кровью»). А «давить» на них — только злее будут. А они будут злее, пока чувствуют, что ничего не теряют (кроме людей, но этого добра у них хоть жопой ешь). Вот если бы они боялись потерять «землю», то пошли бы на мир. Как нужно было «ответить»? Ну, конечно, бомбить, наносить тяжелые потери, инфраструктуре и гражданскому населению. Война тотальная и «невинных» тут нет. А для них пока — война де люкс.

Что касается «мирового общественного мнения», то оно (не газеты, а политики) уважает сильных и уверенных в своей правоте. Извиняющихся и оправдывающихся евреев оно никогда не «полюбит», сколько бы жертв мы этой «княгине Марье Алексеевне» не приносили. Здешняя левацкая мразь говорит — публично, по телевизору, и рот им не запаяют! — что бомбежками мы растратим те «достижения», которых «добились» этим терактом: убитые обернулись «достижением» в смысле перемены в нашу пользу настроения «мирового общественного мнения». И опять логика жертвоприношений у них обратная: не дай Бог не героическая, а «освенцимская», на жалость бьют.

Чтобы выиграть эту войну, нужно поменять вектор нашего «внутреннего» общественного мнения, сделать его активистским, «революционным», уверенным в своих целях и поэтому не боящимся «средств». Аморально? В гробу я видал их христианскую мораль.

Всегда твой
Наум

Боюсь, что я с тобой согласен — целиком и полностью. Кстати, российские комментаторы (в том числе «яблочник»

Лукин, якобы либерал) ровно в тех же выражениях оценивали сегодня результат теракта как «достижение» Израиля, которое тот может «растратить», если прибегнет к жестким ответным мерам. Честно говоря, слушая подобные речи, я испытываю по отношению к «мировому общественному мнению» те же чувства, что и ты.

Наверное, уничтожение Арафата и верхушки его администрации технически возможно (может быть, разрушение инфраструктуры равноценно уничтожению Арафата), но не приведет ли оно к «ливанизации», когда даже воевать (а не то что «договариваться») будет не с кем. Или так оно и лучше? Извини, если задаю дурацкие вопросы.

Всегда твой
Матвей

Излишне напоминать, что мы с нетерпением ждем любой информации, тем более в такой критический момент.

Вопросы, которые ты задаешь, вовсе не «дурацкие», во всяком случае, именно эти вопросы активно обсуждаются израильскими комментаторами. Для меня, правда, этих вопросов не существует, и «ливанизация» несравнимо лучше даже «дружественной» Палестины, уж не говоря о теперешней. Конечно, исходя из «моих» стратегических целей. С точки зрения «молящихся о покое» любой ценой, хоть на денек, конечно, главное «мир», причем «мир» уже понимается, просто как прекращение огня, или даже, за неимением лучшего, как «снижение уровня насильственных действий». То есть у тебя под боком будет существовать и вооружаться абсолютно враждебное государство (или почти государство, не важно, как называть это образование), которое дает тебе передышку только для того, чтобы в нужный момент воткнуть нож в спину, и ты с этим «образованием» ничего не можешь поделать, МОМ — мировое общественное «не даст» (напоминаю, как резко отреагировали американцы (союзники!) на временный захват израильской армией каких-

то пустырей около Газы, с которых велся и ведется сегодня — прекращение огня! — минометный обстрел поселений). Если же «территории» превратятся в Ливан, то есть в бесхозную военизированную анархию, то с одной стороны, это, конечно, будет источником «беспокойства» (но его и теперь достаточно), но зато сделает нашу стратегическую позицию абсолютно выигрышной: террористическая анархия не может претендовать на свое государство, во всяком случае ответственные державы, даже и не одобряющие Израиль, поддержать такое образование не смогут, например, мы десятки лет оккупировали Южный Ливан и никто особо не волновался. Это даст нам возможность продолжить политику вытеснения, ибо глобальной задачей должна стать «очистка» территории от врага. Тем более что враг из породы непримиримых.

Как ты нашел Мишу?

6.6.2001. Утром она не позвонила. В два я позвонил, но ее не было. В четыре, в машине, кто-то звонил, но не соединило. Думал, может позвонить в ответ, но не стал. Достала меня своей требовательностью признаний в любви: «а что еще ты хотел мне сказать?»

Наум, привет!

Для меня, знакомого с ситуацией только понаслышке, непонятно, насколько реалистична твоя позиция. Во-первых, неясно, что ты понимаешь под «вытеснением»: на какие границы, по-твоему, должен ориентироваться Израиль? Далее: так ли уж страшно иметь под боком «абсолютно враждебное государство»? Общую границу имеют десятки государств, взаимная враждебность которых доводила их в прошлом до ожесточенных войн. С другой стороны, нередко возникает дикая враждебность между вчерашними «братьями» (Иран и Ирак, Ирак и Кувейт) или даже между двумя частями некогда единого государства (типа Кореи.) У меня создается впечатление, что ужас не в том, чтобы иметь под

боком врага, даже непримиримого, а в том, что между мной и врагом нет четкой границы. Самые безнадежные и потенциально кровопролитные (чреватые терроpом) ситуации создаются из-за «чересполосицы», когда этнические границы не совпадают с политическими (косовские и македонские албанцы, курды и т.п.) Может быть, лучше сосредоточить усилия на размежевании — вплоть до «этнических чисток», которые так пугают МОМ с его лицемерным «либеральным сознанием»? Ирония состоит в том, что вмешательство Запада (например, в Югославии), которое начинается под девизом «не допустим этнических чисток», приводит в конечном итоге именно к жесткому этническому размежеванию, после которого только и наступает какая-никакая стабилизация. Может быть, нужно, условно говоря, построить наконец Храм, как заповедано Богом, на месте мечети Аль-Акса, чтобы у «посторонних» не было надобности туда ходить? Снова заранее прошу прощения за заведомо дилетантские суждения (это скорее «провокации» и вопросы, на которые я не знаю ответов).

Мишу я нашел таким же мудаком, каким находил его всегда. Я общаюсь с ним через силу, «из гуманных соображений». Его образ мыслей — например, он сочувствует палестинцам (это в нынешней-то ситуации!) и Путину, якшается с какими-то христианами-сектантами, гордится вступлением в какой-то союз писателей и т. п. — вызывает у меня глубочайшее отвращение. Если твой вопрос связан с состоянием здоровья Миши, то я так скажу: надо не жалеть его, а удивляться крепости его организма. Если бы я непрерывно курил, безуспешно занимался онанизмом, жрал что попало и никогда не умывался, то давно бы умер, а этому хоть бы хны. Если бы он был психически здоров, я с наслаждением послал бы его куда подальше, как это сделали практически все его «друзья» (самое забавное, что мне он никаким другом никогда не был, а «достался от тебя по наследству»). Тем не менее, я ожидаю, что ты либо позвонишь ему, либо пришлешь мне для него записку, которую я могу прочесть ему

по телефону (он, видимо, ждет ответа на свое «письмо» — если ты уже ему не позвонил).

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Нет, ну ясно, что в принципе необходимо «этническое размежевание», чтобы этнические границы совпадали с политическими. Проблема в том, как проводить это «размежевание» в ситуации исторически сложившейся чересполосицы (я уж не говорю, что делить приходится ничтожный по размерам клочок земли). Собственно борьба и идет за ту или иную «линию размежевания», и ты как будто «подслушал» здешние телевизионные дискуссии: еще Барак, после краха его политики далеко идущих уступок, выдвинул лозунг «одностороннего размежевания» (на иврите «афрада», с ударением на последний слог): «мы здесь, они — там», так он любил говаривать. «Правые», особенно после последнего теракта в дискотеке (кстати, цель теракта была не случайной, а «стратегической»: желание ударить именно по «русским» и тем самым остановить русскую алию, которой они очень боятся из-за ее количества, качества и «жесткой» позиции), тоже стали мусолить эту «идею». Нельзя забывать, что при «размежевании» приходится учитывать не только этнические, но и исторические, географические, они же военно-стратегические границы. Ну, допустим, в смысле «исторических притязаний» мы можем им уступить (невероятную гибкость в этом смысле Барак уже продемонстрировал, ведь вопрос в конечном итоге уперся только в возвращение беженцев!), но как уступить «естественные рубежи», скажем, линию реки Иордан (считавшуюся священной, и которую Барак уже сдал!), а главное, куда девать миллион израильских арабов? И тут мы невольно вторгаемся в область «проектов», или в область «фантастики». Дело в том, что весь арабский мир (или почти весь), и прежде всего «палестинцы», как его «острие копья», видят размеже-

вание, как освобождение, очищение Эрец Исраэль от «колониалистов». Евреи — в страны исхода, вот лозунг. Не видя возможности «решить» эту задачу военным путем, они взяли на вооружение «мирную» стратегию поэтапного вытеснения. И в этом смысле ключевым для них является вопрос беженцев. Возвращение беженцев приведет к «страшной чересполосице» внутри Израиля, сегодня еще «этнически устойчивого» (ставшего «устойчивым» только благодаря политике вытеснения, которую когда-то проводили), к потере ясного еврейского большинства в государстве, а это — смерть национального государства. Поэтому я говорю: война немедленно! Самое страшное, что позиция «уступок ради мира» встречает определенную поддержку у израильтян (евреев), пока у меньшинства, но мы уже видели, как «священные» рубежи, такие как Голаны и Иордан, на которых еще совсем недавно «стояло» большинство, сегодня уже священными не считаются, и большинство (евреев!) готовы уступить их в обмен на «мир». И так же, как Бегин допустил непоправимую и роковую ошибку в договоре о мире с Египтом, и даже не в том, что отдал всё, в том числе и всякие там «священные рубежи», но в том, что признал «национальные права палестинского народа», так и Барак уже уступил в принципе в вопросе о возвращении беженцев, признав их право на возвращение, не согласившись лишь с «квотой». Евреи, как всегда, полагают, что дело не в принципах, из них «шубу не сошьешь», а в «конкретике», в умении торговаться.

Так что опасность катастрофы, я считаю, очень ощутима. И арабы очень надеются на эмиграцию (по существу на бегство из страны), которая действительно велика, я это «вижу» по многочисленным знакомым: у половины — дети в Америке (по опросам миллион израильтян так или иначе «взвешивают» возможность эмиграции, арабы опубликовали этот опрос в своих газетах и очень приободрились). Понятно, что «взвешивать» — еще не эмигрировать, но.

Мой же «фантастический» проект состоит в том, что

необходимо стремиться к размежеванию по принципу: арабы — в арабские страны. Эрец Исраэль от моря до Иордана должна стать этнически если не «чистой», то хотя бы «однозначной».

Кстати, когда арабы почувствуют, что если будут «упираться», то потеряют все, тогда и с их стороны появится стремление к компромиссу и, соответственно, — шансы на мир.

Вот, например, Клинтон предложил такой принцип размежевания в Иерусалиме: еврейские кварталы — евреям, арабские — арабам. Это приведет к увековечиванию «чересполосицы» (да еще в «святых местах»!) и к увековечиванию конфликта.

При Бараке, когда обсуждался вопрос о «территориальной компенсации» арабам за то, что некоторые районы с еврейскими поселениями останутся в Израиле, то в теледискуссиях робко катали пробные шары типа: арабские «пограничные» городки «отдать» палестинцам — ты бы слышал какой вой подняли наши родные арабы (граждане Израиля), обвиняя евреев в «этнических чистках»! И дело не только в том, что им совсем не хочется оказаться в арабском государстве, но и в том, что тогда из конфликта будет «вырвано жало», а они еще надеются победить. Вот эта их надежда на победу и питает террор. Поэтому я и говорю, что надо их, любыми способами, убивать в очень ощутимых количествах, а жизнь остальных сделать невыносимой, и дело не в кровожадности, а в том, что только так можно выбить из них надежду на победу (если вместе с мозгами, то меня это не волнует). Поэтому я и удивляюсь, что Шарон не воспользовался такой возможностью сделать шаг в этом направлении и могу объяснить это либо тупостью, либо трусостью.

Что касается Мишиной любви к палестинцам, которой он раньше со мной делился, а нынче — деликатно воздерживается (что делает честь его сообразительности), то, к сожалению, таких «самоедов» у нас и тут полно, они даже

служат министрами. Явление, конечно, поразительное, но тоже очень «еврейское», это своего рода «сломленные» люди, сломленные антисемитизмом, они не могут стоять на национальной позиции, потому что идеологически «против национализма» — старый лозунг ассимиляторов, а против национализма они потому, что их нация всеми презираема, а то и ненавистна, вот они и бегут в сторону «универсальной справедливости» — может и у пророков были те же стимулы? Надо признаться, что Миша, со всеми его взглядами, не вызывает у меня такого раздражения, как у тебя, может быть в силу другой традиции общения с ним (не «по наследству»), ну и, наверное, в силу «отдаленности». Кстати, я ему, конечно, позвонил, так что необходимости в письме пока нет.

И возьми еще один альбом Ларионова (есть «клиент»).

Всегда твой

Наум

P.S.

Сегодня утром камнем, брошенным в проезжающую машину, смертельно ранен пятимесячный ребенок, но кто об этом сообщает? Не стреляли же. Кстати — стрелять продолжают, но есть «снижение уровня», вот глава Си-Ай-Эй скоро явится, наведет порядок.

После теракта в дискотеке, молодежь осадила находящуюся неподалеку мечеть Хасан Бек, бросала туда камни, оттуда, не будь дураками, бросали камни обратно, благо мечеть была окружена плотным кольцом полиции, все это, конечно, обсасывало телевидение, так Перес (на закрытом совещании министров от Рабочей партии) сказал, что «хулиганы» лишили нас «важнейшего достижения», отвлекли мировое общественное от сочувствия жертвам террора и даже переключили его на возмущение вандализмом еврейских хулиганов. Как дядя мой говорил: бьют и плакать не дают.

7.6. От Л: *Интервью с Амиром взяли в газету?*

Грейпфрукт способствует работе сердечной мышцы и сжигает плохой холестерин. Еще полезны приседания, 30 раз каждое утро.

Кормлю своего исхудавшего цыпленка.

Интервью еще не готово. Советы постараюсь «взять на вооружение». Что интересного рассказывает «цыпленок» о Дальнем Востоке?

Посылаю записки

Когда подъехала, то уже по выражению лица понял: очень мной недовольна.

— Нет, ты молодец, ты меня правильно воспитываешь. Ты меня всегда ставишь на место, когда я чересчур увлекаюсь, молодец. И всегда, как только я начинаю размякать — бах! Молодец.

Ну и про то, что я плохой любовник и меня пора менять.

Поехали куда глаза глядят. Завернул в парк на Ярконе. Посидели на скамеечке в тени кустов. Парк пустой. Грустно. Ветерок. Прекрасная погода, не жарко. Как-то подташнивает, или тоска посасывает? Опять «прощальные» веяния.

Немного разболтались. Рассказывала семейное, как дочка маленькая говорила: «А я знаю, как надо красиво ходить, надо шевелить ребрами (услышала что-то про бедра)», и смешно показывала, как надо «шевелить ребрами». Я позевываю, но мне хорошо с ней, спокойно, она мне нравится, и каждый раз поражаюсь детской непосредственности в этой многомудрой и жесткой женщине… И мне грустно и горько, и боюсь, что это кончается, рассыпается на глазах. Я кладу ей голову на плечо, глажу волосы, руки, целую в щеку. Потом мы возвращаемся к машине и уезжаем. Нет, в воскресенье у нее совещание. Да, созвонимся. Нет, это не конец, не разрыв. Что-то хуже. По дороге домой и дома — опять тоскую. Мне страшно себе представить,

что это солнце зайдет для меня навсегда. А она — солнце. Море света в улыбке, в любящих глазах. И никто никогда так не целовал меня и не обнимал, никто, и ничьи губы, ничьи руки я так не чувствовал. Мир потемнеет. Я боюсь этой мутной тьмы, боюсь. Но что-то тянет рыбку в глубины морские, домой.

Это солнце ярко светит, но не греет. А что значит: не греет? Нет в ней жалости. И вроде бы хорошо, что нет, но… Неужели мне нужна жалость? Да, нужна. Мне нужна жалость. Вот ее мне жалко. Она такая сильная духом, красивая, умная, но уже… да, страшны эти превращения: иногда я вижу веселую девочку-озорницу-хохотунью, а иногда, в том же лице, черты сварливой старухи, которую целовать страшно, и она знает, и ей самой от себя гадко… и поэтому я жалею ее…

Позвонил.

— Знаешь, я хочу тебе сказать, что я все-таки без тебя не могу. И еще… Что я не могу, не умею любить, как тебе это нужно, я не могу без конца говорить об этом, я ношу это в себе… (Голос мой дрогнул.) Ну вот, это тебе — информация к размышлению.

— Я знаю… — сказала она, и я почувствовал, что и она готова заплакать.

Наум, привет!

Спасибо за науку. Письмо очень интересное и убедительное. То, что шансы на компромисс появятся только тогда, когда арабы увидят, что могут «потерять все», — это очень сильный, даже решающий для меня аргумент. Только вот реально ли это? Очень печально, что усиливается эмиграция, хотя иначе, видимо, и быть не могло. Я в подобных вопросах «плаваю» и чувствую «укоры совести».

О смертельно раненном камнем ребенке у нас сообщали, и очень много, с подробностями, показывали даже интервью отца, который говорил, что ему остается только мстить.

Одна российская газета провела довольно репрезента-

тивный опрос: «Что бы вы предприняли на месте евреев в данной ситуации?» Самый популярный ответ был таким: «Если бы я оказался на месте еврея, то первым делом покаялся бы перед всем светом за то зло, которое евреи причинили миру, а особенно России».

Буду благодарен, если будешь держать меня в курсе событий.

Ларионова надеюсь достать за ту же цену.

Всегда твой

Матвей

Таких «кающихся», ну, если и не перед всем светом, то перед палестинцами, у нас полно. В самом «мягком» случае они представляют это «желанием понять другую сторону», а в худшем прямо (и упрямо) солидаризуются с «жертвами агрессии». Наверное, такие «вину понимающие» евреи есть и в России. Только вина-то — фанатиков «счастья человечества», а зарыли за эту вину — половину народа, так пусть эти левые суки сначала перед своим народом покаются. Только ведь они опять за свое: не за свой народ, а за счастье человечества.

Что касается «реальности» моих сценариев, то скажу тебе откровенно: плевать мне на реальность, она мне надоела… Достала.

Всегда твой

Наум

Когда сидели в парке:

— А дочка тебе рассказывает… о своей личной жизни?

— Она мне все рассказывает.

— И… как ее личная жизнь?

— В каком смысле?

— Есть ли у нее любовники?

— Так и говори. Нет, сейчас вроде нет.

— А вообще… после того, как они переехали…

— Ты хочешь знать, такая же она блядь, как ее мама?

Нет. Она настроена более романтично.

— Ну, и потом это и вопрос занятости…

— Никогда. Когда стоит выбор: ебля или работа, выбирают всегда еблю.

8.6. *Наум, привет еще раз*

Мне позвонили из букинистического отдела магазина «Москва», где я оставлял заказ на Арендт, и сказали, что книга поступила. Спрашиваю «Почем?» — «480 р». — «Как же так? Всего неделю назад купил за 360» — «Будете тянуть, так на следующей неделе купите за 600». Книга пока отложена: решай сам, нужна ли она тебе за такую цену, дешевле искать негде. Если хочешь знать мое мнение, книга стоящая. Думаю, это самое серьезное из всего, что было написано об антисемитизме. И дело даже не в этом, что книга «правильная» (некоторые, причем, на мой взгляд, наиважнейшие аспекты проблемы она «в упор не видит»), а в том, что ее «не объехать, не обойти»: всякий мало-мало грамотный человек вынужден, касаясь этой темы, «оглядываться на Ханну».

Вот названия некоторых разделов: «Евреи, национальное государство и зарождение антисемитизма»; «Двусмысленности эмансипации»; «Ранний антисемитизм»; «Первые антисемитские партии»; «Левацкий антисемитизм»; «Золотой век безопасности»; «Евреи и общество»; «Между парией и парвеню»; «Могущественный кудесник»; «Между пороком и преступлением»; «История Дрейфуса»; «Третья республика и французское еврейство»; «Упадок национального государства и конец прав человека»; ««Национальные меньшинства» и «люди без государства и т. д.

Бери Аннушку, раз «не объехать». И Ларионова можешь выслать.

Наум

9.6. Матвею

В эти дни по телевизору показывали серию телеочерков на тему «жизнь продолжается». С невнятным упреком рассказали, что в соседних с Дельфинариумом барах и ресторанах продолжали веселиться, танцевать и сразу после взрыва, и, уж тем более, через несколько дней. У «них» есть такой заезженный аргумент (сверху донизу и слева направо): мы должны продолжать, как ни в чем не бывало, чтобы не дать врагам ощущения победы, что они могут поломать нашу жизнь (о том чтобы поломать жизнь врагам они даже не думают). А вчера показали место взрыва, туда по-прежнему приходит молодежь (только русские!), зажигает свечи за упокой души убитых. Корреспондентка спрашивает, мол, чего вы еще ходите, и одна девушка говорит, что только здесь чувствует себя спокойно, в том смысле, что только здесь она чувствует, что кто-то еще помнит о погибших. Корреспондентка говорит, что надо все-таки возвращаться к нормальной жизни. И тогда парень, который сидел рядом на корточках, среди свечей, говорит: «Надо сначала решить проблему, а потом возвращаться к нормальной жизни». Вот два мира: русский, бойцовский, и еврейский, освенцимский, терезинштадтский, мир, в котором тебя убивают, а ты продолжаешь жить, как ни в чем не бывало. Такое вот жидовское эпикурейство: смерть не имеет к нам ни малейшего отношения, когда ты есть (не тебя убили), то ее нет (и «ма ихпат ли», как здесь говорят, мне-то что), а когда она есть (таки убили тебя), то тебя нет, опять же «ма ихпат ли».

А вообще, честно говоря, я поражаюсь их умению «продолжать, как ни в чем не бывало», это полная для меня загадка, не знаю чем объяснить: глупостью, трусостью, беспечностью? Первая реакция — истерика, а потом — голову в песок. Вот так и живем, между истерикой и беспечностью…

10.6. *Наум, привет!*

Хочу ответить на твою краткую реплику: мол, «кающихся и у нас полно». Если не перед всем миром, то перед

палестинцами. Думаю, это кажущееся сходство: между русскими, которые «покаялись бы, будь они евреями» (в чем и был смысл анкеты, о которой я писал), и реальными евреями, зараженными «синдромом покаяния». Люди, по-разному «позиционированные Судьбой», произносят одни и те же слова, вкладывая в них разный, в конечном итоге противоположный, смысл. Русский человек («внешний» по отношению к еврею, «антисемит»), когда говорит, что покаялся бы, будь он евреем, имеет в виду, что евреев вообще не должно быть на земле, что это единственная «противоестественная» и потому «подлежащая искоренению» раса. «Покаяние» еврея для «антисемита» — это вовсе не «первый шаг к „исправлению" и затем к „примирению"» (как думает «кающийся еврей»), а шаг к уничтожению. Для него покаяние еврея — это «аргумент», «доказательство», что еврей так уже мерзок, что противен самому себе. Как писал Флоренский: «Можно ли честному еврею не погрузиться в беспросветный мрак отчаяния, когда он увидит проклятие и порчу, которые несет собою в мир?» Понятие «честный еврей» в устах Флоренского — жульническое; ведь еврей несет порчу не потому, что он «нечестный», а просто потому, что он еврей. «Честность» еврея состоит в том, чтобы осознать: «Мне нет места на белом свете». Он «честный» не для того, чтобы «потом», когда он «исправится», с ним можно было жить, а только для того, чтобы сказать: «Я недостоин жизни». В этом и «нерв» проблемы, «болезненность» антисемитизма. Когда тебя называют гадом и подлецом, тут есть элемент «педагогики»: я могу — хотя бы в принципе — исправиться. Когда тебе говорят: «Еврей» — это смертельный диагноз, «исправиться» ты не можешь («Горбатого могила исправит», по русской поговорке). Поэтому «кающиеся евреи» — они-то, конечно, думают, что «внешний человек» («антисемит», будь то палестинец или русский) увидит, что они «исправляются» — не спасаются (как им кажется), а просто подыгрывают своему уничтожению.

Матвею:

Под последней твоей фразой («подыгрывают своему уничтожению») подписываюсь обеими руками. К сожалению, местные «либералы», которые больше всего на свете хотят понравиться МОМ, хотят быть «приняты» у этой княгини, этой простой, но жестокой истины не понимают. И при этом ополчаются на лозунг: весь мир против нас, мол, это мнение мракобесов. Естественно, ведь он рушит их веру в братство людей, независимо от их цвета кожи, вероисповедания и сексуальных наклонностей. Тяжело нести крест избранности, она же — «проклятость». Тут либо вера нужна, либо особое мужество. И то и другое повыветрилось. Так что только одно педагогическое оружие осталось у Господа: ненависть к еврею (в просторечии антисемитизм). Вот Он им, как строгий учитель линейкой, и охаживает нерадивых. А ненависть к еврею штука упрямая и неизбывная. Благословим же ее.

Впрочем, вера и мужество еще живы в национально-религиозных кругах, поведение которых в нынешнее время воистину героическое…

P.S. В связи с этим, в мечтах о пропедевтике, у меня возникла идея опубликовать нашу с тобой «антисемитскую» переписку. Извини, что все время вытягиваю тебя, как рака из щели, на свет, зная, что ты этого не любишь, но, ей Богу, не корысти ради. А в надежде, что «взгляд со стороны» может подкрепить тот «здоровый подход», который в местных спорах неизбежно «замазывается» краской политического соперничества. Как ты на это смотришь?

Видел здесь «Русский импрессионизм», замечательный альбом, но уж больно «кусачий», ты уж прости за скаредность. Может, куплю, когда приеду…

Всегда твой

Наум

Тесть пришел, морочил жене голову с какими-то лекарствами, чтобы она ему купила, якобы в аптеке их нет, как

всегда ходил вокруг да около, жена, усталая после работы, раздражалась:

— Какие лекарства, что ты хочешь, я не понимаю!

— Ну ты же знаешь, у меня проблема… с писями.

— Ну?

— Ну, так если я эту таблетку ем, мне немного легче.

12.6. Утром, гуляя по парку, долго думал «звонить-не звонить». Позвонил. Наверное, уже ушла. И вчера не застал.

Наум, привет!

Насчет «предложения» мне трудно ответить однозначно. Проблема на самом деле не в снобизме или «светобоязни», а в моём болезненном «чувстве ответственности перед смыслом» и отсюда — в абсолютной неудовлетворенности тем, что мною на сегодняшний день по этому поводу наговорено. У меня такое убеждение, что я даже не начал развивать эту тему, как я ее понимаю (а значит и не начал понимать). В моих письмах было больше риторики и провокации, чем того смысла, в который я верю. Вместе с тем, тема очень занимает меня, и поскольку я не вижу возможности развивать ее в «академических» формах, возможно, то, что ты предлагаешь, было бы для меня выходом, тем более что ты являешься, в определенном смысле, идеальным «оппонентом-провокатором», что и требуется правилами жанра «Переписки из двух сортиров». Поэтому я не отказываюсь от предложения, но выдвигаю контрпредложение (counter-offer), которое, боюсь, не очень-то тебя устроит из-за разного у нас с тобой «вектора ориентации»: у тебя — с выходом на злободневность и действенность (благородное негодование); у меня — на «смысл в себе» (снобизм, эскапизм и чистоплюйство). Если тебя устроит такой неспешный «проект отложенного действия» (по принципу шахматной стратегии «Угроза сильнее исполнения»), без ориентации на конкретные сроки, то отчего же… Я готов-с. То есть

готов, имея в виду образ-идею Древа (по-Платоновски «глядя на…»), облазить его основные ветви и развилки, где найдется место и для «Аннушки», и для «клиентов» типа Гершензона или Розенцвейга, и, может быть, для самой, как мне кажется, актуальной на сегодня породы евреев-евразийцев-дугинцев типа вашего Авигдора Эскина или наших М. Вербицкого и М. Леонтьева. Главное же средоточие проблемы я вижу на той «развилке Древа», которая ведет от Пророков к твоему Клиенту, и тут стоит вопрос как раз о «еврейской вине», хотя и «не совсем такой» (совсем не такой), какой она видится «высоколобым» антисемитам. Как раз внутреннее осознание вины (а не спровоцированное извне «покаяние») способно было бы, как мне кажется, содействовать выживанию (вместо того, чтобы подыгрывать уничтожению) — это и есть моя «главная тема», к изложению которой я, повторяю, даже не приступал.

Всегда твой

Матвей

От Л: *«цыплята» перекрыли доступ к паутине. Эйх амаргаш*[1]*?*

Кто такой «Красавчик»? Он живет в городе Израиле? Правильно я поняла? Ты его знаешь? Как будто он осведомлен о твоих «сердечных делах»?

С «Красавчиком» не знаком — Гробманы перекинули текстик. Похоже, что живет в Израиловке. Особой осведомленности в моих сердечных делах я не заметил. Это в смысле намека, что горбатый скоро исправится? Я думаю, что это общедоброжелательное предположение.

Кстати, ходил вчера к «профессору», послушать «second opinion». Рекомендует делать центур.

Чтобы знать точно, «что происходит», а в случае чего

[1] как самочувствие (ивр.)

и «полечить» (вставляют в закупоренный сосуд «стент»). Знакома с таким методом?

Матвею:

Может это тебе покажется странным, но я не возражаю против твоего «варианта».

«Вектор ориентации» у нас действительно разный, но скорей в силу разности «темпераментов» — у меня гораздо меньше терпения. К тому же я в принципе не верю в наличие вечных, или просто «твердых» смыслов, истин и тому подобного: все временно, все сносит потоком и дорога ложка к обеду. Но я не против, чтобы меня «осаживали», тем более, что сознаю: «криками» делу не поможешь и разобраться с такой важной темой надо бы по возможности основательнее.

Я вот тут «закатил пробный шар»: похвастался перед своими студентами только что испеченным текстом (вышел сборник-антология израильских писателей, пишущих не на иврите, тут и эфиоп, и араб, ну и все те же отрывки из моей книги, они кочуют из сборника в сборник). Студенты впились и читали весь урок (хорош учитель!). Были в легком шоке. Их очень задело мое «презрение» к израильтянам. Боюсь, что не поняли. Впрочем… Осаждали обычными вопросами: я ли это (герой и автор). Марк Аврелий не еврей ли. Ну и, конечно, особо «восхитила» их сцена несостоявшегося покушения на Переса. Но, так или иначе, я понял, что вся книга произвела бы некоторый эффект. Только вот издать ее, увы, не просто.

Ну что ж, давай поговорим за вину и за пророков. Только уж тогда, чур, не откладывать в долгий ящик. Дело в том, что ощущение, что «даже не начал развивать эту тему», — из породы «вечных», особенно, когда речь о вечных темах.

Так что принимаю твое предложение, как компромисс: публикация подождет, а вот дискуссию пора начинать. Как Наполеон говорил: ввязывайтесь в драку, а там видно будет.

Всегда твой

Наум

13.6. От Л:

А кто делает центуру со стентом, сам профессор? Слышала о таком способе, но, к сожалению, очень скептически отношусь к таким профессорам, которые сами предлагают и сами делают. Уж очень много делают ненужных операций…

Дилемма… тем более, что чувствую себя нормально…
А у тебя что нового?

14.6. Поехали с Р в Иерусалим, на выставку авангарда. По дороге держал ее руку, теплую, любимую, в своей. Рука была мертва. Болтал что-то… Рассказал, как один русский «философ» делит всех людей на «ежиков» и «зайчиков».

— А ты кто?

— Я — рыба.

— А я волк. Волк может лапу свою отгрызть, если в капкан попадет.

Пасхин хорош, и Сутин, и Модильяни. Все-таки евреи «теплее», в них жизнь, прав Розанов. А все эти кубисты, Пикассо да Леже… у них человек пропал, одни сочленения. Кандинский гениально инфантилен. Русская любовь к «научной фантастике».

Она было почти мрачна.

— Я хочу домой… (тихо и грустно).

Всего только начало двенадцатого. Держу ее руку в своей, между ее ног. Рука не отвечает. Стал поглаживать-царапать чулок, чуть-чуть, ноготком.

— Я не спала ночью… Все думала, как тебя выкорчевать.

— А зачем меня выкорчевывать?

— Чтобы потом больно не было.

— Ага, значит, ты тоже боишься любви?

— Не любви, а того, что потом…

— Так все боятся того, что потом.

— Нельзя соглашаться с тем, чтобы об тебя вытирали

ноги.

— Ну, это ты преувеличиваешь. Не позвонил, так уж…

Вот так, вяло «выясняли отношения».

— А может в гостиницу поедем?

— Нет.

Продолжили выяснения. Очень сближает.

— Так может поедем все-таки?

Рассмеялась. Уже по дороге сказала:

— Какая же я блядь. Ведь дала себе слово. По ноге погладил — и все.

Уже когда машину парковал:

— Зря мы это делаем…

Пошел было на четвертый заход, но вовремя остановился. Сердце стало подавать испуганные знаки. И я просто прервал. Тем более что все уже было, как в полусне…

Спрашиваю после:

— Ну, не жалеешь, что мы это сделали?

Смеется.

— Раз ты такой засранец, надо брать от тебя то, что ты можешь дать.

На обратном пути говорит: «Все-таки мне как-то… на душе…»

Плохо выглядит, измученно. И постарела. Только когда в самый разгар рот горит алым пламенем, и пьяная улыбка бегает по губам, будто что шепчет, и дрожат ресницы закрытых глаз, она красива, как в юности…

— А у тебя нет ощущения, что нужно немного… снизить темп?

— В смысле меньше ебаться?

— Ну… и это.

— Я уже тебе говорила, что между еблей и всем остальным всегда выбираю еблю.

Рассеянно жаловалась на «второго мужа», что «надоел», что «надо его женить», хотя он и «бедный», ему «больше всех достается», «все искры на него», что «стал вытворять», «может, наконец, кто-нибудь из них (из двух мужей) даст

мне как следует по голове, и все это, наконец, кончится…»

Излагал ей свою «философию старения», что люди не стареют постепенно, а «большими скачками», срывами, живут в каком-то состоянии, как на плато, а потом что-то происходит, и они падают, срываются, но не совсем в пропасть (хотя и такое бывает), а на другое плато, но уровнем ниже, на котором жизнь устанавливается до следующего срыва, и так до донышка.

Рассматривала мою руку, пальцы.

— У тебя квадратная ладонь… И пальцы не очень длинные…

— Крестьянская рука.

— А у меня какие красивые были руки! До того, как я разбилась…

От Л:

я приболела…

А что с тобой?

Посылаю тебе интервью. Боюсь, что скукота вышла…

Матвей — Науму

Конечно, ты прав, ставя условие «не откладывать в долгий ящик». Поэтому запускаю пробный шар («ввязываюсь в драку»), хотя прекрасно осознаю, что тезисы прозвучали бы куда более убедительно, если бы у меня было время подумать, порыться в «первоисточниках», вдоволь поцитировать и т. п. Но — и в этом ты опять же прав — квази-перфекционизм служит лучшим оправданием для ничегонеделания; у меня же наблюдается явная «генетическая предрасположенность» к данному синдрому, и надо же с этим как-то бороться…

Мой главный тезис состоит в том (и ты можешь убедиться, что я действительно даже не приступал к его обсуждению), что еврейское религиозное сознание «спутало карты», создав прецедент системы, имеющей неустойчивую

конфигурацию относительно таких базовых, системообразующих антропологических категорий, как «своё» и «чужое». Я уже «намекал», что согласен с тем общепринятым мнением, что «корень зла» лежит в идее «избранности», но, думаю, она трактуется совершенно превратно — причем в равной мере превратно — всеми: как «апологетами», понимающими «избранность» евреев как «поучительность» их истории, так и «критиками», видящими в ней просто местечковое зазнайство.

Я думаю, всякая автохтонная (то есть органически выросшая из своих корней на своей почве, а не пересаженная) религия — это религия «избранного» народа (рода, племени и т.д., отличающего «своих» от «чужих»), и евреи в этом отношении ничуть не более и не менее «избранные», чем, скажем, индейцы племени бороро (которых никому не приходит в голову в этом «обвинять»). Евреи же создали такую «конфигурацию соотношения „своего“ и „чужого“», что естественная «избранность» (необходимое условие самоидентификации всякого народа) оказалась «позиционированной» таким образом («встала в такую позицию»), что стала «бить в глаза», вызывать обиду, безмерно раздражать, «оскорблять лучшие чувства», «плевать в душу» и т.п..

Для того, чтобы «спутать карты», надо быть немного шулером. Евреи нарушили правила какой-то Большой игры, и именно в этом я вижу их «трагическую вину». Психология «заимствователей» (потенциальных, а затем и актуальных «антисемитов») в общих чертах ясна — зрелище не из приятных, но укладывающееся в рамки «человеческого, слишком человеческого». Но для того чтобы можно было «позаимствовать» такую «вещь», как религия, эта последняя должна «дать себя позаимствовать» (как говаривал мой дедушка о вкусном блюде: «Оно дает себя кушать»). Трагическая вина еврейской религиозности состояла в том, что она «дала себя позаимствовать» (и тем самым позволила «кушать» евреев).

В еврейском религиозном сознании, в целом необычайно

величественном и возвышенном, чуть ли не с самого начала завелась какая-то червоточина. Я бы назвал ее условно «синдромом Обиды-ревности». К сожалению, я не умею сформулировать свое видение «прафеномена» еврейской вины в более строгих терминах. Мне остается только надеяться, что «феноменологическое всматривание» в этот «первофеномен» позволит хоть как-то специфицировать его и превратить из невнятной «поэтической» (будь она неладна!) метафоры в какое-то подобие термина.

С методологической точки зрения, как мне кажется, целесообразнее всего начать наблюдение за явлением в тот момент, когда оно находится «в сильной позиции», — и затем экстраполировать результаты наблюдения как «назад», так и «вперед» по оси времени. Я думаю, такой «сильной позицией» для «нашего» феномена являются прежде всего некоторые эпизоды из жизни твоего Клиента, а также апостола Павла. У Ешу Обида на «своих» носит чрезвычайно разветвленный характер, она представлена на всех «уровнях», от локально-географического («нет пророка в своем отечестве», то есть в родной галилейской деревушке и ее окрестностях) до глобально-всемирного («как я вас любил, как хотел взять под свои крылья и приголубить — но вы не захотели… так получай, фашист, гранату, по полной программе, и мало не покажется… не захотели слушать вы — так послушают другие „языки“-народы и сотрут вас, гадов, в порошок, и сметут вас, нечестивцев, с лица земли» — Ешу, Ев. от X, Гл. Y, Стих Z, цитирую по памяти). Из ап. Павла можно брать любое место наугад — и там непременно обнаружится этот «синдром Обиды-ревности», заставившей этого ренегата («апостола языков») предпочесть, под разными благообразными предлогами и оправданиями, «чужих» — «своим». Если экстраполировать «вперед», то сразу приходят на ум такие типажи, как «голубой апостол» Вейнингер; если экстраполировать «назад», придем неизбежно — через промежуточную станцию («инстанцию») Пророков — к одержимому Обидой-ревностью Яхве.

15.6. Наум — Матвею

Насчет «дала себя позаимствовать», то я здесь не вижу ни «вины» еврейской религии, ни даже какой-то особенности. Если взять эллинистический период, то тут налицо смешение и заимствование религий, я уж не говорю о множестве случаев в истории, когда религии навязывались силой (как христианство на Руси). Но твой «психоанализ» иудейской религиозности, выводящий ее из прафеномена «обиды-ревности» мне очень понравился. «Случайно» эти соображения совпали с моими недавними совершенно «частными» размышлениями о силе обид, прежде всего детских, но и не только детских. Я подумал о них в связи с той «не утихающей» чувствительностью, если не сказать болезненностью, которую все еще ощущаю по отношению к России. Вот ты упрекал меня (упрекал, упрекал!) в том, что я «лезу» в русскую литературу, хотя мне давно пора бы с ней, как и со всей Россией расплеваться, а я что-то жалкое лепетал о приговоренности к русской культуре, языку и т. д. Задумавшись «почестнее», я понял, что дело не в этой «приговоренности» к языку и культуре, тем более что так же страстно, как я болею против русских на всех каких бы то ни было спортивных состязаниях, хоть за кого, лишь бы русских унизили, мне все время хочется «укусить» эту культуру, и за кость и за мякоть, и особенно в клочья порвать жидов, стоявших и стоящих в очереди за похлебкой «русской культуры», а то и за славой под черным солнцем этой великой своей гнилью Империи. В старом предотъездном стихотворении у меня были такие строчки: «Сердце выбрало дорогу/А не вечную вражду». Я ошибся, вражда никуда не делась. И дорогу-то я выбрал, наверное, из вражды, во всяком случае — от обиды. Обиды, обиды, обиды. Как не заживщие, а только зарубцевавшиеся раны. Обиды утешаются только местью. А если мстить больше некому, можно с ужасом обнаружить, что жизнь «опустела»… Вот недавно Иван Толстой в интервью на «Свободе» просил меня привести примеры «антисемитиз-

ма», коего, на его взгляд, не было в «интеллигентной среде». И я не нашелся что ответить, разве расскажешь про какие-то детские слезы — на смех поднимут. Но я вдруг понял неугасимую силу обид и заложенную в них энергию. Думаю, что детские обиды часто определяют жизненный путь человека, а если так, то почему — не целых народов, или культур (религий)? Так что, все — психология?

Тогда еще один психологический момент: ведь если подумать честно, то любовь жидов к русской культуре, всех этих гершензонов, мандельштамов, пастернаков, тем более куда более мелкой сошки, объясняется только одним — карьерой. Им хотелось сделать карьеру в Империи, взлететь на вершину всемирной славы и власти — что толку грызть в вонючем еврейском углу фолианты Талмуда, какие бы мудрости там не спрятаны, то ли дело «великая немецкая философия», «великая русская литература»!

Если все — психология, то я склонен к версии «местечкового зазнайства». И Ешу, безродный галилейский бедняк с выдающимися способностями (да и детских обид было уж точно не занимать) просто хотел сделать карьеру, стать великим проповедником — позиция посильнее царской.

А если «экстраполировать» этот феномен к «одержимому Обидой-Ревностью Яхве», то оный предстает типичнейшим самозванцем и шарлатаном, пожелавшим стать Богом Мира. Самозванцы очень обидчивы, им кажется (и не без оснований), что мир не желает принять их, не желает отвергнуть своих «идолов», не желает идти «вперед», «в ногу со временем», к «лучшему будущему». И от обиды они становятся злобно-ревнивы, мстительны и прямо-таки беспощадны (один Потоп чего стоит: не верите в меня? — в параше утоплю!). Бог Яхве — Бог-самозванец, и народ, его «принявший», или придумавший — народ-самозванец (в смысле своего призвания-избранности). А Бог иудеев не только придуманный, как и языческие боги, он еще и «надуманный», то есть я имею в виду то, что языческие боги никогда не теряли своей связи с ритуальными магическими верованиями в явле-

ния природы, с мифами, с таинственной связью человека и природы. Иудейский же Бог «надуман», он Бог «неестественный», с природой не связанный (он вне ее, трансцендентен!), это Бог немагический, «бог философов», и древние греки, начиная с Феофаста, не зря считали евреев «народом философов».

Выходит, все дело в самозванстве? Смущает только степень упорства в этом самозванстве и величие его литературного оформления. Хотя одно, быть может, вытекает из другого: отчаянная наглость притязаний рождает бесконечное упорство, вплоть до жертвенности. Помнишь, как у Багрицкого: «Я мстил за Пушкина под Перекопом,/Я Пушкина через Урал пронес,/Я с Пушкиным шатался по окопам,/Покрытый вшами, голоден и бос». Если за какого-то, простите, Пушкина человек готов в огонь и в воду, то уж за творца Вселенной… Или у Багрицкого это фантомные боли иудея, с его выучкой относиться к слову, как слову Божьему? Просто подсунули ослепшему титьку чужих слов, он и побежал за ними, как голодный щенок за знакомым запахом.

Меня удивило, что ты «не заметил» глобальности, даже несоразмерности для этого мира еврейской «избранности»: народ объявил племенного Бога Богом Мира, а себя — священным народом жрецов, задача которого привести весь мир, всех людей к этому самому Богу, — это не простая вера в свою национальную исключительность какого-то «особого» (обособленного) народа, как племя бороро. «… и благословятся в тебе все племена земные» (Бытие, гл.12, пасук[1] 3), это первое обещание, когда Аврам призван покинуть Ур; «И благословятся в семени твоем все народы земли за то, что ты послушался гласа моего» (гл.22, пасук 18, это после жертвоприношения Исаака); «благословятся в семени твоем все народы земные» — это уже обещание Исааку (гл. 26).

[1] Пасук — фрагмент текста, главка, абзац (ивр.)

У племени бороро не было таких претензий.

Эта избранность «нарушает» избранность всех племен бороро, нарушает их «границы», рушит «такие базовые системообразующие антропологические категории, как „своё“ и „чужое“», она как бы говорит: ребята, нет своих и чужих, все мы дети Божьи, но мы, евреи, особы приближенные к этому Богу и призваны вам объяснить что к чему. Именно такого рода «избранность» и «бьет в глаза», «вызывает обиду», «безмерно раздражает». А кто ты такой?! У нас свои боги, у нас своя избранность. Вот александрийские «антисемиты» возмущались: «Если евреи — граждане, то почему они не чтут тех же богов, что и александрийцы?» Кстати, и греки, и римляне, будучи язычниками, отличались естественной веротерпимостью именно в силу признания и взаимного уважения чужих богов и всяких «религиозных границ». Евреи же никакого «соседства» чужих богов не терпели, других богов для них просто не могло быть, согласись, что это раздражает. И когда все-таки племя бороро (вроде русских) принимает чужого Бога, оно, будучи не в силах освободиться от «системообразующих антропологических категорий свой-чужой», принимает его, как «своего», и соответственно, чтобы вступить в права наследства, страстно желает избавиться от «прямых наследников» (поди, объясни простому русскому, что Христос — жид порхатый, прибьет ведь). Впрочем, я повторяюсь. Это мы уже обсуждали и с этим согласились, как ты пишешь: «психология „заимствователей“, потенциальных, а затем и актуальных „антисемитов“, в общих чертах ясна; зрелище не из приятных, но укладывающееся в рамки „человеческого, слишком человеческого“»…

И еврейская религиозность не только «дала себя позаимствовать», но она вся была изначально устремлена на «передачу сообщения», причем не только на готовность быть позаимствованной, но на обязательность и неизбежность заимствования. Ведь если племена не примут Бога Мира, то его обетования ничего не значат, его как бы и нет… (Король-

то голый, засмеют ведь за такую претенциозность.) Тем самым евреи «дали себя кушать», это замечательно верно, здесь изначально — готовность к жертвенности, поэтому я и говорю, что евреи народ-жертва, народ, добровольно принесший себя в жертву, жрец-жертва.

И «синдром обиды-ревности» в такой ситуации неизбежен. Именно в силу «нарушения границ» своего и чужого. В первое время Бог-ревнивец так же ревнует своих чад к другим богам, как и потом племена бороро будут ревновать к народу-жрецу… Ревность к первенцам и любимцам…

А поскольку Бог-то — самозванец, а избранность — самозванство, то с принятием этого самозванства другими народами (в виде христианства, которое есть, со стороны Иисуса, самозванство в квадрате: а почему бы не попробовать, однажды ведь почти получилось), все оказались повязанными круговой порукой самозванства…

P.S. Слышал, что Солженицын выпустил какие-то «тома про евреев», в «доброжелательном духе»? Тоже кается? Надо бы почитать.

Звонил Гольдштейну, он говорит, что журнал застрял. Почему-то возникла необходимость сделать сразу два номера. Тогда получается, что и застряла передача моего текста Зайчику. Постепенно разболтались. Рассказал ему про свои злоключения с изданием книги на иврите, что издатели отдают книгу своим «лекторам», для «внутренней рецензии», что крайне глупо, как он справедливо заметил, если уж книгу оценили в метрополии и издали, то что может сказать местный «лектор», «а лектор кто»? В «Идиот ахронот» это Дана Зингер, а она в любом случае «зарубит», обсудили ее маниакальную завистливость, он удивился, мол, как это ей все-таки удалось завоевать такой авторитет у местной литературной братии, ведь как поэта ее просто нет в России, «только в нашем зоопарке», говорит, «да, — подтверждаю, — но она иврит хорошо знает и переводит местных, в этом все дело». Согласились, что она совершен-

но неинтересна, хотя в определенной «грамотности» ей нельзя отказать, я бы даже сказал «искусности», но голос не слышен, как рыба, раскрывает рот и не слышно что поет, то ли дело Винокур, хоть и хуйню гонит, и язык совершенно несуразный, но яркий, какой темперамент!, вспомнили, как на последнем вечере читали его рассказ и молодежь корчилась от смеха, конечно, он не стремился к такому эффекту, но все-таки эффект был, жалко, что он не умудрился вовремя этот рассказ закончить, а тянет его и тянет, повторяясь в приемах, и тут неумелость, но все равно, энергетика вывозит. Перескочили на Зиника, стал, де, невероятно скучен, занудно однообразен, и как у него хватает «пару» гнать эти свои, уже навязшие на зубах, «лондонские эссе».

— Вы знаете (злюсь), у меня такое ощущение, по некоторым, редко разбросанным штрихам, что он очень горд тем, что живет в центре Лондона, знаете, такая еврейская провинциальная гордость, что «хорошо устроился»…

— Откуда у него средства на это? — поинтересовался Гольдштейн.

— Ну, можно и в центре каморку снять занедорого…

— Да, я ведь жил много лет можно сказать в центре Тель-Авива…

— …и скрыть ее он не в силах, хотя, конечно, все понимает, и если ему об этом сказать, возражение очевидно: это у нас — «еврейская провинциальная зависть»…

Вернулись к местным издателям на иврите, к их осторожности:

— Что и понятно, — сказал Гольдштейн, — посудите сами, подходит к вам кто-то и говорит, допустим, что он известный писатель в Бухаресте, ну вы ему в лучшем случае, пожелаете в этом Бухаресте успеха.

— Да, — говорю, — трагикомедия.

— И непонятно, какой критерий успеха для них существенный.

— Ну, если получить Букера.., впрочем, вот вы получи-

ли… в другой стране букеровского лауреята перевели бы автоматически…

— Да, конечно, ничего не остается, как выбить Нобеля, — и мы дружно хмыкнули.

17.6. Утром, гуляя, позвонил ей. Тон доброжелательный, но отстраненный. Видимо, приняла «стратегическое решение». А стратегические решения не отменяют… Грустно. Такое ощущение, что не только «любовь кончилась», но и вообще кончилась плодоносная «осень жизни», зима впереди. И даже если и удастся трахнуть кого-нибудь, то вряд ли это особо обрадует. Как у Бабеля: «такая квелая стала, что и греху не обрадуюсь». Вообще, и давно уже, к сексу «страшное равнодушие». Это, конечно, старость.

И такого «секса», как с этой женщиной, у меня уже не будет. И вообще, такой гениальной женщины… Не было и не будет. Это я знаю. Может, это «знание» и есть любовь?

От Л:

Сеструха моя поедет навестить дочку с внуком, кот. засланцы в Женеве, с 10 августа. Надо будет приехать побыть с родителями.

Отлично, приезжай. Ты вовремя сообщила, как раз меня «дергают» с отпуском, а я отбрыкиваюсь. Теперь понятней, как сманеврировать…

18.6. Сижу, бренчу на гитаре и плачу. Рожу кривлю, чтоб уж совсем… — не вслух.

Не могу без нее, без ее любви не могу. Как-то уж совсем пусто. Пусто-пусто…

Хорошо бы стихотворение написать, но не смогу. Не смогу…

Жена позвонила. Чуть полегчало. Невозможно жить без

любви. Не своей любви, а любви к тебе. Когда тебя любят — это «сам ха*и*м», эликсир жизни. Неужели только сейчас я понял эту простую истину? А понял, это значит — почувствовал. Что мы живем, пока нас любят. А кто нас вообще любит? В детстве, да и всегда — родители. А мы их? Не так, как они нас. Любовь родителей балует, ибо она дана не взаимно, она дана всегда, она ничего не требует. А если и требует, то не ультимативно, таким требованием можно пренебречь, можно не возвращать долг… И если мы любви к родителям не чувствуем, то не очень огорчаемся. Потом нас любят женщины. Разные — по-разному. И редко кто так, что без ее любви становится пусто. Впрочем, всё — степени. Степени любви, степени пустоты…

Вот мне показалось, что она насела на меня со своей любовью. А теперь меня тошнит от пустоты. Так бывает, когда падаешь, проваливаешься куда-то…

Учись жить без любви, учись. А старость, зима жизни, это и есть пора без любви. Стариков никто не любит. Они напоминают о смерти. Смерть выглядывает из-за их спин, подмигивает, сука. Старики — носители смерти.

Позвонил все-таки. Услышал игривое:

— Ма кара леха?

Мол, чего это ты вдруг позвонил. Нет, все-таки она еще не «ушла». Скорее «отошла в сторону». Встретимся в два.

Поехали в ресторанчик в Мазкерет Батья.

— Мне так пусто стало без твоей любви…

— Не беспокойся, — рот до ушей, — ты мне очень нравишься.

Ресторанчик со стороны похож на сарай, рядом стог сена, вилы торчат.

— А здесь чисто?…

Мы оказались единственными посетителями. Забились в сумрачный угол. Гусиные ножки были вкусные, но жирные. Она взяла антрекот, хвалила. Выпили по бокалу красного. Почти не разговаривали, только смотрели

друг на друга, держали руки в руках, под столом обнимались ногами. Звучала музыка из «Буэна виста клаб», она мечтательно улыбалась. В «деревне», на стоянке, целовались в дым. Ночью тошнило от этих гусиных ножек.

19.6. От Л:

Приснилось будто мы гуляем по Питеру. Поставили машину на стоянку и — красота. Белая ночь и северное сияние серебром обрызгало купол Исакия… Потом возвращаемся, а машины нет… но я точно знаю где мы ее запарковали, на стоянке у гостиницы Европейская (где Есенин застрелился). Ты нервничаешь, у нас нет никаких документов и всякое такое. Потом идешь в гостиницу, кого-то находишь и уговариваешь его, а я стою в сторонке и снимаю туфли на высоченном каблуке, синие с серебряной пряжкой, и платье на мне синее до пола, грудь стягивает, и обсыпано серебряным бисером, как купол Исакия. Смотрю я на вас, а он слюной брызгает и на меня кивает. Потом ты подходишь и берешь меня за руку, и ведешь куда-то, где мы обнимаемся и целуемся, и вдруг я чувствую: тот с кем ты договаривался стоит сбоку и быстро-быстро толкается своим членом о мое бедро и… он ужасно похож на Матвея…!?

Есенин вроде повесился, или есть новые гипотезы?
Сон, конечно, с закавыкой… Серебряный век, да и только…
А почему «похож на Матвея», ты разве видела Матвея?

20.6

— А ты в пионерлагерь ездила?

— Конечно.

— И на линейку строилась?..

— Строилась.

— И честь отдавала?..

— Честь я всегда отдавала, если просили.

Провалился в короткий сон. Когда очнулся, понял, что она спит. Она обнимала меня, и ее ровный, сильный выдох

толкался в мое лицо.

21.6. От Л:

я читала, что Есенина сначала застрелили, а потом повесили, якобы есть какой-то след на голове… а Матвея у меня даже фотография есть, ты мне прислал, когда в Москве был. А гостиница раньше называлась «Астория», не знаю, как сейчас.

Про Есенина не знаю, а про Матвея вспомнил. Вот как опасно посылать фотографии друзей…

Был у врачихи, сказала, что между 95 и 2001-ым у меня был инфаркт. Так однозначно мне никто этого не говорил. И «зондироваться» надо. Будем «зондироваться».

Наум, привет!

Мне показалось многообещающим предложенное тобой, в качестве дополнительного подручного средства, понятие «самозванства». Действительно, когда человек слишком нервно реагирует на сомнения по поводу его статуса, это вызывает подозрение в самозванстве. Да и обида-ревность, как доминирующее чувство, естественно именно для самозванца. Однако, подумав, я пришел к выводу, что это «не совсем то». Вот что хотелось бы отметить в первую очередь: феномен самозванства предполагает наличие определенного общепризнанного легального (с известной процедурой обретения и передачи) и «понятного» статуса, на который некто притязает незаконно, причем этот некто осознает незаконность своих притязаний. С Иисусом дело обстоит несколько иначе. Во-первых, не очень ясно, на какой титул он притязает; во-вторых, не совсем понятно, каково его «самосознание». Ясно только, что вопрос о статусе очень беспокоит Иисуса; особенно его волнует (что странно для «бога»), кем его считают другие, каким он видится со стороны, в чужих глазах. Волнует настолько, что он по собственной инициативе «пристает» к ученикам с соответствую-

щими вопросами. «Придя же в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты — Мессия, Сын Бога Живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: ты счастливый человек, Симон, сын Ионы…» (Мф 16:13—17). Характерно, что сам Иисус всегда уклоняется от прямого ответа на вопрос о собственном статусе; он не опровергает никаких версий и предпочитает, чтобы формулировки давали другие, а он бы двусмысленно отвечал: «Ты сказал». Он не опровергает даже смертельного для себя обвинения в том, что он — царь иудейский. «Ты еврейский царь? — спросил его наместник. — Так говоришь ты, — ответил Иисус». (Мф 27:11). С другой стороны, на «правильное» предположение он реагирует точно так же. «И сказали все: итак, Ты Сын Божий? Он отвечал им: вы говорите, что Я». (Лк 22:70). Он вконец запутал не кого-нибудь, а самого Иоанна Крестителя. «Когда Иоанн в тюрьме узнал о делах, которые совершал Мессия, он послал своих учеников спросить у Него: «Ты — тот, кто должен прийти, или ждать нам другого?» Иисус ответил им: Ступайте и сообщите Иоанну то, что вы видите и слышите: слепые снова видят, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые встают из гроба, бедные внимают Радостной вести. И счастлив тот, кто во Мне не усомнится». Ответ Иисуса может показаться образцом лукавого празднословия, особенно неуместного в условиях, когда уважаемый человек сидит ***из-за тебя*** *в тюрьме. Ученикам же Иисус сказал об Иоанне: «Кого же вы думали увидеть? Пророка? Да, вы видели пророка, и, говорю вам, он больше, чем пророк…» (Мф 11:2—6) «А здесь нечто большее, чем Иона! … А здесь нечто большее, чем Соломон!» (Мф 12:41—42). Я думаю, разгадка как раз в этом обороте: «больше, чем». Иисус имеет в своих глазах текучий, постоянно возрастающий статус. Если Иоанн «больше, чем про-*

рок», то сам Иисус, которому он приуготовляет пути, больше, чем мессия. Иисус имеет «любой» статус (он и царь, как Соломон, и пророк, как Иона, и сын плотника, «простой человек», одно из значений именования «Сын человеческий»), но «возведенный в высшую степень». Особенно охотно он называет себя Сыном человеческим, причем всегда в третьем лице, как постороннего. При этом в большинстве контекстов совершенно ясно, что он имеет в виду себя самого, а в других местах так же ясно, что он и Сын человеческий — это два разных лица. «Сын человеческий» — самое удобное для Иисуса самоименование, потому что оно предельно «растяжимо»: от «представителя рода человеческого» до мессии в его высшей славе. Называя себя «Сыном человеческим», Иисус безусловно «оглядывается» на Даниила, у которого сказано: «с облаками небесными шел как бы Сын человеческий… И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится. (Дан 7:13—14). Думаю, Иеремиас, автор лучшей книги о Новом Завете (из тех, что попадали мне на глаза; там целый раздел называется «Самосознание Иисуса»), правильно решил вопрос о статусе. Сначала он доказал, что «возможность того, что Иисус видел в Сыне человеческом отличного от него самого будущего Спасителя, полностью исключена: так как Иисус претендует на исполнение пророчества, то тем самым он исключает возможность прихода кого-то еще, кроме него». Затем Иеремиас задается вопросом: «Как же тогда объяснить, что Иисус проводит различие между собой и Сыном Человеческим? Ответ может быть только один: говоря о себе в третьем лице, Иисус имеет в виду различие не между двумя разными личностями, а между своим теперешним статусом и status exaltationis. Третье лицо выражает «таинственную связь», существующую между Иисусом и Сыном Человеческим: пока он еще не Сын Человеческий, но он будет возвышен и станет Сыном Человеческим» (Иеремиас Иоахим. Богословие Нового Заве-

та. Часть первая. Провозвестие Иисуса. М.: Вост. лит., 1999. С. 300).

Самое интересное для «нашей темы» то, что статус Иисуса возрастает «квантами», каждый раз после очередного «холодного душа». Когда его не признали в родных местах, он изрек: «Всюду пророк в почете, только не у себя на родине и не дома» (Мф 13:58), из чего вроде бы следует, что пока он «примеряет» на себя роль пророка. Встретив примерно тот же прием в столице, он возглашает: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст». (Мф. 23, 37.) Розанов, постоянно цитирующий это место, считает его самым трогательным и «горячим» во всем Евангелии, которое он считал, в отличие от Ветхого Завета, рассудочным и холодным. Но из-за своего верхоглядства (впрочем, глубокого: умел сочетать человек) проглядел парафраз как раз из Ветхого Завета: «как орел вызывает гнездо свое, носится над птенцами своими, распростирает крылья свои, берет их и носит на перьях своих, так Господь один водил его, и не было с ним чужого бога». (Вт. 32, 11—12). Здесь Иисус «примеряет» на себя уже роль самого Бога; до этого, конечно, дело не доходит, но… «он действует так, как если бы он был заместителем Бога» (Иеремиас, 277). Словом, повышение статуса («более, чем») — это компенсация за унижение: чем сильнее обида-ревность, тем выше статус. Второй, взаимосвязанный с первым, результат замешанной на унижении обиды-ревности состоит в том, что на место «своих» ставятся «чужие». «Но вы не захотели» — захотят другие; такая вот избранность наизнанку. И вместе с тем повышается статус: даже мессия был (у Пророков) «всего лишь» националистом, Иисус же стал (в конце, испив чашу унижения до дна) «универсалистом», то есть «более, чем мессией».

«Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида! Если бы в Тире и Сидоне свершились те чудеса, какие свершились у вас, они

давно бы, в рубище и пепле, отвратились от грехов. И потому, говорю вам, Тиру и Сидону будет легче в День Суда, чем вам!» (Мф 11:21—22, и далее — то же самое про Капернаум). «Чужие» города (а город — это еще и собирательное имя народа) ставятся в пример «своим». Злейшие кары ждут даже за непочтение к ученикам (ибо они замещают статус пославшего). «А кто вас не примет и ваших слов слушать не станет, то, уходя из этого дома или из этого города, даже пыль с ваших ног отряхните. Говорю вам, легче будет Содому и Гоморре в День Суда, чем тому городу». (Мф 10:14—15).

Иисус совершает сальто-мортале. Всю дорогу он ограничивал свою деятельность Израилем. Если и помогал язычникам (всего два раза), то неохотно, после сопротивления. «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева… нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она (ханаанеянка) сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их» (Мф 15:24—27) Ученикам предписывает не переступать границ Израиля. Но, встретив праведного центуриона (язычника), ставит его в пример: «Я говорю вам: ни у кого в Израиле Я не встречал такой веры. Говорю вам истинную правду: многие придут с востока и с запада и возлягут за пиршественный стол вместе с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небес. А те, кому было предназначено Царство, будут изгнаны вон, во тьму, где будет плач и зубовный скрежет». (Мф 8:10—12). За этой картиной проступает характерная для Пророков «архетипическая» картина эсхатологического паломничества народов. Но для Пророков это час мести, возмездия язычникам-притеснителям, а «праведным» из них дано лишь прислуживать Израилю, как рабам. «И возьмут их (Иакова и Израиля) народы, и приведут на место их, и дом Израиля усвоит их себе на земле Господней рабами и рабынями, и возьмет в плен пленивших его, и будет господствовать над угнетателями своими». (Ис 14: 2). «Я подниму руку Мою к народам, и выставлю знамя Мое племенам, и принесут сыновей твоих на руках и дочерей твоих на плечах. И будут цари пита-

телями твоими, и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих». (Ис. 49:22—23). Далее поцитирую еще Иеремиаса: «Таким образом, мы сталкиваемся здесь с представлением о центростремительном характере спасения. Дело обстоит не так, что миссионеры отправляются, чтобы сообщить народам Евангелие. Напротив, сияние Бога светит народам и зовет их к эсхатологическому спасению. Час язычников пробьет лишь в конце времен. Это имеет глубокий смысл и, с точки зрения Иисуса, вытекает из истории спасения. Прежде должно исполниться обетование Бога и Израилю должно быть предложено спасение, прежде Служитель Божий должен пролить свою кровь за многих, и лишь после этого придет время язычников. Оно — по ту сторону страстей, и помощь, которая в единичных случаях достается язычникам, принадлежит к разряду даров, упреждающих полное исполнение того, что им обещано. /…/ В провозвестии Иисуса на место национального партикуляризма приходит универсализм милосердия. В присоединении язычников к эсхатологическому народу Божьему во всем своем величии проявляется свободная милость Бога». (Иеремиас, 270—271). Я нарочно процитировал до конца, когда из текста заторчали христианские уши этого, впрочем, почтенного автора. Полностью соглашаясь с конкретными соображениями Иеремиаса, никак не могу разделить его пафос. Христианский автор «не замечает» (а если заметит, так во что же ему «верить»?), что «милосердие» по отношению к язычникам еще более оскорбительно, чем сравнение их с псами, кормящимися объедками с барского стола. Незаслуженное милосердие по отношению к язычникам есть вывернутая наизнанку обида-ревность по отношению к своим. Им дают не ради них самих, а чтобы что-то «доказать» своим, обидевшим. Ведь то, что спасение дается им «даром», а евреям надо платить за нее кровавую цену, есть оборотная сторона того, что Иисус, по сути, так до конца и не научился смотреть на них как на людей. В этом смысле мстительный «националисти-

ческий» пафос Пророков куда более человечен и предполагает у «язычников» больше человеческого достоинства (хотя и Пророки вложили свою лепту в будущее «милосердие» Иисуса, но об этом надо говорить специально). Именно Иисус, и только он (хотя и в развитие некоторых аспектов религиозного сознания, изначально присущего евреям), привел к тому, что еврейская религия «дала себя кушать». До Иисуса «язычники» могли «принять» иудаизм, но они не могли сделать его «своей» религией, это было просто исключено. Но, как говорится, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Бесплатное спасение, замешанное на обиде-ревности по отношению к «своим», привело к тому, что наиболее чуткие из «чужих», т.е. христиан (как, например, Розанов и Флоренский), так и чувствуют себя в нем, как в мышеловке, вот им и остается только уничтожать «единственного свидетеля», первородного сына — то есть еврея. Но и это бесполезно. Поскольку национальную закваску из Библии не вытравишь, им придется, истребив евреев, «назначать» их из своей среды и травить до потери пульса; участь незавидная. А ты говоришь: «избранность» (в смысле якобы имевшейся у евреев претензии управлять всеми народами). Да не было этого никогда и в помине! Была рискованная ситуация, испуг, обида и громкие компенсирующие словеса: наш Бог всех старше. Он настолько «старше», насколько мы, евреи «младше», слабее («братья меньшие»). Были судорожные усилия, направленные на то, чтобы уцелеть. Какая, на хрен, избранность? Бей своих, чтобы чужие боялись, вот и вся избранность, когда она стала уже «затравленной», «извращенной», то бишь христианской. А до христиан это была такая же избранность, как у любого другого народа с «нормальной» автохтонной религией. Я, кстати, нашел себе в этом вопросе — уже после первого письма — неожиданного союзника в лице такого авторитета, как Бикерман. «Иудеи не были единственным народом, считавшим себя избранным. В самом деле, вряд ли когда-либо существовало племя, которое не было бы избрано небесами. Израиль был божьим

народом в той же мере, в какой Ашшур был городом бога Ашшура. Афинский законодатель Солон, современник Иеремии, говорил о своем городе словами, напоминающими нам увещевания еврейских пророков». (Цит. по: Амусин И. Д. Кумранская община. М., 1983. С. 252). Не в «избранности» дело, а в том, что дали возможность чужому рылу посчитать чужую священную книгу своей. «Избранность» (в том смысле, в каком ею попрекают евреев) — это зрительный эффект, который возникает, когда «чужой» получает возможность смотреть изнутри «своего», то есть сдвигаются «нормальные» антропологические системообразующие «оси координат».

У меня заготовлено, но еще в сыроватом виде, подобное рассуждение (в аспекте «самозванства»), касающееся уже не Сына (Иисуса), а Отца (Яхве), но я отложу его до следующего раза. В стиле данного рассуждения наверняка увидишь следы дикой спешки, за что прошу прощения, лишь бы смысл донести.

Всегда твой

Матвей

P.S. Про Солженицына, «кающегося перед евреями», ничего не знаю. Если есть точные «вых. данные» этих публикаций, сообщи. Может быть, он, как Розанов, «перейдет в евреи»? Одна осталась надежда — на лень Александра Исааковича (знаешь ли ты, что это его настоящее отчество, а «Исаича» он себе придумал?) и отсутствие у него эрекции. «По всему вероятию я перейду в еврейство (помешает только лень) (но, став евреем, — я уже обязан не лениться: нация вечной эрекции»). В. В. Розанов. Апокалипсис нашего времени. М., 2000. С. 140.

23.6. Матвею:

Прежде всего хочу внести небольшое уточнение, связанное с переводом известного на иврите выражения: «ата амарта», что в канонических Евангелиях переводят: «Так говоришь ты», или кратко: «ты сказал» (это буквальный

перевод). Но в иврите это имеет оттенок: «как скажешь», «будь по-твоему». Это существенно для твоей трактовки.

А в Хоразине до сих пор стоит синагога византийских времен (век пятый…), очень причудливо украшена, приедешь, покажу.

Что касается термина «самозванство», то ты, конечно, правильно очертил «поле значений», но я имел в виду самозванство не как «узурпацию», а как самопровозглашение (хотя тут есть и «похищение прав» языческих богов, присваивание их властных функций). В любом случае, «законность» таких притязаний сомнительна. И Иисус (его историчность для меня несомненна) просто «пошел по стопам». И на какой бы «статус» он ни притязал, он все равно «самозванец». И, если принять схему Иеремиаса, то вначале «нерешительный», осторожный (могли ведь и камнями побить), а потом уже «в конец обнаглевший». Ведь прекрасно знал, что такое самопровозглашение — богохульство. Самозванец яростный, измученный мстительными обидами непризнанных притязаний. И, конечно (тут я согласен), с неизбежным уклоном к «чужим» на почве обиды. И этот уклон возможен именно в силу глобальности иудейского избранничества (тут иудаизм дал себя кушать): если Бог — Творец Мира, то и Сын Человеческий — за весь мир ответчик. Кстати, в кумранских рукописях это очень распространенный термин, означающий некоего помощника Бога, и именно вознесенного с земли, тот же Енох. Я даже думаю, что Иисус опирался на традицию, связанную с Енохом, где Сын Человеческий, по сути, означает: сын Бога, но из людей, в конце концов, все люди — дети его (нечто обратное христианству: не Бог, воплотившийся в человеке, а человек, получивший божественный статус). И в отличие от бесчисленного сонма «самозванцев», не претендующих на нечто большее, чем роль деревенского чародея (вроде Симона-мага), он пошел до конца (постепенно, но до конца), принес себя в жертву, стал героем. А герои не умирают. (Поэтому героизм — последнее прибежище самозванцев.) Герои становятся легендами, мифами,

культами, религиями. Человек не верит в смерть героя. Совершивший геройство становится чем-то большим, чем человек, люди наделяют его, «нагружают» всеми своими мечтами. А мечты, вернее, архетипы, не умирают. В общем, все дело в жертве.

Провозглашение человека Богом, причем в рамках существующей религии с признанным, не отменяемым Богом, не только логический абсурд для строгого монотеизма, но и «запредельная наглость», возможная только в том случае, когда все «мосты» в действительность сожжены, «отступать некуда» (позади Хохот — помнишь, как смеялся татарин в «Рублеве» по поводу веры в непорочное зачатие?) — а «впереди» толпы заблудших и страждущих. Толпы, достойные (как по мне) не утешения, а презрения…

Кстати, как мне сказал один «богобоязненный», когда я поделился с ним замыслом написать об Иисусе: «Хочешь посмотреть, как это начинается? Пойди к хасидам. Посмотри, что там происходит вокруг Любавического ребе». Я уже слышал-видел по телевизору выступления любавических хасидов, которые говорят о том, что Рабби (умерший пару лет назад) не умер, а взят живым на небо, что он бессмертен, что он мессия, что он «воплощение», перечисляются, пока еще с некоторой неуверенностью (как у учеников Иисуса, да и у него самого), всякие неясные «титулы», пока еще не решаясь на главный, за этим — раскол. Дело в том, что мистическая практика иудаизма (та же Каббала) дает определенную свободу «приближения» к Богу, право на определенную степень «божественности», и я, кстати, уверен, что Иисус при жизни (по жизни) не случайно не осмелился на самопровозглашение себя Богом, еврейское воспитание не позволило. Пророком — да, мессией — может быть, «как скажешь». И все, что ступенью выше — «как скажешь». Но он позволял предположить. Позволял верить (себя кушать). А это мера самозванства для иудея уже запредельная.

Так что я не вижу ничего особо «интересного» в том, что «статус Иисуса возрастает квантами». Великими само-

званцами не рождаются внезапно, они тоже должны «делать карьеру», доказывать себя, «повышать планку» веры и собственной и своего окружения. Психологический механизм этого чересчур ясен, чтобы быть интересным.

И я по-прежнему не согласен с с принижением еврейской «избранности», сведением ее претензии «управлять народами» к обычной вере в национальную исключительность. «Да не было этого никогда и в помине!» — азартно восклицаешь. «Какая, на хрен, избранность?…такая же избранность, как у любого другого народа с „нормальной“ автохтонной религией.» Если была бы «такая же», мы и были бы «любым другим народом с „нормальной“ религией». Но мы не такие. И всякие «бикерманы», как и другие «неожиданные союзники» тебе не помогут. Конечно, в избранности евреев были и «конвенциональные» элементы, присущие стремлению к «самоопределению» всех племен бороро. (Каждому племени — свой тотем!) Это правильно. Их и имеет в виду Бикерман. Но есть разница между верой в «избранность» (безграничную, как безграничен ее дарующий Бог) и верой в национальную исключительность. У каждого — свой тотем, и все тотемы племенные. А еврейский — всемирный, да еще трансцендентный, его не потрогаешь и в уголок квартирки не поставишь (как у Мандельштама: «Иных богов не надо славить:/ Они как равные с тобой, /И, осторожною рукой, /Позволено их переставить»). А если явится — само пламя. В этой избранности вся наша история. История самозванной избранности, история безграничного, фанатичного самозванства. Самоуверенности, ставшей верой. Вплоть до готовности пойти за эту веру на смерть, готовности на подвиг и жертву. Как и у Ешу. Эта героическая готовность и есть оправдание претензии, «доказательство» ее оправданности. Без «претензии» не может быть ни величия, ни неразрывно связанных с ней жертвенных мук. Если угодно, это «высокое самозванство». Это, по существу, самозванство Человека, как носителя «божественной сущности» (сродни ницшеанскому), а не просто «родового существа»,

провозглашающего свою родовую самобытность. Если угодно, тут даже бунт против рода. Не просто претензия, а вызов. Вызов жизни, если хочешь. Еврейская избранность (а другой нет, это понятие возникло именно в таком контексте), еврейская претензия, есть именно отказ от «конвенциональной» избранности, от родовых «тотемов», «исключительности», «самобытности» и т. п. Еврей видит себя прежде всего сыном Божьим, а уж потом, евреем по национальности (Бог Человека сотворил, а не еврея). Универсализм тут проявляется изначально (у бороро он как раз и не наблюдается). «Каждый обязан думать: ради меня сотворен мир» (Сангедрин). Я тут полистал (в поисках цитат) всякие высказывания из Талмуда, изложу в общих чертах (вещи давно известные): обращение поучений всегда к «человеку» («человек должен», «путь к совершенству человека», «человек — венец творения»), но никак не к еврею. Соблюдение Закона — вот предназначение человека. Приняв «Закон», ты можешь стать евреем. То есть особым человеком, осознавшим высшую цель. Я бы даже сказал: чтобы стать человеком, ты должен стать евреем (поверить в еврейского Бога). В этом суть избранности и претензии. Она в том, что мы зажгли свечу и дали свет («Заповедь — свеча, а учение — свет»). Не евреям, а всему миру! Евреи — не род (нельзя стать родней, не породнившись), а община философов, последователей учения, и каждый, приобщившись к учению и приняв его, становится членом общины. Это тот духовный универсализм, не знакомый не только другим древним цивилизациям, но и многим современным. И именно его подхватило и «усилило» христианство (местами гипертрофировало). Еврей (или китаец) не может стать «русским» (эллином), русское общество его отторгает (не помогает ни гражданство, ни культурная общность, ни общая вера: отца Меня убили за то что, жидовская морда, полез в «наше» православие!), но русский, и китаец, и немец, могут стать евреями (приняв Закон), и еврейское (религиозное!) общество ни в коем случае их не отторгнет по этническому

признаку! Я наблюдаю это здесь воочию. И я говорю не о «терпимости» к инородцам, а о полном приятии в общину «принявших иудаизм», тут тебя никто про пятый пункт в паспорте не спросит! Тут в паспорте пишут не национальность, а вероисповедание! И «своих», не религиозных евреев, ненавидят больше, чем «гоев». Ортодоксальная еврейская община в сильнейшей степени отчуждена от национальной жизни евреев Израиля, вплоть до враждебности. Конечно, этническая солидарность «пробивается», особенно, когда начинают «взрывать всех подряд», но она всегда питается надеждой на «возвращение заблудших овец». Отними эту надежду, и ничто уже не будет связывать евреев религиозных с не религиозными, которые евреями и не считаются: с ними нельзя заключать браки, быть похороненным на одном кладбище, даже садиться за один стол. То есть, евреи — «открытая система», открытость которой ограничена определенной герметичностью («ограда Торы»), высоким, в социальном и духовном смысле, вступительным цензом. Открытая, но огороженная (открыта только узкая калитка для входа). Ограждение — необходимый инструмент для сохранения «ядра». И крепость родовой структуры — инструмент выживания. И именно эта этническая «полуоткрытость» и соблазнила Павла и его последователей-христиан, решивших разрушить все «ограды» и сделать систему совершенно открытой. И тогда ядру ничего не осталось, как свернуться ежом и «укатить» в сторону.

Итак: исключительность (родовая) — предполагает закрытость. А избранность включает интенцию (или потенцию) к возникновению открытой системы, возникновению «человечества». Нынешняя западная цивилизация — результат этой тенденции, наследница иудаизма.

Всегда твой
Наум

24.6. От Л:
а когда будем зондировать? Билет заказала с остановкой

в Женеве на сутки, в Израиле с 13 по 28. давай записки, давно не посылал.

У Маймонида я нашла подтверждение моей мысли (помнишь я тебе писала) о том, что «обетованная» это не только обещанная, но и в смысле «обитания», присутствия Шехины[1]*…*

Прилетаю 14 августа вечером

Р. позвонила. Мне нравится ее «любящий» тон. Вот ведь как закрутилось…

Матвей — Науму

Мне было бы очень легко (так и подмывает) поддаться первому импульсу и сразу «вступить в полемику», тем более что я абсолютно не согласен практически ни с одним из твоих высказываний, представляющих, на мой взгляд, некий джентльменский набор общих мест («исключительность» и «универсализм» евреев, их «трансцендентный» бог и т.п.) Эти-то общие места и являются завалами на пути к истине; типичные «доксы» — «мнения», с преодоления которых начинается, согласно Платону, ассенизаторская работа мысли. Меня смущает не то, что мы «думаем поразному» (хотя я, признаться, не предполагал, что настолько), а то, что ты реагируешь не по существу, то есть, никак не реагируешь. Приведу пример. Ты не видишь ничего особенно интересного в идее о «квантовом» характере повышения статуса Иисуса в его самосознании; ничего удивительного: я тоже не вижу ничего интересного в совершенно понятном механизме возрастания притязаний человека, возомнившего себя «мессией» («машиахом»). Но ведь моя идея состоит в совершенно другом. По-видимому, мне не удалось ее донести, поэтому вынужден повториться. «Квантовое возрастание» статусных притязаний Иисуса понадобилось мне

[1] Божественное присутствие (ивр.)

только для того, чтобы подойти к той «последней черте», которую я считаю «роковым рубежом» в возникновении антисемитизма как особого явления, отличающегося от «вечной» ксенофобии. «Будь, жид, горяч!», — подначивал евреев Вас. Вас. Розанов. Иисус проявил на почве обиды-ревности такую горячность, что перешел через роковую черту, смешав основополагающие, системообразующие категории «своего» и «чужого». «Многие придут с востока и запада и возлягут за пиршественный стол вместе с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небес. А те, кому было предназначено Царство, будут изгнаны вон, во тьму, где будет плач и зубовный скрежет». Очень важно, что непосредственным импульсом к этой «замене» «своих» на «чужих» (и не где-нибудь, а в святая святых, в позаимствованном из пророческой вести эсхатологическом хронотопе спасения, в граде Божием на горе мира во время общего застолья с патриархами, которое является еврейским образом блаженства) послужила сцена с центурионом, «чужим», который поверил, в то время как «свои» не поверили («еще ни у кого в Израиле я не встречал такой веры»). И это не единичное место такого рода в Новом Завете. Вот как обращается Иисус к «своим» в Евангелии от Луки: «И заплачете вы и заскрипите зубами, когда увидите Авраама, Исаака, Иакова и всех пророков в Царстве Бога, а вы — снаружи, отвержены! Придут с востока и с запада, с севера и с юга и возлягут за пиршественный стол в Царстве Бога. Тогда те, кто сейчас последние, станут первыми, а первые станут последними». (Лк 13:28—30). Импульс этого «перевертыша» вовсе не социальный, а «притяжательный» (все те же «свои» и «чужие», которые меняются местами на почве обиды-ревности). Иеремиас очень хорошо сказал о «центростремительном характере спасения». Как ни меняй местами «субъектов спасения», сама структура архетипа спасения остается неизменной, она основана на еврейской избранности («нормальной», здоровой, автохтонной, такой же, как «у бороро»), и ее из Библии не вытравить, как ни извращают ее христиане;

поэтому «чужой» (нееврей) всегда и будет в ней себя чувствовать чужим (гоем), даже если он этого не осознает, а значит — он всегда будет потенциальным (по меньшей мере) антисемитом. Поэтому мне смешны разговоры о еврейской якобы «универсальности». Если евреи в чем и универсальны, так это в своей исключительности. В этом смысле они просто нормальны. Ты же, если я правильно понял, хочешь сказать обратное: евреи исключительны в своей универсальности. Вот я и хочу показать, что эта якобы «универсальность» замешана на чрезмерной «горячности» («будь, жид, горяч») такого низменного и как раз ***антиуниверсалистского*** *чувства, как Обида-ревность. Настоящий универсализм возникает совсем на другой почве — на почве культурных архетипов, которые, не отказываясь от своей национальной идентичности, вступают между собой в диалог, позволяющий выявить исходную общность сотериологических механизмов снятия индивидуации. Это обогащающий, «взрослый» универсализм, а квази-универсализм Иисуса — истеричный, злой, замешанный на детской обиде и структурированный по принципу дешевого перевертыша. Это обедняющий квази-универсализм. Это «универсализм» прямого спасения, проявляющий ярую враждебность по отношению к своему конкуренту — универсализму «косвенного спасения», универсализму культурных архетипов; поэтому он так ненавидит культуру. А ты говоришь «кванты». Да плевать я на них хотел; они мне интересны только как причина «перехлеста», заставившего Иисуса «переступить черту» и «напасть» на свой народ. Когда Вас. Вас. Розанов перед самой смертью, на почве голода и страха перед большевиками, которых он фактически отождествлял с «жидами», попытался прочесть Евангелие «глазами еврея», он, с присущей ему спорадической проницательностью, понял, что Иисус и был «первым антисемитом», совершившим «нападение» на евреев, причем из-за спины. «Удержаться от мысли, что Евангелие есть просто нападение на все это — невозможно. Нападение совершенно беспричинное. Он*

ожидал и требовал счесть себя Богом: но это до того противоречило учению всего еврейского народа, Моисею, пророкам, — всему, всему, — что они никоим образом не могли сказать этому „да“. Но тогда какой же, какой же мотив евангельской истории, евангельской концепции? Его совершенно не было вне мотива беспричинно и безвинно покарать и раздавить невинный город, исключительный город. Кроме мотива собственного скопчества и оскопления (сравнительно с плодородием Израиля) — целого народа — не было. В линию пророков и учителей — он мог вступить. Но он хотел выйти из этой линии — и объявил новое учение о себе самом как Боге. В город совершенно невинный, простой, ясный, населенный прекрасными людьми, входит учитель „благой“, который говорит о разрушении города, о разрушении храма, ***всегда предпочитает неевреев — евреям****…».*

Понятие «скопчества» — очень точное, если толковать его расширительно; скопчество — это ущербность, отсечение, отпадение от полноты. На этом и замешан якобы «универсализм», а на самом деле обедняющий, «ушибленный» детской обидой взгляд Иисуса, этого «нежного истерика» (Вл. Набоков). Так что ты как-нибудь отзовись по существу этой идеи. О «квантах» не надо, беру это неудачное выражение обратно, а о сути дела. Скорее всего, эта суть представляется тебе иначе, вот и расскажи, как именно, только по существу, а не по каким-то периферийным мелочам вроде «квантов» и «самозванства». Кстати о самозванстве. Если тебе так дорог этот термин, я и его не буду оспаривать, но смею заметить в скобках, что ты сам фактически признал, что он неприменим к религиозным материям (кто верит, тот верит, и ничего тут не попишешь), что и требовалось доказать.

Вот не стерпел и «ввязался-таки в полемику». Все-таки, пока мы не увязли по обыкновению в «уточнениях» и недоразумениях, я доведу, хотя бы пунктирно, свою мысль до конца, а то чувствую, что еще после пары реплик будет уже поздно. «До конца» — значит, до Бога, до «изначальной червоточи-

ны» в еврейском религиозном сознании, которая только достигла кульминации в Иисусе, но выросла из «зерна с гнильцой».

Здесь придется иметь дело с еще одним «идолом площади» (как сказал бы Бэкон Веруламский): с «общим местом» о якобы «монотеизме» как исключительной черте еврейского религиозного сознания. Возьму быка за рога и приведу текст, который представляется мне ключевым в данном вопросе. «Вспомни древнейшие дни, подумай о годах из поколенья в поколенье, спроси своего отца, — и он возвестит тебе, своих стариков, — и они скажут тебе. Когда Вышний наделял наследием народы, когда Он разделял сынов человеческих, Он поставил пределы народов по числу сынов Эла. И стал долей Яхве Его народ, Иаков — отмеренным Его наследием». (Вт. 32, 8—9). Шифман отмечает: «Самаритянский извод и Септуагинта сохранили лучший вариант: «И стал долей Яхве Его народ, Иаков, отмеренным его наследием — Израиль». Отголоски этого политеистического мифа слышны у многих пророков, называющих Израиль в сходных контекстах именно «наследием» Яхве. Например: «Израиль — жезл Его наследия» (Иер. 10:1). Читаем комментарий Шифмана к этому месту: «Очевидно, что «поставление пределов народов по числу сынов Эла, т.е. богов, означало распределение народов в качестве «наследия» между различными богами. Кажется правдоподобным, что вариант Септуагинты и т. д. сохранил раннюю редакцию песни. Соответственно эпитет «Вышний» в стихе 8 мог первоначально служить обозначением верховного божества языческого пантеона. Масоретский же вариант: «Сынов Израиля» не дает удовлетворительного смысла». (Шифман, «Ветхий Завет и его мир», 331). «Бог Вышний — Эл, верховный бог сиро-палестинского пантеона. Почитание Бога Вышнего засвидетельствовано угаритскими документами, а также финикийской мифологией». (Шифман, 279). «Разгадка» якобы монотеизма еврейской веры состоит в том, что Яхве, будучи и осознавая себя «одним из», постоянно балансирует со своим (доставшимся

ему) народом на грани выживания. А поскольку между благосостоянием народа и могуществом его бога существует прямо пропорциональная зависимость, Яхве вынужден «повышать свой статус» обратно пропорционально благосостоянию своего народа. Попросту говоря, чем в большей жопе Израиль, тем сильнее вынужден «надувать щеки» Яхве, ставящий себя на место Эла (если хочешь, назови это «самозванством»). Облик Яхве складывается в условиях жесточайшей двухуровневой зависимости: по горизонтали — от «соседей», богов других народов, и по вертикали — от Эла; с одними он «конкурирует», другого «замещает». В процессе такого двунаправленного действия Яхве «борется за монотеизм», борется яростно, свирепо, потому что это борьба за выживание. Говорить в таких условиях о каком-то «абсолютном монотеизме» просто странно. Монотеизм — термин из словаря зрелой христианской догматики, согласно которой Бог настолько противоположен миру («трансцендентен»), что вообще не имеет атрибутов, выразимых на мирском языке. Венец его «трансцендентности» — это общепринятое в христианской догматике положение о том, что Бог создал мир, потому что «поволил» его создать, а мог бы и «не поволить». Так, Лосев, подлинно в этом смысле христианский философ, строит свои «тетрактиды» таким образом, чтобы на долю «софийности» (т.е. сотворенности) не осталось вообще никаких смысловых признаков: Бога, то есть истину, надо описывать поверх оппозиции сотворения/несотворения мира. Если бы Бог решил не творить мир, это ничего бы у него не убавило и ничего бы к нему не прибавило. Вот это, я понимаю, трансцендентность! Вообще такие категории, как «трансцендентность» и «монотеизм» возникли в христианской догматике из скрещения еврейской «борьбы за монотеизм» с эллинским (собственно неоплатоническим) понятием Единого. Это, конечно, тема, требующая особого разговора, пока же достаточно того, что элементарное чувство вкуса и здравый смысл протестуют против применения этих терминов к еврейскому религиозному

сознанию, как оно запечатлено в Библии.

Еврейский Бог никак не может считаться «трансцендентным» уже потому, что он целиком и полностью зависим от Израиля (от доставшегося ему при дележке «наследия»). Великолепно сказано у Гершензона: «Бог боится человека, как возможного соперника. Невольно рождается фантастическая мысль: Бог нуждается в человеке и до изнурения хлопочет о нем, но как же он и ненавидит человека за эту свою нужду в нем». Дело в том, что доставшееся Яхве «наследие» — это его единственный raison d'etre, единственное основание и оправдание его существования. Борясь за полную власть над Израилем, Яхве просто борется за выживание. Самое странное, что он этого не скрывает, но все «молчаливо договорились» этого не замечать. «Ради имени Моего отлагал гнев Мой, и ради славы Моей удерживал Себя от истребления тебя. Ради Себя, ради Себя самого делаю это, — ибо какое бы было нарекание на имя Мое! Славы моей не дам иному. (Ис 48: 9—11). «Ты раб мой, Израиль, в тебе Я прославлюсь». (Ис 49:3) «Не ради вас Я сделаю это, говорит Господь Бог, да будет вам известно в глазах всякого мимоходящего… И узнают народы, которые останутся вокруг вас, что Я, Господь, сказал — и сделал». (Иез 36:32—36); «явлю в них святость Мою пред глазами многих народов». (Иез 39, 27). В Библии сохраняется очень стойкое, не поддавшееся никакому вытравливанию со стороны «адептов монотеизма», представление о многих народах и многих богах как о норме. «Ибо все народы ходят, каждый во имя своего бога; а мы будем ходить во имя Господа Бога нашего во веки веков». (Мих 3:5). В этом пророчестве Михея данная норма рисуется даже как идеальная будущность. Но поскольку до нормы далеко (Израиль постоянно ощущает себя на грани уничтожения), то Яхве ведет непрекращающуюся ни на миг тяжбу о собственном бытии «перед глазами многих народов». Эти народы — ареопаг, который, увидев «славу» Яхве («слава» здесь — ключевое слово, единственное доказательство, которое принимается во внимание на этом суде), либо при-

говорит его к жизни, либо к небытию. Какой уж тут, на хрен, монотеизм! Где тут отрешенная внеситуативность (у греков ее больше), самодостаточность и т.п.? Здесь в зародыше тот же комплекс Обиды-ревности, потому что «в глазах Яхве» неудачи объясняются «неверностью» его народа (как иначе?) Поэтому ни о каком «универсализме» еврейского Бога не может быть и речи. Это тот же, что и у Иисуса, квази-универсализм, универсализм «от бедности» (эрос недостатка). Яхве, «замещая» Эла, вынужден действовать исключительно «методом вычитания» (у него ведь не может быть ничего «лишнего» по сравнению с Богом Вышним), символом которого видится обрезание (ср. с розановским «скопчеством»). Вот он и занимается яростным искоренением «нормальной» обрядовости и всех предпосылок возникновения независимого от него, демифологизированного, эстетического спасения, на почве которого мог бы, в свою очередь, вырасти истинный универсализм. Другое дело, что Яхве, слава богу, гарантирован от «перехлеста» окончательного разрыва со своим народом (перехлеста, наблюдаемого впервые только у Иисуса). «Я в пустынях дам воду, реки в сухой степи, чтобы поить избранный народ мой. Этот народ Я образовал для Себя; он будет возвещать славу Мою. … Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну» (Ис 43:20—25). Он вынужден «ради собственного имени отлагать гнев свой». Он повязан со своим народом нерасторжимой цепью жесткой взаимозависимости (в этом смысле ты был прав, когда, вслед за Вл. Соловьевым, заметил, что нельзя сказать, кто кого избрал — народ Бога или Бог народ); этой цепью связаны с народом и Пророки; и эту-то цепь разрубил впоследствии Гордий-Иисус в своем «квантовом перехлесте», породившем «антисемитизм» как особое, отличное от ксенофобии, явление.

25.6. Позвонила в полдевятого. Сказала, что будет очень скучать.

— Я еще хотела тебе сказать… В последний раз… я все время вспоминаю.. было так странно… Мы были какие-то тихие… А я правда заснула?

Матвею:

Ну что ж, давай разгребать завалы. Кстати, что-то ты стал часто и обильно цитировать Розанова, не гнушаясь и вырванными из собственных уст похвалами: «спорадическая проницательность», «глубокое верхоглядство»? Может заодно и по отношению к этому «гадкому гению» сменишь гнев на милость?

Насчет твоего упрека, что не отозвался на суть дела — так ведь я ж с твоей «квантовой теорией» полностью согласился, и даже «развил» ее, предложив термин «карьеры». И «теорию обид», что Иисус «погорячился» (как в том анекдоте про штурм Зимнего: один матрос говорит: жарко было, а другой: да, погорячились), что проклял «своих» на почве обиды-ревности и «спасение» отдал «чужим», создав тем самым неразрешимый конфликт с христианством, я сразу принял с энтузиазмом, не зря же столько наговорил о собственных обидах. Кстати, как показывает твоя обширная цитата из Розанова, эти идеи уже носились в воздухе. Но можно ли утверждать, что психологические мотивы лично Иисуса могли послужить основой для «мировой религии», а ее универсализм быть «истеричным, злым, замешанным на детской обиде и структурированным по принципу дешевого перевертыша»? Может, психологические мотивации основоположника вообще не имеют значения для истории (что толку выводить нацизм из некрофилии Гитлера)? Ты сам меня учил, что «любовное стихотворение» не имеет никакого отношения к влюбленности поэта в ту или иную сучку, то есть важен не толчок, а что получилось, а «получается» только то, что вписывается в литературную традицию, вырастает из нее, а не из влюбленности. И, по сути, ты говоришь тоже, что и я, только называешь это иначе. Например, пишешь, что Иисус «перешел через роковую чер-

ту, смешав основополагающие, системообразующие категории „своего“ и „чужого“». Но это и есть универсализм, то есть отмена «чужих» (несть эллина и иудея). И Ешу, как истый иудей, не мог взять этот универсализм «с потолка», он нашел его в иудаизме и довел до предела, да, перешел роковую черту (о, как же он похож на наших леваков!). И даже если он это сделал «сгоряча», или «ушибленный детской обидой» — какое это имеет значение с точки зрения результата? Он это сделал, и это было принято (частично) «своими», прежде всего в среде «ассимилянтов», эллинизированных евреев, а потом уже и язычниками, вот что важно! А если считать одним из результатов этого «универсализма» антисемитизм, то и тут, прости, нет ничего нового: это тот самый традиционный христианский антисемитизм, и Иисус его основатель. Скорее современное католическое покаяние «Ностра Аэтате» — искажение новозаветных заповедей в духе политкорректности «после Освенцима», лицемерное и политиканствующее, как и вся нынешняя западная политкорректность. Да вся борьба наших «левых» за палестинцев, за мир и дружбу — от обиды на то, что их, хозяев страны (бывших), лишили власти. Они и бегают теперь по всему миру, требуя объявить бойкот Израилю. И борьба за личные права (права человека) даже в ущерб интересам целого (национального, государственного и т.д.), тоже ведь «универсализм», связанный со смешением категорий свой-чужой. А русские, кстати, хоть и христиане, но всю эту мерехлюндию насчет того, что «все свои», не любят, и евреев не любят за то, что они вечно лезут в «свои», и я их понимаю, поскольку я у себя дома, среди своих, и «чужих» тоже не люблю, и на антисемитизм мне плевать. Диалектика!

И, конечно, Исус не был связан со своим народом той пуповиной, что был связан Яхве, он продукт эллинистической (уже универсалистской!) эпохи, человек (а не Бог, даже с маленькой буквы!), живший в многоплеменной, многоязычной стране, и наверняка улавливал тенденции к всеобщему

смешению, и, возможно, именно к ним пытался приспособить свою «систему». И пусть от обиды-ревности, но он пошел на героическое самопожертвование, и таким образом приобщился к тем самым «культурным архетипам», которые ты полагаешь вполне доброкачественными основами универсализма (отсюда, в дальнейшем, — и расцвет христианского искусства).

Теперь насчет иудейского монотеизма, который ты разоблачил, как весьма сомнительный, и с червоточиной все той же обидчивости. Если христианство — религия, связанная с конкретным основателем, историческим лицом, и поэтому на «основы» этой религии могли повлиять его личные качества и «комплексы», то иудаизм — религия, как ты говоришь, автохтонная, то есть возникшая в результате естественного и многовекового развития, как результат коллективного творчества многих людей в течение длительного времени, своего рода фольклор, а раз так, она неизбежно несет в себе следы более древних верований и мифов, так что тут трудно говорить о психологии «обиды», или какой-либо иной персональной психологии.

Но допустим, что ты прав, и Яхве борется за существование в параксизме обиды-ревности. Если все-таки оставаться в системе «исторического рационализма», то такой образ Яхве, созданный народным творчеством как персонификация народной воли, чаяний и обид, только расскажет нам, а точнее намекнет, о тяжелой народной доле, полной обид и борьбы за существование. И что? Какой народ не обидчив? Но не каждый на этой почве создает универсальную веру и готов за нее к самопожертвованию. Кстати, Ницше утверждал, что евреи создали христианство из мести арийцам.

В общем, я не вижу между нами таких уж серьезных разногласий или недопонимания. Даже готов допустить, что Израиль достался в удел Яхве, изначально — одному из племенных богов, а в «священных» текстах можно проследить истоки и влияние политеизма и даже языческих мифо-

логий. Кстати, в неканоническом, мистическом иудаизме «небесные чертоги» представляют из себя довольно сложную, почти языческую иерархию действующих лиц: тут и ангелы, и архангелы, и какой-то Метатрон, он же Малкицедек, он же Сын Человеческий, и эта структура, с ее сложным внутренним взаимодействием, перешла позднее в гностическую и христианскую ангелологию, достаточно привести пример «восстания ангелов» (о котором, к стыду своему, я узнал только недавно) и их низвержения Богом на землю (чем ни Зевс с титанами?). И, между прочим, ангелы и называются в этой «системе» «элами» (эл, бог, израильтяне произносят «эль»): Рази-эль, Ишма-эль, Узи-эль, Рафаэль, Миха-эль, и так далее, целое сонмище богов-элей…

Конечно, монотеизм не возник с бухты-барахты, он — результат развития религиозного сознания, борьбы его направлений, даже, наверное, политических перипетий. И, указывая на элементы «нормальности», несомненно присущие иудейству, ты не опровергаешь этим «монотеизм-универсализм», а обозначаешь вектор развития религиозного сознания. И развивалось оно (называй это хоть «надуванием щек») именно в сторону образа Бога, единого для всех, а не только для иудейского племени (хорошо это или плохо — другой вопрос), то есть в сторону универсализма. С точки зрения племенного выживания это, может, и червоточина, но ведь и племенные боги других народов не уберегли их от исчезновения, так что — иди знай. На самом деле «историческое развитие религиозного сознания» вещь хоть и интересная, но для нашего разговора не столь важная. Важно, что Бог иудейский постепенно преобразился из бога племенного в Бога Вселенной. И Христос, какими бы ни были психологические мотивации человека Иисуса (пусть обида-ревность), продолжил эту линию и тоже провозгласил себя (он, или его последователи — все равно самозванство) богом для всех (несть эллина и иудея), то есть богом универсальным.

Но в чем я действительно должен с тобой согласиться, и «взять свои слова обратно», это с тем, что Бога иудейско-

го нельзя считать (и называть) трансцендентным. Это слово я «сгоряча» хапнул из чужого словаря, оно тут неуместно. Иудейский Бог без жизни людей, и вообще вне этого мира (в духе Лосева) как-то немыслим.

И еще («до кучи», как ты любишь говорить, расписался — не остановишь). Рассуждая о религиях, мы с одной стороны находимся как бы вне веры, а с другой — очень азартно привлекаем к спору самих участников религиозной драмы (в которую не верим!). Цитируем, понимаш, Христа, вдаемся в психологические мотивации Пресвятого Да Будет Он Благославен. Здесь какое-то противоречие, а может и, не дай бог, легкомыслие (недалеко и до недомыслия). Я себя чувствую в этой ситуации, как на разъезжающихся платформах. Если уж рассматривать эти явления со стороны «неверия», то — как явления истории мысли, истории религии, психологии толп, антропологии, наконец. То есть, можно ли, анализируя антисемитизм как явление, в сущности, социальной психологии, опираться на «обиды-ревности» Яхве? Да кто он собственно такой? Ведь мой вопрос «кто кого избрал» был риторическим, ясно, что народ «избрал», а точнее «придумал». Поэтому я и говорю о самозванстве. Но что интересно: придумка оказалась такой крутой, а выстроенная по ней народная судьба — такой удивительной, что дух захватывает, и невольно возникают сомнения, что такое могло возникнуть случайно или — дело рук человеческих…

И еще: пусть «универсализм культурных архетипов» «настоящий», как ты считаешь, или — «высшего типа», но это универсализм для немногих, для философов. А сердце жаждет «прямого» спасения. И так будет всегда, потому что гибель не ждет. И если говорить об универсализме религий (а не культурных архетипов, мы ж не об этом), то иудаизм, конечно же, содержит в себе претензию на универсальность. В Греции тоже шел процесс отмирания язычества и выдвижения «универсалистских», и даже монотеистических идей (стоицизм, неоплатонизм). Но существенная раз-

ница в том, что эти «монотеистические идеи» шли именно от разума, от философии, от логических конструкций, а не от неких глубинных народных мифов, и поэтому не могли обладать той, как ты любишь выражаться, эвристической силой, как монотеизм иудейский. Греческая универсальная «религия философов», со своим «универсализмом культурных архетипов», и верой в «косвенное» спасение, по сути, граничила с атеизмом. Даже само слово «косвенный» вызывает ощущение чего-то «ненастоящего», неподлинного, какое-то квазиспасение… А христианское, «прямое», работает до сих пор! Ведь что такое, в конце концов, «спасение» (раз пошла такая пьянка), как не ощущение, переживание? Может ли приобщение к архетипу спасения вызывать переживание чувства спасения, сравнимое с религиозным? Тем более, что искусство, как инструмент спасения, сегодня, кажется, окончательно выродилось. Я вообще не вижу сегодня ничего кроме стоической жизни «со смертью в обнимку»…

Вот Иисус (знакомый, надо полагать, с греческой мыслью, апостолы — уж точно) так круто вопрос и поставил: веруй, и все. И выиграл. И умные люди это самозванство приняли: абсурдно? — так что ж, зато на душе светло. И религиозное спасение всегда универсально (другим быть не может). А океаническое чувство рода (своего), которым ты пытаешься заменить религиозный универсализм, на сегодняшний день, в результате исторических перипетий практически разрушено (возможно, тем же христианством).

И мне показалось, что наша «полемика» тебя несколько раздражает. То ли «бодростью» моих наскоков, то ли (одно другого не исключает) их неразумностью, то ли общей сумбурностью. Опять же ты, видно, весьма занят, а я тебя отвлекаю-соблазняю-провоцирую. Так что, если хочешь, «завяжем узелок» и подождем до лучших времен.

Всегда твой
Наум

25.6. Матвею:

Вчера познакомился с Шендеровичем. На Центральной автобусной станции в Тель-Авиве — бетонное «чрево Левиафана» — происходило что-то вроде книжной ярмарки. Мне трудно описать это сочетание духоты (чрево абсолютно беспросветно, бетонные лунки), малочисленности и ленивого равнодушия как посетителей, так и скучающих продавцов и продавщиц. Шендерович честно сидел за небольшим столиком, с разложенными на нем книжками, как оказалось — его собственного сочинения, и подписывал их, если находился покупатель. Познакомившись, я всучил ему свою. Но он мне свою, маленькую и невзрачную, в бумажной обложке, не подарил, а содрал за нее десять шекелей. Однако надписал: «Так будем счастливы? Или как?» Все это меня крайне удивило: что ищет он в краю далеком? Заработка? Трудно себе представить. Людей было мало, иногда какая-нибудь недобитая «гусская интеллигентка» спрашивала его: «А не кажется ли вам, что ваша богьба была напгасной?» А он ей, на полном серьезе, что-то пытался растолковать…

26.6. Матвей — Науму

Ну вот, совсем другое дело. Смена дискурса, так сказать. И моего «раздражения» как не бывало.

У Блока есть статья, которая начинается так: «Когда-то Розанов /вот, паскуда, привязался!/ писал о Мережковском: „Вы не слушайте, что он говорит, а посмотрите, где он стоит“. Это замечание очень глубокое. „Бог, Бог, Бог, Христос, Христос, Христос“, положительно нет страницы без этих Имен, с огромной буквы написанных — такой огромной, точно вывеска „Какао“ над холодными волнами Финского залива. Кто же автор этих огромных букв и холодных слов? Вероятно, духовное лицо… Кто он иначе? Это в двадцатом-то веке, когда мы, как говорят передовые люди, слава богу, наконец становимся атеистами…»

Твои «методологизмы» подоспели вовремя и к месту. Действительно: «Да кто он /Яхве/, собственно, такой?» В свое оправдание замечу, что из нас двоих такой тип дис-

курса инициировал не я. Если помнишь, я писал по поводу твоей «историософии героизма», что ты рассуждаешь об Аврааме так, будто веришь, что вот был такой человек, который сделал то-то и то-то. Хорошо, конечно, но если бы ты в это действительно верил, то это был бы совсем другой дискурс, а если нет, то как тебя, батенька, понимать? В общем, формально (да во многом и по существу) ты совершенно прав: так нельзя. Но для меня это ошибка не смысловая и даже не методологическая, а чисто риторическая. Хотя никто не обязан вникать в мои невысказанные «презумпции». В чем они состоят, ты в общих чертах знаешь. Я считаю, что философия по-хорошему должна делиться не на «онтологию» и «гносеологию», а на онтологию (отвечающую за «Блок обеспечения») и сотериологию (отвечающую за «Блок спасения»). Курс «Сотериологии» читают, например, в духовных академиях, но я поповской монополии в данном вопросе не признаю — по очень простой причине: сотериология не с религии началась и не ею кончится. Вначале была потребность «предчеловека» в спасении; когда эта потребность получила удовлетворение, возник человек, Homo salvus. До религии существовала синкретическая жреческо-магическая обрядовость, которая была одновременно и «религией», и «прагматикой», и «эстетикой» — всё в одном флаконе. «После религии» сотериологические функции достаточно успешно выполняет культура. Уже по одной этой причине в состав «Комиссии по борьбе с сотериологическим монополизмом» должен быть включен (пускай наряду с попом, раввином и литературоведом) независимый сотериолог (типа я). В глубине души я уверен, что по справедливости он (то есть я) и должен возглавить эту комиссию, ибо строить о подобных вещах научный (пускай только в претензии) дискурс можно только с такой независимой позиции. С данной точки зрения все эти «Яхве-Элохимы» — не более чем эмблемы тех или иных сотериологических архетипов. Я вижу структурный сдвиг в сотериологическом измерении общеантропологической системы координат

«свое»/«чужое» и выдвигаю предположение (кажется, естественное) о некоем «взрыве», импульс которого обозначаю гипотетической эмблемой Обиды-ревности. Исходя из гуссерлианского допущения о непременном наличии в такого рода феноменах «чистого смысла», улавливаемого «чистым сознанием», я должен был бы по-хорошему произвести методологически корректный феноменологический анализ этого смысла. То есть сначала «взять за скобки» (стадия «эпохé») субъективно-психологический слой феномена, затем «очистить» его от эйдетического слоя, затем от эйдологического и так далее до потери сознания (нет ничего более скучного и громоздкого, чем корректный феноменологический анализ, но более надежного способа оперировать с подобной проблематикой пока не придумано). Не думаю, что ты ждал от меня чего-нибудь подобного; я ограничился кивком в сторону феноменологии, дав понять, что ответственный, корректный разговор на эту тему в принципе возможен, но в данный момент (а может быть, и не только в данный) он мне не по зубам. Так что не знаю как твое, а мое «самоопределение» как «неверующего» совершенно подлинно и однозначно. Хотя, если разобраться, в благоговении перед тем, «как все устроено» (включая мою смертность), гораздо больше подлинной «религиозности» (благоговения перед Замыслом), чем в произвольном и по существу кощунственном импульсе что-то такое субъективно «придумать, вообразить, поверить». Но раз уж попы и раввины приучили публику называть «религиозностью» именно эту бяку (узурпировали, гады, язык), приходится, во избежание недоразумений, «лгать, хитрить и изворачиваться», то есть говорить, что я «неверующий» (неверующий в то, что надо во что-то такое поверить).

Теперь об универсализме культуры. Ты пишешь, имея в виду универсализм культурных архетипов: «Но это универсализм для немногих, для философов. А сердце жаждет „прямого“ спасения». С тем, что «сердце жаждет», спорить не буду. Но с тем, что это «универсализм для немногих, для

философов», не согласен категорически. Мы снова-здорово утыкаемся в то же смешение уровней. Философы и прочие немногие умники как раз и не спасаются, потому что эстетическое спасение бессознательно, и нельзя одновременно спасаться и вычленять архетип; надо выбрать что-нибудь одно. Философ платит довольно дорогую цену: попытка понимания покупается ценой спасения (а если, как это чаще всего бывает, попытка ни к чему не приводит, спасения ведь все равно никто не вернет). Что же касается «публики», то она-то как раз и спасается, причем в массовом порядке и весьма успешно. Что такое вся эта музыкальная попса, жанровое кино, криминальное чтиво, как не «опиум для народа», то есть своего рода «эстетическая религия», то есть спасение по лекалам культурных архетипов? Ты спрашиваешь: «Может ли приобщение к архетипу спасения заменить спасение?» Во-первых, приобщаются не к «архетипу» (его выявляют как раз «немногие умники»), а к эстетическому объекту как таковому. Во-вторых, что значит «заменить»? Эстетическое спасение — это никакая не «замена», никакой не суррогат, а <u>само спасение</u> в самом точном и буквальном смысле слова. Оно обеспечивает выживание, ни больше ни меньше. А то, что это спасение «косвенное» (а значит, потвоему, «не настоящее»), так ведь «прямое» и «косвенное» — это просто слова, я за них не держусь. Давай назовем косвенное спасение «рамповым» (жреческим), а прямое «безрамповым» (магическим). Важно то, что рамповая линия спасения <u>действительно, реально спасает</u>. Попробуй хотя бы на минуту вложить в термин «эстетическое спасение» абсолютно буквальный смысл (в порядке «философского удивления»), и ты увидишь, до какой степени важен этот модус действительности для элементарного выживания. Где Рампа, там действует механизм реального эстетического спасения. Кто жив, тот и спасен. А ты говоришь: «для немногих философов». Другое дело, что «сердце жаждет» еще и «безрампового», «прямого», еще и магического ему подавай. Что ж, сердцу не прикажешь. Вот только как измерить, на сколько про-

центов такой среднестатистический «сотериологический шизофреник» реально спасается за счет «рамповых» архетипов и насколько за счет «безрамповых»? Подозреваю, что счет тут будет разгромный в пользу Рампы. Есть, конечно, на свете и не шизофреники; подозреваю, что ваши «религиозные» почти полностью спасаются, не прибегая к помощи Рампы. Ну и что? Важны тенденции, а каждый спасается как может.

По поводу «изначальной червоточины» ты меня удивил, но на этот раз приятно. Да я ведь, по сути, только и хотел сказать, что монотеизм «сложился, а не возник», поскольку заподозрил по твоему предпоследнему письму, что ты склоняешься к противоположному тезису, который предполагает «другой дискурс» (не рациональный), а попросту говоря — невозможность разговора. Отсюда и «раздражение». А остальное — детали.

По поводу «зависимости Яхве» мне опять же не о чем спорить. То, что в глазах верующего еврея «зависимость» Яхве не отменяет его статуса Всевышнего. Это «зависимость» Отца и т.д., — это истинная правда. И именно поэтому нет никакого смысла называть такого бога «трансцендентным». Ты теперь и не называешь, а признаешь, что «трансцендентность» — это греческое изобретение, а то, что в становлении «трансцендентного Бога» поучаствовала на первых ролях еврейская религиозность, то когда же я это отрицал? Я отрицаю бездумный подход и смешение дискурсов. Когда человек встает и начинает говорить: «Тысячелетие христианской культуры…» — меня тут же начинает тошнить, потому что я вижу, что он за всю свою жизнь ни разу не задумался ни о христианстве, ни о культуре, ни об их совместимости/несовместимости. И я сразу хватаюсь за пистолет, когда слышу о «еврейской избранности», «еврейском монотеизме», «трансцендентности еврейского Бога» и прочей клишированной мутотени, причем неважно, кто это говорит, погромщик или «святой души человек».

От Л: *Мне кажется я когда-то писала тебе, да и ты наверное сам знаешь, что день, когда греки заставили евреев перевести свою Книгу на их язык, объявлен был национальным трауром, раввины посыпали пеплом голову и порвали одежду…*

Николай Кузанский в «Воскресение наук о вере» цитирует: «…да славится Творец, на понимании сущности которого прерывается научное разыскание, безумием оказывается мудрость и суетой изящество словес», заключая: «это и есть то знающее незнание, которое мы ищем, перед познанием, от которого приходят в замешательство умы, при описании которого немеют языки, перед знанием которого знание знающих есть признание в бессилии, а лучшие пророчества пророков — признание неспособности описания Его».

27.6. Пошел на вечер, где Гробману вручали премию Дизенгофа. Показали несколько диапозитивов с его картин, подбор удачный. Собрался цвет колхозной нации, атмосфера деревенской свадьбы: все свои. Народ, конечно, какой-то изумительной непосредственности. Вот «известная танцовщица», а теперь постановщица Номи Полански (старушка-девочка: руки в боки, длинная седая коса и короткая широкая юбка) — сочетание дивной раскованности с бодрым умом, плюс ощущение «весомого культурного багажа». Толкала веселую речь, только что не сплясала.

Марлин и Саша, привет!

Как дела, какие новости? Вы «дома», или путешествуете? По-прежнему интенсивно занимаетесь спортом? А у меня нашли (нет здоровых людей, а есть недообследованные) неполадки в сердце, и я на приколе. Пока. Хочется вернуться на корт, но пока не дообследуют… Так что осмелюсь порекомендовать определенную «аккуратность» в этом деле.

Саша, как литературная работа? Какие планы на следу-

ющую зиму?
У нас все в нормально. Римма передает вам сердечный привет. Всегда ваш
Наум

Наум, привет!
Сейчас «летний штиль», и книжных новинок очень мало, поэтому список хилый, но, может, что и заинтересует.
Список №48
А.И.Солженицын. 200 лет вместе. Часть 1. (1795—1995). (Серия «Исследования новейшей русской истории). /Это первая часть исследования, охватывающая годы 1795—1916/ М.: Изд. Фонда Солженицына, 2001 — 512 с — 160
Магнус Юнггрен. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. (Серия «Современная русская русистика») /Эмилий Метнер (1872 — 1936) рассматривается автором как «центральная фигура в движении русских символистов» и в то же время как «злой гений», давший русскому духу индульгенцию на антисемитизм, который переродился у самого Метнера в расизм, в пламенное увлечение Муссолини, а потом и Гитлером. Метнер организовал изд-во «Мусагет», сыгравшее главную роль в идеологическом сплочении символизма. Пытался играть роль «всеобщего ментора», что ему в полной мере удалось по отношению к Андрею Белому, на которого Метнер оказал в определенное время (период антисемитских статей типа «Штемпелеванной культуры») решающее влияние. Эмигрировав, Метнер стал пациентом, а затем близким сподвижником К.Г.Юнга (психоаналитика), которого тоже заразил антисемитизмом и расизмом. «На Юнга оказали непосредственное воздействие расовые теории Метнера и тот энтузиазм, с которым последний относился к Муссолини и Гитлеру». Метнер рассматривается в книге как яркий представитель «предфашизма» в русском общественном сознании. Разделы: «„Житейская ложь“ Метнера»; «Встреча с Белым»; «Мусагет»; «Конфликт с Белым»; «Метнер и Юнг»; «Изменения в личности»; «Культ

Гитлера». В качестве Приложений даны «Письма Метнера к Юнгу» и «Письма Юнга к Метнеру». Автор — шведский ученый, сумевший первым ознакомиться с соответствующими архивами, как российскими, так и зарубежными/ СПб.: Академический проект, 2001 — 288 с — 125

Переписка священника П.А.Флоренского со священником С.Н.Булгаковым: архив священника П.А.Флоренского. /Впервые публикуется, в числе прочих, многостраничное «Письмо к другу» (1922 г), своеобразная духовная исповедь, написанная Булгаковым перед отъездом из России в тот период, когда он собирался перейти в католичество и «взбрыкнул» против своего духовного наставника, на которого смотрел всегда, как кролик на удава. Поразительной силы документ. Кроме всего прочего, там сказано: «Миссия русской революции разрушить средостение красного иудейского интернационала, соединение церквей и преодоление церковного иудаизма. Тебе первому (или почти первому) открываю свою тайну»/ Томск: Изд. «Водолей», 2001 — 224 с — 125

Всегда твой
Матвей

28.6.

Л: *Мне вашу переписку очень интересно читать. Еще до того, как ты написал ему последнее письмо, я почувствовала, что твой темперамент, азарт и убежденность его, в лучшем случае, раздражает. Я склоняюсь к твоей позиции, особенно где ты называешь себя «самозванцем»…*

В средневековых и античных представлениях истерические обмороки, связанные с удушением, вызывались заболеванием матки, отсюда термин «истерия», от греческого hystora-matka. Связь истерии с маткой принималась вплоть до 19 века. Забавно, не правда ли, homo hystericus?

Насчет того, что евреев «заставили» перевести Тору, то возможно ортодоксы и рвали на себе одежды, но на самом деле это явление было сложнее, и ассимилированные круги

Александрии были наверняка в числе инициаторов этого мероприятия.

А опыт «разговоров» с Матвеем показывает, как трудно понять друг друга, как многозначны слова и как они малозначимы. Каждый слышит только самого себя, а другого, даже если прислушивается, то — как бы издалека, как эхо…

29.6

Л: *Я сейчас уже не помню подробности, но об этом (о переводе Торы) читала в «диспуте Маймонида», кот. устроил испанский король.*

А у меня сегодня был интересный пациент — игрок «Апоэль» Тель-Авив, 22, получил травму, ему посоветовали обратиться ко мне. Я ему говорю — раздевайся до трусов и ложись, а я постучу в дверь, когда будешь готов. А он — у меня нет трусов… Такой веселый парнишка.

Видишь, профессия целителя иногда дарит сюрпризы

Когда еду по дорогам, по которым проезжал с ней, то вспоминаю, и не туда поворачиваю… И сердце толкается, как дитя любви…

Позвонил Гольдштейну. Он собрался в Москву на две недели. Было время, когда Россия заискивала перед эмигрантами, а теперь ситуация перевернулась. Вся жизнь — там. Гольдштейн вспомнил рассказ Гиршовича, как Лева Рубинштейн был ему благодарен за то, что в свое время удержал его от эмиграции. «Ну, — говорю, — нельзя сказать, что эмиграция так уж пошла во вред самому Гиршовичу». Гольдштейн согласился.

Вечером пошли с Мироном-Настей и Аркашей-Леной в «Табун», ресторан в порту. Говорить не о чем, обожрался и был зол на себя. Мирон тоже мрачный. Все время смотрит в сторону, в море. Они едут во французские Альпы,

а Аркаша-германофил — в Зифельд. А мы вот в Дубровник. «Вы уже третий раз в этом году — за границу?!» — быстренько подсчитала Лена. «Во евреи дают!» — шутит Аркаша.

На обратном пути говорю жене:

— Лена-то, позавидовала

— Да пусть у них глаза повылазят, — неожиданно зло сказала жена.

30.6. Наум — Матвею

То, что Шарон не ответил решительным образом на теракт в Дельфинариуме (даже Тонни Блер ему сказал, что «если бы у меня убили столько молодых парней — формулировочка?! — я бы среагировал самым решительным образом»), было больше чем преступлением, это было ошибкой. Никакого «преимущества» в глазах «мирового общественного» он не добился, да и не мог добиться таким образом (провозглашенная Шароном политика сдержанности, он сказал: ипук — маркив шел коах, сдержанность — составная часть силы, ну да, мы «сильны, как никогда»). И с первой же нашей «резкой» реакцией она (поддержка мирового общественного) улетучится, будто и не было. Палестинцы это знают, поэтому продолжают как ни в чем ни бывало, получив своего рода «разрешение на отстрел». Шарон еще рассчитывал на то, что мир, или хотя бы Америка, потребует от Арафата «полного прекращения огня». Но мир и не собирается требовать от Арафата «полного прекращения», тем более, что израильтяне готовы «потерпеть» ради мира. Так Перес и вся левая шобла уже вернулись к формуле эпохи Рабина: «мы требуем от палестинцев не 100% результата, а 100% усилий». То есть Арафат получил прекрасную возможность «крутить миру яйца», изображая из себя стопроцентным борцом за мир — стараюсь, мол, ребятушки, изо всех сил, но народ у нас такой уж необузданный… А сейчас еще эта история с Милошевичем (совершенно позорная для сербов, продать за деньги своего руководителя — фи…), а ведь над Шароном

висит дамоклов меч обвинения в военных преступлениях (Сабра и Шатила), Би-Би-Си недавно организовало телепередачу (с помощью левых израильтян, конечно) о привлечении Шарона к гаагскому суду за резню палестинцев, устроенную христианскими фалангистами в Бейруте в 82-ом (мол, не предотвратил, а то и подзуживал). Даже ливанские газеты вспомнили, что неплохо бы заодно привлечь к суду и сирийцев (старика Асада) за резню 30 тыс (!!) жителей города Хама в 76-ом (в Бейруте для сравнения погибло несколько сот), да куда там. Они (сирийцы, палестинцы) «еще маленькие», их, как подростков, нельзя к суду привлекать. А Сирию даже можно выбрать в Совет Безопасности. Так что Шарон загнал себя в тупик, теперь он что ни сделает — все равно окажется кругом виноватым. А ведь он хочет еще и на следующий срок переизбраться, и сыновей надо пристроить... Вот тебе и разрешение на отстрел... Одно слово — ипук.

А что «народ говорит» про «200 лет вместе»? Или ты «не прислушиваешься»?

2.7. На ночь закатил жене истерику. Неизвестно, мол, что со мной происходит, могу окочуриться в любую минуту, а тебе — Дубровник! Тебе надо отдохнуть? Найди себе кого-нибудь и езжай отдыхать.

Ну и что ей наплевать на меня и все такое.

Утром она бросила, уходя: «Я откажусь от билетов, черт с ними с деньгами, мне не надо твоих упреков».

Вышел один в парк на регулярную прогулку. За истерику было стыдно. Но вдруг жалко стало каждой минуты, хотя на что мне эти минуты? Еще одну книжку прочитать? Или написать?! Как же, весь мир ждет! Вдруг почувствовал себя стариком, как будто жизнь кончилась, осталось доживание. С ненавистью смотрел на гуляющих группами и в одиночку стариков и старух, дряхлых и бодрых, крепких и полуразвалин, сморщенных и гладкощеких, на их жалкую, никому не нужную жизнь, и ненавидел себя за то, что я теперь

уже в этой группе ползущих к выходу, а не бегаю с молодыми на теннисной площадке, и секс, особенно с женой, мне опротивел, и злит ее абсолютное равнодушие, с которым она принимает мои героические усилия надоевшего долга, сосет редко, когда уж совсем заведется, да и сосать, дура, так и не научилась.

Жена говорит: «Это тебя Игорь (гулял с ним вечером) так настроил». А «настроил» меня Юра, которого я неожиданно встретил вчера на улице, много лет не виделись.

— А я — гимл*ай*[1], — радостно промямлил он.

Всегда говорит медленно, сложив губки бантиком, как капризный ребенок.

— Я тоже гимлай.

— А мне нравится гимлаить. Я читаю, гуляю, смотрю телевизор. Мне нравится жить, надо стараться подольше.

Поговорили за политику, он оптимистичен. Скатились на здоровье, оказывается, ему тоже делали центур и пружину (стент) вставили.

— А у меня, — говорю, — инфаркт был.

Подивился.

— Ты с этим не шути. Нельзя к таким вещам безответственно.

Жена отменила билеты. Лихо я психанул, результативно.

От Л:

Ты чего, тебе же об инфаркте еще раньше говорили, та симпатичная врачиха, в Шомроне, помнишь? Или я что-то путаю… Что сказал лечащий? Ты уж потерпи малость, скоро я тебя вылечу, вот увидишь. Вот я сейчас тебя обниму, и все пройдет, почувствовал? А когда у жены день рождения?

[1] Пенсионер (ивр.)

Помнишь, мне приснилось, что ты меня просил взять ее д.р. на себя и я вам стелю у себя в доме, простыни выбираю…

Наслаждался «Цветком тысяча и одной ночи» Пазолини. Все время вспоминал Р. Естественность любви. Никакой метафизики. Любовь, как жизнь, жестокая и радостная. Ни воронья моралистов, ни грозовых туч греховности. Страха нет в этом фильме, вот что, нет страха жизни, нет страха любви. Языческий фильм. Судьба верховодит, неожиданная, веселая и непреклонная. Жизнь — сказка. Тела — цветы. И визуально совершенно сказочный фильм, будто ты — в телесном саду. Мне кажется, что Параджанов у него учился.

Но в этом верховодстве Судьбы, в этих матрешках историй: одна в другой, одна в другой, несмотря на прелесть каждой из них, начинает угнетать, как головокружение, дурная бесконечность их коловращений. Получается, что одной красоты человеку мало…

А пару дней назад был «день» Кассаветеса, «Тени», «Лица» — поразительные фильмы, а ведь я о нем ничего не слышал! Это как открыть новый материк!

И тоже — о любви. И я рад, что я теперь их понимаю. И все благодаря тебе…

От Л:

А помнишь мы с тобой сидели в Мишкенот, а за соседним столиком Меридор, и я рассказывала, что проводится расследование о законности амутот и выборов Барака, так только теперь об этом пишут в «Едиот ахронот»?

У меня тоже настроение жуткое — у папы обнаружили опухоль, злокачественную, в мочевом пузыре. Говорят, надо оперировать, иначе будет очень мешать жить, но сначала надо проверить выдержит ли сердце.

From: zinovy Vayman
Date: Tue, 3 Jul 2001 10:55:49

бьемся здесь
тело расходует запас прочности
вокруг новые люди
похожи на ушедших и сошедших…
А где статья про Берхтесгаден?

Зусу: *Стихами заговорил?*
А где сейчас бьешься?
Статью посылаю.

8.7. Зашандыбить и назюганиться (обзюганиться).

Письмо от Саши Соколова:

Наум, поздравляю тебя и Римму с четвертым июля, праздником всех честных и демократических сил планеты. В этот день народ тут поистине не жалеет флагов, шествует, и пиво покупается бочками. На большие дороги лучше не выезжать во избежание лобовых таранов и толп вьетнамских ветеранов на мотоциклах. Впрочем, мы и так никуда не ездим, до октября, как всегда, на твердом приколе, и путешествовать нету времени, учебно-тренировочный процесс непрерывно длится пять месяцев, зато потом — куда глаза. Куда именно мы отправимся в октябре, пока понятно только в общих чертах. Сначала — в Европу, потом на какое-то время — в Израиль, а затем будет видно, так что, надеюсь, встретимся в октябре. Известие о сердечных неполадках огорошило, мы ведь знаем тебя как боксера и регулярного мастера по делу фехтования ракеткой, так что с чего бы это миокардить. Если врачи говорят, что это из-за спорта, не верь, скажи, пусть сами лечатся. Если советуют бросить пить, продолжай, но более налегай на легкие вина, особенно красные, которые растворяют жиры и тромбы. Не ешь масла и сахара и побольше двигайся, как-то: не менее часа в день непрерывной быстрой ходьбы или спокойного бега с целью сбрасывания веса с парохода своего современного тела. Всяческая аэробика в этом смысле полез-

нее тенниса, ибо теннис — не аэробика, ибо прерывист, и пульс твой во вовремя игры не всегда на должной высоте. Когда пульс стабильно оптимален — тогда процесс тренировки дает плоды в виде усиления системы кровообращения и похудания, каковое ведет к оздоровлению сердца. Советую почитать спортивно-физиологическую литературу, на английском про эти дела написаны горы. Велотренажер я бы не использовал, гораздо лучше приобрести гребной тренажер, ты, может быть, видел их в тверском клубе, эти тренажеры, они многим людям, лишенным пространства в городских условиях, заменяют бег и ходьбу, потому что на них тоже можно сжечь бездну калорий. Стоит он долларов восемьсот, купить его можно по почте, фирма что их производит, в пятнадцати от нас минутах, качество гарантируем, продукция знаменита во всем гребном мире. В свободный час зайди в клуб на Хаерконе, пусть Александр, тренер из Киева, даст тебе на нем поупражнятся: имею в виду, разумеется, тренажер. А не записаться ли тебе в гребцы, потолкуй с Александром, он дурного не посоветует. будешь три — четыре раза приезжать в клуб, заодно и в тот тайландский ресторан зачастишь. Дело говорю, гребля многих к новой жизни вернула. А теннис оставь политикам типа Ельцина. Возникай. С.С.

Дорогой Саша!

Очень рад был твоему письму. Красное вино и ходьбу беру на вооружение. С греблей дело технически сложнее, да и Аяркон сейчас закрыли по причине окончательного загрязнения. А гребной тренажер, о котором ты пишешь, он каких размеров?

В принципе у меня нашли недостаточное кровоснабжение и какой-то микроинфаркт, который был неизвестно когда и прошел незамеченным. В ближайшую пару недель меня будут «зондировать», у нас это называется «центур», чтобы окончательно выяснить в чем дело, а заодно и «прочистить», если надо. После этого надеюсь «встать в строй».

Так что в Дубровник мы не поехали, как-то не до этого (мне). Впрочем, он не убежит.

А вообще читаю, перевожу, беру интервью, в следующем «Зеркале» будет мой текст о Москве десять лет назад, эпохи путча (хвосты, то, что не вошло в книгу), всякие дела вокруг да около, но нет душевного покоя и «чистого стола» чтобы сесть, как говорится, за «главное». «Художественное» совсем не читаю, в основном философию, вот разве что перечитал «Между собакой и волком» и лишний раз подивился… С Тарасовым тоже что-то давно не виделся. «Открытиями» радует только кино, вот посмотрел «Цветок тысяча и одной ночи» Пазолини, фантастический фильм, открыл для себя Кассаватеса, американский режиссер, грек, наверное.

Марлин сердечный привет, будьте здоровы. Римма тоже вас обнимает

Всегда ваш

Наум

Гольдштейн взял интервью у Геннадия Беззубова, у которого вышла книга стихов «Вместо дружеских писем». И упоминать бы не стоило, но какое-то уж на редкость импотентное интервью. «Жизнь так сложилась» у него (Беззубова), что он ее провел «вдали от литературных компаний», «вполне научился обходиться без среды», читает он Танах, он видите ли «узнал, в чем заключается система отношений человека со Всевышним», «плохо знаком с тем, что сейчас пишут в России, последние годы ничего, за вычетом Пелевина, не читал», в местной литературе отмечает Марка Зайчика (зайчика-прозайчика, как же, собутыльник и главный редактор), а в поэзии аж самого Семена Гринберга, которого считает «самым значительным среди пишущих по-русски в Израиле». «А так — я не ищу книг, они не ищут меня. По чести, у меня и времени для них особого нет, необходимо над собственными вещами работать…» Ну да, чукча не читатель. Вот так, издателей нет, читателей нет. Но пишет, неугомонный. А потому что

«естественная потребность организма». Графоман-честняга.

Разозлившись, прочитал в этой несчастной газете даже огромную рецензию Хейфеца: «*„22“ дожил до ста двадцати!*» (помирать пора!) Хейфец, конечно, записной слабоумец, но нашел все-таки силы, превзошел себя. Так бы всю статью и процитировал:

«в номере подымаются… проблемы фундаментальные, а не мерзкая обыденщина… И такой проблемой на сей раз стала, может быть главная проблема современной цивилизации и культуры. Проблема поиска истины — в конечном итоге, поиска смысла бытия! Масштабно, в историческом плане ее тормошит Эдуард Бормашенко /Бормашенко-Тормошенко/. Его мелодию как бы продолжает А. Воронель, автор статьи „Мы и они“. Но… он куда больший исторический оптимист. По мнению редактора „22“[1], человечество вообще (а еврейство — в частности) всегда состояло из небольшого меньшинства, озабоченного поиском истины… и подавляющего большинства потребителей благ цивилизации, равнодушных к подлинно глубоким и подлинно ясным открытиям».

Истину им подавай. Или вот такой пассаж:

«Марк Амусин написал любопытную и, на мой взгляд, глубокую статью, анализирующую изнутри, из мира творцов прозы, суть творческого поиска современных авторов. Пересказать Марка нет смысла, это стоит прочитать, но должен сделать автору упрек. … Я не против сложных и даже темных понятий, но слишком часто чувствуется просто недостаточная работа автора со словом: мол, коллеги меня поймут…»

Прелесть что такое.

[1] А. Воронель, поясняю для непосвященных

Дорогой Леша!

Я тебе послал конверт с фотографиями, а в нем еще два конвертика с фотографиями для Пети Вайля и Ивана Толстого. Сделай милость, передай им, пожалуйста. Если тебе не трудно, сообщи, когда получишь конверт.

Так как было в Москве? Как Гандлевский поживает? О чем вообще народ гутарит?

Вале сердечный привет. Всегда ваш

Наум

Я люблю меланхолию. Сам меланхолик. В сущности оба романа Шабтая (а теперь мне захотелось перевести и «Зихрон дварим») — это реквием. Одни названия что стоят: «Зихрон дварим» и «Соф давар», «Итог» и «Эпилог»…

От Макарова-Кроткого:

Наум, привет!

Что нового и светлого?

В Испании мы отдохнули чудесно. Но с тех пор прошло уже три недели и кажется, что это было давным-давно.

Ездили в Самару стишки почитать. Рубинштейн, Кибиров, Витя Коваль, Юлик Гуголев, Дима Воденников, Таня Риздвенко и мы со Стеллой.

Слушай, нет ли у тебя адреса Гольдштейна? А то меня спрашивал об этом один мой словатский приятель, поэт и переводчик. Возможно, что он что-то перевел и хочет послать Гольдштейну.

Обнимаю. Привет от Стеллы.

Саша

Жалко, что ты не написал раньше — Гольдштейн пару дней назад полетел в Москву на две недели (у него книга выходит в НЛО). Возможно он «выйдет» на Айзенберга, или Рубинштейна, или Кибирова и ты сможешь его «перехватить». А нет, так я тебе дам адрес, когда он вернется.

Как принимали в Самаре?

Стелле поклон. Всегда ваш
Наум

Наум — Матвею

Недавно посмотрел замечательный фильм Пазолини «Цветок тысяча и одной ночи». Как раз на «наши темы». То есть это настоящий языческий фильм, тем более замечательный, что в нем ни тени христианства и вообще какого-то «монотеизьма». Жизнь нелепа, жестока, поразительно красива, абсолютно свободна, и царствует в ней Судьба, сплетающая рисунок жизни героев, как ковровый узор, в котором нет ни смысла ни содержания: дерево, лань, олень, трава, небо.

Вначале эта раскрепощенность захватывает, но… постепенно утомляет бессмысленностью своих узоров, начинает не хватать сюжета… Что это, привычка «монотеистического» сознания, требующего Смысла, Замысла?

9.7

Миша, привет!

Начинаю письмо, с надеждой закончить и отослать. Дело в том, что уже не раз начинал тебе писать и все как-то буксовал… Конечно, тут сказывается привычка «мгновенной переписки» по электронной почте, но не только. И диалог наш, хоть мысленно и продолжается, но ушел куда-то во «внутренний», надо его оживить, вытащить на свет божий. Вот посмотрел в «твоем» файле несколько старых писем к тебе, два-три года назад, и все неоконченные, так и не знаю, отправил ли я их в свое время? Впрочем, не важно.

Чем живу? Ну, во-первых, как сам понимаешь — любовью. Кстати, с той женщиной, о которой я тебе рассказывал в последний раз, когда гуляли у мертвого «Севастополя», с которой я все не решался «начать», роман все-таки начался, он был по-своему интересным, то есть женщина была интересной. Но в ноябре-декабре 98-ого я сошелся с женщиной совершенно замечательной, с которой у меня до сих пор

роман. Одно время я вел два романа параллельно, почти год, но потом, динамика отношений с новой любовью, а я по-настоящему влюбился, на что уже не надеялся, привела меня к тому, что с той, первой, я уже не мог продолжать. Эта женщина, которую я, да, можно сказать — люблю, это совершенно удивительная женщина, у меня таких и в помине не было. Она умна и поразительно распущена. Такого секса у меня тоже никогда и ни с кем не было. Я впервые в жизни забыл о своих комплексах, и чувствую себя «царем зверей». А она — язычница, живет чувствами (сексуальность совершенно феноменальная), метафизика ей чужда, как и все то, что мне казалось важным в этом мире: смысл, целеустремленность, родство душ, она потрясающе красива: высокая, статная, и до сих пор пользуется изрядным успехом, на улице все дружно оборачиваются, мужчины и женщины, она просто притягивает к себе взгляды. Одна из наук, которые я прохожу с ней — наука не ревновать. Не ревновать к тому, что, как она говорит, «не считается». А она, как никто другой, дает мне почувствовать, что меня любят… Это наркотик… Я совершенно не понимал, что такое любовь, может поэтому и не любил никогда… Но я учусь теперь, и мне кажется, что немного получается… Единственно, что омрачает все это — возраст, и ее и мой. Мы ровесники. У бездны на краю… Это, конечно, придает определенную трагическую пикантность… Но иногда это тяжело даже «физически». Для женщины это возраст ужасный, и его «признаки» торчат отовсюду, да и самого себя иногда чувствуешь (хоть в зеркало не смотрись) старым поганым хреном. И тем не менее я люблю. Хотя все время на сердце какая-то тяжесть…

Кстати о сердце. Мне назначили «зондирование», это такой метод современной диагностики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний. Запихивают через артерию зонд с кинокамерой на конце и осматривают сосуды, если где «забито», то «прочищают», раздвигают стенки сосуда и так далее. Малоприятная процедура, но ее здесь делают

«направо и налево», то есть это считается весьма рутинной операцией. Вообще-то я чувствую себя нормально, но психологически как-то «подкошен», живу в опасениях, боюсь заниматься спортом, все «прислушиваюсь», не екнуло ли где…

Недавно посмотрел фильм Пазолини «Цветок тысячи и одной ночи». Сказочно красивый фильм о том, что жизнь не имеет смысла, она — просто узор на ковре, вышитый скучающей судьбой. Одному — такая ниточка, другому — другая, они могут причудливо переплетаться, а могут и оборваться внезапно.

Мой замысел «иудейских войн» пока не двигается. Я его не оставил, но и не приступил к нему. Впрочем, я читаю на эти темы (мозги уже работают плохо, медленно и неэффективно), размышляю, переписываюсь на философские темы с Матвеем, готовлю «философское обеспечение».

Из знакомств самым интересным за последнее время было знакомство с Сашей Соколовым, возникли даже отношения такой теплой симпатии, с моей стороны во всяком случае. Он, конечно, человек необычной, такой звериной, почти магической мужской силы. Я имею в виду не сексуальную силу (возможно и тут все в порядке), а какую-то особую суггестию, излучение красоты и силы. Он старше меня года на четыре, но выглядит замечательно и по-прежнему интенсивно занимается спортом (жена — профессиональная гребчиха, и они живут спортом, буквально, то есть зарабатывают). На осень-зиму он приезжает в Израиль, живет тут инкогнито, гребет, и никто ему не нужен. Говорит, что пишет, но мне кажется странным такой образ жизни, без общения, я без общения сразу задыхаюсь, как без воздуха. Но, наверное, есть самодостаточные люди с гигантской творческой энергетикой. Впрочем, после «Палисандрии» у него не вышло ни одной книги. Он, правда, утверждает, что написал роман, который сгорел в Греции, во время пожара в доме…

Ладно, Миш, чтоб все-таки закончить письмо, и отпра-

вить, прервусь.

Будь здоров. Жду твоего письма. Обнимаю

Наум

Перед отправкой позвонил Мише, спросил индекс. Он что-то говорил о Джордане («По ком звонит колокол»), я толком не понял. Отправил ему письмо, а когда возвращался с почты, нашел в своем ящике письмо от него. Вот интересные совпадения.

От почерка его отвык уже, не все сразу понятно, хотя, в общем-то, почерк твердый.

23.6. 2001 г.

Здравствуй, Наум!

Как твои дела? Надеюсь застать тебя в относительном здравии (сердце, к сожалению) — и всех домашних тоже.

Я сейчас читаю «По ком звонит колокол» — перечитываю конечно. Последний раз перечитывал два года назад. И вот интересная штука: помнишь ты мне объяснил в чем там дело в «Фиесте» — ну, почему герой не может любить Брет нормальным образом.

Так вот сейчас интересная штука: когда я перечитывал «Колокол», там дважды все ждут от Джордана, что тот застрелит Пабло. Но Джордан этого не делает.

Два года назад мне почему-то казалось странным это: застрелить человека, воюющего на твоей стороне. А теперь я понимаю — ведь Пабло просто бандит, и главное, по его вине и гибнет Джордан (Пабло украл и утопил взрыватели, и задача взрыва моста усложнилась).

Наверное, тебе Хемингуэй ближе: ты ведь тоже любил всегда всемирную историю и все с этим связанное… Ну, я более миролюбивый человек, но не могу не признать, что вот уже несколько тысяч лет только и льют кровь. Жажда власти? Наживы? Черт его знает. Иногда мне начинает казаться, что это где-то в крови у мужчин… Ведь и древние племена все время воевали, пока ресурсы не истощались,

и старейшины договаривались о «вечном мире»…

Пишет он (Хем), конечно, очень хорошо — то есть, я имею в виду детали (не говорю пока о концепции, образах и т.д.). Видишь все, как своими глазами… А это надо уметь.

Причем интересно: в молодости он ведь очень много работал над стилем: («глаголы-прилагательные») — а в «Колоколе» совсем уже не чувствуется этой работы…

Сегодня у нас суббота (у вас, надеюсь, тоже). Сегодня — день выпускных вечеров. Можешь вспомнить себя в 17 лет? («Где мои семнадцать лет? — На Большом Каретном!»)

Я — помню очень мало — детали помню. А ведь июнь 1965 года — жизнь, по сути, прошла целая.

Но сейчас совсем другая поросль — ты не узнаешь просто 17-летних: по сравнению с тем, кем были мы.

На одном полюсе терпеливое изучение языков, интернета, специальности — чтобы поступить в фирму и позволять себе всякие радости. Не просто, а хороший загородный дом с печью; можно жить и зимой. А ночных клубов — не было в 1978 году, когда ты уезжал…

А на другом полюсе — наркомания, и полное пренебрежение и к чужой жизни и к своей. Странное дело.

Но так, вообще говоря, очень многое из того, что было при тебе — такое же. Я сужу по разговорам с разными людьми — и многие так же считают.

Выходят всё новые книжки стихов — и большие книжки и малые. Проза — тоже. (Прибавь журналы!) Мерилом влиятельности и известности (нрзб): на сколько языков тебя перевели, все через Запад, глупо.

Айги — то ли на 35, то ли на 42. Я дружу с парнем, с которым он видится (у них близкие матери) — и вот, процесс вовлечения (прежде мой друг писал, (нрзб) мне, давал (нрзб)). Теперь: кто включил его в антологию, а кто нет…

Ну, дело житейское.

Наум, сердце пройдет — дай срок. И как сможешь, приезжай. Всем близким и знакомым передавай привет.

Миша

Прочитав, не нашел почтового штемпеля на конверте — хотел узнать, сколько шло письмо — и в письме не нашел. Позвонил Мише. А я, говорю, только что твое письмо получил.

— А там стихотворение есть? Когда она говорит Джордану: «Для тебя политика — это бог»…»

Нет, говорю, стихотворения нет.

— А, ну хорошо. Тогда я сейчас пойду и отправлю его. Это даже хорошо, потому что ты получишь уже исправленное, я над ним много работал. Оно большое, на три страницы. Это, может, будет тебе интересно, это об истории, о крови. … Я число поставил в письме, не может быть иначе, я всегда ставлю.

Пошел проверить. Нашел дату в начале письма, а я ее в конце искал, 23-го июня послано.

— Ого, больше двух недель шло…

— Ну что ж делать. А вообще-то, как и раньше.

— Да, как и раньше.

Посплетничали о Матвее.

— Он обленился, — сказал Миша. — Для него было сильным ударом то, что на его публикации никто не среагировал. Только какая-то американка написала, что есть такой Рувин, культуролог. А он думал, что мир вздрогнет. … Наум, ну ты соберись с силами и приезжай.

— Ладно. Может осенью…

10.7. Вчера позвонил Вернику, почему-то чувствую какой-то омерзительный долг демонстрировать ему свое дружелюбие. Он прошел очередную операцию и спал, а у Иры — воспаление легких, но она уже приходит в себя… В полдвенадцатого ночи он вдруг позвонил и ласково-плачущим голосом, уже не в силах отнестись к ситуации с полагающейся насмешливостью, поведал о своих болезнях, а также о болезнях жены. А потом так сладенько-сладенько, меня чуть не вытошнило, почти напевая, спросил:

«Нюма, ну а ты как? Как сердце?» Хотелось мне ему сказать, что сердце у меня железное, и иди ты на хуй, но — лежачего не бьют. Напустив серьезность, доложил обстановку. Надо же как-то взбодрить старика Пьеро.

И Л звонила. Долго говорили. Голос «любящий». Поменяла стратегию: оружие насмешливой бодрости и независимости списано, как неэффективное. Впрочем, может, оно и в самом деле уже проржавело.

От Зуса: *Написал хайбун о Ерусалиме, буду его печатать*
Посылал ли тебе — на англ.??
Кей вчера отбыла в Японию. Читаю о Берхтесгадене
z

Матвей — Науму

Прости, что долго не отвечал (и данное письмо — пока не ответ, а отписка), прижали со сроками сдачи переводов. И еще я читаю сейчас запоем две замечательные книги (за неимением времени сразу две, в шахматном порядке): «Великая цепь бытия» Лавджоя (последняя новинка) и «Vita activa» Ханны Арендт. У первого замечательные идеи относительно монизма/дуализма (по всему полю европейской мысли от Платона до Сантаяны), а у второй — относительно роли христианства в формировании новоевропейского сознания. Когда достаточно освоюсь с этими текстами, распишу их тебе в очередном Списке. Вышла еще толстенная современная (заново написанная) книга по истории еврейства (изд. «Гешарим», под ред. Эттингера).

С твоими суждениями по поводу Пазолини (тоже недавно видел этот фильм) я в принципе согласен.

Нашел в сети рецензию: **ИЗРАИЛЬСКИЕ ТУСОВКИ НАУМА ВАЙМАНА**

«Хласко писал более или менее традиционную прозу об Израиле 60-х. **Вайман** же написал довольно модный

сейчас внежанровый текст: смесь дневника, эссеистики, воспоминаний — и назвал получившееся ***«Ханаанские хроники»***. Основная часть текста — дневник 1993–94 годов. Описывается, в основном, литературная русскоязычная израильская тусовка. Персонажи выступают или под своими именами, или под весьма прозрачными псевдонимами. Некоторые воссозданы очень точно и выразительно: поэты **Тарасов, Шмаков**, критик **Гольдштейн** (сужу лишь о тех, кого знал лично).

Конечно, это среда вполне маргинальная, но Вайман пишет и об армейских сборах, и об израильской школе (он работает учителем), и о политике (Вайман очень правый). Все это вперемешку, кажется, о читателе автор совсем не думает, но оторваться от книги трудно, и в итоге складывается фрагментарная, конечно, но яркая и неприглаженная картина израильской жизни середины 90-х годов. Сам Наум Вайман — московский поэт круга **Гандлевского, Сопровского, Цветкова**. В Израиле он с середины 70-х. Впрочем, стихи Ваймана мне представляются значительно менее интересными, чем поэтическое творчество его друзей и чем его собственный прозаический опыт.

Повторю: мой выбор книг об Израиле вполне субъективен. Более популярные в России повести **Дины Рубиной** (***«Вот идет мессия…»*** и др.), мемуары **Михаила Козакова** (***«Третий звонок»***) содержат больше конкретных сведений о сегодняшнем Израиле. Но в целом эти книги в определенной мере поверхностны. Тексты Хласко и Ваймана дают возможность не столько даже узнать, сколько почувствовать Израиль. По-моему, это важнее. Мы ведь все-таки говорим о литературе.»

Леонид Циткин

Поехал на презентацию книги писем Авраама Штерна, кличка «Яир», к его подруге, «Письма к Рони». Половина писем написана по-русски. А Рони, в свои почти восемьдесят, по-прежнему хороша. Лет пятнадцать назад, когда

я с ней познакомился, она меня поразила своей величавостью. Книгу редактировал Аарон Амир. Среди прочих и он выступил. Такой же талант, как у Гольдштейна, талант прирожденных ораторов, только Гольдштейн оратор, хоть и блестящий, но какой-то анемичный, механический, сухой, как пулеметная очередь. А Амир — лед и пламень. Начал свое выступление с просьбы полностью осветить сцену: «Мы не в театре». Он, мол, не собирается «выступать». О должен сказать о том, что сейчас важно. О том, что Файсал Хусейни, с которым здесь носились, как с умеренным, опубликовал перед смертью в египетской газете свой план ликвидации Израиля, о чем в Израиле никто и не слышал, о том, что в «Нью-Йорк Таймс» была большая статья об интифаде, сочувствующая арабам, и опять никто в Израиле не отдал ей должное. Почему не слышно бойцов Лехи[1]? Бойцам Лехи сегодня за восемьдесят, а они все еще молчат. Но от него властям не будет поблажек. Еще сказал, что если бы тогда, в сорок первом-втором был постарше («впрочем, я бы тогда не выжил»), то отбил бы Рони у Штерна. «Знай, что я и сейчас тебя люблю».

Он и сегодня неукротим. От таких людей дух захватывает. И эпоха была им под стать, героическая. Передал Амиру свой рассказ «Солдатское», который Макаров перевел. Гробман с Ирой пришли с какой-то бабехой с русского телевидения, Лилей. Лиля на иврите не понимала и они быстро ушли. Выступал и брат Штерна, говорил с русским акцентом. И так странно, живы еще люди, для которых его жизнь — до сих пор часть их жизни, а ведь его убили в 42-ом, другая эпоха… Ицхак Шамир тоже пришел, с женой. И у него вышла книжка «Письма к Шуламит», то бишь к жене. В конце все встали и пели гимн Лехи «Неизвестные

[1] Аббревиатура организации «Бойцы за свободу Израиля», откололась от Эцеля и вела террористическую войну против англичан даже во время второй мировой войны, Яир, вождь организации, был убит англичанами во время ареста.

солдаты», стихи Яира, пятистопным русским ямбом: «и даже смерть не вырвет из рядов солдата родины…», «за нами встанут тысячи других»… Старики пели вдохновенный гимн своей яростной молодости, прошибая слезу…

От Юли Винер: *Наум*

посылаю Вам еще одну из своих толстых красоток — и вопрос: если я пошлю Вам написанную года два назад пьеску (небольшую, ок. 30 стр.) — будет ли это для Вас невыносимой нагрузкой? Вполне пойму, если скажете, что будет.

С приветом, Юля

Спасибо за «красотку», замечательная. Пьесу, конечно, пошлите. Только вот комплиментов не обещаю

Наум

Был у Зайчика. Насчет интервью он что-то не уверен… За «Засланца» ухватился, но я его огорошил тем, что «отрывки будут в „Зеркале“». Так что дело не ясно, обещал через неделю ответ дать.

Ходили в «Гешер», давали Стринберга, «Мадмуазель Жюли». Играли ужасно, ломали истерику, и вообще ничего не поняли, он же баб ненавидел, они у него недочеловеки. Там же чёткая иерархия: эта Жюли, «графиня», которая

еще не личность, а мятущаяся самка («Я не взяла от отца ни одной мысли, и нет такой страсти, которую я бы не унаследовала от матери»), выше стоит уборщица Кристина, потому что хоть «знает свое место». Неизмеримо их выше — мужчина, слуга Жан, а над Жаном только Господин, он же Господь, который не появляется, а только звонит в колокольчик, и тогда в Жане «просыпается раб».

12.7. *Вот еще красотка.*

Комплиментов, разумеется, хочется страстно, но рассчитывать, ясное дело, не приходится, где уж там! Но на слова какие-то отчетливые рассчитываю очень, затем и шлю.

Спасибо за внимание. Юля

Юля, дорогая, неинтересно мне все это, ну совершенно неинтересно, и не пойму, откровенно говоря, зачем «оно». Считай, что не в струю попало. Поначалу-то я, признаюсь, оживился, даже подумал: вот ведь, хорошо пишет, «живой диалог», молодец, а потом, как только «главное» -то началось, тут я и резко соскучился… Живой-то он живой, и пишешь ты хорошо (нет, правда, то есть умеешь), но… так я и не понял зачем эта фантастическая многозначительность. Прости.

Всегда твой (несмотря на разногласия по поводу коммен-

тариев к Блаженному Августину)
Наум

Фрейд, сверкая «одесским» остроумием, обращается к иудеям с лекцией о смерти «Мы и смерть» (сравни с «Сестра моя, жизнь»):

«Дорогие братья! <…> Каково же наше отношение к смерти? По-моему, оно достойно удивления. <…> Вы знаете девиз Ганзы: «Мы должны плавать, а жить не обязаны». Сравните его с еврейским анекдотом: мальчик упал со стремянки, и мать бежит за советом к раввину. «Объясни мне, — спрашивает раввин, — как еврейский мальчик попал на стремянку?» <…> Подобное отношение к смерти накладывает глубокий отпечаток на нашу жизнь. Она обедняется, тускнеет. Наши эмоциональные связи, невыносимая интенсивность нашей скорби делает из нас трусов, склонных избегать опасности, грозящей нам или нашим близким. … Жизнь теряет содержательность и интерес, когда из жизненной борьбы исключена наивысшая ставка, то есть сама жизнь. Она становится пустой и пресной, как американский флирт.

<…>

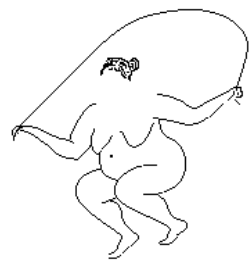
Мы потомки бесконечно длинной череды поколений убийц. Страсть к убийству у нас в крови. … Не будем заблуждаться на сей счет, мы по-прежнему те же убийцы, какими были наши предки в первобытные времена. Я могу рассказать вам об этом совершенно спокойно, потому что знаю, что вы мне не поверите. Вы больше доверяете своему сознанию, отвергающему подобные предположения как клевету. Но не могу удержаться и не напомнить вам о поэтах и мыслителях… Вот только один пример! Ж. Ж. Руссо в одной из своих книг обрывает рассуждения, чтобы обратиться к читателю с необычным вопросом: «Представьте себе, что в Пекине находится некий мандарин, чья кончина могла бы доставить вам большую выгоду, и вы можете убить его, не покидая Парижа, и, разумеется,

так, что никто не узнает о вашем поступке, простым усилием воли. Уверены ли вы, что не сделаете этого?» Что ж, я не сомневаюсь, что среди собравшихся здесь почтенных братьев многие с полным основанием могут утверждать, что они бы этого не сделали. Но, в общем, не хотел бы я быть на месте того мандарина и думаю, что ни одна страховая компания не заключила бы с ним договор о страховании жизни. <…> Бессознательное в нас не верит в собственную смерть. Быть может, именно в этом кроется тайна героизма… который проявляет себя таким образом, словно черпает уверенность в известном кличе саперов: «Ничего с тобой не случится!»

<…> «Самым задушевным нашим отношениям всегда присуща крошечная доля враждебности, дающая толчок бессознательному пожеланию смерти».

Si vis vitam — para mortem. Хочешь жить — готовься к смерти.

Винер встретила удар мужественно. Прислала еще бабу



Спасибо, рисунки гениальные
Наум

Матвей — Науму

Хочу заострить твое внимание еще на одном аспекте «еврейского универсализма», вернее, присмотреться к реак-

ции на него со стороны «неоязычества».

Кроме христианского и мусульманского антисемитизма, в последнее время, по моему ощущению, с возрастающей силой «набирает обороты» широкое, довольно разнородное и пестрое по составу движение, «подводная основа» которого зиждется на «дохристианских ценностях», а видимая часть прорывается на поверхность в виде «антиглобализма», «антимондиализма», «экологизма» и прочих эвфемистических вывесок, за которыми стоит национализм (а на самом деле расизм) ультраправых и отчасти ультралевых (скинхеды из этой же компании). Намечу пунктиром «генеалогию идеи».

Ницше:

«Тот, кто не верит в круговорот вселенной, должен верить в творящего произвол Бога. Выбор простой: либо монотеизм, либо цикличность».

«Иудеи — самый примечательный народ во всемирной истории: оказавшись перед необходимостью решать вопрос — «быть или не быть», они вполне сознательно предпочли во что бы то ни стало, любою ценою быть; ценою же была радикальная фальсификация природы, всего естественного; они поочередно вывернули наизнанку, превратив в противоречие их естественной ценности и неисцелимо извратив культ, мораль, историю, психологию. Вот почему иудеи и выступают как самый фатальный народ во всемирной истории: их воздействие внесло в человечество такую фальшь, что и сегодня христианин может быть настроен антииудейски, не понимая того, что сам он — конечный вывод иудаизма.

История Израиля неоценима как типичная история денатурализации ценностей природы. Первоначально, во времена царства, Израиль тоже обретался в правильном, то есть естественном, отношении ко всему. Яхве — бог Израиля и, следовательно, бог праведный; вот логика, которой следует всякий народ, на стороне которого сила, а потому и чистая совесть. Народ …благодарит бога

за годичный цикл и преуспеяние скотоводства и земледелия… Но далее народ мельчает; иудейская мелкота, в совершенной степени созревшая для того, чтобы заселить собою все бедламы мира, стала перелицовывать ценности по своему разумению. Как только между иудеями и иудео-христианами разверзлась пропасть, у последних не оставалось выбора — им пришлось применить против самих иудеев те самые инстинкты самосохранения, на какие толкал иудейский инстинкт; прежде иудеи пользовались ими лишь против неиудеев».

Мигель Серрано:

«Надо говорить так: «По богам их познайте их». Арийцы — язычники, а языческие боги живут и дают жить другим. Порой они воюют друг с другом, но никогда ради духовной исключительности, а только из-за разного понимания долга, в борьбе за сферы влияния или устраивают военные игры. Единый бог семитов, наоборот, исключителен. Кроме его истины, никакой иной не было и не будет. Если верить христианам, то до Христа человечество жило в «языческом заблуждении», во грехе. И для марксистов ничего не было до Маркса и ничего не будет после. Евреи всегда ставят часть выше целого. Для Фрейда существует только секс, для Маркса — только экономика. Иегова не позволяет никаким богам существовать рядом с ним. Это ревнивый, лунный, властный, исключительный бог. Таков же единый бог христиан. Сколь отличны от этого арийская концепция Лейбница с его множественностью монад или индийская санкхья с множеством пуруш. Настоящий ариец не может быть ни монотеистом, ни фанатиком истины, он всегда будет язычником со множеством богов и демонов, как греки, как индусы.

Яхве — это на самом деле не бог, а кибернетический монстр, созданный враждебным жизни Демиургом по образу и подобию своему. Сущность Врага рода человеческого — рациональное мышление. Отсюда можно сде-

лать вывод, что аналогичное мышление землян, как творения Демиурга, представляет собой ловушку, с помощью которой он удерживает их в оковах. Результат такого мышления — запрограммированность на борьбу за покорение материального мира и господство над ним с помощью рационалистической технологии и машин. Развитие в этом направлении ведет к роботизации самого человека. Таким образом, современная техническая цивилизация коренится в еврейском монотеизме. Это признают и сами христиане. Романо Гвардини, выражающий христианскую точку зрения, видит смысл подвига Христа в том, что он «дал человеку независимость от природы и от самого себя, христианство же дало импульс технической цивилизации»».

Людвиг Клагес:

«Понимание начинается с осознания того факта, что дух враждебен жизни. Начало мировой истории — это вампирическое вторжение духа в полярную первичную действительность души и жизни. Глубокая пропасть разделает переживание и осознание, Биос и Логос. Дух это не часть и тем более не венец души, а ее радикальный противник. Дух есть ориентация человеческой воли на покорение природы с помощью технически-инструментального разума. Воля — это сила, которая не стимулирует или движет жизнь, а тормозит ее, ограничивает и, в конечном счете, убивает. Воля это постоянно возобновляемое убийство жизни и ее символ — самоубийство.

Окончательной победой враждебного жизни начала было воцарение иудейского Яхве. Но «вверху», в самом зените, стоит неподвижно и всасывает все в себя бесцветная световая точка, антисердце мира, Логос. Историческое христианство это паулинизм, а паулинизм это особая форма яхвизма. Не современное естествознание, а еще возникшее из еврейской религии христианство запустило тот планетарный процесс секуляризации, жертвой которой стал почти целиком ранее наполненный мифами и симво-

лами «пеласгический» мир бессознательного созерцания и стихийного действия. Просвещение, эмпирически-рациональное естествознание и технико-промышленное завоевание мира уходят корнями в христианско-монотеистическую десакрализацию природы, ранее служившей объектом магических действий. Современная промышленно-техническая цивилизация, возникшая из христианства, антипразднична, антиэротична и антикосмична. Капитализм это практическое христианство. Внедряемая им во всем мире техника это современное воплощение Логоса».

Ален де Бенуа:

«Иудео-христианство делает из прошлого окончательно пройденную точку на линии, которая по необходимости ведет человечество из райского ада в мессианские времена».

А. Молер:

«Именно линейность является самой характерной чертой христианского мировоззрения. Об этом можно судить даже по писаниям самих христиан. Так, Р. Гвардини признает, что „содержанием всех великих религий до христианства был круговорот. Христос же этот круговорот взорвал“. Поэтому осмелюсь утверждать, что любая решающая атака на христианское мировоззрение должна начаться с опровержения идеи об „уникальности момента“. Противоположная же идея возвращения есть главная в том направлении, которое я называю „консервативной революцией“. Нет нужды подчеркивать, что она несовместима с христианством».

Анатолий Иванов:

«Согласно христианским верованиям, должен вторично явиться Христос. Время сейчас как раз наступает, но христиан ждет жестокое разочарование. Явится

не Христос, а новая религия, альтернативная христианству. Вспомним, чем было христианство в предыдущем цикле. Оно пришло в этот арийский цикл из еще более раннего шумеро-семитского цикла, в котором еврейская религия, послужившая его базой, была периферийной. Соответственно, по закону компенсации, новая религия должна прийти в наш проевреенный мир из предыдущего, арийского цикла. И тут самое время вспомнить альтернативу Ницше: Дионис против Распятого. Учение Ницше не только альтернативно, но и диаметрально противоположно христианскому. Значит, именно из него, по закону компенсации, и должна развиться новая религия. Только с одной поправкой: Ницше проповедовал вечное возвращение, оставаясь в плену представлений об открытом времени, тогда как в замкнутом времени правильней говорить не о вечном возвращении, а о вечном бытии».

Манифест ТУЛЕ-семинара (Европейские Синергии)

«Главный политический враг — США, а главный идейный враг — христианская теология.

«Новая культура» ищет свои философские корни в древней Индии и у греческих досократиков, философия которых была позже искажена еврейско-христианским универсализмом.

Новая школа решительно выступает против любых абсолютистских систем, которые несут с собой истины монотеизма, порождающие тоталитаризм. Общий знаменатель всех этих враждебных нам систем — это универсализм иудео-христианства.

Будущее имеет лишь тот народ, который сохранил свою изначальную генетическую субстанцию».

Тезисы Семинара праворадикальных интеллектуалов. (Москва, июль 2001)

«Нас может спасти только непоколебимая борьба за разнородный мир однородных народов: «Нет универса-

лизму еврейского христианства! Нет враждебной народам диктатуре мультирасового исчадия хаоса! Да жизнеутверждающей свободе всемирного многообразия этноса!»

Мне кажется, что настаивая на якобы изначальном «универсализме» еврейского духа (и видя именно в нем «еврейскую исключительность», если я правильно тебя понял), мы принимаем на себя обязательство либо присоединиться к этому «новому навету», либо отвергнуть его с позиций того же «либерального мондиализма» (ты, вроде, от него не в восторге), либо найти какие-то иные контраргументы. Что ты думаешь по этому поводу (если, конечно, это для тебя любопытный повод)?

Конечно, ты можешь сказать: истина дороже, друг мне скинхед или враг. На это я отвечу: а что если это не истина? «Если мне явится ангел, то откуда я узнаю, что это и на самом деле ангел? И если я услышу голоса, то что докажет, что они доносятся с небес, а не из ада или подсознания, что это не следствие патологического состояния?» (Сартр). У меня есть опасение, что голоса, шепчущие нам об «избранности» и «универсализме» еврейства, доносятся из ада подсознания, находящегося в патологическом состоянии. Это «внушенные» мнения, нашептываемые «вражескими голосами», «интериоризованные» наветы, принимаемые за «похвалы», унижающий нас якобы «возвышающий обман»…

Еще письмо от Матвея, вдогонку

У меня вдруг появилась возможность ответить на твой давний вопрос: «Что говорит об антисемитизме Адорно?»

«Оказалось», что в имеющейся у меня и читанной-перечитанной книге Хоркхаймера и Адорно «Диалектика Просвещения. Философские фрагменты» (М-СПб.: Медиум, 1997) имеется раздел (причем завершающий, итоговый) «Элементы антисемитизма. Границы Просвещения», который каким-то образом «выпал у меня из поля зрения». /Видимо, герменевтика Ваймана («Чтение с фонарем») подлежит раз-

витию: возможно чтение одного и того же текста как «с разными фонарями», так и «по фонарю»/. Забавно, что я делал перевод книги «Авторитарный человек» (автор теоретических разделов Адорно, редактор Хоркхаймер), «забыв» об «Элементах антисемитизма». Между тем оба текста написаны практически одновременно (1944—1947). Еще более любопытно, что в них дается ***разная*** *трактовка антисемитизма: в «Авторитарном человеке» либерально-оптимистическая (ну, «сдержанно-оптимистическая»), в «Диалектике Просвещения» — трезвая, безнадежная и по сути антилиберальная (ну, «сдержанно-антилиберальная»). По-видимому, «отдав дань» требованиям момента и «общественного служения» широкой публике, Адорно и его соавтор, в порядке компенсации, сделали одновременно и «эзотерический вариант» безотносительно к моменту и для узкого круга, перед которым «реабилитировали себя» за либеральное пустозвонство. /Конечно, я малость преувеличиваю: обе трактовки в чем-то пересекаются, — но тенденция именно такова; например, в «Диалектике Просвещения» вообще не используются термины «авторитарный человек» и «демократический человек», которые являются системообразующими в «Авторитарном человеке»; естественно, в Еврейской энциклопедии Адорно рекомендуется как создатель концепции «авторитарного человека», а о «Диалектике Просвещения» даже не упоминается/. Не менее любопытно то, что и концепция Ханны Арендт создавалась «там же, тогда же»; вообще все трое были людьми «одной судьбы»: одновременное бегство из Германии, переселение, после «пересадочного пункта», в Америку и попытка осмысления того, что с ними произошло. При этом как раз эти трое были «наилучшим образом подготовлены» к такому осмыслению: кроме подсуетившейся «судьбы», была и хорошая теоретическая подготовка, у Арендт «экзистенциалистская» (Ясперс, Хайдеггер), у Адорно и Хоркхаймера «фрейдо-марксистская» (Гегель, Маркс, Фрейд). Данное обстоятельство прямо-таки «толкает»*

на сопоставление двух трактовок (оно наверняка существует, но мне остается неизвестным; да почему бы и не изобрести свой велосипед?). Создается впечатление, что именно эти концепции являются основополагающими в «современном» («после Холокоста») видении проблемы. Я в данный момент столь широких (сопоставительных) целей не ставлю (тем более что Арендт еще толком не прочел), а просто законспектирую для тебя тот раздел «Диалектики Просвещения», который касается «религиозного происхождения антисемитизма». /Насколько помню, я эту книгу когда-то тебе предлагал, но ты ее не заказывал; возможно, она у тебя все же есть, но и в этом случае конспектирование не повредит — прежде всего мне самому. Оговариваюсь, что пересказываю чужое и не даю никаких оценок. Это можно будет сделать позже, если тема тебя заинтересует/.

* * *

То рвение, с которым антисемитизм отрицает свою собственную религиозную традицию и сводит дело к «чистоте расы и нации», свидетельствует о том, что она ему присуща ничуть не менее чем в прежние времена профанная идиосинкразия — религиозному фанатизму. Религия не была упразднена, а стала использоваться в качестве культуртовара. Фанатическая вера, которой похваляются фюрер и его свита, не является иной, чем та озлобленная, что прежде держала под своим влиянием отчаявшихся, пропало лишь ее содержание. От религии любви у немецких христиан не осталось ничего, кроме антисемитизма.

Христианство является не просто рецидивом предшествующего иудейства. При переходе от генотеистического /«религиозно-племенного»/ к универсальному облику его богу так и не удалось полностью избавиться от черт природного демона. Ужас, ведущий свое происхождение от древнейших анимистических времен, переходит с природы на понятие абсолютной самости, которая в качестве ее творца и повелителя совершенно подчиняет себе природу. *(Здесь и далее уже я подчеркнул, с карандашом*

читаем-с.) При всей своей неописуемой мощи и великолепии, которыми наделяет его такое отчуждение, оно все же доступно мысли, которая, именно соотносясь с высочайшим, трансцендентным, становится универсальной. Бог как дух противостоит природе в качестве иного принципа, который является не просто ручательством ее слепого кругооборота, как все мифические божества, но способен избавить от него. Но его абстрактностью и удаленностью в то же время лишь усиливается ужас перед несоизмеримым, и упорное словосочетание «я есть» ничего, кроме себя, не терпящее, превосходит по части неизбежного насилия слепой, но потому и более неоднозначный приговор анонимной судьбы. Бог иудаизма требует то, что ему причитается, и рассчитывается с нерадивыми. Он опутывает свое творение паутиной провинностей и заслуг. В противоположность этому христианством подчеркивался момент милосердия, в самом иудаизме, правда, содержащийся в союзе Бога с человеком и в мессианских обещаниях. Это смягчило ужас перед абсолютом благодаря тому, что твари дано было вновь обрести самое себя в божестве: божественный посредник носит человеческое имя и умирает человеческой смертью. Его посланием было: отбросьте страх; закон ничто перед верой; превыше всего величия любовь, единственная заповедь.

Однако в силу тех же самых моментов, посредством которых христианство разрушает чары естественной религии, оно вновь порождает, хотя и в спиритуализованном облике, идолопоклонство. В той же самой степени, в какой абсолютное приближается к конечному, конечное абсолютизируется. Христос, ставший плотью дух, является обожествленным магом. Человеческая саморефлексия в абсолютном, очеловечение Бога посредством Христа есть proton pseudos. Прогресс по сравнению с иудаизмом оплачивается ценой утверждения, что человек Христос был Богом. Именно рефлективный момент христианства, спиритуализация магии является причиной всех бед. За духов-

ную сущность тут выдается как раз то, что, предшествуя духу, оказывается сущностью природной. Именно в развитии опровержений подобного рода притязаний со стороны конечного проявляет себя дух. Таким образом, нечистая совесть рекомендует в качестве символа фигуру пророка, в качестве метода претворения — магическую практику. **Это делает христианство религией, в известном смысле единственной: интеллектуальной привязанностью интеллектуально подозрительной, особой культурной сферой** (??). Как и великие азиатские системы, дохристианское иудейство едва ли в чем-либо расходилось с принципами национальной жизни, с всеобщим принципом самосохранения верой. Трансформация языческого ритуала жертвоприношения происходила не просто в области культа и не просто в области нравов, она определяла собой форму производственного процесса. В качестве его схемы жертвоприношение рационализируется. Табу превращается в рациональный регулятор процесса труда. Оно упорядочивает администрирование, процессы сева и сбора урожая… И даже если эти правила возникают не из рациональных соображений, то, по меньшей мере, из них возникает рациональность. Стремление освободить себя от непосредственного страха создало у примитивных народов институт ритуала, в иудаизме он был превращен в священный ритм семейной и государственной жизни. Жрецы были назначены смотрителями над тем, чтобы обычаю следовали. Их властная функция в теократической практике была очевидной; христианство, однако, желало оставаться спиритуальным даже там, где оно стремилось к господству. В идеологии оно порывает с принципом самосохранения посредством последней жертвы, жертвы Богочеловека, но как раз тем самым обрекает обесцененное существование на профанацию: моисеев закон упраздняется, однако как кесарю, так и Богу воздается причитающееся. Мирская власть либо признается в правах, либо узурпируется, христианская вера становится ведомством, обладающим кон-

цессией на благодать. Преодоление принципа самосохранения посредством подражания Христу возводится в ранг предписания. Так жертвенная любовь лишается своей наивности, отделяется от естественной и учитывается в качестве заслуги. Опосредованная знанием блага любовь должна при этом быть, тем не менее, непосредственной; природе и сверхъестественному надлежит достигнуть примирения в ней. В этом состоит ее неистинность: в ложноутвердительном толковании самоотречения.

Толкование является ложным потому, что церковь (живущая тем, что люди в следовании ее учению… усматривают путь к спасению) все же не способна гарантировать достижение цели. То обстоятельство, что обещание блаженства не имеет обязательной силы, этот иудейский и негативный момент в христианской доктрине, релятивизирующий магию и, в конечном итоге, саму церковь, втихомолку отбрасывается наивным верующим, для которого христианство, супернатурализм, становится магическим ритуалом, естественной религией. Он верует только благодаря тому, что забывает свою веру. Он внушает себе знание и уверенность, совсем как астрологи и спириты. Это не обязательно хуже спиритуализованной теологии. Итальянская старушка, в простоте веры своей ставящая свечку св. Геннаро за своего на войне находящегося внука, возможно более близка к истине, чем свободные от какого бы то ни было идолопоклонства папы и архипастыри, благословляющие оружие, против которого бессилен св. Геннаро. Но для простоты сама религия становится эрзацем самой себя. Предчувствие того сопутствовало христианству с самых первых дней, но только парадоксальные христиане, антиофициальные, от Паскаля через Лессинга и Кьеркегора вплоть до Барта, превратили его в стержневой момент своей теологии. В этом осознании они были не только радикальными, но и терпимыми. Однако другие, те, кто гнали от себя это подозрение и с нечистой совестью убеждали себя, что обладание христианством им гаранти-

ровано, с неизбежностью утверждали свое вечное блаженство за счет мирского несчастья тех, кто не совершал этой мрачной жертвы разумом. Таково религиозное происхождение антисемитизма. Приверженцы религии Бога-отца навлекают на себя ненависть приверженцев Сына Божьего за умничанье. Это вражда ставшего косным в обличье блага и святости духа — против духа. Злоба для христианских юдофобов является той истиной, которая способна противостоять злу, его не рационализируя, и позволяет упорно держаться за идею незаслуженной благодати вопреки всему ходу вещей и самому порядку спасения, которому они будто бы призваны способствовать. Антисемитизм призван констатировать, что ритуал веры и истории оказывается прав в том, что выполняется над теми, кто отрицает такого рода правоту.

Цивилизация является победой над природой. Евреи сами в течение тысячелетий принимали в этом участие, своим просветительством ничуть не менее чем цинизмом. Как представители древнейшего из доживших до наших дней патриархата, воплощения монотеизма, они преобразовывали табу в цивилизаторные максимы еще тогда, когда другие по-прежнему придерживались магии. Евреи, судя по всему, преуспели в том, над чем безуспешно трудилось христианство: в лишении магии власти ее собственными силами, в виде богослужения. Ими уподобление природе было не столько искоренено, сколько снято в чистых требованиях ритуала. Тем самым им удалось сохранить примиряющее воспоминание о нем, не впадающее при этом посредством символов обратно в мифологию. Поэтому-то прогрессирующей цивилизацией они и считались одновременно и отсталыми, и слишком уж ее обогнавшими, похожими и непохожими, умными и глупыми. Их обвиняли в том, с чем они, как первые бюргеры, порывали в себе прежде всех: в соблазненности низменным, в тяге к животным и земле, в идолопоклонничестве. Так как они изобрели понятие кошерного, их преследовали как свиней.

Антисемиты превращают себя в исполнителей заповедей Ветхого Завета: они заботятся о том, чтобы евреи обратились в прах за то, что вкусили от древа познания.

Совершенно безотносительно к тому, какими свойствами обладают сами по себе евреи, их образ, будучи **образом побежденного (!)**, несет на себе черты, неизбежно делающие его заклятым врагом ставшего тоталитарным господства: черты счастья без власти, заработка без труда, родины без пограничных столбов, религии без мифа. Эти черты осуждаемы господством потому, что порабощенные втайне страстно хотят ими обладать. Господство способно существовать лишь до тех пор, пока порабощенные сами превращают страстно желаемое в ненавистное. Тот взгляд, который напоминает им о свободе, должен поражать их как взгляд слишком уж наивного соблазнителя. Не параноидальный, доверительный взгляд заставляет их вспомнить о том духе, который умер в них. Ненависть является негативом примирения. Примирение же есть высшее понятие иудаизма. Антисемитам свойственно собственными силами претворять в действительность их негативный абсолют, они превращают мир в ад, каковым он всегда им виделся. Успех или неуспех этого превращения зависит от того, сумеют ли перед лицом абсолютного безумия порабощенные совладать с самими собой и положить ему конец. Благодаря такому шагу сбылась бы в то же самое время и фашистская ложь, в качестве собственного ее опровержения: еврейский вопрос оказался бы и в самом деле поворотным пунктом истории. С преодолением болезни духа, буйно расцветшей на питательной почве не сломленного рефлексией самоутверждения, человечество, осознавая свой собственный образ, превратилось бы из всеобщей антирасы в вид, который, будучи природой, все же был бы чем-то большим, чем природа.

Наум — Матвею

За конспект Адорно спасибо (книжки этой у меня нет),

философ оказался интереснее, чем я предполагал (я на нем, как на «леваке» ставил крест). Его критика христианства — блеск!

А вообще ты густо насыпал, не знаешь за что взяться…

Насчет того, что «евреи не чувствуют природу», то это довольно распространенное мнение. И ты знаешь, в этом что-то есть. И в Ветхом Завете природы немного, а в Талмуде, еврейской средневековой философии, в Кабале — тем более. Как-то она их, евреев, не интересует, они больше сосредоточены на работе мысли, на метафизике, или на устройстве человеческого общежития. Ну а в Ветхом Завете — на Боге, на взаимоотношениях с ним, и на истории, как следствии этих взаимоотношений. И это как-то связано с монотеизмом. И не важно религия ли создала национальный характер, или характер — религию (скорее всего так), как говорится, кто кого позвал, а важна эта сосредоточенность на мысли, на внеприродном. Но что интересно: именно греки-язычники, чьи боги действительно связаны с природой, создали, придумали, можно сказать, религию универсального разума, религию Логоса. И это греческая идея (кажется, Парменида) о тождестве бытия и мышления. То есть бытие человека в мышлении, а не в природе. Здесь отделение человека от природы. И в то же время Еврей никогда бы не сказал: мыслю, следовательно существую. Разница с евреями в том, что Логос — рационален, а Егова — стихия! И иудаизм никогда не противопоставлял человеческое бытие и природу! Это противопоставление началось в христианстве, думаю, что как следствие греческого мышления, а не иудейского. И я готов понять беспокойство «неоязычников» насчет противостояния между разумом и природой, когда разум встал на природу: у Серрано рациональное мышление — враг рода человеческого, у Клагеса Логос также враждебен жизни. Но причем тут евреи? Претензии, пожалуйста, — к грекам. И потом у Клагеса Дух и Логос почему-то одно и то же — о духе как-то привычней думать, что он иррационален, стихиен (дух веет, где хочет). И воля

у Клагеса — орудие духа-логоса, разрушающее жизнь, хотя в системе философии жизни (Ницше, Шопенгауэр) воля — это воля к жизни, элан виталь т. ск., опять же — стихия. А это, как мы уже разобрали, ближе к еврейскому Богу. Правда, как утверждает Адорно, поскольку своеволие еврейского Бога безгранично, то Он может не только создать мир, но и «избавить от него», но это все-таки угроза другого рода, и Клагес с Серрано боятся не своеволия, а рационализма, не божественного приговора, а злой воли человеческого разума. Интересно, что хотя Адорно с Хоркхаймером почти марксисты-рационалисты, но их тоже пугает царство Разума в виде машинной цивилизации. Как пишет Клагес, «современная промышленно-техническая цивилизация… антипразднична, антиэротична и антикосмична». И я не вижу тут логической ловушки, в том смысле, что сочувствуя романтикам, я как бы сочувствую антисемитам. Антисемитов везде полно, кому ни посочувствуй… А эти ребята, которых ты цитируешь, просто «плохие романтики», а их «антисемитизм» — обычное использование предрассудков (в том числе и собственных) в качестве орудия агитации и пропаганды против идейных противников. Ополчившись на Разум, они пытаются его «демонизировать», привязать к какой-то древней и могучей традиции (страшен враг!), но поскольку любят греков, то их «не трогают», а цепляются к евреям, строят цепочку иудаизм-христианство-рационализм: христианство, де, породило рационализм и универсальность, а христианство — порождение иудейства, так что в корне современного рационализма сидит жид, «кибернетический монстр». Я готов согласиться, что христианство враждебно жизни, но вовсе не «рациональной» своей стороной (если она вообще существует). И зачем (если не в целях пропаганды) выводить христианский рационализм из иудаизма, когда общеизвестно, что рационализм, и его прекрасный продукт — философию, «изобрели» греки-язычники, дети «естественной» религии, именно в центре представлений язычников-греков стоял Логос, как

некий универсальный вседержитель, они — отцы рациональной философии и атеизма, вплоть до отрицания всех богов (богов порождает страх, как говорил Лукреций)! И вообще, если суть «естественности» в связи с природой, то рациональность сама по себе вовсе ей не мешает, тем более, что наука (высшее проявление рациональности) занимается именно познанием природы… Христианство у Клагеса «десакрализирует природу». Допустим. В смысле — нет в ней души, одна материя. И при этом сакрализирует человека, полагая его «одухотворенным», противопоставляет человека природе-материи и тем самым, возможно, и в самом деле несет гибель и ему, и всему живому. Природа просто не интересует христианское богословие, она к делу христианского Спасения никак не относится, а если и относится, то, как враг, как сила, «опускающая» человека во мрак материализма!

Более того, к рациональности, философии и науке не имеет отношение не только христианство, как магическая религия, но и язычество — рацио с верой вообще не вяжется. Ведь и язычество базируется на магии, как прекрасно показали Доддс и Фестюжьер. К чему сводятся языческие богослужения? К хождению по оракулам за предсказаниями и гаданию на птичьих потрохах, ну и к жертвоприношениям — умилостивить богов. Против такой магии восстает разум (а не коварство иудеев, разрушающих своей подлой религией связь арийцев с природой), и именно в языческой древности мы видим череду великих атеистов, вроде Эпикура или Лукреция.

И я думаю, что рацио, вера в Разум это действительно какая-то особая религия. И евреи в ее отцы никак не годятся. И Бог евреев, с его бешенством и всевластием, уж никак не похож на рационалиста. Шестов искал спасения от рационализма именно в безоглядной вере в бешеного, непредсказуемого иудейского Бога. Другое дело, что евреи пытались внести законность и упорядоченность в бытие человека, рационализировали, как пишет Адорно, обрядность, заменив

магию предписаниями, такой рациональной формой богослужения, так что ж в том плохого? Наоборот, тут, возможно, и найден некий чудный баланс между разумом и природой-стихией. Именно у евреев жизнь человека — не в какой-то враждебной телу «душе» (нет в Ветхом Завете такого понятия), а в крови, т.е. в материи-природе. И я хоть и романтик, в кавычках или без, но мне хочется и разум защитить от панических нападок «охранителей природы». Да, Разум пытается подчинить себе природу, для этого он ее и познает, но, познавая природу, он стремится не разрушить ее, а найти инструменты для ее обуздания и приспособления для нужд человека! А в идеале — и человека к ее нуждам.

Ну, а евреям, как и положено, влетит за всё: и за то, что придумали христианство, и за то, что его не приняли, и за то, что «колдуны», и за то, что чересчур рациональны, и за то что капиталисты, и за то что коммунисты.

Теперь насчет «антиглобализма», «антимондиализма» и «экологизма». Ты считаешь, что за этими вывесками «стоит национализм ультраправых и отчасти ультралевых». Да, существует критика глобализма справа, со стороны националистов, но зачем, в угоду коммунякам и левакам обзывать их «ультраправыми» и «расистами»? Почему не считать их борцами за свободу против новых глобальных империй? И я вполне разделяю неприятие христианского универсализма, только из призыва «Нет универсализму еврейского христианства!» убрал бы слово «еврейского». Конечно, среди леваков всех мастей, начиная от первых христиан, было полно евреев (и до сих пор, просто ужас какой-то), но все же это евреи вышедшие из еврейства, покинувшие его ради своего придуманного универсального братства, и с этого момента все эти троцкие, зиновьвы и каменевы к еврейству отношения не имеют. И они тоже критикуют «глобализм», но только потому, что хотят чтобы это был не капиталистический глобализм, а коммунистический. Из моего личного знакомства с активными участниками «ультралевого крыла» этого движения Александром Бренером и Барбарой Шульц (еврей

и немка — горючая смесь), могу засвидетельствовать их несгибаемый интернационализм и антирасизм, что неудивительно, так как их основные надежды — на революцию черножопых. И на почве антикапитализма они активно (физически, участвуя в международных потасовках) выступают против всякой «глобализации», как капиталистической затеи по порабощению угнетенных (исламская революция для них — тоже борьба угнетенных). И ни о каких «дохристианских», как, впрочем, и о христианских ценностях я от них не слышал, а люди они в этом движении не случайные, «теоретики», и весьма подкованные, особливо немка, у меня и книги их есть, пишут на пару и издают свою продукцию параллельными текстами, по-русски и по-немецки. И, конечно, занимают активную антиизраильскую позицию, с трудом балансирующую на грани ненависти к евреям (в чем вряд ли признаются — мы, де, не против евреев, а против сионизма –, тем более что тут возможны нюансы, так еврей Бренер в личных беседах был склонен «дать слабину» и «пособить родному человечку», но беспощадно раскритикованный немкой поджимал хвост). В общем, ты неоправданно свалил всех в одну кучу-малу: «неоязычество», «мондиализм», «национализм», «скинхедов» (да я сам скинхед) и прочих разных шведов.

Честно говоря, наличие евреев (в таком непропорциональном количестве) во всех затеях «христианского универсализма» сильно смущает. Но что делать, это только подтверждает мою мысль, что универсализм порожден именно монотеизмом, то есть, иудаизмом. Так что «вина» иудаизма тут есть (и морализаторство пророков ты правильно отметил — что это, как не основы универсальной этики). Этот универсализм и оборачивает против еврейского «партикуляризма», против Израиля. Но все же основной и глобальной причиной антисемитизма, истоком, так сказать, является претензия на «избранность», которая есть «самозванство» (причем я этому слову не придаю чисто отрицательного значения, нет, в самозванстве есть, если

угодно, и дерзость, и воля, и фанатичное упорство, которое одно только и может доказать «подлинность» самозванства, упорство до конца, до самопожертвования). В принципе, избранность и универсализм — вещи несовместные, и не в универсализме суть еврейской избранности: факт, что иудейство не приняло паулинизма, но у этих милых деток один и тот же «папа» — монотеизм. Если Бог Один и Един, то он Бог всех. И он не станет Богом всех, если «ты» (еврей в данном случае) их, этих «всех», в этом не убедишь. А если убедишь, то не жди, что они придут руки тебе целовать, они придут права свои универсальные качать, а твое избранничество — отрицать.

Кстати, и левак Алан Бадью в «Апостоле Павле» поет о том же: «Иудейский дискурс — дискурс исключительности, ибо пророческое знамение, чудо, избранность означает трансцендентность как нечто потустороннее природной тотальности. Сам иудейский народ является одновременно и знамением, и чудом и избранником. Он в полном смысле слова исключителен. Греческий дискурс выводится из космического порядка, чтобы приладиться к нему, тогда как дискурс иудейский проистекает из исключительности в этом порядке, чтобы стать знамением божественной трансцендентности».

Да, еврей выламывается из «природного цикла», но ведь и человек из него выламывается, и религия это только зафиксировала. Так что честь ему, Еврею, и хвала: в своей религии он как бы «отразил» этот эволюционный скачок. Адорно пишет (согласно и с твоими мыслями), что иудейскому «богу так и не удалось полностью избавиться от черт природного демона». То есть попросту, от элементов язычества. Но все равно «Бог как дух противостоит природе в качестве иного принципа, который является не просто ручательством ее слепого кругооборота, как все мифические божества, но способен избавить от него». Это фактически означает веру в возможность человека изменить мир. И человек действительно меняет его. За что же тут нена-

видеть еврея? Из страха, что изменение — есть разрушение? Ну вот и включайте разум, чтобы изменять по-умному, не разрушая. А вдруг именно этот путь приведет к спасению, хотя бы к долголетию? Но Адорно тоже, по сути, ополчается на рациональность, считая, что христианство «смягчает» иудаизм, выдвинув на первый план не Закон, а веру: «отбросьте страх; закон ничто перед верой; превыше всего величия любовь, единственная заповедь». Ничего себе «смягчает»! Да это чистый иррационализм! У Адорно получается, что христианство — это иудаизм «для бедных», точнее, для «нищих духом», профанация иудаизма. Счастье (былое) Европы, что она никогда до конца христианство не приняла и осталась языческой, античной, верящей в закон и меру.

Я уже писал тебе, что читаю Жирмунского о немецком романтизме. Романтизм был явной попыткой создать «новую религию», увенчавшейся ницшеанским «возвратом к Дионису». Но религию не создашь декретами, романами или философскими рассуждениями. Для религии нужен миф. А такого мифа, как миф о Христе, они не нашли. А на «религию без мифа» — у них духа не хватило. Вот и пришлось «натягивать» христианство буквально на все, как безразмерный чулок.

А христианство — это не столько победа над природой, сколько насилие над природой, в том числе и над природой человека, в том числе и в выхолащивании «земной» любви. И тут оно действительно против иудаизма, что Розанов проницательно и отметил. Христианство сделало человека выше природы, а так никто не договаривался. Это уже — «взбесившееся зерно».

Мне понравилось у Адорно выражение «образ побежденного». Конечно же это тоже причина антисемитизма. Тем более, что это образ побежденного, упорно не признающего свое поражение. Об этом и Лурье писал, что побежденные верили в богов победителей, иначе и быть не могло, ибо их поражение, это поражение их богов. Лизнули бы жопу побе-

дителям, может и простили бы. Что все эти русские выкресты вроде Мандельштама-Пастернака-Бродского и делали (жид крещеный — вор прощеный). А они — на своем стоят. Ах так? Дай-ка мы еще человечка помучаем, проверим, так ли уж стоек!

Как обычно, накалякал нечто сумбурное… ну да ладно. За Адорно еще раз спасибо.

Позвонил Тарасову. Никак не выйдет из «штопора». Уже есть новый номер «Сплетения» и там его проза «Бомба на тарелочке». Надо посмотреть.

17.7. Гастроли Большого, жена ходила на «Спартак». Вернулась возбужденная. У нашего «дружка» появились новые клички: «Спартачок» и «гладиатор».

«С детства я не любил иереев, потому что думал, что иерей это еврей, только по-старославянски» (из «письма к другу» С. Н. Булгакова отцу Флоренскому).

Вдруг позвонила. Вернулась. Счастлив. Завтра увидимся.

18.7

… — Все… я счастлива… Ты мой родной, любимый, хороший!… Ох, как же я тебя люблю!

Играли в любимую игру: я поил ее водой изо рта в рот, маленькими глоточками, долго. Она при этом ужасно возбуждается.

— А можно я потрогаю? Можно? А тебе приятно, когда я трогаю? Потрогай, какая я мокрая.

В машине, по дороге домой:

— А когда ты видишь красивую женщину, у тебя встает?

— Не обязательно.

— А когда молодой был?

— Увидел — и сразу встает? Не помню такого.

— А если мы рядом, и ты берешь меня за руку?

— Ну, это другое дело. Когда касаешься…

— А от мысли бывает?

— Бывает. То есть бывает, что возбуждаешься…

— А что значит возбуждаешься?

— Это не значит, что сразу встает. Ну, приходит в некоторое оживление… И потом есть разные углы подъема.

— А со мной у тебя только в гостинице встает?

— Нет, почему. Когда вижу тебя, или слышу, или касаюсь…

— А почему ж я не замечаю?

— А ему говорю «цыц!».

— Зачем?!

— Ну… неудобно…

— Что, ходить неудобно?

— Просто… неудобно, когда торчит.

— Ну и зря.

Позвонил Рисс.

— Читал объявление: «Гастроли Большого театра в Кармиэле»? Только ради этого стоило заниматься сионизмом.

19.7. Утром, гуляя по парку, звоню:

— А у меня — рот до ушей!

— А у меня рука тобой пахнет. Правая. Выше кисти…

Сообщил, что назначили процедуру.

— Ты не боишься? Я почему-то ужасно боюсь. У меня прям всё вниз живота ушло… Получила расписание на следующий год. Свободного дня нет…

— Ладно, видно будет. Захотим, найдем время.

Письмо от Миши

10.7.2001 г.

Здравствуй, Наум!

Как поживаешь? Как здоровье мамы, Риммы, сыновей? Я

уж по телефону не решился спросить, как твои сердечные дела (я здесь, в медицинском смысле).

Напиши мне подробно, как ты привыкаешь к несколько новой ситуации, легко ли стало плавать и играть в теннис?

(Про «сердечные» дела я тоже послушал бы — если бы ты решился пооткровенничать. Не может быть, чтобы «Ханаанские хроники» исчерпали всю твою тягу влюбляться…)

А я тут в тот же день, что мы с тобой говорили по телефону, говорил с другим человеком о «Колоколе» Хемингуэя, и прозвучало примерно следующее: есть странное (на самом деле обычное) сходство. Так же, как Гольц, даже получив письмо от Джордана с советом отменить наступление — противник подготовился и просто ушел — даже получив, в последний момент, на боевой позиции, по телефону ему прочитали текст, все же машет рукой: «Начинаем!» Танки готовы, самолеты заправлены — начинаем. А вдруг танки обойдут, а самолеты противника рухнут. (Кстати, именно Гольц дал приказ Джордану взорвать мост, как только начнется наступление — и тот потерял жизнь — хотя и «спокойно»).

То есть я к чему веду? Не будет ли для твоей книги об Иудейских войнах… эта история в Испании примером и импульсом.

Борьба за безнадежное дело. (По совести, чем я старше делаюсь, тем больше понимаю, что все мои 54 года были борьбой за безнадежное дело. Честно. Я начал понимать, что возможен только компромисс. Что такую женщину, которую я хотел бы любить, я не встречу — хотя вообще они в природе есть. Но что-то всегда мешает… И та же история с дружбами, и та же история с литературным признанием. По совести, я «его» знаю — то, что мешает — это, собственно, жизнь. В ней слишком много всего и одно противоречит другому. Вот, хочешь, чтобы было вот так — и одновременно чувствуешь, что неосознанно, в глубине, хочешь другого…

Ну, историю моих поисков ты знаешь — но начало

78 года, а потом в письмах — да и ты достаточно проницательный человек, чтобы понять, что к чему — и без моих рассказов. Будет кому мне воду подать, когда мне будет семьдесят лет — или придется ползти к крану самому — не знаю. Тебе это покажется смешным, но я еще шучу. Еще надеюсь. Дело только не в чашке воды — а в том, что… ну, не буду.

Так вернемся к «Иудейским Войнам и к Испанской Войне. Война за безнадежное дело.

Действительно, воевать с Римлянами — ну не безумие!? Но вот — духовное напряжение таково, что начинаешь и ведешь <u>такую</u> войну. (Кстати, ты, как человек, гораздо больше меня читавший, скажи: было больше погибших — или больше ушло в рассеяние?)

В общем, может быть история с Гольцем в 36 (?) году даст импульс твоей книге о начале нашей эры…

Наум, у меня <u>записан</u> твой e-mail, но ты диктовал мне по телефону. <u>Напиши</u> мне его — только аккуратно, чтоб я видел, где точка есть, а где нет…

Ну вот, рассказывать про политику я тебе не стану — ты знаешь больше моего, но если можешь, пошли мне положение <u>у вас</u>.

А теперь мое стихотворение.

У Хемингуэя в «Колоколе»
партизан говорит Джордану:

«Для тебя политика
как Бог!»

А я писал
Много лет назад:

«По ту сторону истории
льется не Время
а кровь

.....

«Пали в религиозных войнах
Первой трети двадцатого столетия.»

Кровь не просто красная жидкость —
она густеет. Сворачивается.
Оттого так трудно перерезать себе вены.

В начале тысячелетия
Шли освобождать Гроб Господень.

**1) В начале нашего века*
Освобождали рабочий класс.
**2) А он сам освободился:*
ну, не так уж много
свободы
но жить можно…
А в середине века —
вагоны, вагоны,
рельсы разбегаются
вправо и влево,
болт болтается и стучит
о днище вагона.
Все так
И все-таки — Варшавское гетто.

«Куда нас ведут?»
и остался ли
хоть какой-нибудь
Бог
**3) на этой земле?*
И забойная музыка —
и забой?
А ведь когда-то я записывал на пленку:
**4) Now when you climb*
Into your bed tonight, And when you lock
And bolt the door,
Just think of those
Jut in a cold and dark,
«Cause there's not enough love
To go round…
Sympathy, наверное, Это и есть Бог

М. Ф.

*Дальше примечания к тексту, по номерам, с *1)…*
теперь уже прошлого двадцатого
2. автор отдает себе отчет
в той кровавой борьбе, при помощи которой
«рабочий класс» стал
жить лучше
3. автор понимает, что
Бог не на земле, а на
небе… Это метафора
по сходству с английским
«Is just there (нрз)…
on this earth» (или даже
on the surface of the earth»).
4. «Rare Bird»
«Sympathy»

(первый из двух куплетов)
«Rare Bird» («редкая птица»)
голландская группа эпохи 60-х годов.
«Sympathy» — песня (композиция?) ~ 1969 г.:
автор переводит здесь это слово
как «Сочувствие».
Тест первого куплета можно перевести примерно так:

Когда ты влезаешь
В свою постель вечером,
И когда ты запираешь дверь,
Подумай о тех,
Кто в холоде и темноте,
Потому что на земле
Не достает любви.

(Перевод Михаила Файнермана).

Ну вот, Наум, такие дела…

Приезжай поскорее! Правда летом все разъезжаются (за город, и дальше) и вечера (литературные) — редкость. С этой точки зрения осенью, конечно, увидеть и услышать можно больше.

Еще раз — подробно опиши мне, как дела с лечением сердца? Удается ли отвлечься от мыслей о том, что былая сила ушла?

И еще раз — привет всем близким — в первую очередь Марии Наумовне (кстати, не поленись, передай ей привет от Валентина Адольфовича — я очень редко с ним говорю, но у меня складывается впечатление, что он по сей день в твою маму влюблен… Он называл мне ее день рождения и просил, чтобы я поздравил от его имени — на телефон у него денег нет, я говорю: «напишите письмо!» — стесняется.

(Кстати, Наум, я виноват, я эту дату не могу найти

в записях — то было до пожара.)

Видал бы ты, как полыхало все, что я накопил за 54 года жизни… А когда (нрз) ушли — вода по щиколотку… — так вот, напиши день и год рождения мамы, я хочу дать ему возможность поздравить ее. Ведь по крупному счету, наши с тобой влюбленности стоят не многим больше, чем влюбленность страшноватого старика, пронесенная через столько лет…

Привет и всем знакомым — Игорю в первую очередь: я ему обязан З. Марку (если он у вас теперь). Жене — я тоже не знаю, уехал ли он. Ну кого я знал — всем привет и пожелание… пожелание радости.

Наум, я пишу под копирку — тебе легче, у тебя дискета или диск. Так что если письмо не дойдет, я перепишу и пошлю, или так же, или через e-mail.

Обнимаю! До встречи!

Описывай мне пожалуйста, коротко, содержание хороших фильмов и давай фирменные названия. А я здесь поищу кассету…

Ну, всё.

19.7

Миша, привет!

Получил сегодня твое письмо, как видишь, шло не так уж долго, 9 дней.

Дела сердечные (в медицинском смысле, в другом смысле я уже описал): 24-ого мне будут делать «центур», зондирование. Загоняют тонкую трубку с кинокамерой на конце в артерию (через пах) и шарят ей по коронарным сосудам, ищут «пробки». Этот метод диагностики существует уже лет 20 и широко применяется. Операция неприятная, но уверяют, что довольно рутинная. А если обнаружатся «пробки» (холестериновые «бляшки» на сосудах, препятствующие прохождению крови, полная закупорка одного из сосудов приводит к инфаркту, то есть омертвлению части сердечной мышцы, таковой инфаркт, или микроинфаркт был

у меня обнаружен, я его «перенес на ногах» и непонятно когда), то сосуды «прочищают», если пробки сильные, то ставят «стенты», специальные крепления, расширяющие забитый сосуд, после чего ситуация должна «выправиться».

Как я к этому «привыкаю»? Привыкаешь ко всему. Ну, во-первых, я сейчас не плаваю и уж тем более не играю в теннис. Есть ощущение, что физическая нагрузка дестабилизирует. Если «ничего не делаю», то чувствую себя нормально.

Ограничения (надо признаться — самоограничения) крайне раздражают, уж я не та, что некогда была, отвлечься от этих мыслей трудно, и временами настроение мрачноватое, но я надеюсь «вернуться в строй». Тем более что такое ощущение, будто подстрелили влет: я чувствовал себя на пике формы во всех отношениях.

Мама чувствует себя нормально, хотя 80 лет, конечно, не проходят бесследно.

Вообще дела со здоровьем домочадцев тоже не идеальные, но писать об этом не хочется (о себе пишу только потому, что ты просил разъяснить), глупое это занятие. Лучше, как Эпикур: «нестерпимая боль при мочеиспускании идет своим чередом, но всем этим страданиям противоборствует душевная радость при воспоминании о наших с тобой рассуждениях» (цитирую «навскидку»). Так что давай лучше рассуждать, пока можем.

Приветы всем передам (маме уже передал, в том числе и от Валентина Адольфовича, можешь ему передать привет от нас). День рождения мамы 29 сентября. Мой e-mail: ……

О замыслах и войнах. Я вообще-то хочу написать об эпохе перед Войной, о запахе катастрофы, о развилке мировой истории, о том, почему победило христианство. Самое интересное в этом замысле то, что я должен сам сначала понять почему. А самое печальное и безысходное — что это невозможно понять до конца. Но — «меня всегда влекли к себе дела безнадежно проигранные». А суть в том, что именно — и только! — безнадежные дела сулят истинные победы… Пока же читаю, размышляю, спорю с Матвеем…

Да, ты спросил о погибших, и было ли их больше тех, кто «рассеялся». Во-первых, процесс рассеянья начался задолго до Войны и продолжался (наверное, более активно) после, но уже до Войны большинство народа жило в Рассеянии. А погибших (по подсчету, который я сделал по книге Флавия — он приводит цифры погибших при взятии каждого города) было почти ровно миллион. Для тогдашней демографической ситуации (считается, например, что население Римской империи составляло 120 миллионов человек и среди них 5 миллионов евреев) это огромная цифра.

Стихотворение твое хорошее, хотя на мой взгляд ему не хватает энергетики, и надо быть поосторожней с выражениями типа: «болт болтается», в русском языке это, к сожалению, имеет очень прочные коннотации.

Обстановка у нас предвоенная, «знающие» люди говорят, что войны не избежать, причем большой, «районной», а то и «областной». Вещь пугающая, но объективно и если исходить из логики борьбы — это неизбежно, если, конечно, хотим выжить, как независимое государство.

Я знаю, что ты «гуманист» и сочувствуешь «угнетенным» и бездомным собакам. К сожалению, у нас таких «гуманистов» тоже много, очень много, и главная претензия к ним (с моей стороны), что они не мыслят реальными категориями. А реальные категории — это принципы выгоды и баланса сил. Нравится нам это или нет. Можно сказать, се ля ви.

Вот, скажем, некая «гуманитарная», как у нас говорят, организация помогает палестинцам: организовывает им материальную помощь (продукты, медикаменты и т.д.), посылает учителей и юридических советников, объясняя это «гуманитарными целями», «невозможностью мириться со страданиями, или хотя бы стесненностью людей (главари которых развязали войну!)». И это когда в самом Израиле есть огромное число людей, нуждающихся и в материальной, и в юридической, и в образовательной помощи. Но помощь евреям никто не оценит, это «черная работа», а помощь, оказываемая врагу через линию фронта, удостаивается

широкого общественного внимания, зачастую и международного. Большая политика налагается на малую выгоду.

Или Запад, который бомбил Белград, чтобы якобы предотвратить «гуманитарную трагедию» в Косово. В результате политики Запада на Балканах рухнула «Великая Югославия», или «Великая Сербия», но зато встала «Великая Албания», и я ни за что не поверю, что «акулы капитализма» пожалели мусульман и бомбили сербов не потому, что это им было выгодно (раздробление и ликвидация последней коммунистической державы на Балканах и контроль над распавшимися частями), а потому, что они пожалели албанцев.

Да что я тебе талдычу про то, что Макиавелли уже давно изложил, и мир с тех пор не стал более «христианским». А Макиавелли, на мой взгляд, вовсе не был «циником», а был честно и смело мыслящим человеком. А это в моих глазах — главное достоинство — честно мыслить.

Но, к сожалению, боюсь что даже мышление израильских политиков не свободно от всяких «благих пожеланий», которые иногда становятся фанатичной верой, и Макиавелли они не читали, и уж во всяком случае не чтили…

Всегда твой
Наум

20.7. От Л: *когда читала 4 главу*[1]*, рыдала белугой…*
Как самочувствие?

А как тебе перевод, я его еще толком не чистил, наверняка есть шероховатости, давай, критикуй. Самочувствие нормальное. Скоро пошлю записки. Я тебя засыпал текстами.

Я обожаю, когда ты меня засыпаешь, балуешь… давай

[1] Романа Шабтая «Соф давар»

20.7. Гоше отмечали 55 лет. Постарел «русский клуб».

Додик сказал, что нашел мою книжку на сайте «Озон». Там и две похожие рецензии, довольно милые.

Человек-«какрек»

О книге Наума Ваймана «Ханаанские хроники»

октябрь 2000

Наше время склонно к саморазоблачениям: к раздеванию, стриптизу, эксгибиционизму, болезненной исповедальности etc. И литература в этом смысле не исключение, а местами — даже главный поставщик «тьмы низких истин», в которые нас погружают как именитые, так и безвестные литераторы. Наум Вайман до выхода своей книги принадлежал ко вторым, но теперь не исключено, что перейдет в первую категорию. По праву ли? Наверное, да. Потому что время есть время, и если современная читающая публика высокомерно отворачивается от belles-lettres, предпочитая «голимую» правду жизни, то что делать? Вспомним опять же, что уже предрекали конец выдуманной литературе, мол, вместо нее будут писать что-то типа дневников, в которых персонажи — бледные копии живых — исчезнут, и появятся «люди, как реки». Иногда добрые, иногда злые, возвышенные в помыслах и одновременно погруженные в быт и физиологизм.

Таких «какреков» Наум Вайман и описывает, в первую очередь не щадя себя самого. Дневник в шести тетрадях переносит читателя то в Израиль, то в перестроечную Москву, а иногда ныряет вглубь времен, именуемых «эпохой застоя». Автор — эмигрант, а смена страны проживания (причем в зрелом возрасте) — это всегда драма. Но драматизм тут не в банальной ностальгии, а в двойственности ваймановского «какрека», не принимающего до конца ни новую, ни старую реальности. Живущего в культуре, но вынужденного также пребывать и в потоке

сумасшедшей современной жизни. Разумеется, в дневнике есть размышления, а еще тут щедро описаны половые подвиги и неудачи героя, который в данном случае исповедует принцип: никто не забыт, ничто не забыто.

Жизнь без женщины, конечно, похожа на мясо без перца, но тут и мяса, и перца — очевидный избыток. *«В конце концов я запихнул ей это дело, как тряпку, там оно кое-как набухло и слегка напружинилось, поковырял и вся недолга...»* Нет, мы против ханжества в этой сфере, дело в другом — в оправданности отдельных описаний и в чувстве меры.. А еще, коль скоро дневник в немалой степени посвящен богемной тусовке, не обошлось без вкусовщины и сведения счетов. Автор не любит а) Бродского, б) евреев (будучи сам таким), в) арабов (тут хотя бы понятно, за что), зато в светской компании запросто высказывает симпатии к Жириновскому. И роман Сергея Гандлевского «Трепанация черепа» ему не по душе — главным образом потому, что туда не включен в виде героя сам Наум Вайман. И вообще отдельных интеллигентов это чтение может настолько шокировать, что рука судорожно потянется за корвалолом.

Однако лучше не беспокоить аптечку, а вчитаться в некоторые пассажи, которые продиктованы абсолютно искренней болью: *«Все страшней презрение к людям, к их убогим заботам, все настоятельнее необходимость „оправдать“ жизнь, оправдать свое, именно свое бытие, и все трудней, все мучительней жить...»* Благополучная буржуазная страна, не умеющая себя защитить, пробуждает бессильный гнев и тоску («русскую тоску», как подчеркивает автор). И потому одной из сквозных тем книги является утраченный современностью героизм. *«Героизм — вызов судьбе. Может быть — вызов жизни?»* Тема не нова, она волновала и Ницше, и Эзру Паунда, и Готфрида Бенна — словом, традиция почтенная. И хотя всем известно, куда заносило кой-кого из вышеперечисленных, эмоциям не прикажешь.

Что любопытно: напряженные философские размыш-

ления соседствуют в тексте со сбором грибов, очередной пьянкой и «запихнул ей это дело». То есть ницшеанские мотивы перебиваются розановскими, той самой непреходящей бытовухой, которая и бесит «какрека», и не отпускает его. Хочется, понимаешь, в герои, а приглашают на пикник с шашлычком, так что остается лишь констатировать: *«Человек, который желает, но не действует, является очагом заразы» (Ницше). Это про меня. Но что делать, если нет веры…»*

Чем дальше читаешь, тем больше соглашаешься: ну да, и в жизни все это соседствует. Парадоксальное сочетание «высокого» с «тривиальным» — несомненное достоинство книги, в которой возникает объем, широта охвата, ощущение жизни во всех ее проявлениях. Поэтому и судить книгу, думается, надо не столько по законам изящной словесности, сколько по законам жизни. Она не феномен литературной формы, а сгусток мыслей, поступков, эмоций, имя которому — личность.

Заброшенная в наш бесприютный мир, личность любым способом стремится прокричать о себе, выплеснуться, и чей-то стриптиз вдруг превращается совсем в другое зрелище — в гладиаторские бои. Случай Наума Ваймана — именно такой, поэтому «Ханаанские хроники» и интересно читать. Стихи автора нам неизвестны, и тем не менее рискнем сказать: написана его главная книга. Она есть у каждого, «кто жил и мыслил», вот только не у каждого хватает мужества и ума ее написать.

Когда б вы знали, из какого сора…

Обзор мемуарной серии издательства «Инапресс»
октябрь 2000

…В книге Наума Ваймана «Ханаанские хроники» теневые стороны нашего грешного бытия освещаются еще беспощаднее. Тут рассказ ведет уже современник, а наше время, как известно, склонно к мазохизму и саморазоблачениям. Зачем читателю, к примеру, столько сцен, в которых

автор скрупулезно описывает свои половые неудачи или удачи? Вроде не для детишек пишет, а у взрослых в этой области все примерно одинаково. *«В конце концов я запихнул ей это дело, как тряпку, там оно кое-как набухло и слегка напружинилось, поковырял и вся недолга, потом с тоски пальчиком ковырял-ковырял и тоже вроде не до конца».* Или возьмем неуемное восхваление героизма, который должен вывести еврейскую нацию из летаргии и поставить сынов Аллаха на место. Ну, расслабилась нация, надоело ей воевать, — и бог с ней, не пропадет.

Повествование мечется между Израилем и Москвой, обнаруживая некое шизофреническое раздвоение автора. На одной странице можно встретить и израильского поэта Михаила Генделева, и современных культовых авторов Тимура Кибирова и Гандлевского. Тут выясняется много такого, чего в официальных биографиях не пишут. Хотя среди героев преобладают все-таки не «культовые», а безвестные А., Б. (далее по алфавиту), ну и, конечно, авторское «Я».

Сосредоточенность на себе — тоже черта нашего времени, шумного и крикливого, когда заброшенная в бесприютный мир персона любым способом стремится прокричать о себе.

Не сразу понимаешь, что за всем этим стоит боль и пресловутая (несмотря на место проживания) «русская тоска». Автор «Ханаанских хроник» тоже разворачивает свиток с «перечнем обид», но делает это честно, без позы. Вот такой он; а разве вы (то есть, мы) — лучше? При чтении вас может и коробить, и неоправданные длинноты наверняка вылезут, но читать «Ханаанские хроники» — интересно. По прочтении же остается комплекс смутных переживаний и ощущений типа: се — человек. Может, этому человеку не хватает умения работать с формой (что всегда провоцирует писать «мемории»), зато хватает мужества и ума создать честный и далеко не поверхностный текст.

22.7. Израильская «правая» зашевелилась. Какие-то партизаны расстреляли машину с палестинцами, ехавшими на свадьбу, в газетах появились провокационные объявления движения «Это наша родина». Анархия. А этих старичков, сиамских близнецов Переса и Шарона ничто не рассорит, это их политическая лебединая песня, и они будут ее петь, пока голос не сядет. Да и тогда не прекратят, будут хрипеть, лишь бы на сцене. Мало кто понимает психологию людей у власти. Эту привычку к Рампе. Жить, значит жить на сцене (а вовсе не мыслить). А умереть — это сойти со сцены. А они хотят жить, и как всем другим — плевать им на жизнь каких-то там граждан и гражданок.

От Матвея:

Наум, привет!

Быстро ответить на «идейное» письмо мне не удается: получается очень длинно. Кто-то (не помню кто) удачно сказал: «У меня было так мало времени, что текст получился большим».

В этой связи мне пришло в голову, что чрезвычайно интересный анализ Рикёра в работе «Религия и вера» (раздел «Отцовство: от фантазма к символу») может быть проинтерпретирован гораздо проще и естественнее, чем это делает сам автор. Напомню, что Рикер, опираясь на фундаментальное исследование Герхарда фон Рада, показывает, что «отцовство» Яхве по отношению к Израилю вовсе не изначально. Оказывается, в Ветхом Завете не более 20-ти случаев такого словоупотребления, при этом все они, если воспользоваться разграничением фон Рада, относятся к «теологии пророческих традиций» (и тут Пророки набаламутили!), а не к более ранней «теологии исторических традиций». Цитирую Рикера. «Вся теология традиций состоит в выявлении высшего действующего лица, Яхве, главного коллективного действующего лица, Израиля, в качестве единственного исторического персонажа. Если есть отец, то это — сам Израиль, а Яхве прежде всего „бог наших отцов“

и только потом отец. Союзнические отношения не представлены изначально как отношения родства, напротив, именно союзничество дает смысл родству: „…я буду вашим Богом“. Важно, что Яхве, до того, как будет обозначен в качестве отца, называется своим именем. Нет отца и в рассказах о творении. Творчество — мифическая тема, почерпнутая из жизни соседних народов и введенная с опозданием и крайней осторожностью, — не является достоянием теологии отцовства. Яхве изначально не был отцом. Ключом здесь является отношение избранничества. Израиль был избран из всех народов; Яхве стал Яхве таким же путем, он — момент этого избрания; именно избрание стало усыновлением». Интерпретация этих данных (в духе Фрейдова «возвращения вытесненного») у «просмотревшего» политеистические коннотации Рикера очень сложна, запутанна и, на мой взгляд, совершенно неубедительна. Гораздо проще и естественнее другое объяснение. Предание, в период создания соответствующих книг, еще «помнило», что «сыновство» жестко связано с Элом («сыны Эла», в число которых входил и сам Яхве). И имя Яхве спокойненько называется в контекстах, которые не грозят разоблачением «самозванства» (Вайман). Творение тоже было изначально прерогативой Эла. Другое дело — пророки (ну, намутили воду!). Рикёр пишет: «В пророческих текстах Яхве не только обозначен в качестве отца, но и сам себя объявляет отцом, и само это провозглашение Бога отцом неотделимо от устремленности в будущее, которое содержится в пророчествах. /Иными словами, это функция эсхатологии./ Только такой ценой отец мог получить признание».

Еще один забавный момент. Помнится, ты поспорил с Гершензоном по поводу того, что взаимоотношения Бога и Израиля следует интерпретировать не как супружеские (Израиль-жена изменяет Богу-мужу), а как отцовско-сыновние. Между прочим, Гершензон (и это видно даже из моего конспекта) использует <u>обе</u> эти парадигмы: и супружескую, и отцовскую. А вот что пишет по этому поводу Рикёр:

«Отец не только ни в коей мере не является предком, но его нельзя отличить и от супруга, как если бы эти образы родственных связей раскололись и поменялись местами. „…ты будешь называть меня отцом твоим и не отступишь от меня. Но поистине, как жена вероломно изменяет другу своему, так вероломно поступили со мною вы, дом Израилев“ (Иер. 3, 19—20). Под прикрытием этого странного взаимного переплетения двух образов родства их застывшая рамка разбивается и на свет выходит символ». (Поль Рикёр. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М., 1996. С. 215—223)

Все это — относительно периферийные моменты, которые должны быть вставлены «в рамку» более общей концепции, контуры которой «брезжат» передо мной, но с наскоку не даются. /«Земля с наскоку не дается, // Как ты на шутки ни здоров»/

Всегда твой
Матвей

Гольдштейн вернулся. Чемодан его улетел на Кипр, надеется, что «долетит». Поездкой доволен: вечера, публикации, встречи. Говорит, что упоминал меня. Расспрашивал о «сердечной процедуре», пожелал успеха. Решили, что после нее встретимся, расскажет о поездке подробнее.

После этого позвонил Зайчику. «Засланца» он не взял.

— Наум, я от вашего текста был в легком шоке. Понимаете, там столько физиологических подробностей…

— Да? Какие же?

— Ну, про Кенжеева…

— Что у него хер в банку не пролезает? Ха-ха-ха! Так что ж тут… я ему, можно сказать, рекламу делаю.

— Ну как, Наум, о людях, с которыми вас связывают какие-то отношения.., про оргии Гандлевского.., да нас с вами убьют. А вы что, собираетесь это печатать?

— Ну.., да.

— Подумайте, Наум, я вам дружески советую.

— Понятно. А как интервью с Амиром?

Интервью он счел неинтересным, и с самого начала был против всяких моих инициатив в этом направлении, «вот разве что про Арлозорова, про Арлозорова я бы взял». В общем, попытка «камбека» в «Вести» кончилась провалом, что меня, конечно, огорчило. Хотя, в сущности, слезы проливать нет причины. Да, все-таки обещал напечатать письмо Костырко и его фотографии к десятилетию путча ГКЧП.

Матвей, привет!

Да, в дошедшем (спасибо!) «Введении в Пятикнижие» Тантлевского рассматриваются всякие версии «источников» Пятикнижия, там у него и про «яхвистов» и про «элохистов», и это само по себе интересно, но все же это периферийные моменты, в конце концов, нас интересует не происхождение концепции монотеизма (мы не историки), а ее суть. Мне не трудно признать, что иудейское единобожие в своем истоке вполне конвенционально и политеистично, тем значительней, революционней возникший переворот религиозного сознания, тем он неожиданней, и именно этот поворот к монотеизму необходимо объяснить. А его иначе как «самозванством» не назовешь, и если не в глазах евреев, то в глазах всех остальных, а ведь мы, не забудь, начали с антисемитизма.

А я тут прочитал (с твоей подачи) «письмо к другу» Булгакова, где он признается в своем очередном шатании, на этот раз в сторону католицизма. И что меня поразило, это все та же тоска по тоталитаризму (русская тоска?), по непререкаемому авторитету, которым теперь для Булгакова стал папа Римский, как раньше, наверное, был Маркс (кстати, перешел отец Сергий в католичество? я не в курсе).

Почитав Булгакова, вдруг почувствовал в чем «счастье священства» — быть маленьким богом! Маленьким богом для своей паствы. Когда люди несут тебе свои души, а тебе кажется, что ты можешь «помочь», излечить душевные

раны. Здесь не добросердечие, а чувство силы, власти над душами, оно дает радость. Нет более сильной власти, чем власть над душами. О, это наслаждение воистину божественное!

Булгаков пишет о тоталитарности Церкви: «Церковность есть… железный нерушимый иерархический строй, власть (подчеркнуто), полагающая предел всякому самовластию».

Искренность и наивность — разоблачительные. «От одиночества», навеянного крахом России и русской церкви («в октябрьскую бессонную ночь в Ялте 1921 года»), Булгаков «бросается» в католичество, «все пути ведут в Рим» (особенно, когда в Москве безбожники).

«Правосл. священник есть не только жрец, но и пастырь… он есть мистический центр власти… Священник не может не исповедовать, не проповедовать, не учить…».

Он пишет о «безвольности» и «хилости» русского священства, объясняя это «природой нашей церковности, порожденной „грекороссийством", т.е. национальным партикуляризмом вместо вселенской сверхнародности» (универсализм!). И прямо называет это национализмом, славянофильством, от которого сам только начал избавляться. Священник должен быть «руководителем сознания», а не только жрецом, «требоисполнителем», «отпускающим грехи».

«Чего-то нет внутри, нет костяка, нет мускулов власти, нет внутренней связи с первоисточником, — роковое одиночество…» Дальше идут уже глобальные обобщения, горечь национального самоуничижения и покаяния, похожие на Апокалипсис Розанова. Только Розанов качнулся к еврейству (к первоисточнику!), а Булгаков — к «папе». «Нет ***папы в сердце*** *и не протянуты мистические нити, связывающие со Властью, т. е. с Римом, и потому вся природа православного пастырства бессильная, хилая. Можно платонически умиляться на эту кротость и смирение, пока не ясно стало, что это — слабость, на которую нельзя умиляться*

и с которой нельзя даже мириться. Воинствующая церковь не должна состоять из инвалидов, а этой инвалидностью объясняются все роковые черты нашей славянской слабости, распущенности, расплывчатости, рабства: каков поп, таков и приход». Темперамента, однако, не занимать. И самокритичен, понимает, что «репутация подмочена» традицией шатаний: «Чтобы ты не подумал, что во мне говорит разочарованный интеллигент, которому все приедается, или лично тебе известный С. Н. Б., которому на роду написано переходить от — к…»

«Душа не может без центра». Католический «фанатизм» он считает «нормальной церковной энергией, любовь есть ревность, ревность — огонь и смерть…» После этого он не может не затронуть иудейства, где есть все то, о чем он тоскует. И это тоска по тоталитарности.

А что значит: «русского в Тебе вообще мало, и по крови и по духу», на что отец Булгаков намекает?

А дальше уж прямо личные, и злобненькие!, выпады, воистину удивительные и мерзостные, потому что предваряются и сопровождаются непомерными уверениями в любви и дружбе, и лицемерно-льстивыми самоуничижениями («ты — папа, ты сам — столп истины перед моей малостью» и т.д.).

А вообще что-то противное вырисовывается в этом отце Булгакове. Какое-то пресмыкание, почти истеричное самоуничижение (видно сильно был разочарован собственным бессилием и все стремится «прилепиться» к какой-то силе, только чтоб уж непременно была абсолютной, как полагается). Когда ему, панимаш, «светла и сладостна эта мысль», что «папа есть», «непогрешимый глава церкви воинствующей», подчинение которому есть «воля Господа И. Христа, которой без всякого рассуждения, безусловно и безгранично надо покориться», то понимаешь, что для бывшего марксиста это не просто «эволюция взглядов», это поиск другого идола. Был Маркс, теперь папа. И Христос нужен ему, как воля, которой надо покориться. Все то же раб-

ство…

А с другой стороны мысль о трагичности русского изоляционизма (церковного) — мысль здравая, хотя вряд ли он явился причиной всех русских бед.

И конечно «Россия безвозвратно погибла» (как Византия) и как «теперешние греки и не эллины и не византийцы», так и русские через поколение-два будут иными. Да и сейчас уже, приезжая в Москву, я чувствую иной «воздух», иной дух…

И все-таки о. Сергий не удержался насчет «красного иудейского интернационала». Но еще ничего, по-божески, я думал, он эту тему разовьет поактивней.

А после Булгакова я взялся за Солженицына. Дальше — *«заметки на полях»:*

Прочитал первую главу «200 лет вместе» и остался в полном недоумении. С точки зрения «истории евреев в России» это чистая компиляция, причем из устаревших и не вполне научных источников. И смешны его старания быть «объективным», отсюда — обильные цитаты из «еврейских историков» (особливо Гессена), очень боится обвинений в «антисемитизме». А чо ты боишься?

Вот пара перлов: «Вице-канцлер барон Петр Шафиров (крупный и плодотворный деятель, но склонный к мошенничеству)..» Да помилуй Бог, кто ж там возле Петра не был склонен к мошенничеству? Или евреи должны быть лучше других, из благодарности, что их обогрели? А вот как он комментирует знаменитый указ Елизаветы («Во всей нашей империи Жидам жить запрещено»): «В образе мыслей того времени в нем не заключалась никакая особо-русская или исключительно к евреям враждебность». Время такое было. Хотя немцам или татарам все-таки разрешали…

И насчет указа Екатерины, положившего начало «черте оседлости» — та же формулировка: «По обстоятельствам того времени этот указ не заключал в себе ничего такого…» Мол, русским крестьянам еще хуже было, те вообще были закрепощены.

Непонятно зачем это все, и кому это интересно, кроме евреев, которые (вроде меня) любят про свою «историю» почитать?

Общий «исторический» подход Солженицына: в России всех имели в задницу, а евреев — не хуже других, даже местами и «льготным образом», так что неча им на жестокости жаловаться. Подумаешь, черта оседлости, подумаешь, в рекруты на 25 лет, подумаешь, насильственное крещение, подумаешь — добровольно-принудительный сгон на поднятие целины, они еще крепостного права не нюхали. А дай им, жидам, волю, пусти в большие города, так они русским совсем житья не дадут, да еще и в свою веру обратят (запросто, между прочим).

Подводя итоги «60-летия массового пребывания евреев в России» (заканчивая «николаевскую» главу), Солж пишет: «приписывать российским правителям ярлык „гонителей евреев“ — это искривление их намерений и преувеличение их способностей». В последних словах слышу досаду на неудачу «правителей».

Интересно, что Солж пишет как бы от имени «умного» русского госчиновника середины прошлого века. Слегка критичного по отношению к «правителям», но безусловно им преданного, а они, как он полагает, боролись за «русские государственные интересы», которые писатель почему-то отождествляет и с «еврейскими интересами», опираясь при этом на цитаты из «прогрессивных евреев». Но тогда непонятно, почему же их в правах ограничивали? Однако власть, возбудившую своим произволом по отношению и к русскому и к еврейскому народам всеобщую ненависть и тем самым, если угодно, «погубившую» Россию, он не осуждает, зато обвиняет евреев за «упрямство» и «изворотливость», с которыми они хранят свои традиции и не поддаются «перевоспитанию трудом» Николая Палкина («он вознамерился отомкнуть еврейскую замкнутость и решить проблему слияния еврейского населения с прочим — через труд, а к труду — через рекрутство»).

«Правительство считает себя вправе надеяться, что евреи прекратят всякие предосудительные способы жизни (?!) и обратятся к труду истинно производительному и полезному. Лишь уклоняющиеся будут подвергнуты мерам побудительным, как тунеядцы и как тягостные и вредные для общества члены».

Чем не советский документ, а еще спрашивают, откуда эта традиция «исправительно-трудовых лагерей». Солж отмечает (подбирая цитаты) «вредные занятия их мелочной (не мелкой, а мелочной!) промышленностью, сопровождаемые всякого рода обманами и хитростями. Эту праздность (?!) множества евреев правительственные круги приписывали их закоренелым привычкам… отказываться от труда в силу традиций».

Я думаю, что в конце концов Солженицын будет вынужден признать (а может уже и сделал это, я просто не в курсе), что его борьба с Советской властью и даже со сталинизмом, тем более союз с проевреенными диссидентами, была грубой ошибкой, была деятельностью, подрывающей «государственные интересы России».

А вот с какой раздражительной «иронией» отмечает он выступления «европейских либералов» против притеснений евреев (массовых выселений из приграничных областей во время войны, насильственное обращение и «вакханалию рекрутчины» — это собственное выражение Солженицына), особенно заступничество сэра Монтефиоре, который обратился к Николаю с письмом, где предлагал дать евреям «равноправие со всеми прочими подданными (исключая, разумеется, крепостных крестьян)». В скобочках — это солженицынская ирония.

Даже и антисемитом-то его грех назвать, просто мухомор какой-то.

Кстати, на примере этой книжки видно, каким отсталым было (и во многом осталось) российское мышление вообще и государственное в частности. Отсталое и испуганное. «Охранное». Потому что задача была одна — сохранить

власть. Боялись евреев, боялись своих крестьян, боялись Европы, вольнодумства, торговли и промышленности боялись, всего боялись.

Про погромы после цареубийства пишет, что были «стихийными», что жертв было мало, в основном грабили, и только «в единичных случаях произошло и избиение», перечисляет погромы с неизменной последней фразой «убит один еврей» (мол, неча истерику закатывать), при этом подчеркивает, что при разгоне погромщиков войсками стреляли в толпу и было убито гораздо больше (та же «схема»: били евреев, а пострадали все равно русские). И даже насчет грабежа не забывает упомянуть (цитируя «Евр. Энциклопедию»), что «были случаи, когда крестьяне тотчас же возмещали евреям убытки». Обвинения пр-ва в организации погромов отметает и ему непонятно почему после погромов евреи решили, что ассимиляция невозможна. Может, погромы это такое «принуждение к любви»? В общем и целом позиция такая: мы погромы не одобряем, но понимаем. Вот цитирует еще одного «трудовика», Глеба Успенского, предварительно замечая, что уж кого-кого, а Глеба — святой человек! — нельзя обвинить в антисемитизме: «Евреи были избиты потому, что наживались чужой нуждой, чужим трудом, а не вырабатывали хлеб своими руками», или: «ведь вот все вытерпел народ — и татарщину, и неметчину, а стал жид рублем донимать — не вытерпел!». Так ведь татарщина да неметчина была Властью! А тут беззащитное и ненавистное меньшинство, вот мы их сейчас всем миром! В «Тарасе Бульбе» это славно показано: решили казачки с ляхами воевать, но до ляхов-то далеко, да еще вломят, ляхи-то, а жиды вот они, под рукой, безоружные, давай сначала жидов резать, надо ж шашки наточить.

Пишет, что после погромов пр-во усилило ограничительные меры против евреев, это ради «справедливости» и «объективности», мол, «эту обиду нужно отметить и понять». Выходит, что погромами евреи русских обидели, раз ограничительные меры против евреев?

И «процентную норму в учебные заведения (а в некоторые университеты и школы доступ был и вовсе прекращен)» он понимает: слишком много развелось студентов евреев, так и русским выучиться не дадут.

Ну и т.д., глупо распространяться. Ужасно напоминает подход «объективных» средств массовой информации к конфликту на Ближнем Востоке: тоже считают сколько палестинцев погибло, а кто там развязал конфликт неважно, суть-то в том, что евреи житья не дают.

А то, что израильтяне ведут себя, как жители местечек перед погромом — это другая тема.

Кстати, обстановка тут совсем тупиковая. Наша «левая», отчаявшись-разочаровавшись в собственном народе, гнет теперь линию на «решение» конфликта с помощью давления мирового сообщества и участия международных миротворческих сил. На другом конце оживились правые экстремисты, появились партизаны, которые по ночам обстреливают палестинские машины, всякие объявления в газетах с обращениями: «убей Арафата!» Самое время писать об эпохе Христа, мне кажется, что ситуация была похожей, а отчаяние и безвыходность толкали людей на поиск «нетрадиционных решений».

Завтра мне должны проделать некую медицинскую процедуру, если все пройдет благополучно, то в четверг-пятницу можно будет возобновить переписку.

Всегда твой

Наум

От Костырко:

Увы, Наум, ничем не обрадую. Вероятность заинтересовать переводом НМ почти нулевая. Мой коллега, ответственный редактор «Нового мира» и известный прозаик Миша Бутов два года переводил роман Беккета для журнала, такая вот «ручная писательская работа», и журнал не смог опубликовать итоги его труда по причинам запутанности с авторскими правами на текст. Пришлось Мише вывеши-

вать свою работу в «Лавке языков» у Максима Немцова, есть у нас такой элитарный высоколобый сайт в интернете. Современные русские журналы боятся ситуаций с нарушением международного законодательства с авторскими правами, литагенства зарубежные начали относиться к нам всерьёз.

И тем не менее, пришли текст перевода. Я покажу в журнале. Мало ли что…

Сергей

Сереж, я предложил редактору «Вестей» Зайчику твои фотографии «эпохи путча», которые ты мне когда-то послал и твое сопроводительное письмо, для публикации к «юбилею» (10 лет в этом году). Письмо, кстати, очень «живое» и хорошо, с замечательной непосредственностью передает атмосферу. В свое время ты все это отдал в мое распоряжение, но поскольку прошло много времени, то я тебя на всякий случай запрашиваю: нет ли у тебя возражений против такой публикации? Зайчик обещал заплатить (думаю, что сотня долларов набежит, а может и больше, я просто не знаю еще, сколько фотографий и каким образом он собирается печатать, пока он только выразил принципиальное согласие, ну и соответственно, все, что он заплатит — твое). Я думаю, что в принципе тебе стоит напечататься в Израиле, так сказать «отметиться», все-таки здесь какая-то, уже признанная «литературная провинция». В общем, изложи свои пожелания-соображения. Всегда твой

Наум

25.7. В палате лежит старик-турок после операции, не такой уж и старик, но операция, видно, была тяжелой. Около него кружатся родственники, лопочут на «эспаньоль» и по-турецки. Чтобы лучше заживала рана, его посадили в кресло, и он мычал, как заезженная пластинка, просился в кровать: «Роце мита[1]… Еш ли кеэвим[2]… Роце мита… Еш ли кеэвим… Роце мита… Еш ли кеэвим… Аааа…

К вечеру подселили русского. Оказался тезкой. Маленький, коренастый, сутулый, нижняя губа на полметра вперед, череп скошенный. После двух инфарктов. С ним бабка (жена?). В какой-то момент она решила выйти из палаты, поговорить с сестрами.

— Ой, я заблужусь…

— Посмотри номер, — буркнул русский.

Бабка закружилась.

— Номер посмотри! Номер, номер посмотри! Номер палаты! Ну, номер, номер посмотри!

Он вскочил и подбежал к бабке, та продолжала кружиться.

— Да во, во же! Номер она не может посмотреть!

Потом бабка ушла, и он быстро заснул. Пришла к нему молоденькая врачиха, тоже русская, осмотреть, записать данные.

— Извините, что я вас разбудила. Как вы себя чувствуете?

— Какая вам разница.

— Ну.., я должна вас осмотреть.

— Нечего меня осматривать.

— И записать некоторые данные.

— Какие еще данные.

— Сколько вам лет?

— Какая разница.

— Семейное положение?

— Разведенный.

— Дети есть?

— Четверо.

— Где родились?

— Село (нрзб).

— Сколько лет в Израиле?

---

[1] Хочу в постель (ломанный ивр.)

[2] Болит (ивр.)

— Три года.

— Где живете?

— В Бат-Яме.

На все вопросы он отвечал крайне раздраженно.

— У вас болело сердце? Где?

— Да какая разница.

— Вы в течение месяца были госпитализированы?

— Да.

— У вас было два инфаркта?

— Не знаю.

— Давайте я вас послушаю.

— Да чего там слушать, чего вы там услышите, оставьте меня в покое.

Отчаявшись, врачиха ушла.

— Помочь они хотят. Суки ебаные. Ходить нельзя! Хочу и буду ходить. Сегодня — помочь, а завтра — подыхай. Ебаные в рот.

Он вскочил и быстро засеменил по палате. Я старался не смотреть на него, закрыл глаза. Еврей-неандерталец. Шариков из «Собачьего сердца» по сравнению с ним Спиноза. Зашаркал куда-то, вернулся. Пришла медсестра, из бухарских, уже не молодая. Ухаживая за турком, неосторожно бросила неандертальцу:

— Вам нельзя ходить, вы должны лежать.

— Да кто ты такая, что б мне указывать!

— Я вам не указываю, а говорю, что врач сказал.

— А мне наплевать, что тебе там врач сказал.

— Во-первых, вы мне не тыкайте, я…

— Да кто ты такая, срань! Говно на палочке!

— Я — старшая сестра! Будешь хулиганить — битахонщика[1] позову!

— Мотогонщика позови! Я на хую всех имел твоих битахонщиков! Скажи спасибо, что я… я б тебе показал…

[1] Битахон — безопасность (ивр.)

— Сейчас ты у меня вылетишь из больницы, раз ты такой здоровый, катись отсюда, сейчас тебя выпишем.

— Выписывай, давай, давай, выписывай, чего ж ты не выписываешь? Да кто ты такая, говно на палочке, медсе-стра!

Бухарка вылетела пулей. Неандерталец долго еще разорялся, потом оделся и ушел. Ушел и все. Домой пошел. Ну, думаю, пронесло. Хоть ночь будет спокойной. Но спокойной она не была. И турок стонал, и мне было неудобно, иногда проваливался в сон, но ненадолго. А в шесть утра Шариков тут как тут.

Лег на кровать и заснул. Может, сбегал перепихнуться?

Докладываю Л:

Лежал два дня. «Нашли» три проблемных сосуда: один прочистили, в другой поставили «стент», крепежку такую, а третий — непроходим. Врач сказал: «Как стена». Но вокруг всякие обходные пути образовались, коллатеральные сосуды. Вот и все. Велели «возвращаться к нормальной жизни».

Когда лежал в больнице, позвонил Верник. Рассказал ему про сосуды. Один, говорю, забит наглухо. «Что, операция?!» — с радостным испугом. Я его успокоил. Потом вдруг спросил:

— А ты был знаком с Ирой Раухвергер?

— Ну, так, шапочно.

— А ты знаешь, что ее уже нет?

— Что значит…

— Сегодня похороны. — После паузы добавил: — Держись, старичок.

Позвонил Гольдштейн. Пожаловался ему на Зайчика, что из-за хера Кенжеева не взял «Засланца». Гольдштейн поднял бровь.

— Ну я там написал, что у поэта хер в банку не пролезает. Так это ж комплимент. Если бы я написал, что у него хер

как спичка…

— Это было бы гораздо хуже, — согласился Гольдштейн.

— Это был бы удар по русской поэзии. А так… И главное, он же с самого начала просил меня дать что-нибудь в духе книжки, а тут вдруг испугался.

Гольдштейн взялся выяснить. В Москве он встречался с Курицыным, Ольшанским, Кукулиным. Говорит, что на особую «израильскую» литературу на русском они смотрят с косой усмешкой, но персонально готовы «принять» каждого.

От Л:

а я в Ванкувере. Вчера сплавали на Викторию. Красота! Попили чаю в королевском отеле. Сегодня на велосипеде объездили весь парк «Стенли». А ты уже вернулся к нормальной жизни?

Еще нет. «Учусь ходить». Молодцы, что катаетесь, у нас даже и негде…

Все чаще думаю, что хорошо бы уехать… в нормальную страну, с нормальной природой…

От Пети Вайля:

Наум, привет! Спасибо за снимки — очень удачные, за всякие теплые слова. Телефон людей, которые сдают хаты в Москве — …, зовут их Кирилл и Наташа. Цены — 70—80 долларов в сутки, что недешево для Москвы. Плюсы — это непременно центр (обычно между Белорусской и Маяковской) и, как правило, двухкомнатная квартира со всеми удобствами (например, когда в районе отключена вода — знаешь, что это такое? — то у них стоит специальный нагреватель для душа). В Израиль мы непременно соберемся, хотелось бы думать, что это произойдет следующей весной. С конца сентября до 20-х чисел декабря будем в Москве (моя долгая командировка) — забредешь туда, повидаемся. Эля кланяется. Жену целуй. Всех вам благ — ПВ

Петя, привет!

Рад был получить от тебя письмо. Спасибо за телефон. Я действительно планировал осенью податься в Россию, так что, даст Бог, и свидимся.

Успехов тебе во всем. Элле — нижайший поклон.

Римма шлет вам сердечный привет.

Всегда твой

Наум

P.S. Соберетесь в наши края — непременно дай знать.

В больнице читал «Франц Кафка» Вальтера Беньямина. Глубоко копает. Вот эта подмеченная «усталость» героев Кафки, «с чего это они так утомились, что беспрерывно дремлют? Можно подумать, будто они наследники атлантов и держат земной шар на своих загривках». И отвечает: «Человек, занятый у него побелкой, должен преодолевать вечность». А ведь я, дурак, не догадался. Чувствовал эту «тяжесть», эту медлительность, эту вязкость повествования, которая страшно меня раздражала, буквально душила, как во сне пробираешься через что-то топкое, и чувствуешь свое бессилие… Поэтому я Кафку не могу читать физиологически (сколько раз пытался, «надо» ведь), задыхаюсь. И не догадался, что это тяжесть вечности на плечах «вечного жида». Это помогло бы прочесть… И Бланшо, конечно, гениально все это увидел, это «право на смерть». Литература, как право на смерть и заявка на вечность… Как-то это все связано.

«Слово действует, как темная сила, заклинание, подчиняющее себе вещи, делающее их реально присутствующими вне самих себя… не имя даже, а мгновение всеобщей анонимности…» (Бланшо, «От Кафки к Кафке») «Называя себя, я как бы пою себе похоронную песню: я разлучаюсь с самим собой»…

Не правда ли похоже на «самозванство»? Настоящий писатель — самый что ни на есть самозванец.

Наум, привет!

По большому счету я согласен с тобой только в том, что «пришла пора» переходить от «периферийных моментов» к концептуальным, потому что именно «концепцию монотеизма и избранничества» мы понимаем совершенно по-разному. Традиционный смысл этих терминов (на который ты, в конечном итоге, опираешься) представляется мне непродуманным, тенденциозным и отвлекающим от сути дела. Но чтобы донести до тебя мое понимание, придется, по-видимому, несколько изменить «формат разговора»: отвлечься от «частных полемических моментов» и изложить нечто более или менее связное и, по необходимости, довольно объемное. К сожалению, это требует времени — большего, нежели то, которым я сейчас располагаю. Если ты немного потерпишь (передохнешь от меня), то мы через какое-то время возобновим теоретический разговор — надеюсь, на более «высоком уровне» — не «уровне вообще» (это дело темное), а на более высоком «уровне понимания друг друга и самих себя». Это не мешает нам обмениваться информацией и идеями по поводу «периферии» (на это меня как раз хватает, так как «конспектирование» не особенно «затрагивает голову»).

Итак, что касается маргинальных тем, то, во-первых, скажу пару слов о Булгакове. Твой разбор показался мне в целом довольно адекватным, но я хочу на кое-каких деталях заострить внимание, а кое-что дополнить с использованием других источников. Мне представляется необычайно показательным для «духовного климата» так называемого «Серебряного века» такое высказывание Булгакова в «исповедальном» письме: «За эти годы исканий и в этом уединении я открыл очень простые, но верные вещи: о себе, что я ***умру*** *как все люди, и с благодарной покорностью и умилением это приемлю, а раньше я искренно шмидтианствовал — с соответствующей мистической имагинацией, что я не вкушу смерти по случаю преображения…» Булгаков необычайно*

«тёпл» (отмеченная тобой саморазоблачительная искренность и наивность), но от этой «теплоты» становится както не по себе. Булгаков «выбалтывает тайну», которая хотя и была секретом Полишинеля, но, согласно неписаным законам игры, требовала большей осторожности в артикулировании: «адепты Серебряного века» всерьез жили эсхатологическими ожиданиями, они существовали в апокалиптическом времени; и тем самым их мироощущение очень напоминает мироощущение «первохристиан», и в особенности ап. Павла, аллюзией на послание которого и является приведенная цитата; напрашивается более прицельное и дифференцированное сопоставление этих «опасных чудаков» с «первохристианами». Ведь они тоже «надломились» в тот момент, когда стало ясно, что «настоящий» конец света откладывается на неопределенное время, а пока заменяется чем-то несуразным и непотребным. Именно в силу этих перекличек тебе не должно повредить чтение русских «религиозных философов», если уж на самом деле «приспело время писать о Христе». /«Время мое приспело, //Не страшен мне лязг кнута. //Тело, Христово тело, //Выплевываю изо рта»/ После евреев самые интересные в этом отношении люди — именно русские. И где еще найдешь ситуацию, когда «цвет нации», все сплошь высокообразованные и интеллектуально одаренные, уже на «нашем» уровне индивидуации поддаются массовому психозу, однотипному с «первохристианским»; это ж ценнейшее поле для наблюдений и сопоставлений, призванных выявить типологическую суть феномена. В этом смысле ты, на мой взгляд (сужу по заказываемым и, особенно, незаказываемым книгам), недооцениваешь этот источник (в каком-то смысле «первоисточник») /В «Ялтинском дневнике 1922 года» есть «параллельная» запись Булгакова, очень занятная «с сотериологической точки зрения»: «Раньше я ***не верил*** *в свою смерть, п.ч. верил в событие, преображение, которое лично для меня упразднит смерть. Теперь я понял, жизненно, всем своим существом понял, что это — мечтательность и иллюзия,* ***детское*** *неведение. И вообще наша*

игра в эсхатологию слишком часто бывает особой разновидностью интеллигентщины и, вместе, испуга, бегства от истории, тем более что, как и всякая мечтательность, она ни к чему не обязывает, кроме пассивного ожидания. Образовалась густая мгла, которая то темнела, то розовела. И для меня образовалось такое розовое облако — мечты о преображении, которое и заставило меня поверить, что я не вкушу смерти, а буду как бы взят в сретение Господа на воздусе. И теперь я ***прозрел душой****, что это лишь мечтательность. И потому для меня впервые реально выступила смерть, моя личная смерть. Разумеется, я не отрицаю и не уменьшаю значения эсхатологии, но не хочу ей баловаться». (С. 94) /.*

Теперь отвечу на твои конкретные вопросы по Булгакову. Принял ли он католичество? Нет, не принял, в отличие от Вяч. Иванова, например. Булгаков до конца жизни оставался православным священником. Все перипетии своих переживаний по поводу «католических шатаний» о. Сергий честно фиксировал в дневниках, которые сравнительно недавно были изданы в полном объеме. Я в свое время их тебе предлагал, но ты «пренебрег», а сейчас это библиографическая редкость, потому что провинциальное издание: Булгаков был «орловский уроженец». (Прот. Сергий Булгаков. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел: Изд-во Орловского телерадиовещания, 1998 — 476 с.) Особенно интересен в этом отношении «Константинопольский дневник 1923 года», следующий сразу после «Ялтинского дневника 1921—22 года»: Булгаков отбыл из России в Париж через Константинополь. Так вот, по дороге он передумал. «Католическая драма в моей душе безысходна. К сожалению, образ действий здешних католиков в уловлении душ с помощью стипендий и виз подает большой повод к тому, чтобы говорить об „иезуитских“ приемах. Непосредственному впечатлению, которому здесь и надо доверять, это претит, противно. И слушая рассказы о новых и новых случаях „душехватства“, спрашиваешь себя об этой ревности: что же действительно

представляет собой реальное, живое католичество? Не есть ли это чуждая и несоединимая стихия, как это думает, например, о. Павел /конечно, это Флоренский/, и не мудро, бессмысленно стремиться соединить несоединимое? Другая биология, другие легкие, как у рыб и у птиц, дышащих под водою и на поверхности?» (С. 142—143). Единственное, что осталось от «католического шатания», это экуменизм, которого о. Сергий придерживался до конца дней (к великому негодованию «истинных православных»). При этом Булгаков, не перейдя в католичество, не решившись на этот шаг, резко осуждал впоследствии тех, кто на него решался. Так, Лидия, дочь Вяч. Иванова, приехала специально в Париж посоветоваться с «дядей Сережей», когда решила принять католицизм. Ну, дядя Сережа ей и устроил такой разгон, что дальнейшее «общение домами» оказалось практически невозможным (см. об этом в «Воспоминаниях» Лидии). Но было еще одно малоизвестное драматическое обстоятельство, которое, на мой взгляд, явилось в этом плане решающим. В самый кульминационный момент колебаний Булгакова вскрылась жуткая история, которая произошла ранее с дочерью Булгакова Муной (домашнее прозвище Марии Сергеевны Булгаковой). Когда семья жила еще в Крыму, Муну, тогда девочку-подростка, изнасиловали, но ему об этом не сказали (Муна призналась только младшей сестре Нели). И вот что читаем в «Константинопольском дневнике» (эту совершенно потрясающую, многостраничную запись я привожу с большими сокращениями): «Вчера вечером Нели /младшая дочь/ поведала мне, что было с Муночкой год тому назад и чего мы до сих пор не знали, — она сказала ей это сама в самый день нашей серебряной свадьбы, — суд Божий над нашей греховной жизнью. Земля разверзлась, заколебалась и что-то навсегда непоправимо поглотила. Нельзя опомниться, нельзя примириться. Я не ропщу на Бога, но и не примирюсь с этим бедствием, как Иов. Я знаю, что это по грехам моим, что здесь суд и наказание над блудом юности моей, злобная месть именно Крыма, который отнял

у меня уже Ивашечку /умер малолетний сын/ и теперь, на этом заклятом месте, унизил мою девочку, и не спасла ее святая молитва Ивашечки, и не спасла милость Божия; напротив, все имеет такой вид, как будто нарочито попущено было страшное дело. Я не хочу лгать и говорить о воле Провидения, п.ч. это — не воля Провидения, и этому не покорюсь. Нельзя принять это покорно, не бунтуя, этого Бог от меня не хочет. Я во всем виновен и всего заслуживаю, заслуживаю вечного огня адского, но я, а не чистый беззащитный ребенок, растоптанный зверем и как будто для того и взращенный. Я не знаю, как я переживу, как переживу этот удар в своем священстве, в своем пути. У меня нет чувства, что Бог хочет от меня покорности, нет. Он не хочет от меня покорности, как не хотел и от Иова. Я не знаю, не знаю, как я с этим справлюсь, как это переживу духовно. Ты, Матерь Божия, всегда защищала ее и Федю /еще один сын, выживший/, но там, тогда не защитила беззащитную, она была оставлена бесам, как оставлен был Сын Твой. Пречистая, помоги, исцели ее, спаси. И спаси Федю из ада». /Федя был тогда на фронте/. Так что Булгакову стало в какой-то момент не до смены вероисповедания: надо было хоть как-то «пережить духовно» то, что с ним стряслось. Любопытна «развязка» истории с Муной. В 1926 году она вышла замуж за К.Б.Родзевича, любовника Марины Цветаевой (бурный роман в Праге в 1923 г), которому посвящены такие ее вещи, как «Поэма Горы» и «Поэма Конца». При этом М.Ц. способствовала этому браку и даже подарила невесте «белое венчальное платье» (если верить воспоминаниям Анастасии Цветаевой). Этот Родзевич был агентом совдеповских спецслужб, организовывал убийства, мутил воду в Испании и т.п., так что, если принять «провиденциальный жаргон» о. Сергия, его поруганная дочь обручилась с одним из главных «бесов», отмеченных «печатью Зверя», о чем бедный отец едва ли догадывался.

Теперь отвечу на вопрос: «А что значит: «русского в Тебе вообще мало, и по крови и по духу», на что отец Булгаков

намекает?» Он намекает на то простое обстоятельство, что у Флоренского была мать армянка, а отец русский. Внешность у о. Павла была гротескно «восточная»: непомерно длинный нос и все такое. Собственно говоря, и в статье-некрологе, помещенной в этой самой книжке, Булгаков пишет: «В лице его было нечто восточное и не русское (мать его была армянка)»; у классиков «Серебряного века» было натренированное, как у собак, этническое чутье. (Оба персонажа, Флоренский и Булгаков, запечатлены на замечательной картине Нестерова «Философы»; ты наверняка ее видел: там, по замыслу художника, Флоренский воплощает «небесное», а Булгаков «земное» в христианстве). А насчет «духа» в двух словах не ответишь, но суть в «высоколобости» Флоренского, для которого Платон был таким же «родным человечком», как и афонские старцы, а «естественное откровение» непринужденно сочеталось с Божественным. В той же статье-некрологе Булгакова сказано: «в о. Павле встретились и по-своему соединились культурность и церковность, Афины и Иерусалим».

По поводу «тоталитарности» Булгакова. В целом все, что ты пишешь, верно, но уж очень размашисто формулируешь, а тут вся суть в деталях. «Русская тоска по тоталитарности» (в сравнении, например, с немецкой) проистекает не от уверенности в себе, не из «воли к власти», не из «рыцарского чувства долга», не от избытка силы, желающей упорядочить еще один фрагмент «жизненного пространства», а, наоборот, от сознания своей распущенности, расхлябанности и непутевости, от неумения обжить собственное пространство, уже духовно избыточное. Не устроение иерархии, а попытка встроиться абы в какую (вплоть до «призвания варягов»). В этом смысле еврей и тут в промежутке, но гораздо ближе к русскому; однако, в отличие от русского, он сумел-таки опоясать себя Законом, причем собственного изготовления. Потому и антисемитизм русского, основанный на глубинном внутреннем родстве, гораздо более «интимен» и тем самым более противен, чем

*антисемитизм немца, а менее кровав только по причине той же расхлябанности. Конечно, эти различия отражаются и в специфике «концепции монотеизма и избранничества»: еврей скорее «недоизбран», а его «монотеизм» — это никакой не монотеизм, а нечто иное, как усеченный политеизм («**единобожие**») «номадического» (а не пост-аграрного) типа, достаточно архаичный. Немец же перенял от эллинов, перезрелых братьев-язычников, абстрактное Единое, истинного Бога монотеизма (он же Бог философов), неведомого евреям. Впрочем, попридержу полемический задор до более подходящего момента, а сейчас вернусь к о. Сергию. Я полагаю, что ты несправедлив, приписывая ему желание «быть маленьким богом», «властвовать над душами» и т. п. Не та у него по качеству «тоска по тоталитаризму», не немецкая, а русская, без тени активности и инициативы. Булгаков целенаправленно противопоставляет священника-«жреца» и священника-«пастыря». Пастырь навязывает свою волю «стаду», а жрец, как медиум, проводит чужую, высшую волю, являясь по сути безвольным звеном в священной иерархии. Булгаков недвусмысленно и однозначно отдает предпочтение миссии священника-жреца. Тут, как и во всех подобных случаях, у него перед глазами стоял пример о. Павла Флоренского. Цитирую ту же статью-некролог: «Чего ж искал в священстве о. Павел? Это не было призвание к пастырству и учительству, хотя, разумеется, он их не отрицался, но прежде всего и больше всего влечение к предстоянию Престолу Господню, служению литургически-евхаристическому» (с. 208). Оба служат «запрокинув голову», не ведая, что творится «внизу».*

Теперь относительно твоих не оправдавшихся ожиданий: «И все-таки о. Сергий не удержался насчет „красного иудейского интернационала“. Но еще ничего, по-божески, я думал он эту тему разовьет поактивней». Он и развил, но в других текстах. Вот цитата из «Ялтинского дневника 1922 года». «И ведь от Израиля не одно жидовство интернационала, ведь наступит же обещанное время, когда он начнет спасаться,

и от него опять явятся вселенские апостолы, которые во все концы земли понесут апостольскую проповедь. Мне противно на прежний манер вещать и пророчествовать (тем более безответственно), но ведь надеяться-то на это можно и следует. Мы, русские, не годимся для этой роли: ленивы, слабы, робки, женственны, на это нужна еврейская нерастворимость, которая теперь проявляется беспримерной даже в истории ***наглостью*** *всей русской революции и особенно большевизма, но тогда проявится апостольской ревностью. Однако реальных признаков обращения еврейства я не вижу еще». (С. 109) /Ср. с тем, что пишет по этому поводу Лев Тихомиров в книге «Религиозно-философские основы истории», в главе «Два Израиля», особенно на стр. 383—384/*

Но это еще так, семечки. Во время Второй мировой Булгаков высказался о «еврейском вопросе» очень отчетливо и пространно — главным образом в работах «Гонения на Израиль» (1942) и «Расизм и христианство» (1941—1942). Булгаков «затесался в наш разговор» случайно, но раз уж так вышло, не мешало бы его выслушать и по «интересующему нас вопросу», он человек в этом деле не последний (да и когда еще представится такой повод?) Ниже привожу конспект указанных работ, в основном «Расизма и христианства»; отмечу, что эти тексты переиздавались пока только один раз, если не считать публикаций в западных журналах типа «Вестник Р. Х. Д.». (С. Н. Булгаков. Труды по социологии и теологии. В 2-х т. Т. 2. М.: Наука, 1997 — 826 с).

«Гонения являют собой роковое последствие избранничества, не оправдавшего себя, но Израиль в отпадении своем не перестает быть народом избранным.

Что касается большевизма, то историческая правда все-таки требует признать здесь роковой характер рокового влияния еврейства в верхушке коммунистической клики. Пресловутый «интернациональный» характер еврейской «противорасы» */Булгаков использует термин из «Мифа XX века» нацистского теоретика А. Розенберга «Gegenrasse', что означает буквально: «противораса»/* делает ее гораздо

сильнее и вооруженнее против всякого другого народа, пребывающего в ограниченных рамках национального существования. Его */еврейства/* национальная сила, в соединении с его интернациональной сверх- или противорасовостью, действительно ставит и не может не ставить вопрос о взаимоотношении между ним и всяким другим народом, в среду которого оно вкраплено, как численное меньшинство.

Вообще социальный утопизм разных оттенков в наши дни является своеобразной дегенерацией древнего иудейского мессианизма, в котором мессия является социально-религиозным вождем, это своего рода «фюрер» национал-социализма на почве иудаизма. Но из всего этого неизбежно напрашивается неожиданное заключение следующего содержания: расизм, как национал-социализм, в котором одновременно и с одинаковой силой подчеркиваются оба мотива — и социализм, и национализм, — представляет собой не что иное, как пародию и вместе повторение или, по крайней мере, вариацию на темы иудейского мессианизма. Но это означает не больше не меньше, как то, что весь расизм есть не что иное, как антисемитизм, есть сублимированная **зависть** к еврейству и соревнование с ним, притом не в положительных его чертах, влечение — род недуга. Такая психопатическая влюбленность, которая делает его центром дум и дел, имеет характер навязчивой идеи. Такова тайна расизма, его источник. Гитлер и зелоты антисемитизма суть религиозные, точнее, антирелигиозные (что есть тоже религиозная квалификация) маньяки, причем эта маниакальность — у каждого по-своему — развивается в целую доктрину или мифологему. Антисемитизм всегда становится страстью. Гитлер в своем безумии не выносит никакого личного соперничества, которое, очевидно, все-таки ему видится во Христе. На пути к протрезвению немецкой нации стоит все тот же роковой германский антисемитизм, зависть германства к еврейству, как Богом избранному народу, и собственное его притязание

на избранность.

Если со стороны еврейства существует сознательная или несознательная, инстинктивная вражда ко Христу и христианству, то и, наоборот, со стороны христиан, как верующих, так и неверующих даже, существует ответное чувство самозащиты и соревнования. Между иудейством и христианством есть отношение взаимной обиды и неприязни. К прискорбию, взаимные отношения христианства и еврейства остаются **больными**, притом в большей мере и по-иному, нежели это имеет место для всех других религий, каковы ислам, буддизм и др. Это проистекает, конечно, не из дальности или взаимной чуждости, как в вышеназванных случаях, но именно из-за близости, сродства и вытекающего отсюда соревнования и борьбы. Поэтому напряженная ревность, доходящая до вражды, является здесь естественной, она даже достойнее, чем взаимное равнодушие и небрежение. Отсюда видно, насколько **трудно** осуществлять и сохранять христианское отношение к еврейству, которое является здесь стороной одновременно наступающей и обороняющейся, и оно больнó христоборством и отвержением христианства. Христиане должны осуществлять христианское отношение к еврейству, даже и тогда, когда последствием того создается для еврейства господствующее положение в мире. И этого нельзя бояться христианам, потому что только таков есть путь преодоления еврейства, не извне, а изнутри.

Судьбы избранного народа, хотя и отвергающегося своего избрания во Христе, никогда еще не были так центральны, как сейчас. Эту центральность разделяет с евреями еще народ русский, судьбы которого ныне предрешаются, даже если они и не могут быть поставлены на один уровень с еврейскими. Происходит мирная, но победоносная борьба еврейства со всем миром, меняющая формы, но неизменная по содержанию. Уже в самом этом факте нельзя не видеть печати особой богоизбранности еврейства, независимо от того, угодно или неугодно нашему

ограниченному человеческому суждению это произволение Божие. Последнее же требует от христиан обуздания в борьбе со страстями антисемитизма, хотя и искусительно подымаются в душах народов перед лицом его /Израиля/ религиозного отпадения. Особая трудность связана с его рассеянием по всему миру, оно же имеет последствием культурную **ассимиляцию** народа, который и сам ее как будто ищет и приемлет, в то же время оставаясь по существу неассимилируемым, откуда проистекает их некая культурно-национальная псевдонимность. Еврейство, при относительной процентной своей малочисленности, неудержимо проникает во все области творчества и труда. А с теми же, которые ему по существу чужды и враждебны — сюда относится, конечно, все связанное с христианством — оно ведет борьбу на уничтожение. Это мы можем наблюдать в большевистской России. Не нужно умалять силу того факта, что гонение на христианство естественно находило наибольшее осуществление со стороны еврейских «комиссаров» безбожия. Однако сохраняя всю неистребимую силу свою духовную, Израиль остается лишен той истинной духовности, которая была вверена и дана ему в Ветхом Завете и явлена в Новом. Ныне в своей апостазии /отступничестве/ Израиль утерял свой гений. Во всех отраслях духовного и душевного творчества сынам Израиля и теперь дано являть высокие достижения творчества, — мысли, искусства, воли, организации, настойчивости. И, однако, все это не восходит до «гением начатого труда». Поэтому духовно руководящая роль им утрачена — не безвозвратно, но временно, хотя всецело, потому что Гений дается от Бога, но не приобретается волевым усилием. Поэтому и творчество еврейское онтологически **второсортно**, как бы оно ни было в своем роде ценно. В состоянии своего отпадения, пока оно длится, Израиль сам лишает другие народы себя, своего гения; вместо высших и ему единственно данных достижений, он дает не-высшее, суррогат. В этом состоит настоящая духовная трагедия еврей-

ства, а с ними и всего мира, его лишенного в высшем его образе. Агасферизм есть трагедия духовной беспочвенности и добровольно принятой на себя богоотверженности: «кровь Его на нас и на чадах наших». Избранный народ Божий, прежде своего обращения ко Христу, после которого он станет светом и откровением языков, сам разлагаясь, разлагает и ту среду, в которой он пребывает. И эта роковая пустота, отрава обреченности, становится роком и для той среды, национальной и исторической, в которой они проявляются. И этому, конечно, бессилен помочь и сионизм, и опыты создания национального государства (хотя обладание святым градом, согласно пророчествам, и лежит на путях его). Плод этого агасферизма есть ассимиляция того, что неассимилируемо, нерастворимо, она есть тем самым печальный рок еврейства. Оно не только паразитирует на чужом историческом теле за неимением собственного, но оно и привязывается к нему жизненно, его любит по-своему, хочет с ним органически соединиться, в то же время оставаясь ему чуждым, нося в себе это неодолимое двойство и раздвоение. Это ассимилирование проявляется во всем — увы! — кроме веры.

Что же касается самого Израиля, то он становится жертвой этого ложного своего положения в жизни, самоопустошения, с одной стороны, и самоутверждения — с другой. Первое сопровождается преувеличенным развитием тех свойств, которые ему природно свойственны: материализма, чувственности, властолюбия. Второе же связано с роковой **псевдонимностью** всего его исторического существования. Последняя же выражается в том, что будучи чуждым, ассимилируясь, он выдает себя или же искренно себя считает принадлежащим к той народности и культуре, которые составляют его среду. Эта ассимиляция приводит к подлинному самоподмену, к двойству личного и национального самосознания. Рок исторической псевдонимии содержит в себе нечто нездоровое и фальшивое. Трудно сказать, когда и как она исторически возникает,

однако в новое время и в наши дни она достигает апогея в советской жизни, где она, впрочем, даже и никого не обманывает, а просто наглствует перед лицом горькой правды жизни. И, проистекающая из потребностей ассимиляции, она в действительности вырывает и углубляет ров, который хочет засыпать. «Псевдонимия» есть именно **лже**-именность. И все это есть проявление той духовной опустошенности, в которой пребывает Израиль, доколе не обратится ко Христу. Дотоле же псевдонимия жизни, плод ассимиляции, вместо органического соединения, остается всеобщим духовным бедствием, приучая скрываться и прятаться от себя самих, как и от других, построяя жизнь на условной лжи, которая даже если и замалчивается, то никого уже не обманывает. /Тема «псевдонимности» очень волновала Булгакова, автора «Философии имени», написанной в Крыму (1922), но опубликованной только после смерти автора. Приведу соответствующую цитату из этого труда. «Псевдоним есть воровство, в его основе лежит объективная ложь и притворство. Последнее мы имеем в наиболее грубой форме в национальных переодеваниях посредством имени, что и составляет наиболее обычный и распространенный мотив современной псевдонимии Троцких, Зиновьевых, Каменевых и под. Здесь есть двойное преступление: поругание матери — своего родного имени и давшего его народа, и желание обмануть других, если только не себя, присвоением чужого имени. Последствием псевдонимности для его носителя является все-таки дву- и многоименность: истинное имя не истребимо, обладатель его знает про себя, в глубине души, что есть его истинное, не ворованное имя, но в то же время он делает себя актером своего псевдонима, который ведет вампирическое существование, употребляя для себя жизненные соки другого имени. Не может быть здорового развития для псевдонима, ни истинного величия и глубины при такой расхлябанности духовного его существа, денационализации, ворованности». /

На дне этой псевдонимности таится одно основное чувство и устремление: сознательная или бессознательная борьба с христианством, вражда с Христом. И нам, как христианам, дано повеление вместить и всю силу борьбы с антихристианством с верностью и любовью к Израилю в его избранничестве. Нам равно возбранен подлый и греховодный антисемитизм, страсть ненависти и зависти, которая столь легко подстерегает нас на путях правого ему сопротивления, как и утрата чувства ответственности за его конечные судьбы».

И т. д. и т. п. — огромные по объему тексты.

И последнее в связи с Булгаковым. В 1916 году он принял участие в благотворительном сборнике «Щит», доходы от которого полностью поступили в пользу «Общества вспомоществования бедствующему еврейскому населению, пострадавшему от военных действий». Статья Булгакова называется «Сион» и посвящена сионизму.

«Предоставление евреям возможности образовать под покровительством могущественнейших государств Европы прочный национальный центр, восстановить здесь полную национальную жизнь не должно рассматриваться как быстрое средство разрешения «еврейского вопроса» во внутренней жизни европейских государств, в частности, в России. Допустим, что еврейский вопрос получит самое радикальное разрешение в смысле полного уравнения прав, но этим он ни в малой степени не будет решен **духовно**, напротив, он только тогда поставится с новой остротой и в общем сознании, и в самосознании диаспоры, которой предстоит выбор между ассимиляцией, то есть национальным вымиранием (что представляется мне совершенно не возможным), или же открытым утверждением своего национального лика, а в связи с последним необходимо в конце концов возникает и вопрос о национальном центре. Таким священным центром еврейства единственно и исключительно является Палестина — земля, отданная Израилю самим Богом.

И существование подобного центра поможет теперь Израилю совершить свою внутреннюю работу, победить трагическую раздвоенность и духовную борьбу, которая во все времена шла в душе Израиля. Величайшая трудность для сионизма состоит теперь в том, что он не в силах вернуть утраченную веру отцов и принужден базироваться на национальном, или культурно-этнографическом принципе, на котором не может утвердиться никакая действительно великая народность, а уж тем более еврейская. Возможность остаться наедине с собой, вне атмосферы диаспоры, на той священной земле, которая хранит в себе останки Авраама, Исаака и Иакова, и здесь прислушаться к голосу собственного религиозного сознания — не явится ли для Израиля началом спасительнейшего религиозного самоиспытания и самоочищения, нового духовного рождения? Имеем о сем непреложное пророчество, о котором никогда **не смеем** забывать, трепетно склоняясь пред судом Божиего избрания: «Не хочу оставить вас, братия, в неведении тайны сей, что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока не взойдет полное число язычников. И так весь Израиль спасется, как написано: приидет от Сиона Избавитель и отвратит несчастие от Иакова» (Рим. XI, 25—6). Близятся времена и сроки. На историческом небе загорелась новая идея, наряду с другими именами история произнесла и святое имя Сиона. Есть признаки, что «еврейский вопрос» в разных смыслах вступает в новое обострение, и трагическая его безысходность в диаспоре ощущается с новой силой. И появляется надежда на возможность новой постановки векового вопроса. О, пусть она не обманет!»

О Солженицыне говорить скучно. Я брал книгу на пару дней, но читать не смог, только перелистал. Так что твой конспект пришелся кстати; думаю, ты просек тенденцию достаточно четко. Наиболее интересным показалось мне твое замечание о том, что Солж. будет вынужден признать, что его борьба с Советской властью была «роковой ошиб-

кой». В этой связи мне вспомнилось одно высказывание. Художник (с позволения сказать) и антисемит Илья Глазунов как-то ляпнул в ответ на упреки в примитивности его творчества по сравнению с искусством авангарда: «Что вы пристали ко мне со своим авангардом? Я, может, и сам авангардист. Просто надо различать: есть Иван-гард и есть Абрам-гард». С диссидентством была точно такая же история. Каким бы «проевреенным» оно ни было, в нем изначально сосуществовали две противоположные по самоощущению группы, которые по дурости считали себя единым фронтом, пока им противостоял «общий враг». Когда же враг ослабел, обнаружилось, что два крыла диссидентства — Иван-диссиденты типа Шафаревича, Зиновьева, Вл. Максимова, Солженицына и даже Андрея Синявского (Иван по имени Абрам, то бишь Терц) и Абрам-диссиденты типа Гинзбурга-Щаранского — не имеют между собой ничего общего. Когда Иван-диссиденты «ругали Россию», они делали это из глубокой любви к ее «субстанциальному лику», замутненному коммунистами. Когда то же самое и в тех же выражениях делали Абрам-диссиденты, они делали это из глубокой нутряной нелюбви к этому самому «лику»: от «лика» -то их и тошнило (это те «болельщики», вроде нас с тобой, которые всегда болеют против сборной России, с кем бы эта сборная ни играла). Когда дым рассеялся, Иван-диссиденты, естественно, покаялись перед Родиной. Для них самой насущной задачей оказалось стремление «отмазаться» от вчерашних соратников, поскольку порочащие связи уличали их в «нелюбви к Родине». Но оказалось, что «отмазаться от бывших попутчиков» — это то же самое, что примазаться к тем самым «устоям», против которых они выступали; иными словами, между «ликом» и якобы «личиной» России не обнаружилось никакой разницы. Это покаяние и отмазывание/примазывание произвели совершенно открыто Максимов и Зиновьев, в завуалированной форме — Шафаревич, Солженицын и даже Абрам Терц. Были, конечно, и промежуточные типы: полусерб Войнович, похожий на Абрама, еврей Кубла-

новский, косящий под Ивана, и городской сумасшедший Сахаров, похожий на инопланетянина. Промежуточность проявляется и во временном измерении: так, полуеврей Аксенов стремительно эволюционирует к Ивану, а русский Буковский вконец ожидовел в своем Лондóне.

Надеюсь, «медицинская процедура», о которой ты пишешь, окажется благоприятной. Расскажешь мне потом о результатах?

Всегда твой

Матвей

27.7. От Цветкова

…Что же касается России, то описывать особенно нечего, кроме того, что погода была чудовищная, и в Москве, и в Сочи. В Сочи ходил от скуки пару раз на тамошний кинофестиваль «Кинотавр». Сказать что все это глубоко бездарно — значит не сказать ничего. Бездарно — это очень талантливо по сравнению с тем, что я там видел.

Кроме того, с русскими ни о чем нельзя разговаривать. Они невежественны как папуасы (приношу извинения папуасам — фигура речи) и полны жуткого апломба, не отличают свои мнения от фактов, а к фактам относятся с презрением. Страна дураков. Если бы не специфика работы, забыл бы эту страну напрочь и никогда бы не вспоминал.

Во всяком случае, больше я туда не поеду. Это вопрос не атмосферы, а собственной тошноты.

Будь здоров, привет Римме.

Наум, привет!

Надеюсь, медобследование дало благоприятный результат; или как?

Список №49

Еврейские народные сказки. Предания. Былички. Рассказы. Анекдоты. Собрано Е. С. Райзе. /Первая антологическая публикация еврейского фольклора на русском языке. Собраны образцы всех жанров повествовательного фольклора евреев

Восточной Европы. Источниками текстов послужили как фольклорные издания, так и многолетние записи Ефимом Райзе (1904—1970). Райзе трижды отбывал срок по обвинению в «национализме» и так и не успел увидеть напечатанной книгу, над которой работал всю жизнь/ СПб.: Симпозиум, 1999 — 496 с (большой формат) — 200

Артур Лавджой. Великая цепь бытия. История идеи. /Лавджой (1873—1962) был самым выдающимся американским историком философии. Он разработал новую методику изучения истории философии, назвав ее «историей идей». «Великая цепь бытия» (1936) — самая знаменитая его книга. Лавджой исходит из предположения, что число действительно оригинальных философских идей ограничено. Кажущаяся новизна многих систем достигается исключительно из новой аранжировки составляющих их элементов. Если это уяснить, то история философии приобретает гораздо более удобный для изучения вид. Лавджой выделяет наиболее глубинные «идеи-единицы». Идею «великой цепи бытия», впервые разработанную в «Тимее» Платона, он считает одной из наиболее важных таких основополагающих идей-единиц. Кстати, эта идея «старше» даже идеи Бога (это своего рода интеллектуальный архетип), что очень важно и для нашего с тобой разговора. Интересно, что Лавджой вообще не считает идею Бога идеей-единицей. «Но идея Бога не есть идея-единица. Говоря так, я имею в виду не только тот трюизм, что разные люди использовали одно имя для обозначения сверхъестественного существа в его предельном многообразии и неисчерпаемости качеств; но и то, что за любым из этих частных представлений обычно можно открыть некий феномен, или несколько феноменов /я-то знаю, каких: стратегий спасения!/, более элементарных и более глубоких, и даже более существенных, чем сами они по себе. Поистине, между Богом Аристотеля и Богом Нагорной проповеди нет почти ничего общего — но один из самых удивительных и принципиальных парадоксов западной истории состоит в том, что философская теология христианства отож-

дествляет этих двух богов и называет конечной целью подражание им обоим. Не подлежит сомнению также и то, что аристотелевская концепция бытия является одним из возможных следствий некоторого гораздо более общего типа мышления, не свойственного исключительно ему, а очень характерного для греков вообще и почти полностью чуждого древнееврейскому сознанию. М,: Дом интеллектуальной книги, 2001 — 376 с (большой формат) — 230

Ханна Арендт. Vita activa, или О деятельной жизни. /Заголовки некоторых разделов: «Пространство публичного и сфера частного»; «Постоянство мира и художественное произведение»; «Неотменимость содеянного и власть прощать»; «Непредвидимость деяния и власть обещания»; «Начало отчуждения мира»; «Саморефлексия и утрата здравого смысла»; «Переворот внутри vita activa и победа homo faber'a»; «Animal laborans побеждает»/ СПб.: Алетейя, 2000 — 437 с — 165 /Цитирую из послесловия Бибихина (он же переводчик): Ханна Арендт сразу послала немецкую «Vita activa» Хайдеггеру, который со своей стороны присылал ей публикации с посвящениями. Неожиданным ответом, как показалось Арендт, явилась неприкрытая враждебность, причем не к содержанию книги, а к самому факту присылки. В письме к Ясперсу (1961) она объяснила это так: «Я знаю, что для него невыносимо появление моего имени в печати, писание мною книг и т. д. Я как бы обманывала его на протяжении всей моей жизни, ведя себя так, словно ничего этого не существует и я, так сказать, не умею считать до трех, кроме как в толковании его собственных вещей; тут ему всегда было очень по душе, когда оказывалось, что я умею считать до трех и даже до четырех. Теперь обманывать мне стало вдруг слишком скучно, и мне дали по носу. В какой-то момент я совершенно разъярилась, но сейчас уже все прошло. Наоборот, думаю, что неким образом это заслужила — то есть и за то что обманывала, и за внезапность прекращения игры». В другой книжке /Барбара Кассен. Эффект софистики. М.-СПб: Культурная инициатива, 2000; раздел «Гре-

ция Ханны Арендт и Греция Хайдеггера»/ я вычитал такой «контрудар Ханны»: «Мы хотим восхищаться мыслителями, но, вопреки нашей воле, мы испытываем потрясение и, пожалуй, находим скандальным то, что и Платон, и Хайдеггер, пытаясь воплотить свои теории в жизнь, обращались за помощью к тиранам и диктаторам». «Дело для меня не идет ни о чем другом кроме продумывания того, что мы собственно делаем когда мы деятельны». Попутно прослеживается соотношение vita activa (жизни деятельной) и vita contemplativa (жизни созерцательной) в разные периоды истории. Назначение включенных в книгу исторических анализов в том, чтобы проследить до самых истоков новоевропейское отчуждение мира в его двояком аспекте: бегство от земли во Вселенную и бегство от мира в самосознание. Три вида деятельности: труд, творчество («создание») и поступки. Если труд природен, то «в творчестве дает о себе знать противоприродное начало зависимого от природы существа, которое неспособно встроиться в неизменную повторяемость родовой жизни и не находит в потенциальной неуничтожимости рода утешения для своей индивидуальной смертности». Вечность и бессмертие у греков. В этой вечно длящейся жизни природы и под небом не знающих смерти и старения богов были рождены смертные люди, единственное преходящее в непреходящем космосе, где смертное и бессмертное встречалось друг с другом, но где не было вечности или господства вечного Бога. Возможно, что совершенно оправданное сомнение в долговечности полиса на исходе пятого столетия решительно подтолкнуло умы к открытию вечности, и по-видимому страшный испуг перед этим прозрением так тесно переплетался с изумленным восторгом перед новонайденным вечным, что философы в какой-то мере поневоле наполнялись бранчливым презрением ко всяким заботам о бессмертии Они вошли таким путем в уже непримиримый конфликт с античным полисом и с лежавшей в его основе религией. Закат Римской империи убедительнейше доказал, что никакое дело смертных

не может уповать на бессмертие, и закат этот сопровождался, как бы наполненный изнутри ее звучанием, христианской вестью о том, что жизнь каждого отдельного человека отныне будет длиться всегда. Это был конец античных религий, покоившихся наоборот на смертности человека и на возможном бессмертии созданного им мира. При таких обстоятельствах всякое стремление к земному бессмертию должно было показаться столь же суетным, сколь и излишним, а vita activa могла теперь держаться лишь поскольку была готова поступить в услужение к vita contemplativa. Успешность этого переподчинения можно оценить, заметив что даже приход Нового времени, с его насильственным опрокидыванием заведенного порядка, оказался бессилен хотя бы просто извлечь из забвения порыв к бессмертию, некогда источник и средоточие всей vita activa, как и политики вообще». Интересно еще, что Арендт выявляет у греков героического периода «радикальное презрение ко всякой деятельности, служащей лишь поддержанию жизни» («Блок обеспечения» соотносится с «рабским состоянием»; таким образом, в период «греческого утра» соотношение «БС» и «БО» мыслилось как взаимоотношения между свободным гражданином и его рабом)

Всегда твой
Матвей

28.7. Вчера Жанна пришла, потом Марик с Аней, и Илюша с Дафной, так что получилось настоящее застолье. И мама присоединилась. «Хорошо посидели», как-то непринужденно. Аня рассказывала о своих «курсах медитации», я вспомнил свои опыты «транцендентальной медитации», и тут Илюша вдруг признался, что у него однажды было странное ощущение полета:

— Я еще тебя ждал (к Дафне), сидел в машине, и вдруг чувствую, что я отрываюсь, сантиметров на 20—30, причем осознаю, что я вроде сижу, но полное ощущение отрыва, и даже окна машины вдруг стали ниже, я даже испугался,

и почувствовал, что если захочу, то не просто чуть оторвусь, а могу вообще полететь, и это ощущение, что я могу полететь, было удивительным, да, пьянящим…

Выяснилось, что отец Дафны сидел в оркестре на том же месте, что и Марик. Марка это открытие поразило, он долго качал головой: «Как мир тесен…»

От Л:

как себя чувствуешь? Надеюсь что ходить уже научился. Хотя я не очень уверена, что походка уже опять танцующая? Шабат шалом!

А у нас здесь был хамсин, так мы от него убежали в Ванкувер, там 14 по Ц. Он на полуострове, вокруг горы, дух захватывает и воздух хрустальный…

Вот и в Москве (Гольдштейн рассказывает) жуткая жара, хуже, чем у нас.

Чувствую себя нормально. Вроде даже «полегчало». А горным воздусям я завидую, тоскую по ним… рыбья кровь…

Матвей, привет!

Спасибо за обширные цитаты из Булгакова, я таки недооценил его (он в этом письме к Флоренскому уж чересчур самоуничижался), замечательный ум, и совершенно поразительная неутомимость исповедального пафоса… Эту первобытную экзальтированность русских «духовных поисков» действительно стоит «взять на прицел», изучая «типологию феномена». Наивность в странном сочетании с поразительной проницательностью. Интересно, какие психологические механизмы питают такую безоглядность веры, тем более, когда уже ясно, что «я умру, как все люди»? Не объяснять же «недостатком мужества», «женственностью» русской души (в «женственности» упрекали и евреев) — я этот вульгарный психологизм не люблю.

И мне очень понравилось, как точно он припечатал лжеименность, да что там, просто «ложь и притворство» всех

этих ассимилянтов, прихлебателей великой гусской культуры: «псевдонимия жизни, плод ассимиляции, вместо органического соединения, остается всеобщим духовным бедствием, приучая скрываться и прятаться от себя самих, как и от других, построяя жизнь на условной лжи, которая даже если и замалчивается, то никого уже не обманывает».

Только непонятно, при чем тут «вражда к Христу», я думаю, что у ассимилянтов нет никакой специфически еврейской «вражды к Христу», наоборот, они зачастую, дабы сойти за своих, охотно вешают крест на пузо. И я не согласен, что их «духовная опустошенность» продлится, «доколе не обратятся к Христу» — а почему бы не вернуться к дохристианским истокам? Ведь он сам замечательно пишет о возрождении: «Возможность остаться наедине с собой, вне атмосферы диаспоры, на той священной земле, которая хранит в себе останки Авраама, Исаака и Иакова, и здесь прислушаться к голосу собственного религиозного сознания — не явится ли для Израиля началом спасительнейшего религиозного самоиспытания и самоочищения, нового духовного рождения?» Конечно, вопросительная интонация тут вполне уместна, и он очень глубоко подмечает «величайшую трудность для сионизма» («принужден базироваться на национальном, или культурно-этнографическом принципе»), но ведь есть надежда «вернуть утраченную веру отцов». И как исполнились его пророчества, даст Бог, исполнятся и провидческие надежды: «Есть признаки, что „еврейский вопрос“ в разных смыслах вступает в новое обострение, и трагическая его безысходность в диаспоре ощущается с новой силой. И появляется надежда на возможность новой постановки векового вопроса. О, пусть она не обманет!» Именно на фоне этих слов и чаяний так отчетливо проявляется жалкая «псевдонимия», а точнее внутренняя лживость (в лучшем случае пустота) всяких пастернаков и бродских. Впрочем, пока не завелся — бог с ними. Это вообще отдельная тема.

Приспело ли время писать о Христе? (Кстати, что-то

я подзабыл, кто это там выплевывает тело Христово изо рта?) Видать, еще не приспело. Чувствую, что не по сеньке шапка…

Что касается твоего справедливого упрека о «пренебрежении» твоим предложением приобрести «Дневники» Булгакова, то, как ты знаешь, дорога ложка к обеду, вот сейчас я бы с удовольствием…

За биографические подробности тоже спасибо, про Радзиевича я читал и тоже подивился «превратностям судьбы». Как будто она специально издевается над верой и верующими (к разговору о наивности)…

Из списка возьми Лавджоя и Арендт (терпеть ее не могу, но тоже, как выясняется, лаптем щи не хлебала), все это «по теме»: иудейство и эллинство, два типа сознания… Что общего между «Единым» эллинов и ревнивым Богом иудеев? Удалось ли христианству «поженить» их, соединить несоединимое, или просто рыбу и птицу заковали в одну упряжку и заставили «спасать человечество»? Брак оказался мучительным, но плодотворным. А теперь, похоже, каждая «тварь», хочет вернуться в свою стихию…

Солженицына домучиваю… Вот ведь лапоть кондовый стоеросовый. «Ядовитой клеветой» называет цитату из устного творчества Александра Третьего («А я, признаться, сам рад, когда бьют евреев»). Но затем перечисляет столько притеснений, которые при нем «вышли евреям», что подлинность этой цитаты теряет всякое значение: говорил — не говорил, евреев он «прижал», и точка.

Процентную норму и полные запреты на поступление в определенные вузы он «понимает», как борьбу пр-ва с «участием евреев в революционном движении» (чтоб не баламутили студенческую молодежь). Ограничения в местах пребывания, массовые выселения, запрещения определенных видов собственности и найма — интересами защиты коренного населения. Тем более (всегда добавляет в скобках), что большинство «жестких» мероприятий было смягчено еврейской изворотливостью и российской коррумпированностью.

Особливо забавно пишет о Кишеневском погроме. Событие, мол, «прискорбное», но с каким «коварством» воспользовались им евреи и другие «враги», «чтобы ударить по царской власти», несправедливо обвинив пр-во в организации погрома! А пр-во было всего лишь «нерасторопно». При этом еще пишет (цитирует, он все цитирует, начетчик), что в Кишиневе всегда на Пасху происходили «драки между евреями и христианами», вот и погром начался со «столкновений между», причем у евреев было огнестрельное оружие, а у христиан не было, и толпа разъярилась после того, как евреи застрелили мальчика (спасибо что не написал, что и кровь у мальца выпили). Или такой пассаж: «некоторые евреи имели при себе бутылки с серной кислотой, коей они и плескали в проходящих христиан (аптеками традиционно владели евреи)».

Естественно он возмущается «всемирной атакой на царское пр-во», которую организовывало «Бюро Защиты евреев», как оно ловко организовало кампанию в мировой печати, «а ненаходчивое царское пр-во» даже не опровергало обвинения.

Гомельский погром он рисует, как погром русских обнаглевшей «еврейской молодежью», «хорошо организованной» в отряды самообороны и имевшей огнестрельное оружие. «Поголовное вооружение, сознание своего численного превосходства и своей организационной сплоченности подняло дух еврейского населения настолько, что среди молодежи их стали говорить уже не о самозащите, а о мести за кишиневский погром… Евреи Гомеля… стали держать себя не только надменно, но и прямо вызывающе… настигая русских, евреи били их нещадно, били стариков, били женщин и даже детей. Одну девочку, например, стащили с подводы и, схватив за волосы, волочили по мостовой. Крестьянин Силков остановился поодаль поглазеть и ел булку (как в песне поется: „глядел на шлюх и мирно кушал пончик“). В это время пробегавший сзади еврей нанес ему смертельный удар ножом в шею и скрылся в толпе евреев…»

Киевский погром тоже «начался с оскорбления национальных чувств», со стрельбы «евреев в патриотические процессии», с «глумления и надругательства над всем тем, что было свято и дорого простому народу», который объяснял это «стремлением евреев добиться „своей жидовской свободы“». «Неудачи войны, по поводу которых еврейская молодежь открыто выражала всегда живейшую радость, уклонения их от воинской службы, участие в революционном движении, в ряде насилий и убийств должностных лиц, оскорбления войск… вызывало, несомненно, в простом народе…» Ну и т. д. Он, конечно, насилия не оправдывает («безумствовала революционная — читай еврейская — молодежь, а расплачиваться досталось пожилому и мирному еврейству»), но отмечает бескорыстие громил («были среди громил и такие, которые до самого последнего дня беспорядков оставались чуждыми корыстных побуждений»). Не корысти ради, понимаш, громили. Это бескорыстие громил он подчеркивает постоянно и последовательно, при описании каждого погрома («причем еврейское имущество больше уничтожали, чем расхищали»).

Вот еще такой перл: по отчету сенатора Турау «главной причиной еврейского погрома в Киеве была издавна существующая рознь между малороссийским и еврейским населением, обусловленная различием их миросозерцания». Не сошлись, понимаш, миросозерцанием.

Ну и международное еврейство (финансовые тузы), конечно, всячески действовали на подрыв русского государства: не давали займов во время русско-японской войны (вот суки!), пользуясь временной слабостью пр-ва, пытались вырвать для евреев всякие послабления, «манипулировали прессой», давали деньги на революционное движение.

Короче: дальше в лес — больше дров. Задача ясна, обвинить евреев в гибели России (но объективно, мол, не одни они, конечно, виноваты…).

Сочувственно цитирует Шульгина о справедливости «народного самосуда» (мол, и в Америке существуют суды

Линча), сетует на общие черты русско-украинского характера («в минуты гнева мы отдаемся слепому порыву «раззудись плечо»...»), защищает Союз Русского Народа (который возник «от инстинкта народной обиды»), а обвинения в адрес «черной сотни» считает несправедливым «клеймом», цитируя какого-то «вдумчивого еврейского автора», который «правильно указывает, что «явление, получившее название «Черной сотни... изучено недостаточно». Да может сами евреи и... того-с, сами себя высекли, чтобы половчей разрушить русское государство? Писали же советские газеты, поддерживая «палестинскую версию», что расстрел израильских спортсменов в Мюнхене организовали израильские спецслужбы.

Ладно, хватит цитат. Все ясно. Приговор: скучен. Но не отпускает недоумение. Во-первых, удивляет, чего он вообще взялся за такую тему, которая мне (из прекрасного далека?) кажется давно «сдохшей» не только для русской истории, но и для современного «национального сознания» (русского). То есть динозавр, случайно выживший, пишет о проблемах динозавров? Или я опять тут что-то не понял?

И потом, если ты (это я к нему обращаюсь) считаешь, что антисемитизм, причем даже в его погромных формах, естественное явление, реакция на стремление евреев разрушить русское государство и поработить русский народ (отмечает общую черту всех погромов — «у дикой толпы ощущение своей правоты»), то назови себя антисемитом, не бойся, никто на тебя не обидится, попадешь в компанию вполне серьезных людей, идеологов и философов, которые испокон веку доказывали и доказывают «вредность» еврейской нации. А тут какая-то идеологическая трусость, межеумочность, «духовная беспомощность» (русская, как сам пишет): я, мол, лично евреев люблю (ну, скажем, ничего против евреев не имею), только они, гады, Россию погубили. Он до настоящего антисемитизма и не пытается дотянуться (тонка интеллектуальная кишка), ему «за державу обидно». Он просто в панике и отчаянии ищет «козлов отпущения»

(а чего их на стороне искать, своих что ли не хватает, да в зеркало посмотри). Ему страшно, что они, эти инородные козлы, опять русский огород потопчут.

Уж не от страха ли этот изумительный фанатизм, преданность теме, в какой-то мере похожий (по клиническим признакам) на «экзальтированность русских духовных поисков», отмеченную выше по совершенно другому поводу…

И, наконец, о самой «наболевшей теме», которую я бы условно назвал «любовью к Родине».

Ведь не любовь к народу движет им, а любовь к государству. Вот тут-то и собака зарыта. Государство, со всем своим аппаратом насилия, именно из-за своего аппарата насилия, кажется ему единственным гарантом «духовной независимости» (от кого, от чего, а главное — ради чего?). Он и «молится» на него. И через все это «повествование о жиде» проходит, как говорили, «красной нитью» восхищение и отчаянная зависть к евреям, которые и без государственных, и без языковых и культурных границ сохраняют тысячелетиями свою национальную самость. А русские «через поколение уже растворяются».

Да, ты прав, это ревность Каина к Авелю…

Насчет «медосмотра». Мне сделали «зондирование»: через пах загоняют в артерию зонд «с кинокамерой» и ведут его до коронарных сосудов, отыскивая трудно проходимые. Это метод как диагностический, так и терапевтический, все его возможности и «невозможности» были на мне продемонстрированы. Сама процедура заняла минут сорок, без наркоза, лежишь в такой зале, похожей на кабину космического корабля, наблюдаешь по монитору, как у тебя в сердце копаются… Нашли три «забитых» сосуда: один на 50%, в таких случаях просто «прочищают» (удаляют холестериновые «бляшки» со стенок сосуда), второй — на 70%, в таких случаях просто прочистить недостаточно и ставят еще крепежку, так называемый «стент», он держит сосуд открытым, третий сосуд оказался «замурован» (тут у меня и был небольшой инфаркт, когда и при каких обстоятель-

ствах неизвестно, я этого не почувствовал, во всяком случае «перенес на ногах», явление известное), его оставили в покое, в таких случаях образуются (самим организмом) «обходные пути». В принципе я и до «процедуры» чувствовал себя нормально, но спорт бросил и вообще был в легкой панике, или растерянности, не знаю как точно определить (уж больно неожиданный и «обидный», как для «бедного Меира» — прочитал ли? — был переход…). Ну вот, такие пироги. Надеюсь «вернуться в строй».

Всегда твой
Наум

От Матвея: *Наум, привет!*

Спасибо за подробный «отчет о процедуре». Все-таки утешает то, что лечат, и, судя по всему, с применением новейших средств. Здесь у нас очень немногие могут получить квалифицированную медицинскую помощь. Желаю выздоровления, если и не «окончательного», то, по крайней мере, «чтоб над душой не висело» — словом, полного «возвращения в строй».

С интересом ознакомился с выписками из Солженицына, подробнее напишу позднее. Христовым телом плевался Есенин в «Инонии». Перед этим такая строфа, она же вступительная: «Не устрашусь гибели, // Ни копий, ни стрел дождей, — // Так говорит по Библии // Пророк Есенин Сергей». Вообще выяснилось, что я очень люблю Есенина. Кто бы мне объяснил, что сон сей значит? Единственный, про кого можно без натяжки сказать: «разродился словом» (хотя не знаю, тот ли это способ…): «Я сегодня снесся, как курица, //Золотым словесным яйцом» (та же «Инония»).

Всегда твой,
Матвей

Позвонил Лене Прайсману.

— Ну, попал ты, — говорю, — в историю. Солженицын тебя обильно цитирует…

— Он меня цитирует, даже когда не осознает это: большинство статей в Энциклопедии, которые он цитирует — мои… А у меня как раз вчера была передача по третьему каналу на эту тему.., нет, по-русски. Так ты прочитал? Ну, что скажешь?

Леня тоже Солженицыным возмущен, но «как историком». Говорит, что «как исторический труд» — не выдерживает никакой критики. Не согласен с тем, что «никому это не интересно»: в Иерусалиме, мол, книгу активно раскупают, а «где-нибудь в Верхнем Назарете» чтут, как святое писание.

29.7. Наконец дозвонился. Взахлеб делились недоразумениями со связью.

— Целую тебя крепко-крепко! Завтра позвонишь, да?

В «Окнах» интервью Зайчика с Верником. Позвонил Вернику, поздравил. Сказал, что сделано тепло, общая тональность симпатичная, и стихи подобраны хорошие, в общем, хорошее интервью.

— Наум, нет, ты правда так думаешь? Мне это важно.

— Ну конечно. Я очень рад.

Позвонил Гольдштейну, насчет погулять.

— Наум, боюсь, что сегодня никак. Вообще теперь приходиться до девяти сидеть…

— Работы накопилось?

— Нет, перешли на другой режим работы — каждый день до девяти вечера, и надо высиживать…

— Ого! Ну, хоть больше платить будут?

— А вот и нет. Неизвестно будут ли вообще. Да, вот так. И скажи спасибо, что держат.

— Тогда — стачка! (Смеюсь.)

— Да… Может у меня вторник будет посвободней… Давайте я вам позвоню.

— Хорошо, договорились.

30.7. Позвонил Р. Рассказывает о плохом расписании уроков, о поисках бизнеса в США — хочет переехать к дочке, может, оно и к лучшему…

— Ты кончаешь в полпервого? Так встретимся в час?

— Сегодня? — удивлена.

— Да.

— Нет, сегодня я не могу…

Какие-то торопливые объяснения.

— Хорошо-хорошо, не важно, давай завтра.

— Завтра можно.

Нет, это уже не ревность. Усталость и печаль…

Николай, приветствую Вас!

Скучаю без Ваших искрометных эпистол, но просто так спросить «как оно там по жизни» не решался, знаю, что заняты по горло. Однако на этот раз есть у меня деловой вопрос, может, по старой дружбе, разъясните ситуацию.

Я перевел (от нечего делать, из любви к искусству и т.д.) больше половины романа израильского писателя Якова Шабтая (кличут «израильским Прустом», ну да, дался им бедняга Марсель…) «Эпилог» (он всего два написал, такой диптих: «Итог» и «Эпилог», названия не случайные, умер рано, сорока восьми лет от роду). Отрывок страниц на 30 был опубликован в журнале «Солнечное сплетение» (сдвоенный номер 12—13) и был «публикой» одобрен (и перевод и «вообще»). Чтоб скорбный труд не пропал (да и сам роман мне, откровенно говоря, нравится, есть в нем что-то элегическое…), хотелось бы, конечно, его издать. Издавать его по всем бюрократическим «правилам» — это надо, во-первых, получить право на перевод (что достижимо, так как была уже публикация, но возни много), во-вторых, заплатить владельцам авторских прав (вдова еще жива и очень прижимиста), в-третьих, заплатить переводчику (роман где-то на 800 000 знаков, работа ручная, сами знаете), по здешним расценкам это 5 тыс. долларов, я согласен на половину —

половину все равно уже перевел… (а вот интересно, какие «расценки» у вас, если не секрет?). Ну и издать книжку — тоже деньги. Интересен Ваш опыт в этом деле (чем, кстати, кончилась история с Бубером?), например, есть ли в России издательства (солидные), готовые взяться за такой проект (обходя формальности или нет, это уж их дело), и не может ли такой проект заинтересовать «конкретно» Ваше издательство? Я, конечно, «образцы на пробу» могу прислать.

Буду рад узнать, как вообще дела, какие новости. Всегда Ваш

Наум

Звонила какая-то с радио, «Галей Цахал»[1], насчет публикации фрагментов «Хроник» в антологии израильских писателей, пишущих на разных языках (изд. «Кетер»). В среду придет интервью брать.

31.7. От Л: *А ты уже пробовал в теннис играть, плавать?*

А я давно не испытывала такого чувства «полета» и радости, как на велосипеде. Когда слева лес и соловей поет, справа океан плещется, а за ним горы, и чайки кружат и свежий ветерок с запахом малины ласкает лицо, почти как в том сне на роликах… помнишь?

Да, здорово…

А я сегодня пошел поплавал. В теннис пока не решаюсь, но если «дело пойдет», начну потихонечку.

— Ты похудел! Учти, что если ты худеешь, то и он худеет. Где твой животик? Он так хорошо меня обнимал!

Сказал, что у нее королевская осанка, а у дочки (показала фотографии) все как-то грубее, проще.

[1] «На волне Армии Обороны», армейская радиостанция

— Да! Во мне вообще королевская кровь. Мне иногда снится один и тот же сон, что я веду куда-то мое племя. Я такая широкая, плотная, уже старая, и почему-то ребенок на руках. И такая… тяжесть ответственности. Все время думаю про всех, как этот, как тот, кто ослаб, кто отстал. И куда-то веду их. Иногда в гору, иногда с горы… Я вообще знаю, что человек не умирает. Я это просто знаю. Я с мамой, например, часто разговариваю. Она ко мне приходит. Да, я чувствую ее присутствие.

— Ты в сеансах никогда не участвовала?

— О, эти спиритуалы меня обожают. Но я держусь от них подальше. Прибабахнутые на всю голову. Да, и свое тело покинуть можно… Это опасные игры. Я не пробовала, но я знаю, что можно.

1.8.2001. Ночь не спал. И жена не спала («От тебя отрицательные флюиды…»). Ворочался, покрывался потом. Такое чувство, что она пьет из меня силы. И что все это с сердцем — из-за нее. Кажется, и она это чувствует. Когда пошел на третий заход деликатно поинтересовалась:

— А тебе можно?

Потом сказала:

— Мы с тобой в последнее время какие-то тихие.

— Все уже рассказали друг другу, — говорю.

— Так не бывает.

— Ну почему, у каждого человека ограниченный набор ярких жизненных впечатлений…

А вообще-то, если попросту и по-честному: мне эта ебля остопиздела.

Приходила симпатичная девочка Анат, сделала передачу для «Галей Цахал».

Наговорил с час, оставят минут 15. Как всегда, был недоволен. Не умею я говорить, да еще на чужом языке…

Матвей, привет!

От романтиков перескочил на Фейербаха («Сущность христианства») и уже во введении («Общая сущность человека») наткнулся на милые твоему сердцу мысли: «тайна теологии есть антропология»; «наука — это сознание рода»; «мышление и слово суть настоящие функции рода». С помощью определения Шлеермахера («религия есть сознание бесконечности») «доказывает» бесконечность сознания и тем самым — бесконечность человеческого существа. В итоге: «бог есть человек, человек есть бог». Отсюда и до Ницше рукой подать.

А вообще он мне нравится. Называет «современное» (середины 19-го века) христианство «трусливым, бесхарактерным, комфортабельным, беллетристическим, кокетливым, эпикурейским».

«Сущностью нашего века является притворство». «Всякий, кто говорит правду, считается дерзким и невоспитанным. Правда в наш век стала безнравственностью. Нравственным и достойным уважения считается лицемерие». Чем не наш век политкорректности?

Наткнулся у него на цитату из Лютера: «Одно из двух: или верить во все начисто и без всякого исключения, или же ни во что не верить. Святой дух нельзя делить на части так, чтобы одну часть считать истинной, а другую — ложной… Колокол, давший трещину, уже не звучит и весь никуда не годится».

Ладно, не буду тебе морочить голову. Кстати, о Солженицыне я решил состряпать пашквиль (зря что ль время терял, читая) в виде обмена писем (твои эпистолы под псевдонимом, как договорились), могу послать «черновик». Если захочешь что-то добавить или возразить, буду рад.

Всегда твой

Наум

Пошел поплавать. Вечером в бассейне тьма народу, лягушатник. И мучает мысль, что этот народ мне противен.

Вспоминаю свое интервью. Повело меня на ригоризм, но не так уж я много знаю, чтобы выносить приговоры. И стихотворение я зря на ходу переделал, было не так уж и плохо: «жизнь — разбег для взлета»…

В бассейне читал Беньямина о Кафке. Красиво сказано: сказки для диалектиков…

«Наш мир всего лишь дурной каприз Бога, день, когда он был не в настроении». А когда Брод заговорил о надеждах, Кафка улыбнулся: «О да, сколько угодно, бесконечно много надежд, но только не для нас».

Предчувствие трагедии — самое беспроигрышное пророчество.

Наум, привет!

Относительно Фейербаха сразу признаюсь, что он мой любимец, хотя, конечно, и путаник. Думаю, никто из «представителей классической немецкой философии» не осознавал значения категории «рода» так, как он. Однако вместо осмысления механизмов посредничества и медиации между индивидом и родом («снятие индивидуации») он ограничился процедурой «проецирования»: категории рода проецируются в трансцендентную сферу, откуда их следует ре-проецировать обратно, после чего все будет тип-топ. В связи с этим он, на мой взгляд, очень плохо разобрался с христианством, которое возникло в тот момент (и для тех субъектов), когда (и для кого) ценности рода предельно девальвировались, так что нечего было и проецировать, да и не для чего. В результате Фейербах применил не совсем качественную методику к совсем уж неподходящему материалу. В его писаниях можно усмотреть гораздо больше смысла, если заменить «христианство» на «иудаизм», не обращая внимания на частную конкретику материала.

Конечно, присылай «черновики» — не для того, чтобы я что-то «апробировал»; это твои писания, и ты делаешь с ними что хочешь при условии соблюдения моей «анонимно-

сти» («псевдонимности», разоблаченной о. Сергием Булгаковым), а просто если есть желание; почитаю с удовольствием. Кстати, Солженицына я все-таки купил и еще немного полистал. В связи с этим хочу тебя предостеречь против чрезмерной «пасквильности». Текст, конечно, убогий, но по-своему добросовестный. Проблема в том, что высмеивать можно за то, что в тексте есть, а не за то, чего там нет. Ты совершенно точно определил «место в жизни» Солженицына: он смотрит с точки зрения госчиновника, «болеющего за страну», главным образом, за ее репутацию «в глазах Запада». Сколь ни диким представляется нам, его невольным подопечным, такой подход, в нем есть своя логика. Между прочим, с ней трудно спорить. Правительство действительно «пеклось», «принимало меры», «создавало комитеты по выработке», «предлагало решения». А что бы ты ему посоветовал? Что-то получалось, что-то нет, как и в любой другой сфере. Просто на административную «сферу» наслаивались такие религиозно-этнические и идеологические комплексы, которые лишали все эти «меры» осмысленной цели. Поскольку Солженицын всех этих комплексов просто не касается («в упор не видит»), получается, что ты споришь с агрегатом: крутится административный аппарат, фурычит, и слава богу. Чего с ним спорить? Во-первых, это железяка, а во-вторых, она чужая. Она производит впечатление «циничной» и «беспринципной», а на самом деле она просто железная. От нее надо было просто время от времени отбегать, отскакивать на безопасное расстояние; и приходится признать, что в России возможность такого «отскока» еще существовала, а вот дальше с этим приходилось все труднее и труднее, что, в свою очередь, содействовало «делу сионизма». Зараза таилась не в аппарате, а в «нутре» того субстрата, которым он управлял. Что могло поделать с ним государство? Контактирование с «живым евреем» делало сознание русского подданного «несчастным», оно обнажало и обостряло его религиозно-этнические комплексы, радикализировало политически и подготавливало почву для замены

этого в общем-то «нормального» аппарата (всего лишь «тюрьма народов», в том числе и русского) тоталитарными режимами (а это уже концлагерь). Короче говоря, яд не в государственных мужах, а в обществе, не в Державине, а во взрывоопасном комплексе Лосев/Пастернак, которого Солженицын не касается. В общем, чтобы «критиковать» Солженицына, надо встать на «государственную точку зрения», а встав на нее, не знаешь, что самому себе посоветовать.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

«Тезисы о Фейербахе» я накатал еще до твоего письма, но не решался отправить, но раз ты говоришь «теребить можно», то не взыщи. Здесь интересно, что «не сговариваясь», я уловил те же вещи (о роде, о иудаизме), о которых ты пишешь, что меня радует. Пошлю тебе и «пашквиль» (и здесь намечаются совпадения). Кстати, я посылал тебе «Четвертую главу» Шабтая (про бедного Меира), ты ее не прочитал, или не получил?

Фейербах оказался в целом скучным и устаревшим, но одну главу, любопытную в плане наших тем, я решил законспектировать, может пригодится. Некоторые мысли даже показались мне оригинальными. Называется она: «Значение творения в иудействе».

Он считает, что именно «учение о творении» в иудаизме центральное («Оно есть… основное учение иудейской религии»). Поскольку для него «человек это бог, а бог это человек» (зеркальные отражения), то учение о сотворении мира подчеркивает «эгоизм», «практицизм» и «волевое начало» его творцов. «Лежащий в его основе принцип есть не столько принцип субъективности, сколько эгоизма» (не напоминает тебе «самозванство» имени Ваймана?). «Учение о творении возникает только тогда, когда человек смотрит на природу как на практическое средство удовлетворения своей воли и потребностей и низводит ее в своем представлении

на степень простого орудия, простого продукта воли». Далее он проводит характерное (для немца-антисемита) разделение взглядов на «греческий» и «иудейский». «Греки смотрели на природу теоретически». То есть «созерцательно», то есть «эстетически». Цитирует Анаксагора: «Человек рожден для созерцания мира». «Исходной точкой такой теории является гармония с миром». Греки у него вроде нынешних «экологов», они природу не разрушали, только созерцали. Ну и, конечно, «наука, как и искусство, возникает только из политеизма, ибо политеизм есть откровенное, прямодушное понимание всего прекрасного и доброго» (то, что следствием науки является техника — великий разрушитель природы, его не смущает). У евреев все наоборот: «Если же человек /читай — еврей/, напротив, смотрит на мир с практической точки зрения, … то он расходится с природой и превращает ее в покорного слугу своих эгоистических интересов. Теоретическим выражением этого эгоистического взгляда, утверждающего, что природа ничто сама по себе, служит взгляд на природу как на нечто сделанное, сотворенное, как на продукт веления». «Высшим принципом для иудейства является утилитаризм, польза». Библейские чудеса «совершаются на пользу Израиля по одному велению Иеговы, пекущегося только об Израиле; они олицетворяют собой эгоизм израильского народа, исключающий все другие народы, олицетворяющий абсолютную нетерпимость — тайну монотеизма.» (Это уже я подчеркнул.) Ну, дальше уж вообще «с душком-с»… «Израильтяне относились к природе с точки зрения гастрономии; всю прелесть природы они находили только в желудке; они познавали своего бога только в поедании манны. Грек занимался гуманитарными, свободными искусствами, философией; израильтянин не шел дальше небезвыгодного изучения теологии». «Еда есть самый торжественный акт, как бы начало иудейской религии. В еде израильтянин празднует и повторяет акт творения… признает природу вещью, ничтожной самой по себе».

«В глазах евреев природа была… простым объектом

воли». Но поскольку «идеалом, кумиром эгоистической воли является такая воля, которая неограниченно повелевает», то «эгоизм есть по существу монотеизм, поскольку он имеет целью только одно — себя самого». «Творение из ничего, то есть творение только как акт деспотический, объясняется неизмеримой глубиной и силой еврейского эгоизма».

«Супернатуралистический эгоизм евреев не вытекал из создателя, а наоборот, в творении только как бы оправдывал израильтянин свой эгоизм перед судом своего разума». «Разумеется, и израильтянин как человек (израильтянин тоже человек!) даже из практических оснований не мог уклониться от теоретического созерцания и преклонения перед природой. Но прославляя мощь и величие природы, он только прославляет мощь и величие Иеговы. <…> Следовательно, прославляя эту мощь, израильтянин опять-таки имеет в виду самого себя. <…> Велика и могущественна природа… но еще более велико и могущественно себялюбие Израиля. Ради него останавливается солнце; ради него при объявлении закона происходит землетрясение, — одним словом, ради него изменяется все существо природы». <…> «Потребности Израиля — всесильный мировой закон, нужда Израиля — судьба мира». Вот так. Ну и последний абзац (переписал тебе почти всю главку, она небольшая): «Постепенно для отдельных умов (!?) идея Иеговы приобрела более широкое значение, и любовь его распространилась на людей вообще… Но это не характерно для израильской религии…»

Тут есть одна существенная мысль (с разветвлениями). О том, что «теория сотворения мира» отражает «взгляд на природу как на нечто сделанное, сотворенное, как на продукт веления» и «что природа ничто сама по себе не значит». Не знаю при чем тут «эгоизм», но «волевое начало» налицо, и этот подход мне нравится. Получается, что монотеизм — это, в сущности, вера в волю человеческую, «которая неограниченно повелевает». Это с одной стороны ведет к «вынесению Бога за скобки», за скобки природного мира, а с другой стороны, «по жизни», делает человека после-

довательным «активистом» (а не «тихим» наблюдателем-созерцателем), верующим, что мир можно, а то и нужно, переделать. Этот активизм — действительно еврейское качество (насколько могу судить по своему здешнему опыту), он проявился, кстати, и в «марксизме»: «мы наш, мы новый мир построим». Он присутствует и в христианстве — вере в обожествление человека, в возможность переделки его природы. Я уже говорил, что Ешу решил: раз поверили в Бога вне природы, то поверят и в человека, ставшего Богом. И не ошибся. Вера есть — ума не надо. Возможно, что именно этот «активизм» стал, через христианство, «краеугольным камнем» супердинамичной западной цивилизации? То есть, фактически, Фейербах утверждает, что еврейский монотеизм есть по сути вера в «человека творящего». Да, такой человек действительно «расходится с природой», он ее завоевывает, покоряет. Чем плохо? Меня, как воспитанника марксизма и активизма воли это не пугает (и понятно, кстати, почему Фейербах так понравился Марксу). Что касается особого «эгоизма» евреев, то, боже мой, кто (или какой народ) не эгоист, пусть забросает меня камнями. А по части еврея — ненавистника и врага природы, то он тут — вполне в русле твоих «неоязычников», Серрано да Клагеса, или, если соблюдать хронологию, они в его русле.

А «греки», кстати, были довольно активными созерцателями: войны, колонизация, философия. У греков этот активизм скорее от любови к приключениям, но и тут без воли не обойдешься.

Фейербах все время «напоминает» о роде, но как-то бессвязно. «Рассудок — достояние рода». Его «линия»: бог это сущность человека, а сущность человека вне индивидуальности, она больше индивидуальности, она есть совокупность индивидуальностей, так и ждешь, что скажет — род, но не говорит. Для него сущность человека — рассудок. Но ведь «рассудок — достояние рода»? Так значит бог, это род? Вполне в духе Мосса, для которого религия это сакрализация социума. Но он упорно этого не произносит, странно…

Наум

3.8. Наткнулся в «Окнах» на очередную «корреспонденцию из Лондона» Зиника, на этот раз о Лёне Иоффе: бука Иоффе, наконец, смягчился и подарил миру новый сборник стихов «Короткое метро», вышедший в Москве в изд. «Проект ОГИ».

А Бараша там мурыжат и до сих пор не издают, представляю, как ему не по себе. А Зиник, вишь, не погнушался и Зайчику лизнуть попку, причем элегантно, как лондонский денди, не снимая очков: «Потом, уже позже, со своим Ленинградом, со своей версией советской Атлантиды и иерусалимской Александрии, в наши беседы въехал рассказчик Марк Зайчик, и мне сейчас кажется, что ощущение уникальности от пребывания в Иерусалиме не понять тому, кто не сидел за покосившимся пластмассовым столиком у еще одного араба — Зейтуни, под стенами старого города с головокружительной панорамой Иерусалима…». У ти бози мой! «Нужно ли напоминать читателям Иоффе об отсутствии формально-логической зависимости между фактом осознания себя как еврея и ритуалами талмудического иудаизма…» — такой виньеточке сам Гольдштейн позавидует! Да это не рецензия, а мемуар о давно умершем. Иоффе поэт никакой, и рафинированный эстет Зиновий Зиня это прекрасно знает, как прекрасно знает он то, что Марк Зайчик писатель несуществующий (рассказчик, ха-ха!), и он сам этого Зайчика в свою английскую гостиную чаи распивать не пустит, но напечататься в израильской (затхлой, провинциальной, никудышной газетенке) ему почему-то надо (а, кстати, почему? совсем тщеславие съело, хоть где-то что-то, или, может, пронюхал чего, мол, «в Москве читают»?), вот он и подмахивает Зайчуне: «Марк внес не только новое алкогольное меню с маринованным миндалем и жаренными куриными сердцами в нашу жизнь за столиком, но и бравую способность преодолевать куриный испуг эстета (это Зайчик что ли

«эстет»?!) перед шероховатой обнаженностью иерусалимского быта (бля-ать! Скулы сворачивает!), вечно ждущего своего певца, своего едока, своего солдата.» Ох! Кстати, «Зейтуни» — фамилия израильская, характерная у йеменитов, так что арабы тут ни при чем, но «араб» звучит куда романтичней «еврея», особенно в Лондоне…

Значит так, Зайчик, этого сюсюкалу печатаешь, а моего «Засланца» не взял?! Ну, Зайчик, погоди! Любишь, когда о тебе пишут? Лю-бишь, я знаю. Ужо напишу я о тебе. Ужо ты у меня полюбуешься на свое имя!

Не, ну Зиник?! И вся эта великая компания Айзенберг-Зиник-Айзенберг (да пусть еще Иоффе к себе возьмут), которая мечтает «создать еще одну мифологию, еще один культ литературного клана друзей — каким стал круг Джеймса Джойса в Цюрихе или Лоренса Даррелла в Греции, или Вирджинии Вульф в Лондоне…» Ишь куда замахнулся! Да ты что ж думаешь, что если будешь сидеть в тех же барах, что и Джеймс Джойс и благодушно чирикать о «друзьях-современниках», так и в мифологию попадешь?! Играем, значит, в «друзей»? Мол, несмотря ни на что, хоть и никудышный поэт Иоффе, а «друг», мы его не кинем в его несчастной литературной судьбе (цитирует отдельные строки, из них может одна удачная, и не случайно, бука-злюка Леня Иоффе — поэт совершенно анемичный, но несколько удачных строк, а может быть и строфу у него можно найти, не знаю, не искал, есть даже сердобольные люди, которые говорят, что если у поэта есть хоть одна хорошая строка, значит он — хороший поэт, да пусть так, мне-то что, пусть, кому надо, утешаются, я не об этом), да, так я не об этом, а о том, что Иоффе — сионист-онанист, он свой несчастный выбор сделал, оттого и зол на весь мир, а Зиник-то к сионизму относится, как к мертвой лягушке, брезгливо, вот он как рассуждает из своего прекрасного лондонского далека: «Что помешало /созданию великого литературного мифа — поясняю/? Не сионистская ли тенденция называть русского писателя в Израиле еврейским

писателем, а еврейского писателя где бы то ни было — потенциальным сионистом? /Никак Зиня за себя испугался, что в сионисты запишут, потом не отмоешься в глазах мировой общественности./ Нет ли в израильской политической завязанности, паспортной приписанности к идеологии чего-то такого, что отпугивает тех, кому необходима серьезная доля безответственности...»

Хорошо, ох, хорошо, блин, быть безответственным, жить в чужом доме, в благоустроенной гостинице, чуть что — и дёру дал, а в своем доме надо мусор убирать, с соседями тявкаться, да еще этот дом, блин, защищать надо, кровью харкать, и жертвовать, жертвовать, хочешь-не хочешь... Изобразил, блин, ностальгию по Иерусалиму, по его «светлой обреченности». Ну, «светлой», это чтоб «друга» Иоффе не обидеть. А мы будем жрать эту обреченность, эту воняющую бессильной арабской ненавистью обреченность, и «друзей по литературе» у нас нет. Есть только одно место под солнцем, и друзей туда не берут, скопом туда не пробиваются, туда крутые тропки ведут, каждый шаг грозит срывом. Держись, гневливое сердце, не замирай раньше времени...

Гуляли втроем: Озрик, Портос и я. Вспоминали девушек, кто кому «давал» или «не давал».

Озрик: А помнишь, когда у тебя решили собраться, у тебя родители уехали, и первая к тебе Люся пришла, потом я, а потом Кондаков, он тогда за ней ухаживал, так он потом меня в сторону отвел и говорит: ты только мне честно скажи, что ты увидел, когда пришел?

Портос: Две голые жопы.

Я: Он странный. Я помню, как он мне рассказывал, что когда собрался жениться на Люсе, то пошел к дяде, который был «мудрецом», и спросил его, стоит ли на ней жениться, а дядя ему говорит: ты представь себе как она какает, если не противно, то женись (дружная ржачка)...

Озрик: И Кондаков представил! (смех до икоты)

Портос: И решил, что не противно! (смех до спазм)

…Портос: Я ее зажал, ну, думаю, сейчас вскарабкаюсь, а она: «ты мне лучше о себе расскажи», ну у меня все и упало… (смех)

3.8. Гулял с женой по парку.

— Прочитала Зиника, мне очень понравилось. А тебе? Пишет на уровне.

— Аа, ну да, «на уровне»… Да ничего мне не понравилось… Развел, понимаш, групповщину. Хочет из своей убогой компании литературный миф сотворить, лавры Джойса спать не дают.

— Да, он там себя с Джойсом сравнивает так запросто…

— Сам не сравнивает, но… предлагает читателю сравнить.

— И все-таки мне понравилось. Он пишет на хорошем, интеллигентном уровне.

— На интеллигентском.

— Я бы даже сказала: не провинциально.

— Ну как же, лондонец. Он очень старается быть непровинциальным…

— Да ну тебя, ты злюка.

— А настоящая литература всегда провинциальна. Потому что наивна, и никуда не «тянется» и ни на кого не оглядывается. Что там в Лондоне скажут. А в «лондонах» только и ждут чего-нибудь провинциальненького, их уже тошнит от «интеллигентности».

От Л: *Так когда будет передача по Галей Цахал? О чем шла речь?*

А где Мишино письмо?

Передача будет только на Суккот, минут на 12—13

Речь шла о книге, задевает она их непуганные души, вот что приятно.

Ты мне снилась сегодня ночью… Уже проснулся, а все

не могу опомниться. На тебе были черные капроновые чулки… не по сезону… Видно, заждался.

Со страхом думаю, что нужно позвонить. А, может, вообще больше не звонить? Она, конечно, поймет. Но это трусость. Надо позвонить и сказать, что временно, так сказать, берем отпуск, и так далее. В общем, расстаться официально. Кроме того, я боюсь, что вдруг передумаю… Ведь так уже было, что я как бы решал, что все. А потом… Но сейчас сильней. В последний раз что-то действительно лопнуло. В сердце. Какая-то жила перетерлась. Сдаюсь. Не вышло из меня классного ебаря.

Прикинули на вторник, сказала, что поведет меня покушать, я, мол, совсем отощал, «от тебя ничего не осталось», а я себе думаю: «на убой откормить хочешь?»

5.8. От Л: *А я «боюсь» так ждать тебя…*

Хоть мы уже договорились на сегодня пойти перекусить, но утром вдруг позвонила.

— Как ты себя чувствуешь?

Ладно, на месте объяснимся. Интересно, действительно ли любовники, как сообщающиеся сосуды: что чувствует один, то чувствует и другой? Мне кажется, что и она не прочь «взять тайм-аут». Но страшно. А что нас связывает? Вот без этого любящего голоса мне будет трудно жить. Ни у кого нет этого «голоса любящей женщины». Потому что никто меня не любит? Или я «не замечаю»? Нет, такое нельзя не заметить. Жена? Жена любит, как может любить женщина после 33 лет брака, тяжелых разочарований и обид. Сексуально просто холодна, никаких инициатив. Нет, «разбудить» иногда удается, но никакого направленного на меня желания у нее нет. Да и у меня нет. Выполняем свой сексуальный долг. Потому что не хотим разрушения брака, а без «этого», брака нет. Такое формальное закрепление договора. Мама? Мама — это мама. Дети?

Любят, наверное, но, как отца. Тут, батенька, дистанция… Л? Любит по-своему, но очень осторожно. Как я. Как бы не пораниться. А Р любит без страха. И от этого невозможно отказаться. От ее бесстрашия. Пленительное бесстрашие…

Может оттого так смела ее любовь, что легка? Телесна? Нутра не затрагивает, потому что в каком-то смысле и нет нутра… Всегда до поворота. А дальше, как получится. Вот и очередной поворот. И расставаться с ней легко, она не заплачет. И у нее есть другие мужчины. А не хватит, так еще найдет, поведет бровями…

Назначила в китайском «Лотосе». Опоздала почти на час, задержали на работе. В ресторане сидел генерал Ятом, бывший помощник Барака, с каким-то толстым евреем, говорили по-английски. Когда вошла, осветив жизнь улыбкой и взглядом, сразу расхотелось играть в разрывы. Долго объяснял… «В сущности ты ничего нового не сказал». Да, не сказал. Вся эта болтовня сводилась к тому, что мне положен отпуск по состоянию здоровья. Все она, конечно, поняла… Сказала, что «не может без меня», что я ей «очень дорог». «И ты мне очень дорога». Даже сказал: «Я без тебя не могу». Но картина «мы в постели» мне невыносима. И когда в машине еще посидели, и держались за руки, и лицо ее вновь было близко, стареющее, да, да! стареющее лицо… ужасно…

В последний раз, когда одевалась, спросила:

— А до какого возраста тебе может нравиться женщина?

— Не знаю… Думаю, что дело не в возрасте…

— Ну, в семидесятилетнюю старуху ты ж не влюбишься.

— Если мне будет девяносто…

— Все равно.

— Не знаю…

Стал приводить исторические примеры романов с женщинами после семидесяти. — Да? — Приободрившись. — Значит еще не все потеряно?

… — Я же тебе говорила, что я блядь… Ты все равно не сможешь удовлетворить женщину, и никто не может! Нет, когда я с тобой, на те 4—5 часов я вполне удовлетворена… Я всегда хочу. Ну, во всяком случае, я всегда не прочь, так скажем.

Говорила, все то же, «какой я», как она меня обожает.

— Ты меня спас. Вернул к жизни. Я уже не верила… Помнишь, был такой фильм «Нарояма»?

— Да, помню, хороший фильм

— Так вот, там есть такой эпизод, у этой героини есть сын, он такой немножко чокнутый, и от него ужасно воняет, поэтому у него нет девушки, и он ебет какую-то их собаку дворовую, так эта героиня идет к своей старой подруге, уже старушке, и просит ее пойти к ее сыну, и вот та поднялась к ее сыну, а она сидит внизу, ждет, и вот эта подруга спускается, с блаженной улыбкой на устах и говорит: «Она еще действует!»

— Но ведь все же это исчезнет, все это «количество», сколько раз, с кем, с какими экземплярами, это останется только твоим воспоминанием и умрет с тобой…

— А что не умрет?

— Ну ты же сама говоришь, что человек не умирает! А что не умирает, сокращение матки? Родство душ не умирает!

— Я как-то тебя спросила, что такое «родство душ», помнишь, что ты мне ответил? Ты сказал, что это когда ты чувствуешь над женщиной абсолютную власть.

Усмехаюсь.

5.8

Наум, привет!

Что касается Солженицына, то Серега Костырко обещал переслать мне по Емеле материалы обсуждения «200 лет», но что-то тянет резину. Думаю, все же получу их не сегодня-завтра. Если хочешь, перешлю тебе.

Бедного Меира получил и прочел, но ничего существенно нового в этом отрывке не увидел, так что мне нечего добавить к своим прежним суждениям. Разве что такое, чисто ассоциативное, наблюдение. Я долго думал, что напоминает мне эта проза, и тут меня осенило: «южную прозу» писателей-лауреатов советских времен типа грузина Нодара Думбадзе или азербайджанца Максуда Ибрагимбекова. Как бы не совсем официоз, душевно, с разочарованностью и вкусом к чувственному облику «уходящей натуры». Впрочем, это случайные ассоциации, и я сам не знаю, какой смысл можно было бы из них извлечь. Перевод на уровне (насколько могу судить, не зная оригинала), хотя есть языковые (довольно часто) и стилистические (реже) огрехи. Если хочешь, могу пройтись по тексту в режиме «Исправления» и переслать тебе.

Теперь два слова о Фейербахе. Вообще-то мне интересно было бы поговорить о нем поподробнее, я его хорошо знаю и много о нем думал; но пока ограничусь одним моментом. Ты спрашиваешь: «так значит, /для Фейербаха/ бог это род? … Но он этого упорно не произносит, странно…». Тут ты неправ, он это произносит, и вполне однозначно. Цитирую ту же «Сущность христианства»:

«Все божественные определения, все определения, делающие Бога Богом, суть **определения рода** */подчеркнуто Фейербахом/*. … Такое свободное от индивидуальной замкнутости, неограниченное существо есть не что иное, как род. … Род есть последний масштаб истины. Истинно то, что соответствует сущности рода; ложно то, что ему противоречит. Другого закона истины не существует. Древние поступались индивидом для рода, христиане жертвовали родом ради индивида. <…> Мы, данные индивиды, существуем лишь на этом определенном месте, в этом ограниченном времени. Как можем мы исцелиться от чувства этой ограниченности, если не в мысли о неограниченном роде, т.е. в мысли о других людях, местах, временах? Кто не ставит поэтому на место божества род, тот

оставляет в индивиде пробел, который необходимо заполняется представлением о боге, т.е. персонифицированном существе рода. Лишь род в состоянии упразднить божество и религию, а вместе и заменить их.

/Далее — Христос как род/

Христос есть не что иное, как образ, в котором отпечатлелось и выразилось для народного сознания единство рода. Христос есть любовь человечества к самому себе... Но любовь есть не что иное, как практическое осуществление единства рода в настроении. Род есть то, что вселяет в меня любовь. Итак, кто любит человека ради человека, кто возвышается до любви к роду, тот сам есть Христос. Где, следовательно, возникает сознание рода как рода, там исчезает Христос, хотя и сохраняется его истинная сущность, ибо он был лишь заместителем, образом сознания рода. Мера рода есть **абсолютная** мера, закон и критерий человечества».

Фейербах называл себя «антропотеистом». В своей борьбе с религией он принял за исходные такие постулаты, которые накрепко привязали его к этой самой религии: в этом его «душевная драма». Человек отчуждает от себя свою родовую сущность, проецируя ее в потусторонность. Но это значит, что он, как реальное существо, теряет то, что проецирует: что прибыло «на небе», то убыло «на земле». Поэтому он не может просто отвергнуть религию: вместе с водой он выплеснул бы и ребенка — человека в его божественности. Поэтому надо «низвести небо на землю», то есть вернуть человеку его отчужденную родовую сущность. Этот ход мысли произвел оглушительное впечатление на Маркса. У него в ходе капиталистического развития отчужденная сущность человека получает полное развитие (это антропологическое «небо»); дело остается за тем, чтобы низвести это небо на землю, то есть присвоить себе отчужденную родовую сущность (сменить собственника). С. Булгаков в двух своих замечательных статьях: «Религия человекобожия у Л. Фейербаха» и «Карл Маркс как религиозный тип (Его отно-

шение к религии человекобожия у Л. Фейербаха)» — утверждал, что Маркс не продвинулся в философии ни на йоту дальше Фейербаха («марксизм лишь частный случай фейербахианства»), и узловой пункт философского самоопределения предшествует марксизму. «Фейербах принадлежит к числу таких мыслителей, которые в высокой степени содействуют сознательному самоопределению человека в ту или другую сторону; от него, как от философского распутья, резко расходятся дороги в противоположные стороны, и полезно каждому, прежде чем окончательно вступить на извилистые тропинки, углубляющиеся в дебри, прийти к этому распутью, откуда видно исходное различие путей».

Советую тебе прочитать особенно внимательно главу 17 «Сущности христианства» — «Отличие христианства от язычества». Там бросается в глаза вопиющее противоречие: христианство не знает понятия рода; но христианство религия, значит, она есть обожествление рода; синтез находится в тезисе: христианство есть ***непосредственное*** *отождествление индивида с родом (в отличие от опосредованных форм; наклевывается различие между прямыми и косвенными архетипами спасения). Конечно, Фейербах «недопонял» того, что Бог не есть проекция какой-то там «сущности» (это плохая, догматическая антропология); он есть эмблема той или иной стратегии спасения (преимущественно прямого) с преобладанием той или иной тактики (преимущественно жреческой). Только в ходе сотериологического процесса и возникает «родовая сущность» человека; она не дана, а задана (если воспользоваться жаргоном неокантианцев). Не обладая этим категориальным аппаратом, он вынужден был валить все в одну кучу так называемой «религии». Ты, разумеется, прав, ставя Фейербаха в один ряд с Вагнером и Ницше в смысле «отпадения в язычество», но эта тема гораздо шире немецкого романтизма (хотя и имеет к нему прямое отношение). Здесь очень важна «промежуточная инстанция» в лице Шеллинга. По-видимому, наиболее глубокие идеи в этом плане высказаны им*

во втором томе «Философии откровения» (пока вышел первый, который еще можно купить; тонкий намек). Поскольку я не знаю по-немецки, воспользуюсь изложением того же С. Булгакова и цитатами из Шеллинга в его переводе в работе «Свет невечерний» (Глава «Ветхий Завет и язычество»).

Если понимать язычество как некоторый положительный религиозный процесс */то есть, согласно жаргону Булгакова, ведущий к христианству/*, то возникает вопрос: в каком же отношении находится его «откровение» к Ветхому, а затем к Новому Завету? Шеллинг, которому принадлежит заслуга отчетливой постановки этого вопроса, усматривает в язычестве откровение Второй Ипостаси */то есть Сына, Христа/* и в языческих богах видит лики Христа до Его пришествия в мир. Он развивает эту основную идею в «Философии откровения» со всем своим огромным талантом и исключительною проницательностью. */Далее цитируется «Философия откровения» Шеллинга/*

«В язычестве посредствующая личность */потенция Второй Ипостаси/* действовала только как природная сила, но, так как истинный сын, подлинный Христос, присутствует и в ней, то Христос был уже в мифологии, хотя в то же время и не как Христос. Язычники были, стало быть, конечно, без Христа; отделены от Христа, именно от Христа как такового, и все-таки это была именно та же самая природная потенция, которая должна была умереть во Христе. Ибо Отец, который сделал себя недоступным для небожественного бытия, внешним образом также отошел в сознание небольшого, невидного, в закоулках мира оттиснутого народа */понял, куда клонит?/* Напротив, Христос был, хотя и в чисто природном своем воздействии, светом язычников; собственно, он был потенцией язычества; в нем образовал Он почву, которая некогда должна была принять семя христианства, для которого иудейство было слишком узко. Язычество и христианство — это были два отдельных домостроительства, которые должны были слиться лишь в христианстве. Уже во все время язычества

Христос был в непрерывном пришествии, хотя он действительно пришел, лишь когда исполнились сроки. Стало быть, Он узнал все скорби и искушения, которым подвержено было человеческое сознание в язычестве. Уже тогда был он страдающим Мессией */от себя скажу, что здесь предвосхищена решающая для русского „Серебряного века" концепция Вяч. Иванова о Дионисе, страдающем боге, как о Христе до Христа/*. Христос своим появлением в человечестве, своими страданиями и смертью лишь совершил посредничество как человек, но он есть вечный посредник между Богом и людьми, начиная от эпохи мира, стало быть, уже посредник и в язычестве */стоило этому гаденышу предать свой народ, как он стал „вечным посредником" для всех, кроме евреев, то есть отцом христианского антисемитизма/*. Язычники были как бы изгнаны от лица Отца, но именно им дал он господом Христа, хотя Он и действовал среди них как естественная потенция. Не то, чтобы христианство вышло из одного только иудейства, оно в такой же степени имеет в качестве своей предпосылки и язычество; лишь потому его возникновение есть великое всемирно-историческое событие».

Соответственно такому пониманию */продолжает Булгаков/*, роль иудейства определяется Шеллингом преимущественно отрицательными чертами, как не-язычество. /Далее опять цитата из Шеллинга/ «Израильтяне сравнительно с другими народами были всего менее способны иметь свою собственную историю, менее всего исполнены того мирового духа, который увлекал другие нации к основанию великих монархий; они неспособны приобрести себе великое, всегда пребывающее имя во всемирной истории, но именно по этой причине и были наиболее приспособлены стать носителями божественной истории (в противоположность всемирной)». Шеллинг выставляет */продолжает Булгаков/* такое положение: «Христос в известном смысле был больше для язычников, чем для евреев. Христос сам по себе даже непонятен из еврейства.

Последнее дает материю для Его существования, но сам Он есть чуждая иудейству потенция язычества. Когда они */евреи/* упустили и отвергли переход к христианству, они исключили себя из великого хода истории. Они должны были, перестав быть народом, оказаться рассеянными и распыленными среди других народов. Они были нечто лишь как носители будущего */евреи как средство передвижения во времени/*. Как только цель была достигнута, средство стало бесцельно… еврейский народ в собственном смысле исключен из истории».

К чести Булгакова, он комментирует: «В этих суждениях проглядывает, при всей сдержанности их, характерный германский антисемитизм (Древс, Чемберлен).» (Сергей Булгаков. Первообраз и образ. Сочинения в двух томах. Том 1. М.: Искусство, 1999. С. 286—287. Этот двухтомник тоже еще можно купить; еще один намек).

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Материалы Костырко перешли. Исправления по 4-ой главе «Эпилога», если есть время этим заняться, то, конечно, сделай, буду благодарен.

За письмо спасибо, очень интересное и многое проясняет. Булгаков (и Шеллинг), считая Христа потенцией язычества, просто не в состоянии (антисемиты проклятые!) принять иудейскую линию христианства, линию монотеизма, которая в христианстве главная и решающая, они не хотят становиться иудео-христианами и совершают тот же маневр открещивания от иудейства и «ухода в язычество» (христианство — венец язычества), который проделали до них еще отцы церкви — сплошь дети поздней античности (кстати, речь-то у них не о язычестве вообще — небось, финикийское язычество со сжиганием младенцев в медном Молохе они не имеют в виду –, а об эллинизме). А прельстил этих эллинов «героический», жертвенный миф, муки крестные. И еди-

нобожие они превратили в Троицу, плюс особый статус Богоматери и много еще всякого, то есть христианство, через сложную теологию, приняло в себя античную философию и вообще античность. Христианство есть исторически сложившийся политический и идеологический компромисс, то есть неправда, лицемерие и ложь.

Перекидываю заметку о Солженицыне, выскажись в смысле «можно ли такое печатать», не стыдно ли.

Всегда твой

Наум

Наум, привет!

Что касается заметки про Солженицына, то, конечно, печатай, почему нет? Не могу сказать, что я от нее в восторге, но это вопрос жанра: вряд ли он предполагает большую глубину и взвешенность. А «в рамках жанра» — что ж, написано живо, непринужденно, пафос мне понятен и даже близок. Если же по большому счету (что вообще не для рецензии), то меня как-то коробит от развязности (типа «мухомор»); ведь пожилой и как-никак заслуженный человек захотел поговорить (кстати, мне совершенно непонятна мысль: будь он антисемитом, интереснее было бы. Вот уж нет! Не ты ли сам писал, что с врагами не разговаривают). А ему отвечают: «Дядька рыжий, волосатый, убил дедушку лопатой» («А я дедушку не бил, а я дедушку любил», — отзывается сердешный). И что толку дразниться, обзываться? Ну, антисемит, так ведь это всего лишь ярлык, чтобы не начать разговор, а кончить, чтобы отмахнуться от собственных мыслей. Солженицын антисемит лишь в той мере, в какой «антисемитична» русская государственность. А какой ей еще быть? Что ты ей посоветуешь? Тут ведь получаются двойные стандарты: то ты в восторге от ее атрибутов («как сказал Путин: нас хотят лишить права на защиту»), то глумишься, «обличаешь», а это ведь две стороны одной медали. Меня самого от нее тошнит, но я — отрезанный ломоть, а как «войдешь в положение»,

так и не выпутаешься из «антиномий». И вообще: не философское это дело — разбираться с «политическими моментами». Ты сам как-то удачно сказал по поводу Маркса, что он спутал теорию с применением, где решает соотношение сил, всегда случайное. В связи с Солженицыным я бы еще подчеркнул мысль, что материя такова, что, рассматривая ее одномерно (даже стремясь это сделать добросовестно, хотя мне говорили, что знающие люди уличили Солж. в недобросовестности, но, я думаю, невольной), впадаешь в «объективную недобросовестность»: и чем добросовестнее ты субъективно, тем более недобросовестной получается общая картина. А рецензия нормальная; у меня против нее, в рамках жанра, возражений нет.

Костырко, гад, все еще тянет (видно, уехал на дачу); там вроде есть отзывы интересные, называют особенно Кациса; он у нас присяжный топ-специалист по антисемитизму (в свое время Лосева так уличил, что его вдова Тахо-Годи — и, соответственно, ее окружение — до сих пор очухаться не могут; чувствительные, блин). Как получу материалы, сразу перешлю.

С Шабтаем поработаю, но на это, как понимаешь, нужно время, так что малость потерпи.

У вас там, видно, накаляется обстановка. Напиши, пожалуйста, что да как. Буду ждать с нетерпением.

Всегда твой

Матвей

Позвонил Гольдштейну, сказал, что зайду завтра. Обсудили Зиника. Он тоже считает его «журчащим»:

— У меня складывается впечатление, что это его потолок. Вот так он пишет. И ведь много пишет, можно было огромную книгу составить.

— Нет, книги из этого никак не получится

— Да, не получится. Но он относится к этому очень серьезно, по несколько раз переделывает, посылает нам правки, очень старается.

6. 8. *Матвей, привет!*

Совершенно с тобой не согласен. Да, выражения типа «мухомор» звучат грубовато, и даже развязно, что обычно и меня коробит, но в данной ситуации оправданы, ибо являются выражением не развязности (внутренней), а крайнего разражения, раздражения на то, что я «вынужден» реагировать на текст, отличающийся полной жанровой (и стилистической) несостоятельностью. Это и не история (абсолютно некорректный текст в этом смысле), и не литература (одни цитаты), а если это «рапорт чиновника», с чем ты согласился, то это — «по другому департаменту». И я никак не разделяю твоей снисходительности по отношению к «пожилому и как-никак заслуженному человеку». Возраст здесь вообще не причем. Когда я говорю «мухомор», я имею в виду образ мыслей, независимо от расы, вероисповедания и возраста, и я считаю его образ мыслей идиотским, а если это звучит, как «глупый старик», так мильпардон (ум с возрастом теряет силу, а глупость совершенствуется). Теперь насчет заслуженности. Это за «Гулаг» ему что ль теперь все прощать? Да он сам в нем вот-вот раскается. И это все равно, что боевому, заслуженному генералу, герою войны, прощать все последующие преступления: коррупцию, педофилию, и даже капитуляцию перед врагом (прощать ли Пэтену его сотрудничество с Гитлером, а Бараку его капитуляцию перед Арафатом? Тоже, небось, из высших соображений действовали…)

А что «ругань» не помогает «начать разговор», так я никаких разговоров с ним вести не намерен. Да, я хочу от него (а не от собственных мыслей) отмахнуться. Именно потому, что он «мухомор» (а то, что его таким миллионы людей не считают, то тем хуже для этих миллионов, я им носы сопливые утирать не собираюсь), и разговор с мухомором — пустая трата времени. Как говорил Ежи Лец, не связывайтесь с идиотами, если вы не психиатр. И совсем уж мне непонятно твое стремление «войти в положение»

его лично, и всей «русской государственности»: «Солженицын антисемит лишь в той мере, в какой „антисемитична“ русская государственность. А какой ей еще быть? Что ты ей посоветуешь?». Помнишь, что антисемиты советуют сделать «честному еврею»? Застрелиться. Так вот я бы ей, этой «русской государственности» Солженицына, посоветовал бы застрелиться (и она в 17-ом этому совету благополучно последовала). Ты ведь сам писал, что это «железяка», чего «входить в ее положение»?

Короче, главное не в «антисемитизме русской государственности», а в ее глупости, если угодно «косности» (что одно и то же). Идеология «великой цели» — вот болезнь русской государственности, которая пыталась всю дорогу построить свою «легитимность» не на гражданских правах, а на этой идеологии, начиная с «Третьего Рима» и кончая коммунизмом. И я желаю ей поумнеть, то бишь выздороветь, и заниматься бюджетами, а не идеологией, уж во всяком случае не пользоваться советами своих «типичных представителей» вроде Солженицына. Скажу даже более того, она уже поумнела. «Еврейского вопроса» в государственном смысле сегодня (я глубоко в этом убежден) не существует. Этот призрак витает только в больном воображении забубенных радетелей русского мессианизма («особый путь», «русская идея», «великая Россия» и т.п.), который сводится у них, от неча делать, к одному: отлавливанию «вечных жидов» и их толчению, вместо воды, в ступе.

Всегда твой
Наум

7.8. Матвей — Науму

Эк тебя разобрало. А чего же ты реагируешь? «Вынужден реагировать» — кто ж тебя вынуждает? Я не вижу логики. Разговоров вести не намерен — и ведешь. Хочешь отмахнуться? Ну, и отмахнись молча. Если он идиот, покажи, чем ты умнее. «Жанровая несостоятельность»? Покажи образец жанровой чистоты (кому она сегодня, на хрен, нужна?) Если

текст некорректный исторически, проведи самостоятельное исследование и докажи это

Что касается моей якобы «снисходительности», то в чем ты ее усмотрел? Я свое отношение к Иван-диссидентам высказал: считаю нынешнюю позицию Солженицына однозначно вредной, ядовитой и попросту смешной, ни к какому «прощению за старые заслуги» не призываю. Это ты не по адресу. Но отсюда не следует, что надо брюзжать и ругаться. И это не значит, что он заранее неправ, что бы ни сказал.

И что это за детство: «Еврейского вопроса» в государственном смысле сегодня (я глубоко в этом убежден) не существует. Этот призрак витает только в больном воображении забубенных радетелей русского мессианизма («особый путь», «русская идея», «великая Россия» и т.п.)». «Еврейского вопроса» для государственности в том смысле, в каком он существовал для Розановых-Флоренских, и никогда не существовало. Но «меры принимать» приходилось, и настроения в обществе учитывать. И в этих мерах государственность переступала через расовые, вероисповедные, этнические и прочие различия, проявляя своего рода величие и даже революционность (скажем, при Александре II). Но «общество» его в этом не поддержало (взорвали царя-освободителя). И не поддержит. Поэтому, хотя и можно сказать, что «еврейского вопроса» в государственном смысле сегодня не существует (еще бы: все нормальные евреи уехали, права даны, черты оседлости нет и т.д.; как же можно сравнивать с проблемами, перед которыми стояла государственность, с которой имеет дело Солж. в I томе?), но пока этот вопрос существует в обществе (и будет, я уверен, существовать вплоть до разрушения государства, даже когда здесь не останется ни одного еврея), государственность будет вынуждена с этим считаться. А «радетели мессианизма» — это не упавшие с полки чудаки, а выразители «духа общества», и никуда ты от них не денешься, как ни отмахивайся.

Теперь по существу: ты рекомендуешь русской государ-

ственности построить свою «легитимность» «на гражданских правах», а не на «идеологических целях». Подумаешь, какой мудрый совет! Рад бы в рай, да грехи не пускают. Во-первых, «гражданские права» с неба не падают, и если в обществе нет о них никакого понятия, их бездумное якобы «внедрение» (как это было при Ельцине) приводит к бандитской клоунаде. Во-вторых, если кто и пытался внедрить в жизнь понятия о правах, так это государственность (дореволюционная: от Сперанского до Столыпина). Трагедия России (для русских; для меня это не трагедия, а фарс) состояла в том, что общество его в этом не поддержало и раскачало лодку. К тому же противопоставлять «гражданские права» и «идеологию», на мой взгляд, крайне наивно. Идея «гражданских прав» построена на такой же лживой мифологии, как и идея «Третьего Рима». Византийцы были «ромеями», а немцы гражданами «Священной Римской империи». Так что русские в этом не так уж и оригинальны. И без идеологии никогда не стояло ни одно государство, в том числе и Израиль (дай ему бог здоровья). Скажешь, сегодняшняя Америка не идеологична? В России и мерзость такая тошнотворная творится, потому что она осталась без идеологии. Русский человек сегодня — это чистый антропологический тип «человека как такового»: традиции (как на Востоке) уже не действуют, а институты (как на Западе) «еще» не сложились (думаю, и не сложатся, поезд ушел, туда ему и дорога, под откос), осталась только неизбывная уязвленность. Я вообще Россию не люблю и желаю ей всяческого зла вплоть до: «Застрелись, сука!». Но я, в отличие от тебя, Путина с восторгом не цитирую, в «русской культурной жизни» участвовать не стремлюсь и с русскими патриотами-государственниками вроде Солженицына не спорю. У меня с ними нет общей платформы: они любят Россию, а я нет (но их право любить я сомнению не подвергаю, да кто у меня и спрашивает?). Я просто представил себе, что если бы я надумал с ними разговаривать (бррр!), то мне пришлось бы выполнять правила, диктуемые жанром разговора, то есть

«входить в положение», «ставить себя на место оппонента» и т. п. А что это значит: «Я разговаривать не собираюсь, а все же замолчать вы меня, гады, не заставите!» — этого я понять не в силах. Так что ни твоей позиции в этом вопросе, ни твоей горячности я просто не понимаю (хотя темперамент ценю).

Матвею:

То-то и оно, что очень часто бывает в жизни: дураки упорно трудятся, нагородят кучу говна, а тебе приходится либо «отмахнуться» (и сидеть в этом говне), либо «реагировать», а тут к тебе — с понятными претензиями «честной полемики»: «покажи, чем ты умнее». Ну как «дуракам» докажешь, что «ты умнее»? Это надо всё их говно перелопатить! Вот и приходится ругаться да плеваться. В результате прослывешь в лучшем случае «темпераментным»…

Ладно, бог с ним, закроем «страницу Солженицына», не стоит на нее время тратить. Ежели чего в пылу ляпнул «лично» обидное — не по злобе, а токмо в силу «темперамента».

Всегда твой

Наум

От Л: *Ну как, Зайчик взял? Не побоялся?*

А мой старший вчера позвонил из Нью Йорка, говорит, был на концерте каких-то рокеров, а они спели песню «ехали на тройке с бубенцами»… вот я о тебе всю дорогу думал (напел мне в трубку). Я говорю — так я же тебе ее пела колыбельной, а он — теперь понятно…

И еще купил себе велосипед после моих россказней…

Зайчик начал читать, но от восторга не запрыгал, будет читать-думать-решать. А вообще был очень милым, почти ручным. Даже обещал взять интервью с Амиром, если переделаю. Попробую…

8.8. Не звоню, и не тянет. Уже почти чужая… почти… Еще не верю.

Не звоню, не плачу, не жалею. Уношусь в космическую даль.

От Л:

Гороскопчик однако: you operate on a symbolic level that only another Pisces can tryly understand. you know where you wont to go, and for once, you actually know to get there..

я думала прочту уже в Окнах. Кстати, у нас больше их не продают, только по подписке.

Как плавается? У нас тяжелейшая жара, «макат хом» «Опыт — это морская болезнь на суше». (Кафка)

Фраза Беньямина (о женских образах Кафки) вдруг напомнила: «Оно (прошлое) ведет в темные недра древних глубин, где происходит то самое спаривание, «беспорядочная неистовость которого», говоря словами Бахофена, «ненавистна чистым силам небесного света и вполне оправдывает наименование luteae voluptates (грязные, илистые наслаждения)»

Так чего Зайчик хочет чтоб ты переделал?

Для Л:

Странно, что Беньямин пишет о «метафизической усталости» кафкианских героев, но не замечает худшего: обреченности. Главное качество его героев — обреченность, причем именно еврейская обреченность. Как будто они знают, что коридоры «Замка» кончаются стенками…

Наверное, именно поэтому я не могу его читать (как не могу ничего читать или смотреть о Катастрофе). Я начинаю чувствовать эту обреченность, как запах…

Впрочем, Беньямин еще не знал, что ожидает европейского еврея, который устал жить. Жид устал жить.

9.8

Матвей перебросил материалы по Солженицыну.

Понравилась инвектива Дениса Иоффе о журнале «22» (Солж его активно цитирует, даже мою старую статью): «Меньше всего бы хотелось распространяться по поводу этого замечательно унафталиненного органа печати, главное, что тут характерно: ориентация „тяжеловесного“ Александра Исаевича на специфический окуджавоподобный, интеллигентский и легковесный журнал, чья публицистика вялой рыбой снует меж давно обозначенных огней русского замшелого эмигрантства. Банальная муть добротного советского интеллигентства, помешанная на „великую“ историю их „исторической“ диссиды».

«Прискорбно, что „Израиль“ для него /Солженицына/ исчерпывается „культурными евреями“ из журнала „22“».

Наум — Матвею

Спасибо за материалы. В общем-то, они меня «порадовали», в том смысле, что я, оказывается, уловил основные критические направления (только выразил их чересчур, может быть, резко). Из-за резкости этот материал и не напечатают. Конечно, может, просто плохо написано, но мне кажется, что главный редактор «Окон» Марк Зайчик, наш умный, добрый зайчуня, не считает, что газетная полоса должна резать, как бритва. То ли он начальства боится, то ли очень уж не хочет прослыть «хулиганом». За это самое «хулиганство» он меня и отодвигает (не взял мою повесть о путче 91-ого года в Москве, она сейчас выходит в «Зеркале»), кстати и Костырко меня предостерегал от всяческих вольностей, кажется, он тоже не очень-то любит всякие «безобразия», может это болезнь «официальных лиц»? Но мы люди неофициальные, и слава богу.

В какой-то мере нашел ответ на вопрос, который тебе задавал: в чем разница между языческим и «иудейским» мироощущением, нашел у твоего любимого Фейербаха, только он вместо «иудейства» пишет «христианство», но если, как ты советовал, «переставить»… Тут и про «самозванство», хотя он Ваймана не читал и поэтому мою терминологию

не использует. Это в главе, которая так и называется «Отличие христианства от язычества». Не могу отказать себе в удовольствии процитировать.

«Христос есть всемогущество субъективности *(самозванец!)*, освобожденное от всех уз и законов природы…, исключающее мир и сосредоточенное только в себе чувство, исполнение всех сердечных желаний, вознесение на небо фантазии, пасхальный праздник сердца…

В христианстве человек сосредотачивается только на себе, освобождаясь от связи с миром, становится самодовлеющим целым, существом абсолютным, внемирным, сверхмирным. Он (Христос) не считал себя существом, принадлежащим миру; он порывал всякую связь с ним; поэтому он не имел больше основания сомневаться в истинности и законности своих субъективных желаний и чувств и считал себя существом неограниченным: ведь граница субъективности есть именно мир, объективность. Язычники наоборот, не замыкались в себе самих и не удалялись от природы и поэтому ограничивали свою субъективность созерцанием мира. Древние преклонялись перед величием интеллекта, разума, но они были настолько свободомыслящи и объективны, что признавали право существования, и притом вечного существования, за оборотной стороной духа, за материей, и не только в теории, но и на практике. Христиане же простирали свою практическую и теоретическую нетерпимость до того, что ради утверждения своей вечной субъективной жизни уничтожали противоположность субъективности, природу, создавая веру в кончину мира. Древние были свободны от себя, но их свобода была свободой равнодушия к себе, а христиане были свободны от природы, но их свобода была не свободой разума, а… свободой чуда. Древние восхищались природой до такой степени, что забывали о себе, терялись в целом; христиане презирали мир: что такое тварь по сравнению с творцом? Что такое солнце, луна и земля по сравнению с человеческой душой? Мир

прейдет, а человек вечен».

Я собрался было процитировать пару фраз, но увлекся, тут каждое слово — золотой гвоздь, вся эта глава — ливень золотых гвоздей, но цитировать главу бессмысленно, у тебя ведь есть Фейербах. Кстати, еще раньше хотел тебе написать, что мне очень понравилась фраза Людвига Андреаса: «Древние поступались индивидом для рода, христиане жертвовали родом ради индивида». А если вспомнить, что христианство возникло в многонациональной и мультикультурной декадентской среде эллинистического Ближнего Востока, то не удивительно, что христиане были склонны пренебрегать родом: они и были безродны, и при том заражены универсализмом и суевериями. Вот и приспособили чужую «родовую» религию под свою смятенную душу! Мне кажется, что это принесение рода в жертву индивиду прямо осуществляется сегодня в Западном мире и обеспечивает ему гарантированную гибель, то есть христианство еще оказывается и идеологической платформой политического самоубийства германского Запада (туда ему и дорога).

Евреи в этом смысле — сочетание противоположностей: человек, как творение божье (по образу и подобию Творца!), выше природы (стало быть по логике и выше рода), но поскольку именно род избран, то он священен!

В два часа в Иерусалиме жахнуло. Два десятка убитых, сотня раненых. Но уже ясно, что они ничего не сделают, разбомбят какие-нибудь сараи. Как сказал один: мы им делаем дырки в стенах.

Позвонил Барашу:

— Все живы-здоровы?

— Ну, мы ж далеко.

— Теперь всё близко…

«Зеркало» вышло. Спросил, как дела с его книгой. Замялся, видно, задумался, издеваюсь я или так, пришлось пояснить, что прочитал рецензию Зиника на сборник стихов Иоффе, и там сказано, что сборник вышел в ОГИ, «ну я

и подумал о тебе, ты ж там хотел издаться…»

— А я тебе разве не рассказывал?

— Ты рассказывал, что Айзенберг какие-то интриги плетет, тебе самому не ясные…

— Да, и я выяснил, в чем дело. Оказывается, я гулял по минному полю, сам того не подозревая. Я тебе рассказывал, что в ОГИ у меня полно знакомых, да и Айзенберга я хорошо знаю, они меня очень хорошо приняли, устроили вечер. Хочешь сборник — пожалуйста, через два месяца выйдет, в общем, — все прекрасно. Я уехал совершенно уверенный, что так оно и есть. Но вдруг пошли какие-то разговоры, что «очередь», туда-сюда, и дело встало. Я еще не понял откуда ветер дует, даже Айзенбергу звонил, в конце концов, попросил Колю Байтова узнать в чем дело, а Коля там свою книгу собирался издавать, так Айзенберг его книгу взял и тут же, понимаешь, тут же издал. И тут я понял, что это — Айзенберг, то есть он специально так молниеносно издал Байтова, с одной стороны мне в пику, а с другой стороны в попытке поссорить меня с Байтовым, как мужик пришел к бабе просить за друга, а она вышла за него замуж, и Байтов действительно стал меня как-то избегать, то ли неудобно ему было, то ли Айзенберга боялся. Но я все не мог понять, в чем же дело, где я Айзенбергу на мозоль наступил, и тут, наконец, мне поведали, Гуголев просветил, он старый приятель Айзенберга и мой. Так вот, потрясающая, кстати, история… В Америке живет один такой красавец-гусар из евреев, он еще в семидесятые уехал, может, слышал, Гринцман, он стихи пишет, а вообще — преуспевающий врач, высоченный мужик, огромный, даже побольше меня, и он старый знакомый Айзенберга и всей этой компании, ну и, как все, он стал в Москву наезжать, восстанавливать связи, выпустил сборник стихов, он еще приятель Алексина, редактора «Ариона».., кстати, я думаю, что у некоторых местных, таких, как Айзенберг, есть своеобразный комплекс на этот счет, ну, что мы тут, понимаш, говно ели, добились признания,

наконец, а эти, из всяких америк, и из Израиля, конечно, прилетают на готовенькое, издают сборники, дают интервью, вот такое, понимаешь?

— Понимаю.

Но дело не в этом, а в том, что этот Гринцман вдруг увел у Айзенберга дочь. Увез в Америку. И Айзенберг был просто вне себя.

— А сколько лет дочке?

— Лет тридцать.

— Тридцать?! Ну… это всё-таки не педофилия. Пусть радуется.

— Да, она прекрасно устроилась, работает архитектором.

— Ну?

— Ну не знаю, но Айзенберг вообразил себя станционным смотрителем, бегал по инстанциям, естественно прервал отношения, ну я тебе говорю: был вне себя.

— А ты здесь причем?

— Это все присказка, сказка впереди. Я этого Гринцмана тоже знаю, он тут приезжал к нам с Лизой, да, дочкой Айзенберга, мы мило пообщались, а когда я был в Москве, то как-то оказался в доме литераторов, и там сидел Айзенберг с семьей, и Лиза, она тоже приехала к родителям, и Лиза меня увидела и подошла ко мне, мы так мило поболтали, потом я к ним подошел, все нормально. Ну и все. Как мне Гуголев объяснил, Айзенберг всех метит, кто как бы друг Гринцмана.

— Понятно…

— А ты знаешь, что Кононов издал Короля? Да, они ж старые приятели, и Король как-то с ним договорился, заплатил ему, все чин-чинарем, и Кононов его кинул. То есть так издал, с такими фашлами[1], по всему фронту, что…

[1] «Ф*а*шла» — ошибка, небрежность (американизированный израильский сленг)

ну просто обосрал. Кстати, Король говорит, что он очень «идиота Ваймана» ругал, что, мол, продешевил с тобой.

— Да? Не знаю… В общем-то, он и мне напортачил со шрифтом…

— Что ж ты мне не сказал?

— Ну а что я тебе скажу? У меня с ним все шло нормально, даже мило переписывались, в конце концов, он свои обязательства выполнил, хотя по ходу дела я его поймал на всяких мелких фокусах, довольно несолидных, вот со шрифтом, и он утверждал, что книгу несколько раз вычитывали, а ошибок столько, даже в рукописи было меньше…

— А ты знаешь, что ты «Кенжеев» написал с ошибкой, «Кинжеев»? Наверное, в рукописи ошибка.

— Да? Вот черт. Вот на это он уж точно обидится!

— Ну, может это ты не его имел в виду, а какого-то Кинжеева.

Мы бодро рассмеялись, но мне, признаться было не по себе. Рассказал ему, что Зайчик не взял «Записки эмиссара», тоже, наверное, Айзенберга испугался.

— Ну да, он же с Зиником приятельствует… Мне, кстати, сын анекдот рассказал: идет медведь по лесу и видит, сидит в углу заяц и кричит: «Волки — пидарасы! Волки — пидарасы!», медведь ему говорит: «Ты что, косой, на старших, вон, у тебя еще молоко на губах не обсохло», а заяц говорит: «Это не молоко», и опять: «Волки — пидарасы! Волки — пидарасы!» (Посмеялись.) Сын рассказывает, как недавно на лекции кефир покушал, и все стали вокруг кричать: «Волки — пидарасы! Волки — пидарасы!» И еще такой анекдот рассказал: приходит один в публичный дом, говорит, дайте мне что-нибудь за 20 рублей, ну ему говорят, нет у нас таких цен, посмотрите в прейскуранте, может найдете. Он посмотрел, а там есть Колобок за 20 рублей. Ну, взял он Колобка, пошел в номер, стоит, крутит его, не знает с чего начать, и вдруг Колобок ему говорит: «Меня нельзя, я от бабушки ушел, я от дедушки ушел!». А тот ему: «Откуда,

откуда ты говоришь?» (Ржачка.) С Гольдштейном виделся? Он тебе рассказывал про Москву? Рассказывал, как Курицын ему говорил: «Когда приедешь-то?», мол, хватит дурака валять, пожил в этом Израиле, и будя.

Поговорили об Интернете, он мне посоветовал материал про Солженицына отправить в интернетовский «Русский журнал». «Там любят гон». Рассказал про свой интернетовский конфликт с Дорфманом: «У них же там язык без костей. Ну, я его покритиковал: там вы неточны, там передергиваете. А он знакомому сюда пишет: „приеду в Израиль, зубы Барашу выбью“, представляешь? Мне? Какой-то пятидесятипятилетный одесский инфарктник…»

Бараш очень гордится своими обширными телесами.

Позвонил Володе

— Ну, ты жив здоров?

— Да, Наум. Спасибо, что позвонил. Я вообще только что приехал, неделю меня не было, и как раз — угостили.

— Ты в Нагарии был?

— Да.

— Отдохнул?

— Да я с братом был, брат теперь у матери, отдохнешь с ним.

— А что, он…

— Да ну ты что, он же не вылезает из глухого запоя. Плюс белая горячка, маниакально-депрессивный, ну все что хочешь. А когда выпьет, становится таким изощренным хамом…

— А что, нельзя его лечить?

— Законы такие, не берут в психушку, если нет согласия пациента, демократия, блядь. Это нужно в полицию жаловаться, полиция должна, на основании жалоб и справки от психиатра рекомендовать, в общем…

— Бодяга.

— Вот именно.

— А ты как?

— Я вышел. Уже две недели в рот не брал. Только неделю назад один раз сорвался, но это даже не сорвался, просто выпили на поминках Иры Раухвергер, нельзя было не выпить.

— Ты был на похоронах?

— Да, много народу было, причем только треть русские, остальные израильтяне.

— У нее было много учеников?

— Да, много.

— Она чего, упала с лестницы?

— Да, упала. Сразу умерла. Хоть не мучилась.

— А как она упала? Была… в нетрезвом состоянии?

— Она вообще-то лечилась, в отличие от меня, но у нее и реакции были посильней, я хоть горшки с цветами в голову не запускаю, посуду не бью. И что самое страшное, она во время лечения брала иногда, а это хуже всего, потому что и так химией тебя напичкали, и ты еще добавляешь, тут уж совсем пиздец, тут башню напрочь свернет… Вообще-то я подробностей не выспрашивал, как-то неуместно было…

— Гробманов видел?

— На похоронах видел, а на поминках, там где я был, их не было, слава Богу.

— Не помирился?

— Нет.

— Чего делаешь, пишешь что-то?

— Да, пишу. В черном «Сплетении» была моя проза, ты не видел?

— Нет. Возьми для меня.

— Ладно. Ты когда в наши края?

— Не знаю, может через неделю.

— Ну, позвони тогда, встретимся, я сейчас свободен.

— Хорошо.

10.8. От Л: *это ужасно… надеюсь у тебя все здоровы Спасибо за записки. Еще не читала.*

Отвечаю: *Иногда мне хочется спросить: «Так когда ты, наконец, приедешь?»*

Из Фейербаха: «Человек человеку бог».

«Любовь есть не что иное, как самоощущение рода… В любви человек выражает недовольство своей индивидуальностью, постулирует существование другого как потребность сердца…»

«Благодаря другому я сознаю впервые человечество, узнаю и чувствую, что я человек.» Это прям… предтеча диалогизма. Может, и диалогизм — форма привязки к роду? Тем более, что это «еврейская» философия.

11.8

Наум, привет!

По поводу Солженицына. Неудивительно, что материалы тебя «порадовали»; и столь же понятно, что меня они «огорчили»: эти самые «основные критические направления» кажутся мне ребячеством, а поскольку они исходят в основном от евреев, то как-то мне, честно говоря, не по себе. На этом фоне уж лучше твоя статья: она хотя бы «отвязанная» и живая. (Что это у вас там за разгул цензуры, если такую, в общем-то, безобидную, рецензию нельзя тиснуть?) Особенно характерной показалась мне статья Руденского (кто таков и почему не в армии, не знаю). Она лучше других написана, и вообще не без достоинств, но чего стоит такой итоговый пассаж: «Но для него, видимо, не подлежит сомнению, что проблема была, и устраниться от ее решения государство никак не могло. И ему не приходит в голову простой вопрос: а может, проблемы-то и не было? Может, государство с самого начала пошло по ложному пути? Может, если бы власть имущие, вместо того чтобы с такой энергией и изобретательностью ограждать „коренное население“ от экономического „хищничества“ евреев, оберегать от их „специфических приемов“ моральную чистоту адвокатского

сословия, не допускать их наплыва в учебные заведения, а еще и способствовать их „слиянию с гражданским обществом“, избавлять их от „нравственных пороков“ и внедрять среди них „истинное просвещение“, просто оставили евреев в покое и хотя бы перестали их притеснять, не было бы никакого „каленого клина“?» Интересно, как автор себе это представляет — оставить евреев в покое? Дать право ничем не ограниченного свободного передвижения (которого не имела тогда подавляющая часть коренного населения)? Не считаться с вероисповеданием? (А были ли к этому готовы сами евреи?) И т. д. и т. п. Я бы уж тогда на месте Руденского посоветовал властям вообще «оставить в покое» свой народ: а то что же получится, если в покое оставят одних евреев? Чистая дискриминация, чреватая кровавой баней. Какое счастье, что страной управляли все же малосимпатичный Николай Палкин и брутальный антисемит Александр III. Все-таки этих тиранов евреи худо-бедно пережили, хотя и не без потерь, а вот правление Николая Руденского оказалось бы для них роковым. Вписал бы себя в анналы как второй Навуходоносор. Пускай Солженицын «мухомор», но кто тогда Руденский? Ну, что ты будешь делать: не хотят товарищи евреи «входить в положение» русской государственности. Что ж, не хотят — и не надо! Насильно мил не будешь. Но что же они от нее никак не отстанут, не отвяжутся? Что они дразнятся «антисемитом», крутят пальцем у виска и язык показывают? Несолидно как-то, не внушает… Уж как мне ни противен нынешний Александр Исаевич, а эти моськи («Слон и Оська», басня Крылова), на мой вкус, еще гаже. Как сказал дьякон Кураев (оголтелый антисемит): «Так делают антисемитом» (название его книги, очень занятной). Та же история с «проблемой вины». Другой автор в «итоговой части» обвиняет Солженицына в том, что тот якобы культивирует «метафизику вины», а, по его сведениям, это уже немодно и моветон. Конечно, если к слову «вина» прибавить слово «метафизика», то сразу кажешься себе очень продвинутым. Но если попросту, без затей, то

когда Папа Римский (или, скажем, немецкий канцлер) признает вину христиан (немцев) перед евреями, товарищи продвинутые евреи не возражают, а когда им намекают на взаимную вину, начинают дразниться. «Ничего не забыли и ничему не научились». Это прозвучало достаточно едко в отношении такого, впрочем, достойного, сословия, как французское дворянство, но когда под такое определение подпадают «жертвы геноцида», это кажется особенно, как-то вопиюще неуместным, «мне лично» их болтливое легкомыслие претит.

Мне пришло еще в голову такое разграничение: как опухоли бывают раковые и обыкновенные, так и антисемиты бывают злокачественные и доброкачественные. Сейчас до меня дошло, что́ именно в твоей позиции осталось для меня непроясненным и просто загадочным. Ты почему-то очень «снисходителен» к злокачественным антисемитам (типа Розанова) и кидаешься, как бык на красное, на доброкачественных (типа Солженицына и, например, Шульгина, которого кроешь в романе почем зря). Поскольку у меня отношение к ним в этом плане (подчеркиваю: только в этом плане) прямо противоположное, я как-то «теряюсь в догадках».

Относительно Фейербаха согласен с тобой целиком и полностью (я же тебя, если помнишь, и отослал к главе «Отличие христианства от язычества»). И насчет «ливня золотых гвоздей» согласен. Тут, может быть, стоит отметить один «тонкий момент»: о субъективизме христианства очень выразительно писал Гегель в «Философии религии» (я тебе как-то, очень давно, посылал соответствующие выписки). Но Фейербах к этому времени Гегеля «превзошел» (то бишь «перевернул с головы на ноги») и на него не ссылается (только иногда ругается). Но переосмысление на основе категории рода остается личной заслугой Фейербаха — на мой взгляд, очень весомой. Поскольку неясно, когда будет (и будет ли вообще) повод вернуться к Фейербаху, хочу отметить, до кучи, что ты был не совсем прав, назвав его метод

философствования устаревшим. Оно, конечно, не без этого, но есть один аспект, в котором Фейербах крайне актуален. Привлечение категории рода дало ему возможность трактовать человека транссубъективно и «диалогически» (что ты проницательно отметил). Процитирую только один пассаж: «Для доказательства необходимы ***два лица****; мыслитель раздваивается при доказательстве; он сам себе противоречит, и лишь когда мысль испытала и преодолела это противоречие с самой собой, она оказывается доказанной. Доказывать значит оспаривать. Диалектика не есть монолог умозрения, но диалог умозрения с опытом. Мыслитель лишь постольку диалектик, поскольку он —* ***противник самого себя****. Усомниться в самом себе — высшее искусство и сила. Истина заключается лишь в единении Я с Ты». Кто скажет, что это не «современный дискурс»? Я бы тут же поверил, если бы мне сказали, что это цитата из Левинаса или Бахтина.*

Касательно текста Шабтая скажу, что, судя по «последействию» (которому доверяю), книга, конечно, лучше, чем высказанное мною мнение о ней (хотя и от мнения по существу «не отрекаюсь»). Есть места, где «словесная вязь» затягивает, как в мясорубку, и тебя, уже отдавшегося течению, куда-то, так сказать, «вздымает и опускает». Блестящий эпизод с почти бессмысленными стихотворными строками, когда Меира осенило, что он должен был родиться итальянским поэтом. И, разумеется, эти бесконечные фразы очень трудны для перевода (это я тебе как переводчик переводчику), потому что для иврита такой синтаксис, по-видимому, более естествен, чем для русского языка, но ты в целом его осилил. Я, конечно, в ходе правки в синтаксис не влезал, не имея текста оригинала, хотя в некоторых местах очень хотелось. Но в целом ты, безусловно, «справился с задачей», с чем тебя и поздравляю.

Всегда твой,

Матвей

P.S. В связи с терактами лозунг: «Нет арабов — нет и взрывов» — напрашивается сам собой. Но реакция «цивили-

зованного мира», который гораздо больше озабочен ответными мерами Израиля (их еще только возможной, но уже совершенно для них очевидной «неадекватностью» в смысле «превышения»), чем самим существованием этой страны и народа, конечно, обескураживает. Звучит также совершенно отчетливая нота угрозы: если не уйметесь, то у вас, конечно, могут быть временные достижения, но затем вы схлестнетесь со всем «цивилизованным миром» (вкупе с арабами), и тогда уж пеняйте на себя, мы уж тогда, извините, за себя не отвечаем, а вам мало не покажется. До сих пор не могу привыкнуть.

Как вы там вообще?

Матвей, привет!

Я рад, что ты «раскусил» Шабтая, я и сам поначалу удивлялся, чем он «берет», однако берет. Жалко «бедного Меира»… Наверное, дело в том, что он очень точен в мелких деталях жизни, точен и безжалостен. И уж очень ощутимая у него смерть… И я, конечно, рад, что перевод «читается» и горд твоей похвалой (переводчика переводчику).

А «взамен» добавлю насчет Фейербаха, что везде «натыкался» у него на твои «родовые» идеи, а хр-во в его трактовке и есть то самое «безумное зерно», взбесившаяся индивидуация. По мне так «безумным зерном» (самозванством) явился уже иудаизм, хотя он и был изначально (и остался) смягчен «родовой сплоченностью», опиравшейся на «избранность».

А вот Солженицын отказывается сойти со страниц наших писем, поскольку сквозь «антисемитизм» проступает глобальная тема «язычество и иудейство» (у лисы видны усы сквозь трусы) со всеми ее «атрибутами» типа «монотеизма», «универсализма» и т. д. Кстати, по поводу того, что Зайчик заметку о Солженицыне зарубил… Не из цензурных соображений, конечно, хотя, кто знает, есть ведь и «внутренняя» цензура, а он, понимаш, не любитель провокаций, газета-то «солидная» — ха-ха-ха! — то бишь для итеэров, а потом он, как и многие «у вас», и даже «у нас», боится свя-

зываться со всякими «сильными» литературными фигурами, бывшими «сердитыми подростками», а ныне решительно утвердившими себя в качестве литературного истеблишмента, трусоват зайчуня, что ж, дело житейское… И тут же я вспоминаю и о Костырко, который предупреждал меня «не трогать» Гандлевского, а я таки «тронул», вышел номер «Зеркала» с «хвостами» моей книги, там дневник периода путча, со всем тем, против чего предупреждал меня Костырко, а поскольку в литературном истеблишменте законы волчьи и друг моего врага мой враг, то я могу, конечно, многое (многих) потерять (вот и Цветков мне пишет, еще не зная о последней публикации: «не плюй в колодец»), но черт с ними, ей богу свобода дороже, и, признаться, не люблю я истеблишменты всех времен и народов, и — тут самое время перейти к твоему недоумению по поводу того, что я «снисходителен» к злокачественным антисемитам (типа Розанова) и кидаюсь, как бык на красное, на доброкачественных (типа Солженицына)». Дело в том, что Розанов «живой человек» и говорит, как думает (ну, в литературном, конечно, смысле, в определение «правды» мы сейчас углубляться не будем), и поэтому он «наш брат» (мой) — «аутсайдер» (и, может, именно поэтому «гениальный», гениальность — это свобода), не любит евреев, так не любит, так и говорит, а когда «любит» (как в «Апокалипсисе»), так и говорит, не боится, что «антисемиты» разозлятся, а «интеллигенты» обвинят в противоречивости, и плевать мне на его «антисемитизм», потому что это «подчеркнуто частное мнение», и оно не зачеркивает (для меня) возможность разговора, да и он не зачеркивает — как Розанов стремился и жаждал диалога с «иудейством»! — поэтому с ним «поговорить интересно», интересно поговорить с живым человеком, а не с государственным чиновником. А Солженицын — чиновник! Чиновник от литературы, от истории, и поэтому скучен! Мне с ним разговаривать не о чем. Плевать мне на «государство», тем более на русское, я прочел эту книгу, как еврей, да еще живущий в Израиле (уже чет-

верть века!), что мне до русской государственности?! Тут своя-то трещит по всем швам… Вот тебе вкратце и причина «снисходительности». Да чего там снисходительности, я Розанова люблю. И потом, извини за напыщенность, я рассуждаю с точки зрения того, с кем мне в аду будет нескучно прогуливаться по мосткам между котлами и рассуждать о бренности всего земного…

Всегда твой
Наум

От Л:

Прилетаю 14 вечером, а 15 младший улетает обратно, начинаются занятия. Обратно 28, но, если папу будут оперировать, задержусь.

Так позвони мне 15-го на мобильный, хорошо? После 8.20

12.8. Вышел журнал. Поехал к Гробманам. Были благодушны и одарили аж пятью экземплярами в качестве гонорара, плюс один авторский! — небывалая щедрость. Попили чаю с пирогом, поболтали. Гробман рассказал, как еще в начале семидесятых «разоблачил» Солженицына, написал статью в «Джерузалем пост» и какой был скандал вокруг этого. Ира говорит, что достала деньги на переводы. Вот, говорю, тебе два проекта: мою книгу — на иврит, и Шабтая — на русский. Обещала подумать. Договорились, что пошлю ей материал про Солженицына. Гробман продемонстрировал свою новую работу: три ориенталистских подушки — триптих, на центральной написано на иврите «*и*тбах ал яуд!» («зарежь еврея!», палестинский лозунг), а на двух боковых — кровавые пятна, как цветочки и траурные полосы наискосок — парафраза палестинского флага

13.8. Днем позвонил Р. Не знаю зачем. Голос послушать. И настроение было хорошее: вышел журнал с публикацией, дело с переводом сдвинулось с мертвой точки (перед этим

позвонил Марине, она сказала, что пришло одобрение перевода из Института Языка и что Гринберг идею не оставил). Но разговор не клеился. Сказал, что позвоню, встретимся, передам журнал. Конечно, она меня не отпускает. Но в постель не хочу. Разве что в полной тьме…

Почитал утром Гольдштейна в «Зеркале». Неожиданно понравилось. Насыщенный поэтизированный текст, такая поэма о Тель-Авиве. Здорово.

Позвонил Вернику. Тоже не пойму, зачем я это делаю. Все у Пьеро ужасно, и лично, и вообще. По кварталу все время стреляют. Все это ни в какие ворота уже не лезет. Просил узнать, как Гольдштейн оценивает его интервью. Ну, что, говорю, спросить его: «вот Верник спрашивает, как Вам его интервью»? Нет, это не изящно, говорит Верник. Тогда — выспросить у него мнение и передать у него за спиной? Нет, говорит, тоже не изящно, ладно Нюма, оставим это.

Поехал в «Вести». Зайчик интервью с Амиром взял, слава Богу, старика Амира уважим. А про Солженицына ему не нравится, ну и ладно. А вообще был очень, почти задушевно приветлив. Свернули на «политику». Я ему говорю: государство, которое позволяет убивать своих граждан, не имеет права на существование. «Ну…», — протянул он вместо возражения. Стал доказывать, что все не так ужасно, что мы реагируем, вот он читал какие-то секретные отчеты, вот ему рассказывали люди «изнутри», что мы им как следует хвост накручиваем, что не все известно, а с другой стороны, ну что можно сделать, «я ведь Шарона давно знаю, он очень умный человек, он умнее всех пересов и бараков и биби вместе взятых, не глупее нас с Вами, раз он так себя ведет, значит нет другого выхода». Вот это самое страшное и есть, говорю, Шарон последнюю надежду убил. И дело не в уме, а в интересах: Шарон хочет удер-

жаться на второй срок и сыночка пристроить. Ну что вы, Наум (ах, какой вы, право, циник), ему уже 75 лет, вы думаете, что для него это главное?

По ходу дела Зайчик еще поведал, как дважды брал интервью у Биби, и Биби ему сказал, что на него давили «беспрецендентно», как брал у Шамира, и Шамир рассказал, что хотел вдарить по Ираку, но американцы не дали, «вы знаете, — он наклонился вперед и заговорил почти шопотом, — что дважды поднимались десантники для операции в глубине Ирака? Дважды! И их заворачивали! Мне об этом рассказал...» Страшная тайна, опубликованная во всех газетах.

Напоследок, пожимая руку (Наум, я вас всегда рад видеть), сказал, доверительно улыбнувшись: «А про ваш московский опус я никому не скажу. Останется между нами». Хотелось мне сказать, что уже в «Зеркале» вышел, но промолчал.

Поговорили минут пять с Гольдштейном, сказал ему, что его последняя публикация мне очень понравилась. Потом поехал к Гробману, обещал ему дать почитать «200 лет вместе». Рассказал о разговоре с Зайчиком (сильно разозлил меня Зайчик своим «пониманием ситуации»).

— Зайчик — тяжелый мудак, — с прямотой римлянина рубанул Гробман. — Просто у него сейчас все здорово, как в сказке, он получил место, о котором даже и мечтать не мог. Вот когда его оттуда попрут нахуй, а Израиль будет при этом процветать и кататься, как сыр в масле, он будет говорить, что мы катимся к катастрофе. А не реагируем мы, потому что все живут под тройным слоем жира и всем на всех насрать. Кого убивают-то? Митнахалим?[1] Ну и хуй с ними, сами туда полезли. Русских? И хуй с ними, понаехали тут, проститутки, маффиозо, и не евреи даже. Тури-

[1] Поселенцы на «территориях»

сты? Кто их сюда звал. Всякие черножопые — у нас их и так до хуя. А вот когда в «Апропо» взорвали, тут визг был: она же, врачиха эта погибшая, была за Осло-алеф, Ослобет[1], ее-то за что?! Вот когда этим левым на кошелек наступят, тут они сразу такими правыми сделаются, что правым там нечего будет делать, тут-то мы им врежем. А вообще, пока это поколение родившихся здесь и ничего кроме пупка своего не видавших, все это поколение безнадежных провинциалов не вымрет, ничего у нас не выйдет. Барак-то молодой, да из тех же. Конечно, он чижик-пыжик на пианино играет, одухотворенный!, таблицу умножения знает — гений наш!

Я перевел разговор на картины и Гробман показал мне две новые работы: «Конец Европы» («все, пиздец им, чернота их проглотит»), такой петушок в колючей проволоке красочных лент, и «Новые историки»: черная коробка, на которой написано красным «Новые историки» и две свастики по краям.

— Эта на последней выставке была. Тамаркин, да он раньше бы мне в рожу плюнул, а теперь говорит: «Интересно».

Растрогавшись, всучил мне какую-то старую рамку и грязное стекло, которое назвал «матовым». «Дарю». Я попробовал отвертеться — куда там. И в знак уж совершенно небывалой нежности преподнес, бережно помяв ее пальцами, старую тоненькую клееночку, аккуратно сложенную, «можно в багажнике подстелить». Пришлось взять. Около дома в помойку все выбросил.

Матвей — Науму

Ты уж извини, но сдается мне, что твоя апологетика Розанова основана, кроме всего прочего (мне непонятного), на очень, даже слишком понятном факторе — плохом, «при-

[1] соглашения с палестинцами в Осло

близительном» знании его текстов и особенно «контекстов». Только этим могу я объяснить твой пассаж, в котором что ни слово, то вопиющее надругательство над тем, как это было «на самом деле». Никогда не был Розанов «искренним» и никогда не «рубил правду-матку», и никогда не был «аутсайдером», а всегда был трусливой двуличной скотиной, решившей для себя, что правда, честь и совесть вообще «не имеют значения». А уж то, что он якобы чего-то там «не боится», звучит как анекдот применительно к этому запредельному, патологическому трусу. Чтобы не показаться сугубо пристрастным, хочу поиграть с тобой «в викторину». Я процитирую текст, изданный в России в 1923 году. Он написан человеком, знавшим все розановские «контексты» изнутри ситуации, а имени автора пока не назову. «Вот загадка моя; хитрый Эдип, разреши».

«Ни в чем, быть может, не обнаружилось с такой интимной убедительностью опустошение интеллигентского индивидуализма, как в повальной нынешней канонизации Розанова: „гениальный“ философ, и провидец, и поэт, и мимоходом рыцарь духа. А между тем Розанов был заведомой дрянью, трусом, приживальщиком, подлипалой. И это составляло суть его. Даровитость его была в пределах выражения этой сути. И приходится признать, что не стыдящиеся славословить Розанова и склоняться перед ним попадают в точку: в своем духовном приживальстве, в пресмыкательстве своем, в трусости своей Розанов только доводил до крайности их духовные черты, — трусость перед жизнью и трусость перед смертью. Некий Виктор Ховин — теоретик футуризма, что ли? — удостоверяет, что подлая переметчивость Розанова проистекала из сложнейших и тончайших причин: если Розанов, забежав было в революцию (1905 г.), не покидая, впрочем, „Нового времени“, повернул затем вправо, то единственно потому, что испугался обнаруженной им сверхличной банальности; и если добежал до выполнения щегловитовских поручений по ритуалу /имеется в виду „кровавый навет“/, и если писал одновременно

в „Новом времени“ в правом направлении, а в „Русском слове“, за псевдонимом, — в левом, и если, в качестве сводни, сманивал к Суворину молодых писателей, то единственно опять-таки от сложности и глубины душевной своей организации. Эта глуповатая и слюнявая апологетика была бы хоть чуть-чуть убедительнее, если бы Розанов приблизился к революции во время гонений на нее, чтобы затем отшатнуться от нее во время победы. Но вот чего уж с Розановым не бывало и быть не могло. Ходынскую катастрофу, как очистительную жертву, он воспевал в эпоху торжествующей победоносцевщины. Учредительное собрание и террор, все самое что ни на есть революционное, он принял в октябрьский период 1905 г., когда молодая революция, казалось, уложила правящих на обе лопатки. После 3 июня (1907 г.) он пел третьеиюньцев. В эпоху бейлисиады доказывал употребление евреями христианской крови. Незадолго до смерти писал со свойственным ему юродским кривлянием о евреях как о „первой нации в мире“, что, конечно, немногим лучше бейлисиады, хоть и с другой стороны. Самое доподлинное в Розанове: перед силой всю жизнь червем вился. Червеобразный человек и писатель: извивающийся, скользкий, липкий, укорачивается и растягивается по мере нужды — и как червь, противен. Православную церковь Розанов бесцеремонно — разумеется, в своем кругу — называл навозной кучей. Но обрядности держался (из трусости и на всякий случай), а помирать пришлось, пять раз причащался, тоже… на всякий случай. Он и с небом своим двурушничал, как с издателем и читателем».

От себя добавлю, что дело обстояло не так, как ты изображаешь, в стиле a la Russe («не любит евреев, так не любит, так и говорит, а когда „любит“, как в „Апокалипсисе“, так и говорит, не боится, что…» — ***эх, раззудись, плечо! уж любить, так не на шутку!*** *и т. п. из того же цыганского репертуара), а прямо противоположным образом. Розанов стал смешной и нелепой жертвой собственной мифологии. Он сам поверил своим бредням о «еврейском заговоре» и вынужден был трактовать революцию как «власть*

жида», а поскольку всегда лебезил перед властью, то тут же и «возлюбил» евреев, причем в свойственной ему извращенной форме (только в этом я не согласен с автором вышеприведенного отзыва: это не «лучше бейлисиады», а намного хуже).

Что же касается твоего удивительного желания «поговорить с Розановым как с живым человеком», который, оказывается, «стремился и жаждал диалога с «иудейством»», поскольку его антисемитизм был якобы «подчеркнуто частным мнением», то хочется в связи с этим задать пару-тройку вопросов. По-твоему, подстрекательство к погрому в печати — это «частное дело»? Не считаешь ли ты, в этом смысле, что и Гитлер «стремился и жаждал диалога с «иудейством»»? Удобно ли будет тебе беседовать с Розановым в интернациональном аду на виду у Шеола, переполненного загубленными им (и такими, как он) жертвами? Не жмет, не давит, не беспокоит? Интересно было бы понаблюдать и за техникой вашего диалога. Например, Розанов в ранних статьях, связанных с нумизматикой (если заинтересует, приведу цитаты), рассуждает об обрезании, распространенном издревле и среди африканских племен, и среди мусульман (то есть он об этом ***знал****). А в написанном чуть позже «Юдаизме» утверждает, что такое существует только у евреев, пафосно восклицая при этом в стиле позднего Шафаревича: «Какой можно назвать еще народ…!!!??? и т. д. и т. п. И ты собираешься с ним после этого «спорить», «дискутировать», «аргументировать»? Ну-ну, желаю успеха. По моему же крайнему разумению, спорить с Розановым — это все равно что играть с наперсточником. Шулер — не игрок! И вот еще что. В одном мемуаре рассказывается, как Розанов во время Первой мировой попал на патриотическое собрание, где впервые увидел молодого Эрна, клокотавшего против немцев за святую Русь. Выслушав оратора, Розанов после доклада подошел к нему и спросил: «А что это у вас, батенька, за фамилия такая, Эрн? Вроде как нерусская?» В связи с этим хочу тебя предупредить, что во время*

вашего «диалога» Розанов не будет слушать, что ты говоришь (его девиз: «Вы не слушайте, что Мережковский говорит; вы посмотрите, где он стоит»); он будет к тебе принюхиваться и тебя ощупывать («обонятельное и осязательное отношение» в виде диалога), потому что ты для него не человек, а этакая «амбивалентная диковина». Может, он окажется в такой своей «эволюционной фазе» (ему покажется с перепугу, что адом управляют жиды), что твой запах покажется ему «ароматным» (см. его апологию «еврейского носа»), а может, наоборот (ад-то православный!), воспримет его как нестерпимую вонь. Он как-то написал (в письме Мережковскому, могу привести цитатку), что евреи так чистоплотны, потому что в глубине души осознают, что от них воняет. Потому и сортиры свои ставят в заднем дворе, что знают: их говно как-то по-особому смердит. Ароматный получится у вас диспут на том свете, ничего не скажешь, обонятельный и осязательный.

Что касается идеи «напечатать письма», то, хочешь верь, хочешь не верь, но мне, в общем-то, наплевать, «задиристо» ли это будет и какое впечатление произведет, и, в конечном итоге, будет ли напечатано. Мне гораздо важнее «мысль разрешить» (я, оказывается, «русский мальчик» из Достоевского). Эта форма для меня удобна, поскольку я не вижу (пока, по крайней мере) возможности трактовать тему в русле «академического дискурса». Но для меня вся эта затея будет иметь смысл только в том случае, если удастся высказать нечто вразумительное и, по возможности, систематизированное (не обязательно по форме, но по существу) по поводу таких «последних» вопросов, как единобожие/монотеизм, монизм/дуализм, избранность/исключительность и т. д. Идеи есть, но катастрофически не хватает времени. В этом смысле очень рассчитываю на твою помощь: твои провокации нередко меня по-настоящему «заводят». Что касается формы и особенно всех «организационных сторон» (где и как печатать, с кем договариваться и т.д., если до этого дойдет дело), то я хотел бы оставить это целиком

на твое усмотрение (только прошелся бы в конце «по орфографии» в полюбившемся тебе режиме «Исправления»).

Римочка, В Sat зашли в книжный магазин, я увидела на полке «Ханаанские хроники», говорю мужу: «Знаешь кто автор? Римочкин муж, поэт». «Ну раз Римочкин — нужно copyright поддержать». Короче, купила, читаю. Не просто, так как все очень узнаваемо. Но нравится. Т.

14.8.

Наум — Матвею

У каждого свои «дразнилки», свои «красные тряпки», твоя — Розанов. После прежнего разговора ты вроде «смягчился» к нему, но изначальная, глубокая, наизусть затверженная неприязнь каждый раз при упоминании этого имени дает о себе знать. И не могу сказать, что неоправданная. «Загадку» твою я, конечно, разгадать не могу, а с тем, что сказано о Розанове могу даже и согласиться, дело не в этом. А в той таинственной связи между автором и текстом, которая все время, когда речь идет о Розанове, выпадает из «дискурса», в результате чего дискурс превращается в окопную войну. Ты ввел понятие «рампы» между зрителем и сценой (читателем и текстом), а как насчет «рампы» между автором и текстом?

С одной стороны мы смеемся, когда зритель понимает происходящее на сцене буквально (читатель — написанное в тексте) и лезет на сцену спасать Снегурочку от волка, но при этом продолжаем считать текст тождественным автору и соответственно автора — отвечающим головой за свой текст.

То есть мы вновь упираемся в основополагающее соотношение автор-герой-читатель. Какова степень, каков характер их взаимоотождествления, взаимовлияния, взаимосвязи? Является ли «печатный текст» священным, то есть призывом к действию, или несерьезной «игрой», своего рода дразнилкой, или чем-то между этими двумя полюсами?

От чего зависит действие текста на нас и насколько личность автор замешана в этом действии? Зависит ли оно от «жанра»? Скажем прокламация — это одно, рассказ — другое. А что делать в эпоху «смешения жанров», так сказать в эпоху постмодерна? А Розанов, кстати, ее предтеча. Является ли «подстрекательство к погрому» «частным делом», а точнее: в каком тексте является, а в каком нет? Что касается «бесед с Гитлером», то ведь мы рассуждаем о нем, пишем о нем, думаем о нем, разве это не беседа? Я беру уж вовсе «табуированную» фигуру, за диалог с Розановым все-таки меньше «дают». Не похожа ли эта ситуация на запрет (не судебный, слава богу, а «общественный», хотя и не менее строгий) играть Вагнера в Израиле? Недавно был «скандал»: на израильский фестиваль пригласили берлинский оркестр, которым дирижирует бывший израильтянин Баренбойм, предварительно с Баренбоймом заключили соглашение, что он играть Вагнера не будет, и он согласился, но при этом сыграл его контрабандно (диссидент!): после того, как оркестр в третий раз вызвали на бис, он подошел к микрофону, сказал, что программа окончена, но для тех, кто хочет, оркестр сыграет Вагнера, кому же это «неприятно», может удалиться, ну и, конечно, крики, старики в зале чуть не подрались, скандал, потом обвинения в нарушении договора и даже официальное, комиссией Кнессета по культуре, «отлучение» Баренбойма, херем, как говорят на иврите, анафема. Он, правда, потом еще поехал в Автономию, арабчатам сбацать Бетховена с Вагнером…

Но если подумать об этих дерущихся стариках, то ясно, что «разница во взглядах» проистекает от разницы «болевых ощущений»: одному все что связано с немецким антисемитизмом-геноцидом ближе и больнее, а другому дальше и не так болезненно. Старики приносят на концерты Вагнера пуримские трещотки, глушить музыку, а в «обществе» спорят: одни говорят, надо ли «войти в их положение» и учесть их ранимость, а другие утверждают, что если уж они такие ранимые, то пусть сидят дома, никто их

не заставляет покупать билеты на Вагнера. К сожалению, сюда неизбежно примешивается и «публичность», возникают «эффекты рампирования», не всегда симпатичные. Вот я и подумал, что своими постоянными провокациями на публичность («угрозы» публикации) невольно нарушил «интимный» характер наших бесед, возник эффект «подслушивания», так что начинаешь, опять же невольно, оглядываться, а то и выкрикивать иногда декларации в сторону стен, за которыми спрятались «жучки» и записывающие устройства… Кстати, когда я бился над попыткой вычленить из нашей переписки специфическую тему (скажем, «Солженицына»), то я вдруг убедился, что мне не удается это сделать. Отбрасывая «постороннее», я как бы лишаю текст его живого струения, он перестает «говорить» и начинает «вещать», а оставляя «как есть», я расширяю пространство текста до бесконечности и это расширение невозможно прервать, невозможно дать живому разговору «границу» без того чтобы не повредить его ткань, без того чтобы не убить его… Поэтому, чисто практически, мой публицистический энтузиазм в этом направлении несколько поубавился, и поскольку в «Вести» текст не взяли (еще «думают»), то с ним больше суетиться не буду. Кстати, мои приставания к тебе по части подтверждения «права на публикацию» объясняются частично моей неуверенностью, что это интересный текст (в том виде, в котором он получается). В конце концов, ведь и для меня самое главное «мысль разрешить». Я люблю публиковаться, но уж очень не хочется давать петуха в лебединой песне.

Розанов… Допустим, что он скотина. И конечно, я знаю Розанова «приблизительно», и тексты, и контексты, но я не литературовед, я читаю (выуживаю) то, что мне интересно, и Розанов мне интересен. Может быть именно тем, что скотина. Я предпочитаю (в смысле читательского любопытства) скотину, которая внимательно, у всех на виду, рассматривает и давит свои «прыщи», тому денди, скрывающего эти же прыщи под элегантной одеждой из тех сообра-

жений, что выставлять их напоказ неприлично.

И конечно, если антисемитизм непосредственно угрожает, то не до теорий, нужны поступки (в этом смысле жду Арендт). А с другой стороны он ведь всегда угрожает, так что ж, откажем себе в удовольствии «побеседовать» с антисемитами, откажем себе в попытках разобраться в этом явлении и найти ему противоядие? (Похоже на лозунг наших левых: вести мирные переговоры, как будто нет террора, и бороться с террором, как будто нет переговоров.) Так вот, что касается антисемитизма, то мы с тобой почти (я осторожен) согласились с тем, что евреи «сами виноваты», то есть люди становятся антисемитами не потому, что они «плохие», и даже не потому, что «евреи плохие», а потому что существует глобальное и глубинное противоречие в видении мира и, соответственно, в методах и целях строительства мира, и еврейская «точка зрения» представляется окружающим (которые все «паганим» (ивр.), поганцы, язычники) неестественной (так оно и есть), но в то же время полной соблазна. Этот соблазн иудейства, связанный со страхом отказаться от своих родовых тотемов, «лечь под еврея» — и есть основа и неизменный «мотор» антисемитизма. (Поэтому так важно твое рассмотрение «монотеизма» — основы иудейства. Пытаюсь спровоцировать…) Чем мы можем помочь себе и антисемитам (бедняги тоже мучаются)? Линии поведения евреев до сих пор были следующие: 1) мы живем, как жили, антисемитизм это не наша проблема, а если становится нашей (притеснения или физическая угроза), то с ней приходится как-то бороться: сражаться, откупаться, бежать, терпеть, погибать, то есть евреи борются всегда с внешним проявлением антисемитизма, считая его основу неизбывной; 2) борьба за такую «общественную атмосферу», за такой тип общества, в котором антисемитизм становится неприличным и загоняется «под ковер»; 3) вести себя так, чтобы ничем не отличаться от окружающих и тем самым выбить из рук врагов главное оружие: мы вас ничем не соблазняем, наоборот, вы нас «соблазнили», мы

теперь — как вы, мы не евреи, а нет еврея — нет антисемитизма.

Все перечисленные пути (в том числе и сионистская модификация третьего варианта: быть как все в семье государств) до сих пор не привели к чаемому, антисемитизм живет и крепчает, набрав уже многовековую «инерцию». Поэтому я предлагаю четвертый путь, атакующий. Лучше быть грешником, чем прослыть грешником. Пора выйти из «шкафов» (как говорят о сексменьшинствах, а поскольку «арон» на иврите не только шкаф, но и гроб, то это означает и «встать из гроба») и заявить о своих претензиях на руководящую роль в мире. Мы — пастыри мира, и так надо себя вести. Это честная и открытая позиция. Она привлечет к нам множество сторонников (начнется новая эпоха прозелитизма). Может это не уменьшит антисемитизм, но нашу позицию против него усилит. До сих пор антисемитизм ничего не боялся, считая еврея мелким лжецом и трусом (вот и арабы, убивая нас, не боятся возмездия, потому что мы, якобы из гуманизма, а на самом деле от слабости, не прибегаем к возмездию, вчера, например, Перес сказал, что «у нас нет возможности адекватно реагировать на теракты», то есть убивайте нас сколько душе угодно). И действительно евреи ведут себя с какой-то трусливой недоговоренностью, как будто они что-то скрывают, как будто в чем-то виноваты (в этом смысле ты прекрасно и темпераментно описал портрет нынешнего «русского еврея», настоящего морального урода, только, увы, и тутошний не лучше), а значит (естественно предположить) действительно что-то скрывают и недоговаривают. Евреи у «вас» говорят: мы — как вы, мы уже не евреи, и в то же время объединяются, пользуются международной поддержкой, учат жить, лучше «наших» преуспевают, образуют элиту общества, а «насосавшись христианской кровушки», удирают в Израиль. То есть: «нас обманывают, нас эксплуатируют, нами командуют». С того момента как мы начнем вести себя, как командиры («и мы умрем, как коман-

диры»), появится субординация, уважение, и даже трусливое подобострастие (на манер розановского). Важно, конечно, не переборщить. У этого «плана» есть одно существенное «но». Померк сам «свет учения». Иудаизм замкнулся и глубоко ушел в подполье. Ортодоксы варятся в своем соку. Мир не знает, что сегодня иудаизм может ему предложить. Иудаизм должен выйти из затхлых, рахитичных подвалов, перестать играть в «таинственную секту», принять мир и открыться миру, поспорить с миром. Я уверен, что мы это спор выиграем. Но (то-то и оно) рассчитывать на ортодоксов нельзя. Совершенно окостенели. Здесь, конечно, «еврейское государство» могло бы сыграть свою роль, но для этого оно должно свою «культурную роль» осознать и вдохновенно сыграть ее. Боюсь, что рассчитывать на это не приходится, во всяком случае, в ближайшее время. Так что, черт возьми, придется нам с тобой. Братки, смены не будет…

Позвонил Амир, сказал ему, что интервью взяли, но фотографии редакция, увы, потеряла. Он обещал прислать и сообщил, что сегодня в «пополитике» по телевизору будет его выступление.

Давно обещал Р на день рождения «Александрийский квартет» — очень ей понравился. Три тома насобирал, а первого, «Жюстин», нет. Придется свой отдавать, а я так и не читал. Вот и взялся. Тон чересчур плавный, как занудно-печальный арабский напев. Меланхолический блюз. Немного похоже на Гольдштейна (именно этим медитативным завыванием). Похоже и витиеватостью метафор, тоже такой мавританский орнамент. Может, Гольдштейн у него позаимствовал? Надо будет спросить. Только у Даррелла все-таки проза, и поэтому возникает неприятное ощущение чересчур густой многозначительности, как патока, чего-то чересчур сладкого. А Гольдштейн правильно переводит это в категорию поэзии, как стихи это проходит, стихи подразумевают котурны, «возвышенность»…

На томе есть ее отметки карандашом. А я ставлю свои, ручкой. Она увидит и подумает обо мне, о нас… Вот две отметки рядом. Она отметила: «Нам нельзя заходить дальше, в ее и в моем воображении наша близость себя уже исчерпала, и я знаю, что в конце концов мы наткнемся за темноцветным плетением чувственности — на дружбу, столь глубокую, что мы навечно будем проданы друг другу в рабство», а я отметил: «Мы не настолько сильны и не настолько злы, чтобы мы могли выбирать».

Римочка

Книга совершенно сумасшедшая! Вчера читала не отрываясь, даже улизнула в кафе с работы, посидела там почитала. Читаю, потом отрываюсь в сумасшедшем состоянии, подышу-подышу и снова в строчки.

Купила я ее в Бостоне в Бруклине в магазине «Петрополь». Нашла на полке с израильско-еврейскими книгами. Она была одна, но в магазине, собственно, больше одного экземпляра не выставляют. Петрополь — это самый хороший русский книжный магазин в Бруклине. Я не знаю про остальной Бостон, Бруклин это, вообще говоря, обиталище русских, евреев, а также израильтян. Короче, читаю в совершенно обалденном состоянии.

С боссом полная химия, lab team замечательный. Павка на днях идет на интервью сюда же, в Boston University, может ему что-то и обломится. Гуляем вместе, куда-то вместе ходим, обсуждаем рабочие projects, говорим за науку и со стороны вроде бы все ничего, но внутри очень болит (и у меня и у него). Пока нас хватает на что-то, не знаю надолго ли. И очень сильное ощущение усталости (у меня).

Дети вписались в US жизнь. Собираемся перебираться в Бостон, поближе к университету.

А что Ран? Закончил PhD? Привет ему от меня и поздравления. Если будет в Бостоне, он всегда welcome. Если у него есть e-mail, попросите от моего имени.

А сынули растут странное дело как. Как подумаешь, что

мой старший пойдет в армию через два года…

Счастливо Римочка (и я вам по женски и по человечески завидую!)

Т

Матвей — Науму

Мы, как всегда, занимаемся каждый своим делом: ты пытаешься свалить все в одну большую кучу, а я — растащить по маленьким. Я действую по убеждению, может быть, главному своему убеждению. Оно состоит в том, что без понятий, «напрямую», «лицом к лицу» ничего существенного увидеть нельзя (лицом к лицу лица не увидать). Когда понятия разболтанные, сквозь них видно смутно, как в тумане; чем аккуратнее мы их дифференцируем, тем лучше видим. Я хочу уловить, зафиксировать твою позицию — и не могу. Пользуясь этой неопределенностью, ты вдруг навешиваешь на меня тех собак, которые сам вызвался «поносить». Попробуем разобраться.

«Разговаривать с антисемитами» или «не разговаривать»? Это чья, вообще говоря, тема? «И вообще, должен тебе сказать, что с врагами надо не спорить, а воевать с ними» — это кто написал, не подскажешь ли? Кто, далее, муссирует эту тему в связи с Солженицыным? Кто говорит: «не заставите меня, гады, с ним разговаривать» — и все разговаривает, разговаривает, остановиться не может? И потом вдруг: «Как душевно было бы поговорить с Розановым». Вот я и выразил удивление (по-моему, законное): как это у тебя получается, что разговаривать можно только с теми, с кем, по всем признакам, менее всего можно разговаривать? Своего же мнения по этому поводу я не высказывал. Но коли на то пошло, замечу вкратце, что, по моему разумению, такой вид дискурса, как «разговор» (диалог), есть некая утопия («у-топия» буквально значит: вне-места), воображаемый хронотоп, где партнеры, «по умолчанию», попеременно, на равных правах, овладевают всем арсеналом универсальной «разговорной инфраструктуры». На самом деле

«разговор с антисемитом» — это крайний случай «разговора вообще», который подрывает саму идею разговора, так как твой «партнер» пытается монополизировать всю «разговорную инфраструктуру», не признавая за тобой «места в жизни» (в самом буквальном и брутальном смысле слова). В принципе, поскольку пространство разговора в основе своей духовно, все зависит от тебя: «непарлабельных» (от фр. parler — говорить) собеседников не бывает, и если ты находишь в себе духовную силу воспользоваться «разговорной инфраструктурой», то в результате овладеваешь ею целиком. «Партнер» расплачивается тем, что разговор получается не «с ним», а «о нем», то есть он из субъекта превращается в вещь. Так ему и надо: не рой другому яму; «разговорное пространство» — это, в каком-то смысле, по совместительству и страшный суд. Но это вещь обоюдоострая: хочешь овладеть «разговорным пространством», — значит, берешь на себя ответственность и за «партнера», вплоть до его последующего «воскрешения» после того, как он «оступился» и «осужден». Если вернуться к нашим баранам, то для евреев сам факт существования еврейского государства есть мощнейшая опора для овладения и духовным топосом. Как сказал Маяковский другому поэту: «Поговорим, как держава с державой». Парадоксальным образом, возможность разговора означает также и обретаемую впервые возможность отказаться вести разговор (скажем, у «державы» своих дел по горло, а разговор требует времени и сил; пока ты не «держава», тебя принуждают к «разговору» в качестве вещи: говорят не «с тобой», а «о тебе», то бишь о твоем уничтожении — сначала вычеркивают из «разговорной инфраструктуры», а потом и из жизни). Из всего, что ты написал о Солженицыне, меня больше всего порадовал такой пассаж: «Мне с ним разговаривать не о чем. Плевать мне на „государство“, тем более на русское, я прочил эту книгу, как еврей, да еще живущий в Израиле (уже четверть века!), что мне до русской государственности?!» Аплодирую! Это шаг к «разговорной державности»; после этого, если хватает

времени и сил, можно сделать и второй шаг: ответственно озаботиться проблемами «партнера» (в данном случае, русской государственности), а можно и не озаботиться, дело хозяйское. Но ты вместо этого делаешь шаг назад: начинаешь огрызаться, как «вещь». Это, на мой взгляд, недовыдавленное рабство. И оно же видится мне в откликах всех этих кацисов-шмацисов. Себя ловлю на тех же эмоциях, потому и молчу, в разговор не вступаю, видно, не созрел.

Если снова вернуться к баранам, то я согласен: мы ведем «беседы с Гитлером», потому что «рассуждаем о нем, пишем о нем», но это «разговор о», а не «разговор с», и тут дело не в нас: у нас должны быть такие же интенции, как и при любом другом разговоре, но такие уж они оказались «партнеры», что иначе не получается. Ты почему-то отождествляешь мою позицию с позицией «демократического истеблишмента» («общественный запрет»); между тем, я категорически против какого бы то ни было табуирования. Существующий в некоторых европейских странах законодательный запрет на отрицание Холокоста (того, что он был) есть свидетельство того, что «демократическая общественность» так и не научилась о нем разговаривать. Что же касается Розанова, то я не очень понимаю, на каком основании ты приписываешь мне «изначальную, глубокую, наизусть затверженную неприязнь» к этому автору, да еще фантазируешь на тему какой-то моей приключенческой «эволюции» (то я «смягчаюсь», то опять «ожесточаюсь»). Между тем, я Розанова читаю и перечитываю всю сознательную жизнь и никаких комплексов по отношению к нему не испытываю: он мой «клиент», и я отношусь к нему как к клиенту — изучаю, обдумываю. О какой «затверженности» может идти речь? Скорее о затверженности твоей «нерасчлененной любви» к этому автору, при нежелании «вникать в контексты». Меня возмущает не сам Розанов (чего уж теперь…), а попытка вести разговор «с ним», как будто он человек. Это его выбор, а не мой; он так повел себя в универсальном «разговорном пространстве», что пришлось его вывести, исклю-

чить, как в свое время исключили из религиозно-философского общества (как сказано у Баратынского: «Эй, Надоумко, вывесть вон!» — поправка: «Эй, Мережковский»), и переквалифицировать в вещь. Почему мы, евреи, должны вести себя так, будто «ничего не случилось», если даже русская общественность, к своей чести, произвела этот символический жест, я просто не понимаю.

Теперь о рампе. Мне уже приходилось доказывать, что Розанов не писатель (не «художник»), а «литератор» (в том смысле, в каком Ульянов-Ленин писал в анкетах: «Литератор»). Художник объективирует индивидуацию, возводит ее к архетипам и тем самым «снимает». Провокаторы типа Розанова растравляют ее и занимаются подстрекательством (не «умиротворяют», а «выводят на улицу»). Эти два вида деятельности не умеют различать даже теоретики, потому что никто не разрабатывает главной категории эстетики (а на самом деле сотериологии в целом) — категории Рампы. Запутаться здесь тем более легко, что эти два вида деятельности взаимосвязаны; вопрос в том, как именно они связаны. Розановская околохудожественная публицистика имеет дело с той же индивидуацией, что и художество; более того, она ее заостряет, культивирует и актуализирует и тем самым бросает вызов художеству. (Передонов из «Мелкого беса» — это, в каком-то смысле, «наш ответ Керзону», адекватный ответ на «вызов розановщины», причем Сологуб объективирует «Розанова в себе»)..

Думаю, ты обнажаешь корни своей «любви к Розанову», когда спрашиваешь: «А что делать в эпоху „смешения жанров“, так сказать в эпоху постмодерна?» А ничего не делать, то есть делать то, что делается. Желательно только, чтобы не попасть впросак, осознавать, что именно ты делаешь. Традиционные художественные архетипы к нам не «с полки упали» и не «спущены сверху раз и навсегда», и никто не может гарантировать их сохранности. Просто человек, «экспериментирующий с Рампой», должен осознавать, что он тем самым экспериментирует и с ответственностью.

«Игры с Рампой» — это инициирование ядерной реакции, процесса распада «элементарных частиц» тех сотериологических архетипов, которые сформировали homo salvans'а. Если эта реакция станет неуправляемой, может произойти все что угодно, вплоть до коллапса.

Теперь про «линии поведения». Из сформулированных тобой трех линий поведения я безусловно выбираю третью, хотя совсем не уверен, что понимаю ее так же, как ты (так, я не понимаю, что значат слова: «мы не евреи, а нет еврея — нет антисемитизма»; наоборот: мы евреи, как вы немцы, вот и весь сказ). И я совершенно не согласен, что эта линия, в виде сионизма, «не привела к чаемому». Во-первых, никто не обещал, что, даже при правильном выборе цели и средств, чаемое достижимо. Но сионизм доказал, на мой взгляд, что если оно достижимо, то только на его путях. Тот же «четвертый путь», который ты предлагаешь (надеюсь, в шутку или для очередной провокации), есть на самом деле не какой-то «пионерский новый путь» (за который ты его выдаешь), а тот самый, губительный, которым шли прямиком в газовые печи. И если идти по нему в «атакующем режиме», то только скорее прибудешь туда же, в ящик. Не успеешь «встать из гроба», как в него же и сыграешь. Этот путь плох не только потому, что он заведомо проигрышен тактически, но в нем нет и чисто смысловой правды. Антисемитизм — это проекция. (Эх, жаль, что я законспектировал Адорно, а не переписал его для тебя целиком: там есть замечательные идеи о проекции). Миф о «еврейском господстве» — это проекция извращенных чаяний «мессианских наций» (конечно, прежде всего России и Германии, но отчасти и Польши, и Сербии и т.п.), а мессианское самосознание евреев — это проекция проекции: в евреях индуцируется окружающими тот модус бытия, которого от них ожидают. В этом духе, совершенно ложно, интерпретируется (в том числе и самими евреями) их религия и духовная история в целом (все эти фальшивые «монотеизмы», «исключительности» и проч.) В заключение хочу процитировать некоего

Ваймана, который прекрасно опроверг идею «четвертого пути»: «Во-первых, евреев будут бить при всех случаях, и именно в силу того, что они и теперь хотят быть «светочем для народов» вместо того, чтобы быть самими собой и быть готовыми каждому перегрызть за «свое» глотку. Таких «уважают» и «принимают в компанию».

Умри, Наум, лучше не напишешь.

15.8. Вдруг позвонила Р, ошиблась. «Ой, ой, извини!» И бросила трубку. Перезвонил.

— Ты чего испугалась? — посмеиваюсь.

— Извини, я не хотела. Случайно, перепутала…

— Ты же знаешь, что ничего случайно в этой жизни не происходит.

— Не знаю…

— Как дела?

— Нормально.

— Как настроение?

— Так…

— Ты на работе?

— Да.

— Ладно…

— Ладно, ну пока.

Настроение у нее было явно не очень. И мне захотелось ее пожалеть, обнять…

А потом позвонила Л.

— Ну, наконец-то, — говорю.

Сегодня она не может. Завтра утром позвонит.

Матвею

Нет смысла возвращаться опять к Розанову. Хотя мне и странно, что ты вдруг отрицаешь свою ненависть к нему (мол, «на каком основании ты мне приписываешь»). Да она у тебя фонтанирует в каждом слове о нем, как горячий гейзер. И некоторые мои цитаты и высказывания ты как-то не так понял, ну да ладно. Не важно. Но вот ты спраши-

ваешь: «Почему мы, евреи, должны вести себя так, будто „ничего не случилось“, если даже русская общественность, к своей чести, произвела этот символический жест, я просто не понимаю.»

Я тебе так скажу: когда я сажусь за письменный стол, я не «еврей», я бог и вольный ветер, лечу куда хочу, что хочу то и делаю, с кем хочу, с тем и разговариваю. Все для меня — вещь, и всякая вещь интересна. Я диктатор разговорных пространств. И игры с Рампой — моя стихия.

Вот я тебе приведу пример, опять же из книжки Беньямина о Кафке, там есть переписка Беньямина с Шолемом (два томика которого о еврейской мистике я тебе послал). Шолем, один из умнейших и образованнейших людей эпохи, пишет Беньямину следующее: «Но „особые мысли“ насчет Кафки у меня, конечно же, есть, правда, не по поводу его места в континууме немецкой словесности (где у него никакого места нет, в чем, кстати, он сам нисколько не сомневался; он ведь, как ты, конечно же, знаешь, был сионистом), а только в словесности еврейской.»

Мне, откровенно говоря, стало стыдно за Шолема. Кафка — сионист? Стоило бедняге что-то вякнуть в частном разговоре о Палестине, так его тут же заарканили. Я даже начинаю понимать Бродского, который изо всех сил держался подальше от евреев и Израиля (точно объявили бы сионистом, дай только пальчик). Шолем, обредший «топику» (близко к слову «топь»), вдруг выглядит (звучит), как забубенный, безнадежный провинциал, из тех, что здесь пытались (теперь, надо признать, эта волна спала) в пылу жалкого «патриотизма» затащить в «еврейские писатели» Пастернака, Бродского, даже Фета с Лермонтовым (еврейскую кровь у них искали не хуже натасканых на жидоедстве ищеек). А Беньямин выглядит по сравнению с Шолемом, как аристократ по сравнению с корчмарем: сколько спокойного достоинства, глубины понимания, обреченности… Беньямин здесь представитель гибнущей державы «безродных космополитов», которая мне, глядя на него, кажется воистину «зем-

лей обетованной». А Шолем — представитель деревни, полный национальной гордости. Конечно, можно сказать, что Вальтер Беньямин — редчайшего ума и таланта человек, чего с ним сравнивать. А мне кажется, что не в этом дело. Я даже рискну произнести, что не так уж «страшно талантлив» был Беньямин (правда, ум был острейший). И магия его письма не заключена в степени его ума, таланта и образованности. А именно в «топике», а вернее в ее отсутствии. То, чем я хочу быть «за столом», он был в жизни — вольным ветром. Вот он, «соблазн» универсализма обреченных. Мне иногда кажется, что я родом из той, погибшей еврейской Европы, а если что-то и люблю, то ее, сгинувшую… А ты говоришь «топика»…

Извини, что опять валю всё в кучу. Дело в том, что «понять» значит для меня «почувствовать», а не «разложить по полочкам» (я уже тебе когда-то писал, что «не доверяю» философии, хотя и без нее, конечно, никуды). А чтобы «почувствовать», надо найти особый рисунок словесной вязи, а не «доказательства». Нисколько не умаляю ценности доказательств, просто у меня другая метода. Это я оправдываюсь за «размашистость». Хотя уверен, что ты меня понимаешь, просто изложенное ты хочешь видеть в другом, философски организованном виде и «неряшливость» мышления тебя раздражает. Впрочем, порой эта «неряшливость» действительно не позволяет распознать истинный смысл высказывания.

В заключение не соглашусь с тем, что «мессианское самосознание евреев — это проекция проекции». Мессианское сознание евреев возникло задолго до того, как возник антисемитизм. Антисемитизм не проекция, а реакция. Я даже не могу, со своей обычной терпимостью, сказать, что здесь у нас «наметились разногласия». Здесь ты просто не прав. Знаю, что придется «доказывать», так что пойду пошурую в источниках.

Всегда твой

Наум

Наум, дорогой!

Невзирая на то, что мы тут не мочим палестинцев, хотя мочим кого-то еще, кто похуже, я захандрил.

Так что уж не обессудьте. У вашего единственного русского знакомого, кто может, положа руку на мужское сердце, быть антисемитом, так как в нем не течет ни одной струйки русской крови (это не я сочинил, так мне померанцев сказал), — хандра.

Это имеет корни в быту и бытии.

Первое более интересно, чем второе, так как плотнее и душистее.

Насчет вашего перевода. Абсолютно нереально получить те небольшие, в сущности, деньги за такую работу в России сейчас. Это абсолютно. Что с этим делать я не знаю. Может быть ГЕШАРИМ? Они что-то находят, кажется.

Дела мои вообще-то неплохи, грех жалиться.

Мы тут опять сгоняли к арабам. Даже съездили в два коптских монастыря — Св. Антония и Св. Павла. Вот это места! Вот это церковь (в широком смысле). Люди в них даже спят — просто кемарят на полу. Когда другие сидят или стоя молятся.

Я только что сдал книгу стихов в изд. НЛО. Называется «Пароль» зимний сборник. Славик Курицын предисловие сочинил благолепное.

Страх меня обуял, ведь пятая книга. Это почти неприлично.

Печатал прозу в Знамени и стихи в Новом мире. Журналов, как вещей, в руках еще не держал, так что не знаю как это выглядит. Действительно, в Зеркале что-то вышло? Интересно что, вообще-то они могли и сообщить. Но все равно — хорошо. Журнал оч. красивый полиграфически — на века.

Я вовсю пишу новый роман, вернее дописываю, он получился большой — в два раза, даже более, чем в два раза, обильнее Кузнечика. И страшный уже по-настоящему.

Жил в Берлине дольше месяца в непристойно роскошном месте, на озере Ванзее, чуть не доезжая до Потсдама. Погода была холоднейшая, но это было и хорошо. Я работал.

Еще Вагнера слушал в Немецкой Опере. Крутяк — Тристан и Изольда идет 6 часов! Понял немецкую душу, пока слушал, как вышел — так сразу и перестал.

Тут ко мне приходил крупный немецкий агент Томас Вейдлинг из Мюнхена, я дал ему Вашу книгу. Он вообще-то в этой череде не первый, но посмотрим, парень вроде симпатичный. Я ему сказал о Вашем ивритском успехе. Вам стоит с ним связаться. Тел. В Мюнхене 49—8152—981877, эл. адрес… Агенство называется Nibble&Wiedling, att. Thomas Wiedling

Ему можно писать по-русски.

Ну, что же, что же еще?

А что, правда, журнал пришлете?

Кайф. А они денег, случаем, не платят? А то можно мне в сберкассу перевести, счетик дам.

Ну вот, Наум, я обболтался.

Пишите

Ваш НК

Николай!

Журнал я Вам сегодня послал. Он действительно «оч. красивый», «штучный» (и впрямь не найдешь нигде). Гонораров они, вроде, не платят, впрочем, ответ за них не держу и вообще в их дела не лезу.

Письму вашему, как всегда рад. Сентиментален стал, как стареющая шлюха…

А что вам хандрить: работаете на износ, публикации — дождем (с книжкой в НЛО поздравляю!), грех, грех жалиться. За «немецкого агента» спасибо, свяжусь. Книжка действительно продолжает, как ни странно, раскручиваться (на иврите), вышло еще две публикации отрывков в разных антологиях (и еще одна готовится), есть пресса, причем положительная (заметки небольшие и отмечают в этих

антологиях, как правило, только меня, иногда еще кого-нибудь вскользь), взяли даже интервью для одной из центральных радиосетей, 15 минут эфира — вполне прилично. Так что «не оставляйте стараний, маэстро», не этот агент, так другой, все ведь дело случая.

А если уж рапортовать о трудовых успехах, то было еще интервью на «Свободе» с Иваном Толстым (это я в мае побывал в Праге). С публикациями не густо, разве что в газете, но это, как одна знакомая говорила, «не считается» (одноразовый секс).

Не могу удержаться чтобы не послать вам отрывок из письма (может, развеет вашу хандру) некой дамы своей подруге. Автор письма нашел мою книгу аж в Бостоне, купил и «купился»: «Книга совершенно сумасшедшая! Вчера читала не отрываясь, даже улизнула в кафе с работы, посидела там почитала. Читаю, потом отрываюсь в сумасшедшем состоянии, подышу-подышу и снова в строчки». Вот, после такого «и умереть не страшно».

Про перевод я на всякий случай спросил, есть тут разные идеи, может что и выгорит. Вагнера я сейчас как раз читаю, всякое «эстетицкое», послушать нет возможности, у нас на него «анафема». Пишу много, но бестолково. Читаю Вальтера Беньямина. Неуклюж, но ума, как в медведе силы.

Кстати, не завалялась ли у вас где «Жюстин», первая книга «Александрийского квартета»? Пообещал знакомой… А вообще, ведь по большому счету — проза «для баб-с», вы не находите?

Не забывайте старых друзей.

Всегда ваш

Наум

16.8. Влажной и душной ночью над взгорьем скапливается тяжелая туча, утром она уходит на восток, рассеивается. Искупавшись, смотрю, как она сползает за Иордан, к Моаву, как одеяло с постели, и на краю, уже беременном светом, ожидаешь рождения солнца, вдруг из чрева тучи,

вестником, вылетает с дальним грохотом самолет, а за ним ослепительные лучи, и вот уже выпростался сегмент полыхающий…

Встретились с Л в десять, там же, у моста. Это вечное возвращение пугает, как будто долгие месяцы между встречами проваливаются в небытие, вот она, в том же платье… Когда садилась в машину, со злобной придирчивостью отметил прожилки на коже ног, так вода в некогда чистом пруду подергивается ряской, обвислость там, где ее раньше не было… Желание, с которым я ждал ее, ушло. Последний случайный разговор с Р вдруг разбудил желание увидеть ее, я думал об Р.

Поехали в «Корень». Там, к удивлению, все было забито многодетными религиозными семьями.

— Так куда поедем? Можно дальше в Ерушалаим, можно в Тель-Авив, можно в Бат Ям?

— Поехали в Бат Ям.

Интересно, чем ей запомнились бат-ямовские «нумера», но это было единственное место, от которого и меня не тошнило. Часа полтора кружили по дорогам, все тот же скучающий мужичонка за конторкой… Когда вошли в номер, у меня было такое ощущение, как будто домой вернулся…

Скромно и непритязательно. Неловкость еще была. Чтобы снять ее, она обняла меня, прошептала в шею:

— Так долго приходится этого ждать…

— Да…

Потом мы сидели на балконе, смотрели на море, выпили по маленькой бутылочке монастырского шнапса, еще с Кимзие. Говорить было не о чем, и хорошо, с ней легко молчать. Все новости я уже рассказал по дороге, даже политику обсудили, и сыновей. В два она заторопилась. И это я люблю. И секс полноценный. После второго раза она сказала: «Хорошо тебя починили».

17.8

Матвей, привет!

К сожалению не удалось передать тебе с оказией «Зеркало» (я хотел чтобы и Миша почитал…) и газету «Вести» только что вышедшую. Может быть, пошлю и то и другое. Дело в том, что в этой газете материал Костырко о путче, с фотографиями, и «беседа» Виктора Лошака с Солженицыным (зайчик предпочел лошака). И не столь обидно, что «меня не взял», а «за державу» обидно, что такую фуйню «здесь предпочитают» (в продолжение разговора о Гершоне Шолеме и Беньямине). Конечно Зайчик не весь тутошний «свет», да у него еще и «личные интересы»: наверняка хочет с Лошаком «дружить», как же, главный редактор «Московских новостей», важная птица, глядишь, и Зайчика «уважит» (так строят «творческие биографии» — хочется, как Христу в Храме, столы этих менял крушить-переворачивать!), но все равно — позор. Вот тебе только некоторые из подобострастных «вопросов» этого Лошака (об ответах ты и сам догадаешься, вообще-то каждый вопрос — перл, но не переписывать же все):

— Александр Исаевич, ваши читатели, наверное, прежде всего, обратят внимание, что за многие десятилетия писательского труда это ваша первая научная, историческая работа.

/Научная, как же! Теперь я понимаю, почему он не даст мой материал даже рядом (под рубрикой «другое мнение»! Ха-ха!). Лошак, пожалуй, обидится!/

— Меня, собственно говоря, и в «Красном колесе» на научность тянуло… — *отвечает великий.*

— …Вы пишете о патриотизме, что он в какой-то момент был отдан на откуп черносотенцам. Аналогия в некоторой степени с сегодняшним днем, когда, скажем, либералы, упустили вообще эту проблему патриотизма.

— Вот то-то и оно, вы уже и ответили сами….

/Ишь, как лошаки-то спелись! Интернационал лошаков, мать их за ногу! И зайчики тут как тут, крутятся между

ног./

— А в вашей судьбе, сложной, тяжелой, отношения с евреями как складывались?

— Личные отношения у меня были прекрасные с очень многими….

Мой Абрамчик лучше всех. Ну и так далее. Ладно. Мне еще понравилось: «С Толстым у меня в мыслях и взглядах немало разногласий». Разногласия у него в мыслях…

Вот видишь, какая хренация получается, и тут и там — лошаки на коне…

Ладно, что-то я злой сегодня. Давай, будь здоров.

Всегда твой

Наум

Сережа, привет!

Вот вышла газета с твоим материалом о путче. Там твои фотографии с событиями вокруг Белого дома и твое письмо, разъясняющее фотографии и общую обстановку. По-моему получился очень живой материал. В принципе газета «Вести» стала довольно престижным изданием, известным и в России и в «русской диаспоре». Здесь регулярно печатаются Гольдштейн, Зиник, Миша Айзенберг, в общем, многие известные российские и «зарубежные» литераторы (и твой покорный слуга).

Газету постараюсь в ближайшее время либо передать с оказией, либо выслать. Размер гонорара пока не ясен, но что-то будет. Кстати, вышло новое «Зеркало», там мой дневник приснопамятного лета 1991-ого, полагаю, что редакция пошлет журнал в «Новый мир», так что он к тебе попадет.

Всегда твой

Наум

Гуляли с Озриком. Принес мне Сэлинджера. Настаивает, чтобы я перечитал «Голубой период Домье-Смита». Моя вещь в «Зеркале» ему не нравится. Мат не нравится,

не нравится «журнализм», то бишь хроникерство. Нет «истории души». Правда до конца еще не дочитал.

— Так что, Зайчик вместо тебя Лошака взял? Конечно, тот ведь редактор «Московских новостей», может у себя напечатать.

— Я его тоже могу у себя напечатать, мало не покажется.

Рассмеялись.

А мат Озрика раздражает как форма манерности, особенно женской, как «светский гон». Рассказал про какую-то компанию стареющих адвокатесс, которые иначе как матом между собой не изъясняются. Это и меня, говорю, раздражает. Но ты не думаешь, что такая манера есть выражение подлинной и глубокой горечи и разочарования, и прежде всего сексуального, особенно у стареющих женщин, когда хочется ругаться и проклинать все на свете?

Увязав «сексуальное разочарование» с теми адвокатессами, он кивнул: «Это, пожалуй, в них было, сексуальное разочарование».

Позвонил Мирон, пригласил на ужин. Выпили, съели курицу, поговорили о северной Италии, куда мы собрались. О виллах Полладио.

Жена в последнее время ужасно раздражает. Отдается — будто одолжение делает. Ручки за голову закинет — еби сколько хочешь. Ты стараешься, хоть бы легкий стон выжать… Только когда впрыскиваешь, тут она, как хищный цветок, судорожно собирает лепестки, заглатывая пестик, обнимает, и сильно выдыхает. Возвращаясь с ужина у Мирона, говорю ей:

— Не любишь ты мужиков.

— Не люблю. Опротивели.

— Что им только одно и надо?

— Что им надо не то, что мне надо. И мне уже надоело делать то, что мне не хочется.

Смотри, подумал я, прям Зинка Гиппиус: мне нужно то, чего нет на свете… Может, она тоже, того-с… Когда легли, я было закинул удочку, она что-то ленивое промямлила, мол, я уже засыпаю, я опять разозлился, ну и спи. Отвернулся. Думал, не засну от злости. Но заснул.

18.8. Утром удрал из постели, поплавал, почитал «Жюстин». Завтра позвоню Р, хочу ее видеть.

Наум, привет!

Деньги получил, и спасибо за двухтомник Шолема. Если я правильно понял, что ты мне его даришь, то спасибо, подарок царский; если я понял неправильно, то готов заплатить, безо всяких обид: у нас книга практически не встречается, а прочитать очень хочется.

Твои книги и кассеты «Империя чувств» и «Табу» Ошимы я передам с той же оказией.

У меня, к сожалению, опять большая запарка, так что я не успел еще прочитать твой текст в «Зеркале».

Всегда твой

Матвей

Днем залез в постель к жене с серьезными намерениями (она еще валялась), и тут позвонила Ира, насчет материала о Солженицыне. Оказалось, что у нее только три страницы. Я говорю ошибка какая-то, вообще-то там страниц 12. Короче, повез материал, им нужно срочно, в уже выходящий номер. Пили кофе с пирогом, Гробман читал мой материал, а я его старые статьи о Солженицине 1972 и 1973 года (они их тоже хотят дать). Статьи, конечно, в яблочко. И дело не в том, что особо прозорливые, хотя и в этом не откажешь, догадаться о том, что Солженицын есть антисемит и дубина стоеросовая можно было по первому роману, а в том, что Солженицын тогда был на острие «борьбы», ее символ и фронт, и «подкоп» под него был воспринят как подкоп под «демократическое дви-

жение», — Гробмана предали анафеме. То есть в смелости не откажешь. Могут сказать, что он не смелый, а «вредный», вот Гриша Померанц (Гробман рассказал) тоже написал статью об антисемитизме Солженицына, но решил ее не печатать. Но все дело в том, что написанное Гробманом — правильно, и подтверждено временем, нет там передержек или оскорблений. Так что это, конечно, смелость.

Гробман читал, и если натыкался на «свои» мысли, радостно смеялся и тыкал пальцем в текст: «Во, правильно, это моя идея!», «Вот это ты хорошо написал, что нечего, мол, стесняться, что антисемит, так и назови себя антисемитом.»

— Знаешь этот анекдот, — спрашивает Ира, — как мужик один в немецком поезде подходит к каждому и спрашивает: «извините пожалуйста, вы ведь евреев не любите?», ну, каждый, конечно, открещивается, говорит, ну что вы, я всегда был против Гитлера, а другой говорит, что всегда евреев любил и так далее, только один сказал гордо: да, не люблю. А мужик ему и говорит: «Вы честный человек. Не могли бы вы присмотреть за моим чемоданом?»

Посмеялись.

— А ты прочитала интервью Лошака в «Окнах»?

Они хором закричали: «Позоор!»

— Ну, Зайчик пошляк, что с него взять, — кинул Гробман.

Тут меня осенило: видно, в «Вестях» мало материалов о «Зеркале».

— А ты знаешь, — говорю — что он книгу написал: «Жизнь Менахема Бегина»!

Ира скривилась, как от кислого.

— Вчера он по телевизору выступал, — не унимался я, — про книжку рассказывал. И получилось, что не про книжку, а про Хейфеца, как Хейфец, еще на заре перестройки, поехал в Литву и переписал там от руки «дело Бегина»,

и что Хейфец, когда Зайчик спросил его как вел себя Бегин на допросах (вопросик, да?), ответил: «безукоризненно». И как сам Хейфец «сидел много и достойно». При чем здесь Хейфец? Слушай, а у Гольдштейна есть там «слово»? Он же член редколлегии.

— Я думаю, что Зайчику его мнение важно.

— Ну, так он мог бы…

— Да ты что! Во-первых, ему наплевать. А во-вторых, у него там вся семья кормится, и жена, и папа иногда что-то печатает.

Потом пришла пожилая пара: какой-то немецкий галерейщик с русской женой, высокой и статной, и я откланялся.

А дома исполнил свое серьезное намерение, с утра гвоздило, причем выдал очередь, что с женой уже давно не было (так она меня вчера разозлила), и лишний раз убедился в том, что хорошее отношение к тебе зависит от твоих стараний.

19.8. Утром позвонил Р. Договорились на среду. Потом позвонила Л. Завтра поедем в Иерусалим. Позвонил в банк, продал один доверительный фонд и купил на десять тысяч NASDAQ, он в конце недели основательно грохнулся, ниже 1900. Потом позвонил Вернику, сказал, что завтра не выйдет ничего, соврал, что дела медицинские. «Окна читал?» — спрашиваю. — Интервью Солженицына с Лошаком? Ты саму книгу-то читал?»

— Книгу я не читал, но у меня есть отзывы трех человек, которые читали интервью, и их мнения совпадают с твоим.

— Кто же это?

— Во-первых, Феликс Кандель. И Зайчик.

— Зайчик? Что же сказал Зайчик?

— Сказал, что это ужас.

— Ужас?! Так он же его напечатал?! А мой материал, кстати, не взял.

— Не знаю, Нюма, политика.

— Личная, или газетная?

— Газетная, конечно.

— А чем это «хорошо для газеты», если это «плохо для евреев»?

— Не знаю.

— Противно все это.

— Ты у меня слово изо рта вырвал. Противно.

20.8. Поехали с Л в Иерусалим, в Музей: китайцы привезли выставку «древностей», в том числе 4 фигуры (три воина и конь) из тех восьми тысяч (!!!) воинов, лошадей, колесниц и прочего, что откопали 1974-ом возле циклопического мавзолея первого Циня, он там целую армию закопал в 3 веке до нашей эры… Глина, в полный рост, каждое лицо индивидуально и характерно. Ну и прочие чудеса, начиная аж с четвертого тысячелетия до нашей эры. Потом еще посмотрели выставку Пикассо, рисунки и литографии, камерная, на два зала, но очень симпатичная. На Пикассо людей почти не было, а в китайских залах бродили толпы, с детьми всех возрастов и стариками в колясках. «Ине сус! Ине сус!»[1] — сюсюкали мамаши с младенцами, показывая пальцами на двухтысячелетнего глиняного коня.

В музейном ресторанчике, где мы перекусили и выпили по бокалу красного, я разболтался, вещал о том, что у Китая нет истории, нет т. ск. развития сюжета, вот и греки писали хроники: битва там, битва сям, победа этого, подвиг того, рассказал о фильме Пазолини «Цветок тысячи и одной ночи», в нем тоже — никакого развития, это возвращение в Грецию, к круговороту вечного возвращения, но греки, хоть и верили в свои мифы, были естественниками, их представление о мире — естественно-научное, Аристотель — вот стержень Греции, греки в искусстве подра-

[1] Вот лошадка! Вот лошадка! (ивр.)

жатели, они познавали мир, «срисовывая» с натуры, «отражали», и чем точнее, тем лучше. А в Африке-Азии изображения всегда были символическими, европейцы только к началу прошлого века пришли к свободе от «реализма» в изобразительном искусстве, которая в Африке была всегда. Но свобода от реализма не означала развития. И в Китае, как нет истории, так и нет истории искусств. Мастерство поразительное, куда ярче, чем в Европе, но какой-то бег по кругу, верность канонам, в конце концов, это скучно: пять тысяч лет — бег по кругу. Китай — последний оплот язычества, вечного возвращения. Если бы у китайцев была целеустремленность, они давно бы уже захватили мир. Но у них другая стратегия, другая ментальность… Я вчера посмотрел по телеку интересную передачу о Марселе Дюшане, такое странное, узкое лицо-бритва… А Пазолини внешне похож на Микельанджело, и такой же неистовый… Я рассказал ей о скульптурном автопортрете Микельанджело, на который набрел, блуждая по пустым залам кремля Сфорца. Как он поразил меня — лицо человека, для которого каждая минута, не посвященная Богу Творчества, преступно растрачена. И только тогда я «понял» его «рабов», рвущихся из камня. Рассказал про передачу о Дюшане, о его романе с Марией Мартинес, как он все рисовал вариации на тему ее картины, где обнаженная женщина, раскинувшая ноги, а это место у нее зияет, такая незаживающая рана. «Незаживающая рана» ей понравилась, она хмыкнула, и сказала, что «возьмет на вооружение».

От Костырко:

Наум, спасибо большое за известие про «Вести», что-то у меня глючит почтовая программа — я не получал твои письма. И хорошо, что ты сам принял решение о публикации. У нас этот день прошел как-то кисло, президент вообще словом не обмолвился о десятилетии, митинг у Белого Дома был позорный — человек 200 пришло. Сам я тоже, кстати,

никуда не ходил — забурился в работу. Меня тут некоторым образом сократили из Интернета — закрыли проект Журнального Зала и я поллета убил на беготню и переговоры, теперь вроде всё устраивается, начал обосновываться на Русском Журнале http://www.russ.ru/krug/zal/ не могу сказать, чтоб очень радовался этому месту, но уж как получилось. Перетащить весь ресурс ЖЗ невозможно — он собственность Голден Телеком, я там был крепостным, как впрочем и буду на РЖ. Зал потихоньку будем восстанавливать. Но надеюсь, восстановим целиком. Короче, лета толком и не увидел. И дела запустил — успеваю только самое необходимое.

Имею просьбу — если возможно, перешли как-нибудь или с кем-нибудь эту газету. Я, во-первых, трепетно отношусь к публикациям своих фотографий, а во-вторых, для меня это все-таки дата.

Еще раз спасибо.

Извини за торопливость письма — я у конвейра, сейчас надо срочно отстучать тексты для РЖ.

Так что радуйся своей средиземноморской свободе и неги. Если б еще только у вас перестало все стрелять и взрываться. Жутко смотреть на кадры после очередного теракта. Вот он, просвещенный XXI век, мать его!

Привет вашей теплой земле.

Сергей

21.8. Утром поехал к Л, она остановилась у сестры в пустом доме. Потрахались, раздавили пузырек виски, болтали-вспоминали-ржали. Рассказывал ей всякие байки про Р. Сказал: «Она умеет любить». Через некоторое время, уже по другому поводу, она сказала: «Видишь, я тоже умею любить!» Спорить не стал.

22.8. Называет меня «донором». Есть «доноры» и «юзеры». Она — тоже донор. Но другого рода. Она же лечит наложением рук, так из нее «астральную кровь» пьют.

А меня просто доят, как козла.

Утром, гуляя по парку, позвонил Р. Сегодня у нее время только до пяти, а завтра она не может. Только на следующей неделе. Ладно, договорились в четыре.

В парке включили поливалки-брызгалки, голуби ходят по ярко-зеленой траве, душ принимают, а под скамейкой кот напружинился, смотрит на голубок, как прыщавый подросток на толпу резвящихся наяд.

Матвей — Науму

Я тут не удержался и купил «Тринадцатое колено» Кёстлера, о котором сейчас «все говорят» (хотя для Запада это сенсация позавчерашнего дня), и просмотрел его. Книга, очень занятная и провоцирующая, безусловно скоро станет «библиографической редкостью», так что я, в плане рекламной кампании, дам тебе некоторые выписки.

«И до и после изменений, внесенных монгольским вторжением, хазарский ствол пускал побеги в окружающих славянских землях и в итоге способствовал созданию крупных центров еврейства в Восточной Европе.

«Побеги» начали ветвиться задолго до уничтожения хазарского государства монголами, подобно тому, как древнееврейская нация стала образовывать диаспору задолго до разрушения Иерусалима. Семитские племена с берегов Иордана и тюркско-хазарские племена Поволжья были, разумеется, разделены огромными расстояниями, но у них было по меньшей мере два общих свойства. Те и другие жили в стратегически важных узлах, где пересекались торговые пути, соединявшие Восток и Запад, Север и Юг; это обстоятельство предопределило их превращение в народы торговцев, предприимчивых путешественников, «безродных космополитов», как их окрестила враждебная пропаганда. Одновременно закрытое по отношению к внешним явлениям вероисповедание укрепляло традицию держаться друг друга, образовывать собственные общины со своими местам отправления культа, школами, жилыми кварталами… Это

редкое сочетание охоты к перемене мест и «ментальности гетто», усиленное мессианскими ожиданиями и гордыней «избранного народа», было присуще и древним израильтянам, и средневековым хазарам, пусть последние и происходили не от Сима, а от Яфета.

В Средние века большинство исповедовавших иудейскую религию были хазарами. Значительная часть этого большинства перебралась, после крушения каганата, в Польшу, Литву, Венгрию и на Балканы, где образовало восточное еврейское сообщество, которое, в свою очередь, дало подавляющее большинство мирового еврейства. В Польшу, например, евреи из Южной и Западной Европы стали прибывать и селиться позднее; раньше же основная часть еврейского населения происходила с востока, из страны хазар.

О последствиях. Израиль и диаспора.

Каковы бы ни были этнические корни израильских граждан и какие бы иллюзии они на сей счет ни питали, их государство существует de jure и de facto и устранено может быть только насильственным путем. Какие бы гены ни содержались в хромосомах его граждан, — хазарские или семитские, — это не оказывает ровно никакого влияния на право Израиля на существование и на нравственную обязанность любого цивилизованного человека, иудея и неиудея, защищать это право.

Принципиальное различие между израильтянами и евреями диаспоры состоит в следующем: первые обрели национальную идентичность, вторых называют евреями только по религиозному признаку, а не по национальности или расе.

Это, однако, создает трагический парадокс, поскольку иудейская религия — в отличие от христианства, буддизма, ислама — подразумевает принадлежность к богоизбранному народу, чья история связана с религией. Все иудейские праздники отмечают события национальной истории… Ветхий Завет — это прежде всего рассказ о национальной истории; он подарил миру единобожие, однако вера его, скорее, племенная, чем всемирная. Любая иудейская молитва, любой ритуа-

ал провозглашает принадлежность верующего к древнему народу, что автоматически отделяет евреев от национального и исторического прошлого народа, среди которого они живут. Иудейская религия, как показали 2000 лет трагической истории, влечет за собой национальную и социальную самоизоляцию. Она выделяет еврея, делает его особенным человеком. Это автоматически создает материальное и культурное гетто. Так евреи диаспоры превратились в псевдонацию без всяких атрибутов и привилегий национальности, кое-как скрепленную системой традиционных верований на основе национальных и исторических предпосылок, оказывающихся иллюзорными. Ортодоксальный иудаизм в Диаспоре отмирает, и существенное большинство просвещенных евреев и неверующих евреев продлевают исторический парадокс, сохраняя свой псевдо-патриотический статус и считая своим долгом сохранять еврейскую традицию. Тем не менее, очень непросто определить, что означает понятие «еврейская традиция» с точки зрения просвещенного большинства, отбрасывающего доктрину избранности, без которой нет ортодоксального еврейства. Подводя итоги, приходится сказать, что евреи наших дней не имеют собственной культурной традиции, а обладают лишь некими привычками и особенностями поведения, почерпнутые путем социального наследования из болезненного опыта гетто и из религии, к которой большинство не принадлежит, но которая при этом сообщает ему псевдо-национальный статус. Таким образом, окончательное разрешение парадокса заключается либо в эмиграции в Израиль, либо в ассимиляции с окружающим народом. И все же остаточное влияние этнокультурного и исторического послания иудаизма, основанного на иллюзии, играет роль сильного эмоционального тормоза, взывая к племенной солидарности».

Встретился с Володей на Центральной автобусной. Он сдавал книги в букинистический. Потом выпили пива у Синематеки. Разговор пошел о женщинах. Он еще тоску-

ет по «Юленьке». По ее телу: «необычайная грациозность». Про тело Анечки говорил что-то невнятное, мол, эфедрином сгубили, в общем, как я понял, с телом тут была напряженка. Поведал мне, что у Зайчика сборник рассказов вышел в Москве, с предисловием Айзенберга, где Айзенберг сравнивает его с Платоновым. Я говорю: «Ого. Был такой фильм „Осенний марафон“ Данелии, хороший, кстати, фильм, там главный герой, переводчик, по доброте душевной все время правит работу, фактически переводит за свою коллегу, непроходимую дуру, которая двух слов связать не может, так вот, именно ей начальство дает перевод одного американского писателя, и тут он взрывается, грозно машет пальчиком перед носом начальника и говорит: „Не ставьте себя в смешное положение!“ Но Айзенберг, видать, не боится».

В четыре короткое свидание с Р. Сидели в машине. Подарил ей «Квартет» и последнее «Зеркало». Поболтали: дочка в Америке нашла хорошую работу, в школе новый директор, чувствует себя хорошо, загорела. А я сказал, что когда «Жюстин» читал, все время ее вспоминал, и вообще очень рад ее видеть…

— И я рада тебя видеть.

Договорились встретиться в воскресенье, у нее как раз день рождения.

Вечером поехали на вечеринку к сотруднице жены — защитила докторскую. У них дом в мошаве, на границе «зеленой черты». Со всех сторон арабы: с юга — Калансуа, с востока — Тайбе. Сначала все было тихо-мирно, но когда послышались выстрелы (у арабов справляли свадьбу и они «фантазировали» из легкого автоматического), один из гостей не выдержал и завел разговор о том, что жить «с ними» невозможно, надо как-то разделяться. Жена профессора (научного руководителя сотрудницы), желчная, агрессивная, типичная левая стерва, сразу ощетинилась:

«Ми зе хем?!», мол, «с кем это „с ними“», как это можно о братском народе столь пренебрежительно и вообще. Ну и разгорелся сыр-бор. Я, конечно, с полоборота завелся. И потом долго-долго, ночью, и на следующий день, кипел ненавистью, вспоминая эту ощерившуюся левую суку…

23.8. Матвей — Науму
ПВО /Песнь Вещему Олегу/
Посвящается Артуру Кёстлеру

Как ныне сбирается вещий Олег
спалить наши села и нивы.
Авось не сберется — уж скоро ночлег,
а русичи знатно ленивы.
Он едет с дружиной, в царьградской броне.
«Эй, Броня, подай мою бороду мне!»

А меч под подушкою будет целей
меча мне сегодня не надо.
Я выйду из леса, седой лицедей,
скажу командиру отряда:
«Ты опытный воин, великий стратег,
но все ли ты ведаешь, вещий Олег?»

Допустим, я лжив, я безумен, я стар
и ты меня плетью огладишь,
но купишь ты, князь, мой лежалый товар
и мне не деньгами заплатишь:
Собой и потомством заплатишь ты мне,
как я заплатил этой бедной стране,

стране подорожника, пыльных канав
лесов и степей карусели.

Нам гор и морей не видать, скандинав,
мы оба с тобой обрусели.
Так я предрекаю, обрезанный тюрк».
И тут же из черепа черное — юрк.

«Не дрыгай ногою, пророка кляня
не бойся, не будет укуса.
Пусть видит змеиное око коня,
что Русы не празднуют труса.
Пусть смотрит истории жалящий взгляд,
как Русы с Хазарами рядом сидят».

У них перемирие, пир, перегар
Забыты на время раздоры.
Крещеные викинги поят булгар,
обрезанных всадников Торы.
Но полон славянскими лешими лес.
А в небе Стожары. А в поле Велес.

Еще некрещеному небу Стожар
от брани и похоти жарко.
То гойку на койку завалит хазар,
то взвоет под гоем хазарка:
«Ой, батюшки светы, ой, гой ты еси!»
И так заплетаются судьбы Руси.

Матвей, привет!

Это ты что ли стишками балуешься? Если так, то очень даже неплохо.

Что касается «концепции» Кестлера, то влияние хазар на Русь традиционно замалчивалось и толком не изучалось, и было оно, как видно, гораздо сильнее, чем принято думать, но Кестлер не историк, и вряд ли нашел новые факты, и его «концепции» похожи на фантазии Левы Гумилева. А то, что

«в Средние века большинство исповедовавших иудейскую религию были хазарами», то бишь тюрками, это бред сивой кобылы, даже по отношению к Восточной Европе. Идиш все-таки язык онемеченный, а не отуреченный. Хотя, конечно, какое-то этническое влияние хазар на Руси, и в Восточной Европе осталось, у меня был один приятель в Москве, еврей с плоской монгольской рожей, мы его звали «хазарин». Соображения Кестлера насчет религии (ведет к самоизоляции) и современного состояния еврейской «псевдо-нации», утерявшей религиозные устои, кажутся мне более толковыми. А книжку возьми — история хазар очень интересна и известно о ней очень мало.

Был недавно на выставке в Иерусалиме, китайцы привезли древности, пять тысячелетий искусства, даже четыре фигуры из раскопанной терракотовой армии императора Цинь Шихуанди. Так вот, такое ощущение, что «пути» у них нет, что они уже давно «приехали». И искусство изощренное, потому что как в склепе, замурованное.

Всегда твой

Наум

Встретились с Гольдштейном, зашли в бухарскую забегаловку. Он взял чай, аскет, а я по-купечески — питу со швармой и пиво. Рассказывает про Москву. Кажется, говорю, они опять впали в самодостаточность, кажутся себе пупом земли.

— Что ж, — говорит Гольдштейн, — может, какая-нибудь французская литература ничуть не лучше русской.

— Ну, а что «молодежь», допытываюсь, чем живет? Как смотрит на нынешних «грандов»: Айзенберга-Гандлевского-Рубинштейна-Кибирова?

Эту тему он аккуратно обходит. История с Айзенбергом и Барашем ему, оказывается, известна, значит они с Барашем «помирились». Гольдштейн считает, что Айзенберг поступил подло по отношению к Барашу.

— Да Бог с ней, с подлостью, — говорю, — но что

за манера мафиозно, силой влиять на литературный процесс? Это он так свое место в литературе строит?

— Мафия, — согласился Гольдштейн.

— Не, не получится, в литературу кодлой не пробьешься. Тексты нужны. А текстов у них — кот наплакал.

— Да, что Айзенберг написал? Стихи сомнительного качества…, — поддакнул Гольдштейн.

— Стихи — не Бог весть, — подхватил я. — И книгу критики, полную общих мест.

— И Рубинштейн написал очень мало.

— А Гандлевский? Сборник стихов и повесть? А ведь ему под пятьдесят.

Оказывается, Зайчик поручил ему взять интервью у Лени Йоффе. Я говорю:

— Зайчик тоже хочет в мифологии поучаствовать?

— Да, они его уже упоминают.

Курицын предложил ему переехать в Москву. Мол, нет никакой израильской литературы, чушь это все, кто пишет по-русски — русская литература. По-моему, говорю, это хамоватое и глупое предложение. Так в свое время «новые израильтяне», приехав в Москву, всегда эдак свысока спрашивали «местных» евреев: чего не переезжаете, чего сидите.

В общем, час поболтали. Он что-то похудел, подурнел.

Все-таки спросил его, еще раз похвалив прозу в «Зеркале», повлиял ли на нее «Александрийский квартет»? Он как-то удивленно, невидящим взглядом, как у младенца, посмотрел на меня и сказал:

— Может быть… Да, пожалуй… Наверное…

Рассказал ему о Дюшане, как тот бросил искусство и занялся шахматами:

— Не умел повторяться. Не хотел. Такое неистовство обновления, новаторства.

— Да, — согласился Гольдштейн, — он был настоящий авангардист.

24.8. Портос приехал из Москвы. С трудом скрывает восхищение и зависть. У приятеля три машины, дача, каждый год за границу ездит. А он до отъезда «стоял лучше». Выходит, что маху дал. Говорит, как и многие другие, что город стал богат и красив.

Жизнь старика, как поредевшая, облупленная мозаика, рисунок почти утерян, только кое-где остались еще цветные ячейки.

В «Вестях» отзыв Хейфеца на «200 лет вместе». Демократише рундшау. Совки любят собираться в стаи… Хейфиц, «22», Солженицын — одна компания. Солженицын, мол, «жаждет отмыть своих», и это не может его, Хейфеца, как еврея, «морально не подкупить»!

25.8. Матвей — Науму

Kazus Wagner

Ты упомянул в связи с Розановым «вопрос о Вагнере», и вот как это во мне «отозвалось». В том контексте, к которому ты меня постоянно подстрекаешь (немцы — романтизм — фашизм — искусство/религия) Вагнер — фигура примечательная, если не центральная. Не читая по-немецки, приходится подбирать крошки с чужих столов. Тот Вагнер, который издан у нас (Рихард Вагнер. Избранные работы. М.: Искусство, 1978; ты как-то обмолвился, что «читаешь Вагнера»: не эту ли книжку, или что-то другое?), отфильтрован по части «жидоедства» — нет «основополагающей» работы «Иудейство в музыке». Но кое-что все же просочилось.

В философском плане на Вагнера повлиял Фейербах. В какой мере, вопрос спорный. Его апологет Лосев (тоже, блин, «теург»), желая отмазать кумира от «несолидного» наставника, пишет, что влияние Фейербаха «обычно немилосердно преувеличивается. Доказано, что из Фейербаха Вагнер читал только «Мысли о смерти и бессмертии» (Кстати,

какой у тебя Фейербах? У нас не так давно (1995) вышел в «Науке», в серии «Памятники философской мысли» двухтомник, который до сих пор можно купить по дешевке. Есть там, разумеется, и эти «Мысли…», и много другого интересного), да и то поверхностно». Может, оно и так, но кое-что из Фейербаха Вагнер усвоил. Например, идею «родового человека» и призыв преобразовать христианство в религию природы. Цитирую из «Произведения искусства будущего»: «человеку рассудка свойственно высокомерно воображать, что он по своему усмотрению вправе распоряжаться, как служанками, теми качествами, которые служат ему основой. Это высокомерие, однако, побеждается могуществом чувственного впечатления и сердечного чувства, лишь только они выступают как свойственные всем людям, как впечатления и чувства всего человеческого рода. Самое богатое сочетание всех известных индивиду явлений приводит его в конце концов к ***родовому человеку*** */курсив Вагнера/ в его связи со всей природой, и перед величием оного исчезает его высокомерие. Теперь он будет стремиться ко всеобщему, истинному и безусловному, жаждать раствориться не в любви к тому или другому предмету, а в любви вообще: так эгоист становится коммунистом, одиночка — всем, человек — богом, отдельный вид искусства — искусством вообще.*

Лирическое и драматическое произведение было /в древней Греции/ религиозным актом. Но трагедия была религиозным празднеством, ставшим художественным произведением, рядом с которым действительные традиционные религиозные празднества в такой степени казались лишенными истинности и глубины, что превратились в пустую традиционную церемонию, в то время как их живое ядро продолжало жить в художественном произведении. В крайне важных внешних проявлениях религиозного акта — древних обычаях и формах, полных значения, — род выступает как общность, как целое: одеяние религии является как бы национальной одеждой племени, благодаря которой с первого взгляда обна-

руживается его общность. С этого момента — гибели греческой религии и распада целостного художественного произведения — трагедии — начинается во всемирной истории человечества новый, безгранично великий этап пути от естественно-родовой национальной общности к чисто человеческой всеобщности. Совершенным художественным исполнителем поэтому будет единичный человек во всей полноте своего существа, ставший существом родовым. Окончательное и полное преодоление человеком своего личного эгоизма, его полное растворение во всеобщем раскрывается нам лишь в его смерти, но не в случайной смерти, а в смерти необходимой. Торжество подобной смерти — самое достойное человека. Оно раскрывает перед нами на примере одного человека, увиденного через его смерть, полноту содержания человека вообще. Не отвратительный похоронный обряд, который для современного христианина включает не относящиеся к данному случаю песнопения и банальные речи, а художественное воскрешение умерших, жизнеутверждающее повторение и изображение их деяний и их смерти в художественном произведении явится тем празднеством, которое нас, живущих, приобщит к их памяти.

Чудо поэтического произведения отличается от религиозно-догматического чуда тем, что не является нарушением природы вещей. Еврейско-христианское чудо порвало связь естественных явлений, чтобы представить божественную волю стоящей выше природы».

Теперь поцитирую жидоедское из других работ Вагнера:

«Явленный нам Иисусом в откровении бог с начала существования церкви был превращаем богословами из возвышеннейшей ясности во все менее постижимую проблему. То, что для изъяснения бога, возвещенного нашим спасителем, вспоминают племенного бога израильтян, создает путаницу — одну из самых страшных в мировой истории: местью за нее во все времена, как и ныне, был все более беззастенчиво заявляющий о себе атеизм. Нам приходится видеть, как христианского бога изгоняют в пустые церкви, в то время как

для Иеговы среди нас возводят все более пышные храмы, и, кажется, есть правда в том, что Иегова сможет в конце концов окончательно вытеснить возвещенного нам спасителем бога, чье происхождение, в силу чудовищного недоразумения, выводят от него, Иеговы. Если Христа выдают за сына Иеговы, то любой еврейский раввин — как это и происходило во все времена — может с успехом опровергнуть все христианское богословие. В каком же недостойном и жалком положении находится наше богословие… кто же тогда знает Христа? Может быть, историческая критика? Она сосредоточена в руках иудеев, она совершенно так же, как любой иудей, удивляется тому, что сегодня, воскресным утром, еще звонят колокола по одному две тысячи лет тому назад распятому иудею.

Как часто уже Евангелия подвергались тщательному изучению; неоспоримо правильно установлено их возникновение и слияние в единое целое… так что высокий образ спасителя и его деяния должны бы наконец явственно раскрыться перед критикой. Но на бога, которого открыл нам Иисус, бога, которого не знали ни боги, ни герои, ни мудрецы мира, но который обнаружил себя перед бедными галилейскими пастухами и рыбаками — среди фарисеев, учителей закона Моисеева и жрецов — с такой пронизывающей душу силой и простотой, что тот, кто его познал, счел мир со всеми его благами ничтожным; на бога, который уже больше никогда не может явить себя, ибо только в тот первый и единственный раз он явился нам, — на этого бога снова с недоверием взирает критик, ибо полагает, что все еще должен принимать его за Иегову, изготовившего мир для иудеев!»

Здесь есть сходство с Шеллингом, хотя «как философ» Вагнер топорен и местами придурковат, стиль же совершенно невыносим: выспренность, краснобайство, дешевые гипнотизерские ухватки. Словом, это стиль позднего Ницше, только «в совсем никудышном исполнении». О Ницше (как теперь и о Розанове) принято говорить с придыханием, но вот один пример в связи с Вагнером. Разругавшись вдрызг

со своим бывшим кумиром, Ницше написал памфлет «Der Fall Wagner», который переводят на русский как «Казус Вагнер». Произведение абсолютно бессодержательное: для издевки (чтобы было «пообиднее») Вагнеру противопоставляется, в качестве «истинного гения», Бизе. Теперь Ницше, вопреки всему, что писал раньше, утверждает: хватит с нас театрократии, вернемся к чистому искусству; я согласен с призывом, но пусть «он» мне объяснит, что понимать под искусством. Разумеется, он ничего не объясняет; расставшись с театрократическим дионисийством, Ницше остается вообще ни с чем, у разбитого корыта трюизмов, постыдных по интеллектуальной беспомощности общих мест. Но сейчас меня интересует не это. Зная о маниакальном антисемитизме Вагнера, Ницше, умеренный антисемит, делает в одном месте такое, притянутое к тексту за уши, примечание: «Был ли Вагнер вообще немцем? Есть некоторые основания для такого вопроса. Трудно найти в нем какую-нибудь немецкую черту. Как великий учащийся, каким он был, он научился подражать многому немецкому — вот и все. Его натура даже противоречит тому, что до сих пор считалось немецким, — не говоря уже о немецкой музыке! — Его отец был актер по фамилии Geyer. Geyer — это уже почти Adler… То, что до сих пор циркулирует в обществе в виде «Жизни Вагнера», есть fable convenue /общепринятая басня/, если не нечто худшее…». Раскроем «прозрачные намеки». Цитирую комментарий Свасьяна: «Гейер — по-немецки коршун, Адлер — орел. Фамилия Адлер, весьма распространенная среди евреев, приводится здесь в пику вагнеровскому антисемитизму; на деле Людвиг Гейер (кстати, отчим, а не отец Вагнера) не был евреем». Какой дурной запах, прямо-таки смрад источает этот «заведомо ложный донос» одного антисемита на другого! И как это «по-ницшеански», и как «по-розановски!» Порадовала меня недавно старушка Ревекка Фрумкина (лингвист с хорошей философской подготовкой), написавшая: «Один из хрестоматийных, но от этого не менее поразительных примеров /«дурной сакрализации текстов»/ —

судьба духовного наследства Фридриха Ницше. Если непредвзято читать его сочинения в контексте философии, то все, что можно сказать об этих текстах, — это их очевидные поэтические достоинства и весьма условная философская содержательность». Я бы сказал резче: «безусловная поэтическая бездарность и весьма условная философская содержательность, закамуфлированная дешевым краснобайством самого дурного пошиба», но старушку Фрумкину можно понять: ей лишь бы спихнуть клиента «по другому ведомству», а там пусть коллеги разбираются… И еще одна характеристика — паскудство под стать розановскому. Ведь прекрасно же знал, стервец (был вхож в дом, играл роль «юного Парсифаля» при «зрелом Клингзоре»), что бедняга Гейер не еврей, что он даже и не отец, но удержаться от паскудства не смог.

Теперь штрих к картине «Вагнер и Гитлер». Некто Ганс Франк записал один из «ночных рассказов» Гитлера: «Впервые я услышал его /Вагнера/ в Вене. В опере. Отчетливо помню, как будто это случилось сегодня, свое потрясение, когда по дороге домой я проходил мимо трещавших без умолку жидков в лапсердаках. Невозможно представить себе что-либо менее сообразное. Таинство гибели мифологического героя — и эта еврейская мерзость» (Цитирую по: Алекс Росс. Непрощенный: Почему не утихают споры о Вагнере. Журнал «Интеллектуальный форум». №1. Май 2000; это перевод статьи из The New Yorker). Алекс Росс произвел собственное расследование и выяснил, что Гитлер в то время в Вене мог быть только на «Тристане», а «Тристаном» тогда дирижировал только Густав Малер, еврей. Некий Август Кубицек, друг юности Гитлера, вспоминает, что в молодости Гитлер «просто преклонялся» перед Малером. Росс пишет (очень наивно): «Случай действительно курьезный — видеть перед собой выдающегося еврейского музыканта, восхищаться его мастерством, а потом содрогаться от гадливости, столкнувшись с евреями на улице». А по поводу негласного запрета на исполнение Вагнера в Израиле тот же Росс пишет

о Байрейте, ставшем в последнее время сборищем неонацистов, среди которых охотно тусуются дирижеры-евреи типа Баренбойма: «Что есть Байрейт, как не Вагнер, а все вокруг — тьма? Странным образом, Байрейт, возможно, лучший аргумент за то, чтобы не отменять в Израиле запрет на Вагнера, не исполнять там его музыку. Раз есть место, где дано звучать только Вагнеру, должно быть и место, где Вагнера просят помолчать».

Всегда твой,

Матвей

P.S. Стихи «ПВО» /Песнь Вещему Олегу/, конечно, не мои, а Льва Лосева (собственно говоря, Лившица), моего любимого «поэта русского зарубежья». Конечно, мне лестно, что ты принял их за мое «баловство». Думаю, в следующий раз ты похвалишь меня за «Евгения Онегина».

Матвей, привет!

*Да, я начал читать именно эту книгу Вагнера (изд. «Искусство», из серии «История эстетики в памятниках и документах») и остановился, предвкушая и облизываясь, как раз перед «Произведением искусства будущего». А твоя цитата о Гитлере, насчет несообразности «таинства гибели» немецкого героя с окружающей «еврейской мерзостью», напомнила мне характерный фрагмент из «Шума времени» Мандельштама: «В Дуббельне, у евреев, оркестр захлебывался патетической симфонией Чайковского… Чайковского об эту пору я полюбил болезненным нервным напряжением… **Как убедительно звучали эти размягченные итальянским безвольем, но все же русские скрипичные голоса в грязной еврейской клоаке!** (Подчеркнуто, естественно, мной.) По-моему, очень созвучно с Гитлером.*

И я не согласен с твоей оценкой Вагнера («топорный»). То, что ты процитировал весьма глубокомысленно, особенно по части понимания трагедии, как религиозного действа (здесь «рождается» Ницше), и по части несовместимости Иисуса и Иеговы. Вагнер и Ницше — это некий идейный

(романтический) узловой пункт, здесь начало почти всех путей и 19-го и 20-го века. Суть всех этих «романтических» усилий, как и Жирмунский писал, «создать новую религию». «Религию природы», то есть, если грубо, то вернуться к язычеству. Но вернуться очень «хитро», не выбрасывая «промежуточный этап», христианство, а «включая его» (творчески переработав, и прежде всего выкинув все «еврейское»), вернуться через христианство! Такими «хорошими христианами» стали в конце концов все ранние (йенские) романтики (компания Шлегелей). Хотя «возврат к природе», но гораздо более «атеистический» (а стало быть и ближе к язычеству) начался, если говорить о немцах, еще с Гете (не забудем и Руссо). Но оставим генезис, он сейчас не столь важен, а важно: что же все-таки хотели романтики? И к чему они в результате пришли? Поскольку вернуться к язычеству (культ Греции, с него и Ницше начал) «через христианство», это все равно, что родить через задницу, то все, что в конце концов осталось этим любителям старины, это «очистить христианство от евреев».

В связи со всем этим у меня возникла еще одна «общая схема», а в ней очередная «разгадка антисемитизма».

Человек отделился от остальной природы: ты сам назвал его «безумным зерном», которое не желает ложиться в землю. Его индивидуация — бунт против рода, против природы (слова сии, как ты, кажется, подмечал, однокорневые). Но этот бунт и вносит в его самоощущение сильнейший и трагедийный диссонанс. Человек страдает от этого отделения, как от разлуки с матерью, и нет для него большего счастья (оно же внутренний покой, гармония с природой), чем воссоединение с матерью, лучше всего — в ее лоне. Кстати, может быть, поэтому так велико тяготение к женскому лону, и в этой «физике» (физиологии) замешана метафизика?

С момента «отделения» от рода-природы (не в историческом, а в некоем антропологическом смысле, своего рода инициация) человек стал искать способ вернуться к матери

(это — вечный сюжет). Иначе говоря, спастись. Тут годятся и «твои» ритуалы, и стратегии Жреца и Мага, и философия, и искусство, и религия, и даже наркотики — все пойдет в ход. В рамках такого общего подхода я готов принять твою «философию искусства», как терапевтического повторения ритуала «возвращения» в родовое. Тут же и Рампа, как непременный сакральный круг такого ритуала, и прочее. Ты утверждаешь, что этот монистический «путь Жреца» не разрывает единства мира, а работает, как перпетуум мобиле, на его вечное возвращение.

Мне не очень верится в вечное возвращение (сюжет быстро приедается), да и в школе учили, что вечных двигателей не бывает, но это долгий разговор, я сейчас не об этом. Меня больше интересует «магическая» стратегия, хотя само слово «маг» несет, на мой вкус, некие отрицательные коннотации шарлатанства... впрочем, не будем этого бояться, не побоялся же я «самозванства»... Итак, стратегия Мага — создание «спасительной» религии. Религия — не только более ранний (исторически), но и более синтетический тип спасения. Я тебе как-то приводил свою любимую фразу о том, что понять — значит почувствовать. То есть религия пытается не только понять мир умом (как философия), но и создать «образ мира» — образ можно почувствовать, то есть сделать его частью себя, своего тела (эмоции — эманации тела), и тем самым «соединить» разъятый мир. И в этом смысле Бог, как у Фейербаха, есть образ сверхчеловека, а схема Бог-мир это образное видение схемы человек-мир. Нечто подобное предлагает философия тождества мышления и бытия, насколько могу себя представить (как не философ). Кстати, философия тоже — метода спасения, и дело не в «утешении философией», а именно о спасении, для немногих, конечно, вот для тебя, например, или для Спинозы. Видимо, «понимание» (всегда связанное с «прочувствованием») вызывает «спасительный» восторг, не зря он говорил: не плакать, не смеяться, а понимать. Такой интеллектуальный опыт еще и сопровождался

особой интеллектуальной эмоцией, amor dei intellectualis, — ощущением единства с миром и любви ко всему сущему. И его почему-то не смущало, что всякое понимание относительно и временно, видимо, и тут важна именно эмоция спасительного восторга… Так вот, языческая мифология, лежащая в основе античного язычества, была религиозным опытом единения с миром (все эти мистерии и т.п.). Но иудейская религия пошла по другому пути — по пути «освящения» уже произошедшего в сознании разделения мира. Дуализм иудейского единобожия в том, что есть Бог и есть мир (человек и мир), причем мир им созданный, то есть находящийся в подчиненном положении!, и он «отражает» раздвоение самого человека на тело и мысль. То есть евреи приняли «разделение мира» (иудейский Бог пошел на поводу у человеческого сознания) и создали соответствующую иерархию: Бог-человек-мир, а греческое сознание этой схеме всячески сопротивлялось и пыталось восстановить единство, то есть, как выясняется, шло против течения…

Вот тут-то, мне кажется, и сидит корень «романтического» антисемитизма: иудейский Бог, а с ним и все «еврейство», оторвали человечество от мамки-природы и тем погубили. Человек стал рационалистичен и непоправимо в самом себе разделен.

Но возвращение романтиков-антисемитов к «принципу воли» (против античного «принципа разума») это на самом деле возвращение к иудейскому Богу (опять сели в ту же калошу) — он как раз еще носит в себе единый мир: не личность, а воля, нечто стихийное и в себе единое. А греки, приняв христианство, опустили своего Бога до уровня личности, даже человека. И в христианстве дуализм личности сформировался окончательно и стал шизофреническим. Вплоть до ненависти к телу, как к атавистическому отростку (он же тюрьма духа).

А теперь, если вернуться к Вагнеру, то нужно вспомнить, что романтизм был реакцией на Просвещение, явившееся, как учит Адорно и К (прочитал с твоей подачи), пози-

тивистской революцией, религиозным преклонением перед Разумом объявлением войны Природе.

«Единственно чему хотят научиться люди у природы, так это тому, как ее использовать для того, чтобы полностью поработить и ее, и человека. Ничто иное не имеет значения. Беспощадное уже и по отношению к самому себе Просвещение выжигает даже последние остатки чувства собственного достоинства» («Диалектика просвещения»).

В этом вся проблема: возник страх, что изучая-порабощая природу, Разум поработит и человека. И тут все закипело, по натуре, во внутрях, «нутро» человеческое романтически взбунтовалось. Стали искать виновного, а тут как раз Еврей-ассимилянт услужливо «дал себя кушать» со своим «универсализмом» разума, тоже мне грек нашелся. И возвращение к роду в Европе, особенно в Германии, пошло под лозунгом борьбы с еврейским рационализмом-универсализмом, хотя ведь именно евреи (кроме ассимилянтов, конечно) остались родовой общностью, и, в конце концов, образовали национальное государство как раз в то время, когда европейские нации от своего родового дружно отказываются, сливаясь не только в общеевропейскую кашу, но в кашу вселенскую. Но, когда пошла такая пьянка, — тут не до логики, «возвращение к роду» шло уже не в игровом модусе, в театре, или поэтическом эпосе, а буквально, на площадях, в оргиях единства. И Вагнер был адептом такого возвращения, хотя действовал в основном в театре (впрочем, в 1848-ом, по молодости, и он попытался взобраться на баррикады). И повальное романтическое увлечение античностью, языческой мифологией, он направил на германскую мифологию, какая разница, в самом деле. Ницше же пошел другим путем — доведения индивидуации до крайних своих пределов, до обожествления личности, до сверхчеловека. Тут неувязочка вышла: получилось, что человек одновременно и бог, и род. Фейербах и попытался соединить. Но теоретические ошибки в философии приводят к преступлениям в политике. Поскольку оказалось, что с одной стороны, человек, как бог,

своеволен, а с другой, как часть рода, смиренен, и обязан преодолеть личный эгоизм, то Вагнер увидал только одну возможную точку совпадения божественной своевольности и личного смирения, один выход из теоретического тупика — героическое самопожертвование, «торжество необходимой смерти». Поэтому «героизм» — краеугольный камень романтизма. Только жертвуя собой, человек приобщается к роду. Не в жизни, а в смерти. Отсюда инфернальность германского нацизма и всей германской «героики». (А еврейская философия — философия жизни.)

В итоге: от возвращения к природе, «через» антисемитизм, к национальной исключительности и нацизму. Вот такой путь от «Лебединого озера» до «Орлиного гнезда».

Из Фейербаха у меня только «Сущность христианства» («Мысль», 1965 год). Если двухтомник недорогой и «полезный», как ты считаешь, то возьми.

Ну и «сводки» напоследок.

В последнее время участились случаи ареста «живых бомб» и был опубликован их «социально-психологический профиль» и методы вербовки. Все — юноши в возрасте 16—17 лет из семей низкого социально-экономического уровня, обещают им всем одно и то же: вознесение в мусульманский рай, где их ждут 72 девственницы (они даже деодорант с собой берут), и где они будут сидеть за одним столом с Абу Аяшем (национальный герой, кличка «инженер», изготовитель взрывчатки для самоубийц, погиб от взрыва мобильного телефона — голову оторвало). Их спрашивают: но после взрыва, тело-то — на кусочки, как же насчет девственниц? Отвечают: нам обещано, что в раю соберут.

26.8. Ездил к Гробманам «согласовывать» текст о Солженицыне. Гробман внес несколько изменений. В основном «политического» характера. Из «Абрам-диссидентов Гинзбурга и Щаранского», вычеркнул Щаранского. Вычеркнул и про Илью Глазунова. «Глазунова — на хуй.» Требовал, чтобы Матвей «подписался», «мы анонимов

не печатаем, у нас все — живые люди, мы не какое-нибудь «Солнечное сплетение». Но тут я уперся: воля Матвея. Гробман уступил.

Заикнулся ему насчет статьи Хейфеца. Сказал, что даже сочинил головомойку Хейфецу, так разозлился. «Это неинтересно, — сказал Гробман. — Это он все по глупости. Хейфец полный дурак, это всем известно. Ну и жопу, конечно, полизать Солженицыну — святое дело, он же „22“ упоминает».

— Но он же еще интеллектуала из себя строит, слова умные употребляет: «полифония»! — кипятился я.

— Ну они ж там все в «22» такие, итеэры ебаные, — рубанул Гробман

Ира попросила, чтоб я перевод Шабтая «перекинул», на предмет рассмотрения насчет издания. Тут я заявил, что хочу получить за перевод деньги, десять тысяч. «Идея» тут же рухнула. Да им это, Ира говорит, и не нужно, это они мне хотели помочь. А вообще они культуртрегерством не занимаются. Чтоб в России узнали Шабтая?

— Тут себя-то не успеваешь прославить, — бросил Гробман. — Еще какого-то Шабтая.

Потом я поехал в «деревню», на встречу с Р. Поздравил ее с днем рождения. Завернули в Мазкерет Батья, в тот ресторан. Оказался закрыт. Поехали в другой, в «Казарму». Никого, мы — единственные посетители. Сели в углу, еда была так себе, выпили. Она загорела, ходит на искусственный загар. Лицо похудело. Держала дистанцию. Вплоть до неприязни. Заливал ей о своих замыслах. А она: «Я не очень-то верю, что у тебя получится… Потому что ты человек скользкий. Тебя в руках не удержишь, но и у тебя все из рук выскальзывает». Вот такой шел разговорчик. Но постепенно она отошла, «ой, я пьяная» (большой бокал еще не выпила, я потом еще по бокалу заказал), «как тебе мои туфли? нравятся? Сегодня все в школе удивлялись, как я в них хожу».

— Туфли?

— Не обратил внимания?

— Итальянские что ль?

— У меня все туфли итальянские.

Задрала ногу выше стола. Туфли грязно-золотые. Высоченный тонкий каблук.

— Ничего, да?

Повертела ногой.

— Красивые.

Иногда смотрели друг другу в глаза, как когда-то, и рот у меня растягивался до ушей, а на глаза наворачивались слезы, и я что-то нес про любовь, что не могу без нее. В машине я взял ее за руку, и ее пальцы слегка шевельнулись в ответ. А в деревне, на стоянке, я ее обнял, и мы стали целоваться, и я ласкал ее ноги, и грудь, и чувствовал, как она вздрагивает под моими ладонями — вот это неподдельное трепетание, нет ничего пленительней! Нечто похожее я испытал, когда в 15 лет в первый и последний раз рыбачил на Волге, и запомнил с тех пор это пьянящее ощущение трепещущей на крючке рыбы… «А я скучала по тебе…»

Как же крепко она обнимает! Потом стала пальчиком брюки между ног царапать, будто в окошко скреблась. «Поехали в гостиницу?» — предлагаю. «Не успеем (тихо, покорно) … Мне надо через два часа быть дома». Успеть-то можно было, но я не стал настаивать. Конечно, она хотела меня подоить, но на эту процедуру я не решился: потом всегда брюки в пятнах. «Позвони мне, когда приедешь, ладно?»

— Позвоню. А ты эти дни…

— Нет, не получится…

— Но я тебе позвоню завтра утром?

— Хорошо, около восьми?

— Ладно.

— А я все твои телефоны стерла… После того, как позвонила тебе случайно…

Расставаться не хотелось. Я был пьян и возбужден.

Напоследок сказала: «Сейчас приедешь, жену трахнешь.»

Дома — скандал. Продолжение вчерашнего.

— Ты меня используешь! … Ты меня ни во что не ставишь! … Ты ебешь всех подряд!…

— Ну уж, — пробую отшутиться.

— Не так, так в мыслях!

— Уж, и в мыслях нельзя?! — возмутился я таким ограничением свободы.

— Я тебе десять тысяч приношу! Либо мы будем жить так, как я этого хочу, либо катись к чертовой матери! А я себе найду! Можешь не беспокоиться!

Младший проходил мимо, хмыкнул: «Еш бааёт?[1]»

Р прочитала мои «Записки» в «Зеркале». Сказала, что впечатление было не такое, как в первый раз, вещь както высохла. Я оправдывался тем, что пришлось на треть сократить. Рассказал про то, как Зайчик не взял, не понравилось ему, что я про Кенжеева написал с «физиологическими подробностями».

— Это что у него хуй в банку не пролезает?

— Ну да.

— А в какую банку? Одно дело — в трехлитровую, другое — из под майонеза, ха-ха-ха!

27.8. Утром, когда гулял по парку, позвонила Л. У нее сегодня свободный день. Договорились, что к десяти подъеду. «В кино сходим», — предупредил.

Потом позвонил Р. У нее тоже, оказывается день свободный, неувязочка…

Когда гулял вдоль пруда, а там на искусственном островке живут под треугольным навесом утки и гуси, обратил внимание, что широкие ступеньки, спускающиеся к воде,

[1] Есть проблемы? (ивр.)

плотно засижены голубями. Они сидели, как зрители амфитеатра и ждали представления. Когда приблизился, вспорхнули. Вспомнил строчку Вадима: «…высоким взрывом голубей». Утром к пруду приходит маленький старичок из русских, в кепке и больших наушниках («РЭКу» слушает), он всегда приходит с пакетом крошек и устраивает голубям, воробьям и уткам завтрак. Его любимцы: три больших серых гуся, он кормит их отдельно, самыми лакомыми кусками, зовет их почему-то на иврите, и они, заслыша его голос, несутся со всех сторон, гогоча и взмахивая крыльми.

Наум, привет!

Должен признаться, что ты меня пристыдил с Вагнером: действительно, он заслуживает более серьезного отношения; это «полемический задор» сбил меня с панталыку. Прочерченная тобой «линия» очень «суггестивна»: в ней соблюдена как раз та пропорция между безусловно истинным и безусловно ложным (на мой, конечно, взгляд), которая наилучшим образом провоцирует на «разъяснения», ради которых придется перечитать тексты. Сразу же, навскидку, отмечу, в чем согласен, а в чем нет. Главная твоя идея — та, что немцы хотели «вернуться к язычеству, но вернуться очень „хитро“, не выбрасывая „промежуточный этап“, христианство, а „включая его“ (творчески переработав, и прежде всего выкинув все „еврейское“), вернуться через христианство!» — так вот, эту идею я считаю очень верной, и выражена она красиво, «диалектично». В подтверждение приведу цитату из Вагнера: «Христианство уничтожило прежнюю религиозную веру — основное воззрение на сущность природы, вытеснило ее новой верой, новым миросозерцанием, прямо противоположным старому. Если оно и не могло с корнем вырвать эту старую веру, то во всяком случае отняло ее блестяще производительную художественную силу. /…/ Христианство оторвало все народы, познавшие его, от их естественного строя мыслей, а их поэтические сказания обратило в призраки несдержанной

фантазии».

С чем я не согласен, так это с трактовкой у тебя («у вас с Вагнером») художества (недоучет Рампы) и, соответственно, смерти. Вагнер в «Опере и драме» (которую можно прочесть и как «танатографию») строит очень интересную «типологию смерти», различая, по меньшей мере, три подхода к ней: греческий, христианский, и «современный». Поцитирую малость из этой работы: «Пленительная сила христианского мифа в его воздействии на душу заключается в представляемом им ***просветлении смерти.*** *Момент смерти является для нас потому и моментом настоящего искупления в боге… Эта смерть и тоска по ней являются истинным и единственным содержанием искусства, вытекающего из христианского мифа: оно выражается страхом, отвращением, уклонением от действительной жизни и желанием смерти. Для грека смерть являлась не только естественной, а и нравственной необходимостью, но только в смысле* ***противоположности жизни****, которая была предметом всякого художественного созерцания». В этом смысле греческая религия (равно как и иудейская, в этом ты прав, но Вагнер бы с тобой не согласился) была «религией жизни», а христианская — «религией смерти» (эту идею, с упором на оппозицию иудаизм/христианство и отчасти Египет/христианство, перепевает на все лады наш общий любимец Розанов). Твои же схемы представляются мне слишком «суммарными»: проблема не в «некрофильстве» нацистского культа героев, а в том, что понимать под некрофильством (ибо со смертью имеет дело любая обрядовость, в том числе и «доброкачественная», «жреческая»); на мой взгляд, некрофильство выползает из магических прорех в Рампе — и оно начинает оттуда выползать уже у Вагнера, далее у русских «теургов» (отчетливее всего у Скрябина) и только потом — у Гитлера. Совершенно не согласен я и с «еврейским происхождением» Универсализма — в «пятом пункте» анкеты сей безродный космополит должен писать: «грек».*

Твои «общие схемы», как и обсуждение «иудейского моно-

теизма», придется опять отложить — завалили работой. А пока расскажу тебе о Мише Файнермане, которого я вынужден был посетить пару дней назад по его просьбе (по телефону он ответил на вопрос «Что-то случилось?» — «Да, случилось, я дважды попадал в больницу»). Ты, наверное, помнишь планировку его квартиры: справа комната, слева — кухня. В комнате кладут линолеум (за казенный счет, кстати: считается, что Миша не сам сжег квартиру, а «загорелась проводка»), поэтому все вещи перенесены на кухню, там же и «лежанка» (не могу назвать ее кроватью: на каркас уложена фанерка, но она провалилась в головах и торчит вверх в ногах, Миша лежит в прорехе, заткнув ее частью ватного одеяла, а другую часть подоткнув под голову; о постельном белье нет и речи). На кухне слой мусора по колено (это не гипербола, местами и выше); все бросается на пол: обертки, целлофановые пакеты, спички, там же валяются и яблоки, и апельсины, и готовые обеды в серебристой фольге (я углядел, например, жареную рыбу с каким-то «гарниром»). На «столе» (качающаяся «этажерка») огромный батон подгнившей «докторской», т.е. вареной колбасы (зачем летом, не имея холодильника, покупать целый батон скоропортящегося продукта?) Запах соответствующий, кругом мухи. «Посуда» не моется, «чай» (собственно, кипяток) пьется из кружки из-под супа. На газовой плите нет решетки, и кастрюля ставится сбоку, на каркас, к тому же все черное от сажи. Миша исхудавший, в клетчатой рубашке-«ковбойке» на голое тело — и все: то есть он даже без трусов, при этом дверь открыта (потерял ключи и не запирает), еще лает собака по кличке «Зорька» /собачонка хотя и мерзкая, но все же она не корова и даже не свинья: за что этот «поэт», абсолютно не чувствующий языка, обозвал ее «Зорькой»? Но это еще ничего: одну из его предыдущих собак звали «Цветок»; заметь, не какой-нибудь там «ландыш» (дико, но еще куда ни шло), а видовое понятие «цветок» — все равно, что кошку назвать собакой/. Через определенные промежутки времени Миша «принимает лекарство». Он доста-

ет бутылку водки и пьет, довольно много, из горлышка, затем принимает феназепам (в инструкции категорически запрещается принимать это лекарство в сочетании с алкоголем). Жалуется, что теперь и эта гремучая смесь не дает ему уснуть, а только позволяет расслабиться. Говорит, что так он борется со страхом, которого своими силами одолеть не может. Через некоторое время после «приема лекарства» впадает в прострацию, начинает говорить невнятно и бессвязно (притом «с гнуснинкой»: стал вдруг «обсуждать», «вписалась» ли бы в его жизнь моя жена…)

Пострадал Миша, естественно, «за любовь»: поперся к какой-то бабе с двумя детьми («она художница, содержит студию и преподает в школе рисование») в Новый Иерусалим (это около двух часов от Москвы на электричке), она его не оставила ночевать, и его сбила машина на шоссе по дороге к железнодорожной станции. Машина вроде бы встречная, ударила его в голову (на лбу шрам, на черепе множество царапин), и он завалился в кювет. Потом, очнувшись, сам выполз оттуда, доехал на электричке до Москвы и пошел в больницу. К тому же у него развился (возможно, в связи с сотрясением) «дикий запор», и ему дважды делали в больнице полное промывание желудка. При этом известно (Миша этого не скрывает), что член у него не стоит (самое большое достижение на этом фронте — «удалось сделать онанизм при почти полном отсутствии эрекции»). Я спрашиваю: «А если бы она оставила тебя ночевать, у тебя что-нибудь получилось бы?» — Отвечает уверенно: «Нет» — и при этом очень обижается на этих несчастных женщин (они грубые, нечуткие, донимают его либо похотью, либо отсутствием таковой). Да и как он может что-то куда-то засунуть, если у него полностью нарушена координация движений: он из тех, кто «ложку проносит мимо рта» (когда пьет, у него «течет по усам», когда ставит кружку, жидкость расплескивается). /Помню, как-то, уже давно, когда он у нас засиделся, мы с Милой пошли, как бы «по расписанию», играть в бадминтон, но номер не прошел, и он за нами увязался,

говоря, что когда-то «играл неплохо». Так он, как ни старался, ни разу (это, опять же, не гипербола, а констатация) не смог попасть ракеткой по мячику./

Думаю, он проявил «роковую слабость» еще очень давно, когда вместо того, чтобы как-то самому справиться с депрессиями и со страхом (конечно, мне, здоровому, легко говорить), сдался на милость этих наших трепаных «психиатров», которые, чтобы отвязаться, вдоволь кормили его транквилизаторами, без которых он теперь не в состоянии обходиться. Ему ведь на протяжении десятилетий выписывали их бесплатно — и, естественно, «посадили на иглу». Теперь Миша боится, что его «засадят в психушку» («Я уже раз там сидел, но тогда в легкой форме, а теперь посадят в такую, где мужчины и женщины вместе, и я там, конечно, не выдержу, умру»). На вопрос «Что можно сделать, чтобы не засадили?» отвечает: «Взять себя в руки, встать с утра и побриться». Только ведь он уже и этого не сможет сделать, что ясно, как день. В общем, положение у него, похоже, безнадежное, и я вряд ли смогу помочь, а никого рядом не видно: двоюродная сестра только качает деньги из квартиры, оставленной ему родителями, и вынудила его написать в свою пользу и завещание на ту квартиру, в которой он сейчас живет. Я, конечно, дал ему денег, сколько у меня было, но это ни к чему не ведет: ясно, что он купит на них водку. На мои предложения помочь ему хотя бы немного прибраться в квартире или оборудовать кровать Миша реагирует болезненно, отказывается категорически. В общем, дело швах. Не уверен, что стоило тебе это рассказывать, но кому еще?

Всегда твой,
Матвей

Решили с Л пойти на японский фильм «После дождя» в Дизенгоф-центр, но кино отменили. Тогда она предложила пойти в Музей, там выставка Офера Лелюша, автопортреты. По дороге и в музее брала меня за руку, но рука была

мертва, касалась меня, даже целовала. («Правда, ничего выставка?» — «Да. Хороший художник. Из тех израильских художников, что я видел в последнее время, это самый, пожалуй, интересный». — «Здорово!» — и поцеловала.) Но я не отзывался. Потом зашли в «Джакометти», здесь неплохо готовят, выпили по паре бокалов. Рассказывал всякое, как другу. Как подруге. Даже на жену жаловался.

— Что, скандальёзо?

— Ага. Кобелем обозвала.

— А это что, плохо? — смеется.

Много было разговоров о возрасте. Провоцировал.

— А у меня, — говорит, — нет этого комплекса возраста. Я себя чувствую без возраста.

28.8. И опять сначала позвонила Л. Я сказал, что куча дел предотъездных, ничего не выйдет, «Давай пожелаем друг другу счастливого пути…»

— Да…

— Я желаю твоему папе благополучно пройти операцию.

— Спасибо…

Зависла пауза.

— А я одна сижу… Сестра уехала на заседание, муж ее на работе…

Рассмеялись.

— Муж на работе — это хорошо…

— А правда выставка была хорошая?!

— Да, хорошая…

Пауза.

— Я тебе еще позвоню. Ты где будешь?

— В основном дома. Мне билеты должны принести и мобильный — я заказал для Италии…

Потом я позвонил Р.

— А ты мне сегодня снилась. Что мы с тобой танцуем.

— Вот этого мы еще не делали, — смеется.

— И целуемся. Хорошо очень целуемся.

— А в жизни что, плохо?

Она засмеялась. Люблю, когда она смеется…

— Это тебе такие юношеские сны снятся?

— Ага. Мягкое порно.

— Нет, это нежная эротика.

— Ты уже на работу убегаешь?

— Нет, я сегодня не работаю.

— Аа? И вчера гуляла…

— Вчера меня, кстати, неожиданно вызвали на работу, там… (Следует долгий рассказ о работе, который наполовину не слышу из-за пролетающих самолетов.) До трех проторчала. Так разозлилась! Просто крадут время!

— А чего ты сегодня делаешь?

Я не должен был этого спрашивать, но, как всегда, неловкость, паузы, надо что-то говорить…

— А тебя это волнует (грустно)?

— Конечно, волнует… Хотя сегодня я, к сожалению, должен всякие дела…

— Ну вот и делай свои дела. Ладно. Будешь в Вероне, сфотографируй мне памятник Ромео и Джульетте.

— Хорошо.

Ну, и когда приедешь, позвони, если будет настроение.

29.8. Р не позвонил. И Л не позвонила. Обиделась.

Вчера, переключая каналы, наткнулся случайно на «Бокаччо» Пазолини. Опять он, как и в «Цветке тысячи и одной ночи», рассказывает о «простых людях», философами у него и не пахнет, в его картине жизни, яркой, грубой, беспечной, нет места философствованию, но есть художник похожий на Микельанджело (сам Пазолини), расписывающий собор, и фильм кончается эпизодом завершения работ, пьяным народным праздником. Воистину языческая жизнь.

У Тарковского в «Рублеве» тоже есть эпизод с росписью Храма, только у христианина Тарковского «искусство» рож-

дается в муках (художника, народа и т.д.), оно трагично, жертвенно, а у язычника Пазолини — это неистовство труда и карнавальный экстаз. Но насколько же «простота» и отстраненность Пазолини выглядят мудрее, весомее инфантильных мук и ложной многозначительности Тарковского. Там, где Пазолини наносит штрихи, Тарковский наносит раны, как бичующий себя правоверный шиит. Таковым ли («языческим») было Возрождение, это другой вопрос, вот поедем — посмотрим. И кстати, может быть, именно Возрождению удался этот «ход»: вернуться к язычеству «через христианство», так сказать «обогащенным»?

Л позвонила:

— Что делаешь?

— Собираюсь…

— Маршрут наметил?

— Неокончательно. Муратова читаю, манит в тихие заводи…

— А помнишь, на выставке картину: женское тело со знаками Зодиака, так у женщины, там где «незаживающая рана» — скорпион? И я вспомнила: в Мадриде, в Прадо, есть четыре картины Босха, и на одной ад изображен, так в аду, у женщин на этом месте скорпионы…

30.8. *Матвей, привет!*

Разговор о Вагнере придется отложить, улетаем через несколько часов в Милан…

Про Мишу — не знаю что сказать… Помочь здесь, глобально, нечем. И сочетание болезни с водкой форсирует катастрофу… Все это неизбежно нагоняет мрак на душу… И ощущение вины…

До «встречи» через две недели.

Всегда твой

Наум

Итальянский дневник

30.8. Стреза. Сильный дождь. Огромное озеро.

Люблю женщин блеклых, как жемчужины.

Презерватив «Монна Лиза». Ты его натягиваешь, и она улыбается.

31.8. Варалло, Сакро Монте, пустынный монастырь. Временами дождь. Театр терракотовых скульптур. На обратном пути дорожная путаница, пробки, нервы. Вечером: Алла с Гошей.

1.9. Изола Белла, острова, сады, Баромео, Висконти, Сфорца.

Шутки экскурсовода (водил немецкую группу, средний возраст — 60), Гоша переводил:

— … на правой стене вы видите картину художника (имя рек), а потолок (голый) расписан немецкими мастерами (дружный хохот незлобивых немцев). …очаровательная Венера (обнаженная, лежащая в томной позе), если немного подождать, то она поменяет позу… а вот Венера до диеты… вечером танцуем ламбаду, дам просят прийти в коротких юбках…

Днем и вечером — Гоша с Аллой. Устал от них.

В дворцовом саду на Изола Белла старая литография всего клана Бонапартов: вечеринка в саду, Наполеон с Жозефиной, братья и сестры с семьями, маршалы, все молодые, лихие.

2.9. Арона. Кирико. Яйцевидные головы — как надутые воздушные шары, замок Баромео в Ангере, барахлит взятый на прокат «Фольксваген», раздражающий крюк в аэропорт — поменять машину. Бергамо, воскресные толпы, невозможно въехать в Старый город, Читта Альта, знакомимся с Витторио и Фиреллой. Прогулка. Бергамо на закате с крепостной башни. Витторио — учитель музыки, бывший коммунист, любит Пазолини и Мусоргского (сразу заявил: «я политику Израиля не одобряю»). Фирелла некрасивая, худая, сильная, с длинным ртом. Очень сексапильная. Любит щелкать резинкой от трусов. А моя жена

любит класть пальчики в пасти каменных львов.

3.9. Средневековое Бергамо, Старая площадь, инкрустации Лотта в Санта Мария Маджоре, ажурная капелла Колеоне. Собор гигантский: полустертые фрески школы Джотто, гобелены, гробница Доницетти. Вечером — ужин у Витторио: креветки, белое вино. У него две гитары, пел им русские песни, «Ехали на тройке с бубенцами», полный экстаз. Но Витторио не забывает: «Все-таки я политику Израиля не одобряю. Вот у нас во дворе поселился мусульманин, из Албании, очень симпатичный, вежливый, всегда здоровается». «Это, — говорю, — пока он один такой в вашем дворе».

4.9. Опять встретили Гошу с Аллой, пошли вместе в Академию Каррара. «Голубая мадонна» Мантеньи. Перебрались в Брешиу. Мучения со стоянкой, штраф, ходьба до одурения. Жена взбунтовалась. Только к вечеру добираемся до гостиницы: отель «Мастер» напротив замка. Ночью гроза.

5.9. Брешиа. Выставка европейских импрессионистов. Русские — лучше всех: Репин, Серов, Коровин. «Портрет Шаляпина» Коровина — картина-улыбка.

Импрессионизм — поэтизация обыденности. Радость жизни. Фактически — вызов романтизму с его теургией и демонической мрачностью.

Лаго де Изео. Гора на острове. Подъем с Гошей к монастырю на вершине. Солнечный день. Игрушечные деревеньки. Ходьба. Ночуем у Гоши с Аллой в альпийском кемпинге.

6.9. Спал плохо. За окном почти морозный воздух (1200 м.). Верона. Прогулка на закате. Усталость.

7.9. Собор Дзено. Кастельвеккио. Музей. По всему городу плакаты выставки Мунка: голый по пояс грязно-золотой мужчина с лицом в глубокой тени и красной лентой мазка на шее. Срыв. Сердце забуксовало. Зря потащился с Гошей к монастырю на вершине, забыл… Все, отпуск кончился.

8.9. Спал плохо, с перерывами. Утром вдруг лучше.

Но нет, все равно сердцебиение. Надо менять билет и возвращаться как можно скорее. Даже лекарства не взял. На стене номера, против кровати то ли Мадонна лубочная, то ли Джульетта. В правой руке держит скорпиона у интимного места. Оказывается, ходовой символ. Торчит перед глазами, мешает спать. К вечеру жена вытащила на прогулку. Пошли неспеша к садам Джусти. Меланхолия кипарисов, посеревший, дырявый, покрытый мхом мрамор скульптур, из почерневших фонтанов капает вода, красные рыбы в гранитных чашах, подернутых ряской. Покой. Потом — собор Марии ин Органо. Большие фрагменты фресок, инкрустации по дереву. Потом — Дуомо. В Дуомо кончилась субботняя служба, толпы валят из собора, радостное возбужение: все улыбаются друг другу, обнимаются, вокруг кардинала в красной шапочке воодушевленная толпа, какие-то девушки в разных местах площади рисуют цветными мелками «мадонну ди популо», это в ее честь праздник, много священнослужителей, один, проходя мимо, благословляет нас. Это радостное воодушевление захватывает, не хочется покидать площадь… Три часа ходили и вроде ничего. Жена звонит матери (отец в день нашего отъезда упал с лесницы и сломал три ребра):

— Как папа? Жив?

— Жив и действует мне на нервы.

9.9. Спал беспокойно. Поменять билеты не удалось. Пришлось купить новые. Возвращаемся.

10.9.

Римочка,

Закончила «Хроники». Тяжело читалось (эмоционально) — все очень узнаваемо — понравилось.

В выходные ездили на север, в горы — White Mountains v New Haempshir.

Поставили палатки, посидели у коста. У меня просто была полная отключка от окружающей действительности. Так что до сих пор не могу перестроиться на людей.

А когда вы едете в Италию? Или уже вернулись?

Я уже давно хотела спросить — как поживает Софи? Слышите ли что-то от Бори?

Дан прислал прощальное и поздравительное письмо. Едет в Израиль.

Счастливо.

Таня

Жена разговаривает с матерью по телефону, насчет какого-то эликсира молодости, который тестю кто-то всучил на улице, а она, теща, не дает ему пить:

— …мама, ну это же психологически…

— Психологически он сел мне на голову 54 года назад…

От Л:

Я каждый день проверяла почту, надеялась, что напишешь из Италии, а сегодня получила и испугалась… Что врач говорит?

А ты правильно догадался, что пометки в «Жюстин» мои. Ты мне ее дал после Р. И она была девственно чиста…

«Зеркало» прочитала с удовольствием и ты там очень хорошо смотришься.

Порадовали и записки тоже. Спасибо. Начала поиски Лелюша, но пока безуспешно…

Пока не ясно что все это такое, да я и сам не знаю. Послали опять «по кругу» анализов. Надоела эта бодяга.

Об Италии еще напишу. Но с первого же дня у меня было ощущение, что Италия меня «не ждет». И вообще, мы както «взаимно охладели». Из «открытий» — Лоренцо Лотто. Его инкрустации в соборе в Бергамо — чистый сюр.

11.9. В парикмахерской, сидя в кресле, увидел на экране телевизора, как самолет врезается в нью-йоркский небоскреб. Все вокруг загалдели, не понимая, что происходит, ругали летчика: «Пьяный что ли?» Когда пришел домой,

показывали горящие небоскребы, выяснилось, что еще один самолет врезался. Неужели теракт? Смотрел не отрываясь. Вдруг оба небоскреба поползли вниз, как столбики пепла…

конец

Оглавление

Новая эра 3
Часть вторая 5

Наум Вайман

Новая эра
Часть вторая

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero